

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Ф

илософические
ПИСЬМА

Русско-европейский
диалог
2/2020

P

hilosophical Letters.

Russian and European Dialogue

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИАЛОГА

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

2020
Том (3) №2

ISSN 2658-5413

Эл. почта: philletters@hse.ru

Веб-сайт: phillet.hse.ru

Адрес редакции: ул. Старая Басманная, д. 21/4, к. 217, Москва, 105066.

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Редакция

Главный редактор

Владимир Карлович Кантор

Заместитель главного редактора

Марина Сергеевна Киселева

Ответственный секретарь

Анна Александровна Доронина

Шеф-редактор

Вера Владимировна Калмыкова

Научный редактор

Ольга Анатольевна Жукова

Редакторы

Юлия Валериевна Клепикова, Даниил Антонович Морозов

Серийное оформление

Петр Павлович Ефремов

Компьютерная верстка

Яна Витальевна Быстрова

Корректор

Марина Владиславовна Нагришко

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY "HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS"
INTERNATIONAL LABORATORY FOR THE STUDY
OF RUSSIAN AND EUROPEAN INTELLECTUAL DIALOGUE

PHILOSOPHICAL LETTERS. RUSSIAN AND EUROPEAN DIALOGUE

2020
Vol. (3) №2

ISSN 2658-5413

Mail: philletters@hse.ru

Web-site: phillet.hse.ru

Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Room 217, Moscow, 105066.

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

Editors

Editor-in-Chief

Vladimir Kantor

Deputy Editor-in-Chief

Marina Kiseleva

Executive secretary

Anna Doronina

Chief Editor

Vera Kalmykova

Scientific Editor

Olga Zhukova

Editors

Julija Klepikova, Daniil Morozov

Layout designer

Peter Efremov

Computer layout

Yana Bystrova

Proofreader

Marina Nagrishko

Редакционная коллегия

Владимир Карлович Кантор,

д. филос. н., профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Международной лабораторией (МЛ) исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Марина Сергеевна Киселева,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, главный научный сотрудник МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, профессор кафедры истории и философии науки ИФ РАН, Москва

Анна Александровна Доронина,

стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, аспирантка школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Гарсиа Бенами Баросс,

PhD, доцент, научный сотрудник Гранадского университета, Испания

Константин Абрекович Баршт,

д. филол. н., ИРЛИ «Пушкинский дом», Санкт-Петербург

Ирина Захаровна Белобровцева,

д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой русской литературы Таллинского университета, Эстония

Филипп Буббайер,

PhD, профессор, профессор Кентского университета, Великобритания

Игорь Леонидович Волгин,

д. филол. н., к. ист. н., президент международного общества Ф.М. Достоевского, Москва

Людмила Димерская-Цигельман,

PhD, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль

Януш Добешевский,

PhD, профессор, профессор Варшавского университета, Польша

Ольга Анатольевна Жукова,

д. филос. н., профессор, заместитель заведующего МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Корнелия Ичин,

PhD, профессор филологического факультета Белградского университета, Сербия

Алексей Алексеевич Кара-Мурза,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, Главный научный сотрудник МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, Москва

Наталья Васильевна Корниенко,

член-корреспондент Российской академии наук, заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН, Москва

Хольгер Куссе,

PhD, профессор, директор Института Славистики Дрезденского технического университета, главный редактор журнала «Zeitschrift fuer Slawistik», Германия

Владислав Александрович Лекторский,

д. филос. н., профессор, академик Российской академии наук, Москва

Лев Львович Любимов,

д. э. н., профессор, заместитель научного руководителя НИУ ВШЭ, Москва

Леонид Люкс,

PhD, профессор, научный руководитель МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры», профессор Католического университета г. Айхштэтт, Германия

Алексей Валерьевич Малинов,

д. филос. н., профессор, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург

Николетта Марчиалис,

PhD, профессор, профессор Римского университета Тор Вергата (Roma Due), главный редактор журнала «Studi Slavistici», Италия

Федор Борисович Поляков,

PhD, профессор, профессор Венского университета, Австрия

Ричард Темпест,

PhD, профессор, директор Русского, восточноевропейского и евроазиатского центра Иллинойского университета в Урбане-Шампейн, США

Валерий Александрович Тишков,

д. ист. н., профессор, министр по делам национальностей Российской Федерации (1992), вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук, академик Российской академии наук, Москва

Татьяна Витаутасовна Чумакова,

д. филос. н., профессор Института философии СПбГУ, Санкт-Петербург

Татьяна Геннадьевна Щедрина,

д. филос. н., профессор, профессор МПГУ, Москва

О журнале

«Философические письма. Русско-европейский диалог» — академический рецензируемый журнал, посвященный теоретическим, эмпирическим и историческим исследованиям интеллектуального диалога России и Европы как равноправных партнеров. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры, рецензии, рефераты и архивные материалы.

Цель

Наладить прямой контакт с западными коллегами для того, чтобы не просто предоставить возможность высказаться на страницах русских изданий (для этого много других площадок), а включить их в прямой диалог по проблемам взаимоважным для русской и европейской мысли.

Тематические рубрики

- Философия в литературном контексте.
- Россия как иная Европа: культурфилософский контекст.
- Русский путь к просвещению.
- Современные аспекты диалога России и Европы.
- Социальные трансформации в современном мире и сохранность интеллектуальной культуры.
- Архивные материалы. Из неопубликованного.
- Научная жизнь. Рецензии. Обзоры.

Наша аудитория

- исследователи, занимающиеся изучением истории русской мысли, интеллектуальной историей России, русской литературой;
- преподаватели российских и зарубежных вузов по специальностям, связанным с историей философии;
- студенты, аспиранты и докторанты, изучающие соответствующие дисциплины;
- западные слависты, исследователи русской истории и культуры;
- журналисты и практики, занимающиеся решением социальных проблем России и вопросами коммуникации с Западной культурой;
- люди, не профессионально интересующиеся изучением наследия русской мысли.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: phillet.hse.ru. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: philletters@hse.ru

Editorial Board

Vladimir Kantor,

Doctor of Philosophy, Professor at the National Research University “Higher School of Economics”, head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of National Research University “Higher School of Economics”

Marina Kiseleva,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics, Moscow

Anna Doronina,

postgraduate student in School of Philosophy of Faculty of Humanities of National Research University “Higher School of Economics”, research assistant at the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue

Benamí Barros García,

PhD, associate Professor, postdoctoral researcher at the University of Granada, Spain

Konstantin Barsht,

Doctor of Philology, Institute of Russian Literature, Saint-Petersburg

Irina Belobrovtsseva,

Doctor of Philology, Professor, the head of the Department of Russian Literature of Tallinn University, Estonia

Philip Boobbyer,

PhD, Professor at the University of Kent, Great Britain

Igor Volgin,

Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, President of the International Society of F.M. Dostoevsky, Moscow

Lyudmila Dimerskaya-Zigelman,

PhD, Professor at the Hebrew University of Jerusalem, Israel

Janusz Dobieszewski,

PhD, Professor of Philosophy at the University of Warsaw

Olga Zhukova,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of the National Research University “Higher School of Economics”

Cornelia Ichin,

PhD, Professor at Faculty of Philology of the University of Belgrade, Serbia

Alexey Kara-Murza,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow of the International

laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics, Moscow

Natalya Kornienko,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, the head of the Department of Modern Russian Literature and Literature of the Russian Abroad, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Holger Kuße,

PhD, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies of Dresden Technical University, Editor-in-Chief of the journal “Zeitschrift fuer Slawistik”, Germany

Vladislav Lektorsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Lev Lyubimov,

Doctor of Economical Sciences, Professor, deputy academic supervisor of National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

Leonid Luks, PhD,

Professor, academic supervisor of the International Laboratory for the Study of Russian and European Dialogue of National Research University “Higher School of Economics”, editor-in-Chief of the journal “Forum novei-shey vostochnoevropeskoy istorii i kultury”, Professor at the Catholic University of Eichstätt, Germany

Alexey Malinov,

Doctor of Philosophy, Professor at the Saint-Petersburg University

Nicoletta Marcialis,

PhD, Professor at the University of Rome Tor Vergata (Roma Due), Editor-in-Chief of the journal “Studi Slavistici”, Italy

Fedor Polyakov,

PhD, Professor at the University of Vienna, Austria

Richard Tempest,

PhD, Professor, Director of the Russian, East European and Eurasian Center, University of Illinois in Urbana-Champaign, USA

Valery Tishkov,

Doctor of Historical Sciences, Minister for Nationalities of the Russian Federation (1992), Vice-President of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Tatyana Chumakova,

Doctor of Philosophy, Professor at the Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Tatyana Shchedrina,

Doctor of Philosophy, Professor at the Moscow Pedagogical State University, Moscow

About the Journal

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in intellectual dialogue between Russia and Europe as equal partners. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue* publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and archival materials.

Aims

To establish direct contacts with Western colleagues in order to provide them with an opportunity to speak on the pages of Russian periodicals and include them in a direct dialogue on issues of mutual importance for Russian and European thought as well.

Scope and Topics

- Philosophy in a literary context.
- Russia as a different Europe: cultural and philosophical context.
- Russian way to enlightenment.
- Modern aspects of the dialogue between Russia and Europe.
- Social transformations in the modern world and the preservation of intellectual culture.
- Archival materials.
- Reviews.

Our Audience

- researchers engaged in the study of the history of Russian thought, the intellectual history of Russia, Russian literature;
- teachers of Russian and foreign universities in specialties related to the history of philosophy;
- undergraduate and postgraduate students studying relevant subjects;
- Western Slavic scholars, researchers of Russian history and culture;
- journalists involved in solving social problems of Russia and issues of communication with Western culture;
- people who are not professionally interested in studying the heritage of Russian thought.

Subscription

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an open access electronic journal and available online for free via phillet.hse.ru. To receive messages about new issues, please subscribe to the journal's newsletter at: philletters@hse.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

Святые горы: неслучившаяся катастрофа. Памяти погибших героев	12
<i>В. К. Кантор</i> — Ради жизни на земле	15

К 75-летию Великой Победы

Вторая мировая и Великая Отечественная война: эхо событий (материалы круглого стола).....	42
Но музы не молчали. Военная поэзия в современном прочтении. Эссе.....	69
<i>Е. Л. Бершин</i> — Голос поэта. Моя война. Моя Победа	83
<i>А. М. Мелихов</i> — Чем манят войны?	90
<i>К. А. Позднякова</i> — Поэмы героя: Александр Ревич	102
<i>П. Р. Федоров</i> — Снос памятников. Историко-политическое эссе	114
<i>М. В. Киселева</i> — Мы должны понимать.....	123

Вокруг Великой войны: процесс и последствия

<i>С. Н. Корсаков</i> — Боевые подвиги и боевые награды сотрудников Института философии РАН на фронтах Великой Отечественной войны.....	126
<i>В. В. Калмыкова</i> — Способ увековечивания: видимое и невидимое в визуальном событии (на материале анализа произведений изобразительного искусства XX в.).....	147
<i>А. Г. Вяземцева</i> — Архитектура тоталитарного периода и современная историческая память: «difficult heritage» в эпоху капиталистической глобализации	190

Архивные материалы. Из неопубликованного

Письмо с фронта. Военный летчик Абрек Аркадьевич Баршт — невесте Елене Мариановне Опиц, 31 января 1943 г. Публикация Константина Абрековича Баршта.....	207
<i>Ю. А. Волохова</i> — «Черная книга» в свете одной стенограммы	215
Стенограмма заседания литературной комиссии Еврейского антифашистского комитета	230

Legere

П. М. Полян —

Из книги: Павел Полян. Жизнь и смерть в аушвицком аду:
летописцы из еврейской «зондеркоммандо» и их свитки.

М.: АСТ, 2018. С. 126–136 256

Литература. Философия. Религия

Л. Луцевич —

Пьер Абеляр в трактовке Георгия Федотова 268

Рецензии

«Настало время остановиться»

(о книге: Исследования по истории русской мысли [15].

Ежегодник за 2019 г. М.: Модест Колеров, 2019) 283

Предпочитая джунгли

(о книге Владимира Кантора «Шум времени, или Быль и небыль.

Философическая проза и эссе». М.; СПб.: ЦГУ Принт, 2020) 285

CONTENTS

From the Editor

Holy Mountains: Catastrophy that Did Not Happen. In Memory of Fallen Heroes	12
<i>V. Kantor</i> — For the Sake of Life on Earth	15

The 75th Anniversary of the Great Victory

World War II and Great Patriotic War: Echo of Events (Materials of the Round Table)	42
But Muses Were Not Silent. Modern Interpretation of Military Poetry. Essays	69
<i>E. Bershin</i> — Poet's Voice. My War. My Victory	83
<i>A. Melikhov</i> — With What Do Wars Attract?	90
<i>K. Pozdnyakova</i> — Hero's Poems: Alexandr Revich	102
<i>P. Fedorov</i> — Demolition of Monuments. Historical and Political Essay	114
<i>M. Kiseleva</i> — We Must Understand	123

Great War: Process and Consequences

<i>S. Korsakov</i> — Military Feats and Military Rewards of the members of the Institute of Philosophy of the RAS on the Fronts of the Great Patriotic War	126
<i>V. Kalmykova</i> — Way of Perpetuation: Visible and Invisible in a Visual Event (Based on Analysis of Fine art Works of the 20th Century)	147
<i>A. Vyazemtseva</i> — The Architecture of the Totalitarian Period and Modern Historical Memory: "Difficult Heritage" in the Era of Capitalist Globalization	190

Archival Materials. Unpublished Papers

Letter from Frontline. Military Pilot Abrek A. Barsht to his Bride Elena M. Opits. January 31, 1943. Publication of Konstantin A. Barsht	207
<i>Yu. Volokhova</i> — "The Black Book" in the Light of a Transcript	215
The Transcript of the Meeting of the Jewish Anti-fascist Committee Literary Commission in October 13, 1944	230

Legere

P. Polian —

From the Book: Pavel Polyan. Life and Death in the Hell of Auschwitz:
Chroniclers from the Jewish «Sonderkommando» and their Scrolls.

Moscow: AST, 2018. Pp. 126–136256

Literature. Philosophy. Religion

L. Lutsevich —

Pierre Abelard in the Interpretation of George Fedotov268

Reviews

“Time to Stop”

(about the book: Research on the History of Russian thought [15].

Moscow: Modest Kolerov, 2019)283

Jungle is Preferred

(about Vladimir Kantor’s book “Noise of Time, or Past and Non-past.

Philosophical Prose and Essays”. Moscow; Saint Petersburg: ZGU Print, 2020)285

СВЯТЫЕ ГОРЫ: НЕСЛУЧИВШАЯСЯ КАТАСТРОФА. ПАМЯТИ ГЕРОЕВ

Празднование окончания Великой Отечественной войны в 2020 г. перенесено с 9 мая на 24 июня. Именно в этот день 75 лет тому назад победители прошли Победным маршем по Красной площади с поверженными знаменами Германской армии.

Перенос Победного парада случился *силою вещей*. Это выражение любил Пушкин — один из тех, кто окормляет журнал «Философические письма. Русско-европейский диалог».

И той же *силою* во дни мировой пандемии, уносящей — вопреки представлениям о защитных возможностях цивилизации — всё новые жизни, люди, так привыкшие к комфорту и не вспоминающие о мирном небе, оказались ощутимо близки к смерти.

Быть может, сегодня память о войне-трагедии, о погибших отцах, дедах и прадедах стала отчетливее? Трагедия войны — это унесенные жизни, разрушенные города и деревни, угнанные в работы на военную машину нацизма молодые и сильные люди, искореженная в окопах и взрывах земля, нерожденные дети, массовые расстрелы, концентрационные лагеря, геноцид наций и этнических сообществ... Это насилие... Бесконечное насилие.

Могила Пушкина заминирована

Насилие нацистов касалось не только людей и территорий. Били по самому сокровенному — тому, что объединяет людей, держит смысл их жизни верой, языком, искусством. Потому так варварски беспощадно вел себя завоеватель в пригородах Ленинграда, бомбил город Петра, разрушал монастыри и храмы Древней Руси, грабил сокровища старой России. Культура — язык, религия, история, городская архитектура, памятники истории — соединяет людей, придавая силы в борьбе с пришедшим на их землю врагом. И нацисты это хорошо понимали. Отступая с Псковщины, они решили сравнять с землей все, что находилось на просторах Святогорского монастыря. И прежде всего заминировать могилу Александра Сергеевича Пушкина. И не только могилу — все Пушкиногорье являло собой сплошное минное поле. Эта операция предполагала дальний эффект — уничтожить навсегда культурную память «этих русских».

Поэтому с такой тщательностью закладывали мины — противотанковые, в каждой по пять килограммов тротила и по пять взрывателей, некоторые неизвлекаемые. Планировалось взорвать сам монастырский холм, превратив его в воронку вместе с могилой Пушкина. У ее подножия был заложен фугас огромной силы, к нему вел 20-метровый тоннель, тщательно замаскированный, в который были заложены специальные мины и 10 авиабомб по 120 килограммов каждая. Расчет был не только на взрыв могилы поэта, но и на убийство всех, кто окажется рядом. Здания монастыря взрывались не раз. Дважды под-

Имена погибших героев

кладывали мины под Успенский собор, выстроенный в XVI в. Второй взрыв был у стены, где покоится прах Пушкина. Германская армия успела уничтожить Никольскую церковь, трапезную, кельи монахов.

Все той же *силою вещей* нацисты не сумели осуществить свой варварский замысел: немцам пришлось спешно отступить. Адская операция последовательных взрывов каждой из заложенных мин провалилась.

Летом 1944 г в Пушкинских горах начались саперные работы: было извлечено до трех тысяч мин. 13 июля при перенесении мин от могилы Пушкина на безопасное расстояние девять саперов погибли. Они захоронены в братской могиле у стен Святогорского монастыря. Самому молодому исполнилось восемнадцать лет. Самому старшему — двадцать шесть.

Разрушение Пушкинских гор стало одним из обвинений на Нюрнбергском процессе над нацистскими преступниками.

От редакции

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ***Владимир Карлович Кантор***

Доктор философских наук,
ординарный профессор Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),
заведующий Международной
лабораторией русско-европейского
интеллектуального диалога (НИУ ВШЭ),
главный редактор журнала
«Философические письма.
Русско-европейский диалог»,
член Союза российских писателей,
член Общественного совета
Фонда Достоевского.
105066, Российская Федерация,

Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, каб. 215

E-mail: vlkantor@mail.ru

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-15-41

Как мы знаем, вне насилия, помимо насилия не существует ни одно общество — начиная с первобытных и кончая самыми цивилизованными. Насилие есть константа человеческого бытия на земле. Его история началась с изгнания из Рая, продолжилась братоубийством («восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его», Быт. 4:8), а если говорить о родстве всех людей, то братоубийство длится и поныне. Это вполне ясно зафиксировано в Библии: «Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями» (Быт. 6:11). Со времен Гераклита известно, что «война (Полемос) — отец всех существ и царь всех существ: одних она являет богами, других людьми, одних творит рабами, других свободными» (Фр. 32 / В 53).

Но также тысячелетиями человечество пытается превратить войну (*Полемос*) в обычную (научную, художественную или журналистскую) *полемику*. Временами кажется, что цивилизация покрывает пленкой мирной жизни военные страсти. Я сравнил бы человечество с потухшим вулканом. На склонах его строятся деревни, возделываются поля и сады, и про то, что под ногами огонь, лава, люди забывают до следующего извержения, которым управлять не могут. Так плен-

ка цивилизации (религия, искусство, наука, живопись, вообще культура) вдруг прорывается — и выплескивается стихия зла, и вспоминаются слова апостола Иоанна: «весь мир лежит во зле» (1 Ин 5:19).

К этому добавлю рассуждение Мераба Мамардашвили: «Герои Достоевского как бы кричат из глубин своего молчания — это какая-то кричащая гримаса молчания. И молчание это связано с тем, что для таких духовно и нравственно чутких, чувствительных людей, как Достоевский или, скажем, Ницше, вся судьба цивилизации зависела от того, насколько наши обычаи, законы, мораль, привычки имеют корни (в том числе, что они вырастают из каждого лично), а не просто являются законами силы, поддерживаемой пленкой цивилизации. Оба они чувствовали, что если цивилизация только пленка, то это не путь, это взорвется — что и случилось. Достоевский и Ницше в глубине своей души чувствовали эти колебания почвы и сдвиги, которые вулканически должны были поднять все это на воздух» (Мамардашвили, 1995: 173).

В XX в. этот сдвиг произошел, и мир, в сущности, взлетел на воздух: погибли миллионы. Цифра — вещь нечувствительная. Говоришь «сотни тысяч», говоришь «миллионы», но даже ум не в состоянии этого осознать. Что уж говорить о чувствах! Они убиты, как эти миллионы: статистика всегда убивает душевное восприятие. При этом со временем забываются реалии, забывается последовательность событий, подменяются понятия и смыслы действовавших сил. Сегодня в глазах, так сказать, цивилизованного Запада Вторая мировая война была битвой двух деспотов — Сталина и Гитлера, двух чертей, по выражению Черчилля, коричневого и красного. Тогда Черчилль обратился к Рузвельту с призывом поддержать красного, поскольку коричневый опаснее.

Коричневый повержен, коричневая чума отступила, хотя — недаром так грустно завершается гениальный роман Камю «Чума» — не уничтожена. Тем не менее Россию как правопреемницу СССР по-прежнему называют угрозой западной демократии. И пишется в западных СМИ, что именно Запад победил Гитлера, а роль нашей страны факультативна. Забегая вперед, процитирую непреклонного Илью Эренбурга: «Мы поставили на колени гитлеровскую Германию, потому что мы были народом скромным и никого не хотели унижать, покорять и умять. <...> Когда мы увидели на нашей земле захватчиков, мы были одни. Англичане тогда еще были у себя на острове. Америка тогда еще не вступила в бой. Франция была повержена. А у Германии в те дни было очень много “союзников”» (Эренбург, 2004). Строго говоря, почти вся Европа шла с Гитлером на Советский Союз. Перечислять не буду, но от итальянцев до болгар практически все были вместе с армией нацистов.

Все эти дела требуют осмысления. Разумеется, один выпуск журнала с такой задачей не справится. Поэтому «военный» номер мы строим не на документах, а на реальных историях из жизни и письмах тех лет.

Лиля Герреро (Lila Gerrero).
Автопортрет
(публикуется по фотографии)

Алексей Павлович Коробицин.
Фотография. Конец 1937 г.

Для моей семьи война началась в Испании. 1936 г. — Гражданская война. Республиканское законное правительство и мятежники — франкисты, фалангисты. Советский Союз, Сталин, если угодно, послал в Испанию несколько сот военных специалистов, техников и образованных людей, свободно владевших испанским языком. Так в 1936 г. оказались в Испании моя бабушка Ида Исаковна Бондарева, много лет прожившая в Аргентине, и ее дочь от первого брака Елизавета Иннокентьевна Яковлева, имевшая поэтический псевдоним Лиля Герреро. В 1926 г. она вместе с матерью и отчимом, моим дедом, профессором геологии Моисеем Исааковичем Кантором, приехала в Советский Союз, здесь прожила до 1937 г., потом вышла замуж и уехала обратно в Аргентину.

И, наконец, сын профессора, самый боевой из моих старших родственников, единокровный брат отца, дядя Алеша (Алексей Павлович Коробицин: после ухода деда из семьи он взял фамилию матери и ее отчество), но о нем будет особый рассказ. В его служебной характеристике говорилось: «Товарищ Коробицин попал в Испанию переводчиком, работал с военно-морским атташе и главным военно-морским советником, будущим адмиралом флота Советского Союза Н. Г. Кузнецовым, был награжден орденом Красной Звезды»¹.

Тетя Лиля тоже получила орден Красной Звезды. Бабушка — орден Красного Знамени. Ее подвиг я знаю, она спо-

¹ Здесь и далее ссылки на этот документ приводятся по копии из семейного архива.

койно рассказывала. Она служила переводчицей при штабе республиканских и советских военачальников в Валенсии. Неожиданно франкисты выбили республиканцев из города. И все штабное начальство пустилось наутек, забыв в штабе переводчицу, но, что было страшнее и грозило расстрелом, также побросали документы и штабные карты. Бабушка как аккуратная женщина, да еще с опытом подпольщицы (член партии большевиков с 1903 г.), собрала все секретные бумаги, спрятала в муфту и ушла к своей валенсийской подруге. У нее прожила дня три. Потом республиканцы выбили франкистов. Штабные, как побитые псы, вернулись в резиденцию, не зная, как объяснить более высокому начальству потерю штабной документации. Когда бабушка вернула бумаги, ее представили к ордену Красного Знамени. У нее на письменном столе, как помню, стояла маленькая фигурка интербригадовца (члена одной из интернациональных бригад, вооруженных воинских подразделений, в которых за республиканскую Испанию в 1936–1938 гг. сражались добровольцы из разных стран — анархисты, коммунисты, социалисты и др., словом, придерживавшиеся левых взглядов). Ну и фигурка Дон Кихота каслинского литья.

Испанцы казались Дон Кихотами, хотя были суровыми людьми. Лучше всех написал об этой войне все же Хемингуэй. Его великий роман «По ком звонит колокол» очень долго боялись перевести в СССР.

В сущности, все интербригадовцы были на свой лад Дон Кихотами. Многие погибли, выжившие оставили свидетельства об испанских боях. Это и Дос-Пасос, и Оруэлл, и Хемингуэй. Но и еще немало знаменитых: Вилли Брандт, Эрнст Буш, Поль Робсон, Мате Залка, Симона Вейль, Людвиг Ренн, Хосе Альфаро Сикейрос, Луиджи Лонго и др.

Что касается советских бойцов, которых называют добровольцами, то, как я понимаю, опираясь на опыт своей семьи, добрую волю, конечно, проявляли, но играла роль и партийная дисциплина. Кстати, это симптом времени: то же у троцкистов, нацистов, фашистов.

Памятник советским добровольцам, воевавшим в Мадриде.

Скульптор А. И. Рукавишников, архитектор И. Н. Воскресенский.

Муниципальное кладбище Фуэнкарраль, Мадрид. 1989

Эренбург, как военный корреспондент газеты «Известия» бывший в то время в Испании, так описал свое первое впечатление:

Сердце, это ли твой разгон?
Рыжий, выжженный Арагон.
Нет ни дерева, ни куста,
Только камень и духота.
Все отдать за один глоток!
Пуля — крохотный мотылек.
Надо выползти, добежать.
Как звала тебя в детстве мать?
Красный камень. Дым голубой.
Орудийный короткий бой.
Пулеметы. Потом тишина.
Здесь я встретил тебя, война.
Одурь полдня. Глубокий сон.
Край отчаянья, Арагон.

Русским эмигрантам было ясно: «В Испании сейчас решается судьба России» (Федотов 1988: 68). Это было ясно и советским добровольцам, оказавшимся на фронтах испанской Гражданской войны. Здесь произошло первое столкновение (*на чужой территории*) гитлеровской Германии и сталинской России. На стороне Франко — нацистская Германия и фашистские силы Италии. Задача фалангистов — взять столицу. При участии советских добровольцев и бойцов интербригад наступление франкистов на Мадрид было отбито.

П. Пикассо. Герника. Холст, масло. 349 × 776 см. 1937.
Музей королевы Софии, Мадрид

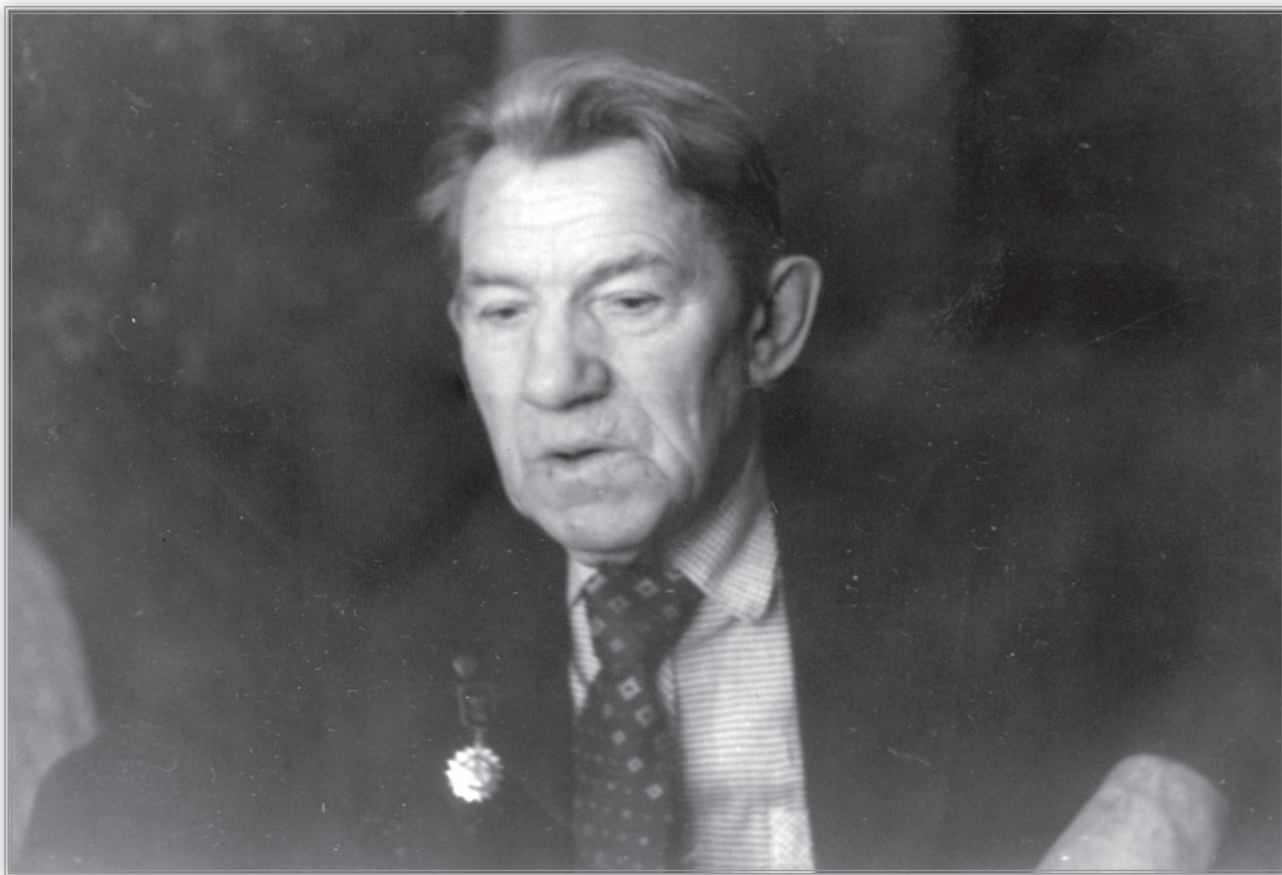
Руины Герники. Из фотоархива СССР

Тогда и родился знаменитый лозунг «No pasaran!» («Они не пройдут!»). Сегодня эту фразу в разных контекстах повторяют молодые люди, не зная, как она родилась.

Как мы знаем, испанскую республику не защитили. Но, кроме советских коммунистов и коммунистов из других европейских стран, там воевало много интеллектуалов-демократов. Военной силой Запад не желал помогать республиканской Испании. Но, повторю, это не касалось благородных добровольцев из Европы. Живший во Франции испанский художник Пабло Пикассо посвятил одну из самых знаменитых картин городу басков Гернике, который сровняла с землей немецкая авиация.

А Альбер Камю после поражения записал одну из самых грустных своих резиньяций: сила может подавить дух, и бывают времена, когда мужество не получает заслуженной награды.

Немногие приехавшие из СССР, однако, понимали, что сражаются не только за Испанию, но и за свою страну. Как писал Оруэлл, приверженцы Франко говорили, «что численность советских частей чуть не полмиллиона. А на самом деле никакой русской армии в Испании не было. Были летчики и другие специалисты-техники, может быть, несколько сот человек, но не было армии. Это могут

Э. Я. Даугул. Фото из семейного архива. 1990-е гг.

подтвердить тысячи сражавшихся в Испании иностранцев, не говоря уже о миллионах местных жителей» (Оруэлл, 1984: 409).

Но люди из СССР, из всех социальных слоев, присутствовали и свидетельствовали.

Поразительно, что спустя годы после смерти воевавших в Испании родственников мы с женой оказались в коммунальной квартире соседями советского техника и слесаря Эрнеста Яковлевича Даугула, работавшего в Испании на аэродроме. Орден, правда, он получил. По возвращении из Испании его отправили в дом отдыха, а там через месяц арестовали, и он 12 лет провел в концлагере. Своего рода благодарность за выполнение интернационального долга. В лагере он нажил себе язву. На его удачу, с ним вместе срок отбывал доктор, профессор медицины, предложивший неожиданное лечение: выпить натошак полстакана спирта, прочистить тем самым желудок и заесть столовой ложкой хорошего меда. Так он и сделал, выйдя на свободу. Вылечился. Но нам уже не советовал. «Вы же не зеки, — говорил. — У вас лекарства есть». Но про Испанию не очень говорил. Хотя орден иногда надевал.

Это были испарения испанской войны, которые долго вились вокруг меня.

Ждали ли войну с Германией? Не могу понять. Версий много. Думали, что война если будет, то «малой кровью, могучим ударом» и на чужой территории. То есть

у тех, кто говорит, что два диктатора делили мир, основания есть. Но 22 июня все изменилось. И коренным образом.

Собственно, строчки из лучшей поэмы тех лет — «Василий Теркин» Александра Твардовского — именно об этом:

Пушки бьют в кромешной мгле.

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Эту строчку я неслучайно сделал заглавием своих заметок. Речь шла не о переделе мира, речь шла о сохранении всего живого. Именно за это сражались советские солдаты. Вот замечательные строчки русского эмигранта: «Я выехал из Франции, когда раздавались первые артиллерийские залпы по Сталинграду и вся Европа опять прислушивалась к шуму битвы на поле Куликовом. Все знали: там теперь решается судьба гуманистического наследства. Сталин, не желая этого, защищал Иерусалим, Афины и Рим. <...> Не только Севастополь или Россию отстаивали тогда советские народы, но все, что было в мире униженного или преследуемого. И молитвы святых, равно как слабых, грешных жертв или героев, были тогда с Россией, за Россию, опять святую, великую, в последнем стремительном броске всегда исправляющую свои ошибки, искупающую вину в братском союзе с просвещенными державами Европы. <...> Так было во времена татар и Карла Шведского, шедших покорять весь мир. То же случилось с Наполеоном и дважды на нашей памяти против немцев. Всякий раз Россия, необъяснимым чудом подстрекаемая ангелом или архангелом, в последнюю минуту выпрямлялась и занимала свое ответственное место рядом с традиционно христианскими, гуманитарными народами» (Яновский, 2012: 116).

Годы спустя, в 1961-м, великий поэт Наум Коржавин (после ссылки несколько месяцев живший у нас в квартире) написал в поэме «Конец века»:

Мы живем на земле —
нераздельной,
усталой,
израненной.
Друг от друга страдая,
нуждаясь хоть в капле тепла.
Я пишу не затем, чтоб свести
свои счета с Германией,

И найти в ней причину
 всемирного
 вечного зла.
Всепрощение?
 Нет.
 Это слишком ещё не история.
Это свежая рана,
 что в душах поныне жива,
В лагерях еще целы
 развалины крематориев,
В Бабьем Яре
 густая и жирная
 всходит трава.

Это не забывается и сегодня.

Но вначале войны было непонимание. Приведу строки из интервью писателя Даниила Гранина, прошедшего всю войну:

«Когда к нам в плен попал первый немецкий летчик (его самолет был подбит, он приземлился на парашюте прямо в расположение наших войск), то с нами разговаривал свысока, как с низшей расой, с превосходством арийца и военного человека. Он предвещал: “Вы обречены”. А мы этому немцу старались напомнить: Тельман, Карл Либкнехт, “пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. Ведь это было повсюду, во всех газетах. И потребовалось несколько месяцев, чтобы мы набрались ненависти, злости. Во всяком случае — избавились от дружеских чувств и отношений».

На вопрос журналиста, откуда советские солдаты набирались ненависти, последовал прямой и страшный ответ писателя:

«От немецких солдат. Они, наступая, оставляли за собой выжженные деревни, разбитые города, виселицы. Но самое главное — за что? Почему? Какой лозунг войны у них был? Какая причина? Мы ничего не понимали. Слово ты идешь по улице и вдруг тебе дают по морде и кричат: “Мы тебя уничтожим”.

Ведь эта война была не для того, чтобы захватить какие-то земли. Нет. Они шли на Москву, чтобы уничтожить Россию. Уничтожить Ленинград. Гитлер прямо сказал: “Сровнять его с землей”» (Гранин).

Но начиналось все просто.

Рассказ мамы, Татьяны Сергеевны Колобашкиной, в замужестве Кантор, как они с отцом, юные влюбленные, гуляя в парке, услышали, что фашистская Гер-

мания напала на СССР. На следующий день, как честный советский гражданин и комсомолец, отец отправился в военкомат. Образованного молодого человека определили в авиацию, причем дальнего действия (АДД). Их часть базировалась в Челябинске. Но еще на вокзале в Москве они пережили первый и единственный такой мощный удар немецкой авиации. Бомбы рвались совсем рядом. Потом Москву закрыли наглухо. А тогда совсем молодые мальчишки-курсанты решили, что это боевая проверка, которую устроил москвичам товарищ Сталин. Прыгали по насыпи и орал: «Да здравствует товарищ Сталин!» Отец тоже орал. И только сопровождавший их сержант все понимал и кричал мальчишкам: «Ложись! В укрытие!» Они не понимали, но, слава Богу, тогда с ними все обошлось. Все уцелели.

Потом был Челябинск, авиашкола, в первые же дни родились стихи:

Цель моя неизменна — Берлин.
Он прогнал нас из парковой рощи.
И, как смерть,
пролетает над ним
мстящий,
яростный бомбардировщик.

А когда через пару месяцев он написал родителям, что скоро начнутся боевые вылеты, бабушка послала ему однотомику Маяковского, который отец хранил всю войну и привез домой. На титуле бабушка написала: «Дорогой Карл! Это том избранных произведений твоего учителя в поэзии. Но самый великий учитель — это страна Советов, созданная самоотверженной борьбой трудящегося народа, под гениальным руководством Ленина и Сталина. Пусть этот светильник человечества вдохновляет тебя на великие, героические дела. Твоя мать. Двадцать второго августа сорок первого года».

К рассказу об отце я еще вернусь. Пока же — о его старших братьях. Все трое, Саша, Лева и Алеша, уже испытанные Испанией, с первых дней воевали. Дядя Алеша, штатный сотрудник Главного разведывательного управления (ГРУ), продолжал испанскую линию. В его служебной характеристике написано: «В 1939 г. был отправлен на ответственную работу за рубеж. Будучи в спецкомандировке, т. Коробицин решал сложные разведывательные задачи». В справке сказано, что, вернувшись из Испании, он отбыл в Латинскую Америку и стал резидентом в Мексике. Но при этом ГРУ использовало его и в Германии.

Он мало о себе говорил, и только то, что самому казалось забавным. Один из его рассказов у нас за кухонным столом я сейчас передам. Из Гамбурга в 1939, кажется, году отходил последний пароход, нацисты закрывали для обывателей границу. Дядя Алеша тоже был на том пароходе. И тут вошли эсэсовцы, началась

тщательная проверка паспортов. А по словам дяди Алеши, паспорт ему сделали немецкие подпольщики и была это откровенная липа. Прикинувшись провожающим, он сошел на берег, схватил такси и понесся в мексиканское консульство. Там сидел пьяный, как всегда, консул и дремал. Отборным испанским матом дядька его разбудил. С трудом открыв глаза, тот шлепнул на паспорт вошедшего визу. А мексиканская виза, как рассказывал дядя Алеша, была огромного размера и закрыла все огрехи немецких борцов Сопротивления. И он как ни в чем не бывало вернулся на пароход.

Так он попал в СССР. Естественно, шли проверки, но потом он снова отправился в Мексику. Каким путем — не знаю.

Другие истории после. ГРУ продолжало работать, и до 1941 г. дядя Алеша был резидентом в Мексике. В 1941-м, чего-то испугавшись, высокое начальство вытребовало его в Москву. Как потом оказалось, напрасно. В 1942-м его сбросили в тыл, в Гомельскую область...

Многозначительная фраза из характеристики: «В период Великой Отечественной войны Коробицин А. П. работает в тылу немецко-фашистских войск на территории Белоруссии. Там он руководит действиями разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов».

Однако двигаемся по хронологии...

Про дядю Сашу я не очень хорошо знаю: он воевал, потом был диктором вещания на Испанию, в домашнем архиве осталось удостоверение его медали «За победу над Германией». Покажу его фото, где он снят рядом с младшим братом Алешей.

Несколько слов о втором сыне деда — дяде Леве. Он был капитаном морской пехоты и в январе 1942 г. под Ленинградом погиб, закрыв своим телом немецкий дзот, откуда бил по наступающим морякам пулемет. В бумагах отца сохранился потрясающий документ, письмо начштаба дяди Левы. Письмо адресовано его жене (вдове) Валентине. Привожу его целиком.

«Уважаемая гражданка Коробицина!

Выражаю Вам глубокое и искреннее сожаление по поводу смерти Вашего мужа Льва Максимовича Коробицина, погибшего в ночь с 9-го на 10-е января 1942 г. от вражеской пули гнусных фашистских бандитов при выполнении им одной из ответственных операций на Ленинградском фронте.

Товарищ Коробицин скончался на руках его верных товарищей-моряков при выносе его с поля боя, вследствие тяжелого ранения в правый бок разрывной пулей.

Тело тов. Коробицина вынесено с поля боя и доставлено по моему приказанию в часть.

Тов. Коробицин похоронен, с оказанием воинских почестей, на кладбище в Усть-Ижоре на берегу реки Невы.

Тяжелая утрата одного из лучших товарищей моряков — смелого, решительного, волевого командира, который пошел самоотверженно в бой является лучшим и достойным примером для всех бойцов Красной Армии.

На могиле тов. Коробицина мы дали клятву отомстить за его смерть извергам — фашистским бандитам.

Ваше горе глубоко и тяжело, но Вы не одни и горе народное выразит ненависть и волю к победе над заклятым врагом.

Сейчас Красная Армия разит и безжалостно гонит фашистских оккупантов и недалек час победы.

Наше правительство не оставит Вас в одиночестве. Лучшие страницы героев-бойцов никто не забудет. Я наде-

Александр Моисеевич и Алексей Павлович Коробицины. 31.05.1942.
Фотография из семейного архива

Медаль «За победу над Германией»

юсь, что Вы мужественно перенесете утрату и воспитаєте свою дочь, дочь орденосного командира для лучших дней нашей жизни. Желаю Вам силы, бодрости и большого мужества. Начальник 2-го отдела штаба 72 СД. Капитан 3-го ранга Бондарь 14.01.42 г.».

Это было потрясением для его матери, отца и всех братьев. Друзья тоже обещали мстить за Леву. Думаю, желание отомстить тоже поднимало бойцов.

Своему отцу, моему деду, дядя Алеша написал перед, как теперь понимаю, выброской в белорусские леса. Это реакция на письмо Зумруд, жены дяди Саши.

«Москва 21 мая 1942 г.

Дорогой папа!

Я с удивлением узнал из письма Зумруд о том, что ты не получил моего письма, которое я послал тебе после моего приезда, и, конечно, вполне разделяю твою обиду на меня в связи с моим молчанием (вернее — отсутствием писем). Папочка! Это верно, что я невозможный человек в отношении моей корреспонденции, но значит ли это, что я забываю или недостаточно люблю своих родных и знакомых? Я думаю, что нет. Одним словом — моя корреспонденция обратно пропорциональна моим чувствам...

Давно, очень давно мы с тобой не видались — более трех лет. За это время пережито нами столько, сколько не расскажешь в течение столетия. Но приятно сознавать, что мы не только переживаем — мы делаем историю. Каждый из нас вписывает заметную страницу в Великую Историю Отечественной Войны.

Я переписывался с Карлом, моим замечательным младшим братом, и могу тебе только сказать, что горжусь им. Я как никогда горжусь моим братом-героем, моим дорогим, любимым Левочкой, который погиб геройски. Я горжусь его женой Валянькой, занявшей его место на пароходе. Я горжусь Сашей, его храбростью, проявленной в боях, тобой я горжусь, потому что ты даешь стране больше, чем может дать твой организм. Я горжусь каждым красноармейцем, каждым советским гражданином — всей страной. Ну разве можно заставить пригнуть голову такой гордый народ??

Очевидно, идиоты из Берлина не учли, что мы — гордый народ. Да и что ожидать от работы эрзац-мозгов.

Папочка! Я послезавтра уезжаю в командировку, где пробуду, вероятно, остаток 1942 г. Писать я к вам не смогу, да и получать письма тоже. Новости обо мне сможет передавать изредка Саша. Целую тебя крепко — до счастливой встречи. Большой пламенный привет Иде и Зумруд с ребятами.

Алеша»

Затем была Белоруссия, его новая командировка. Группа советских диверсантов, которую возглавлял дядя Алеша (псевдоним его как разведчика — Лео), вылетела на задание в партизанский отряд. Цитирую справку: «В ее состав, кроме Коробицина (“Лео”) и Федора Кравченко (“Панчо”), товарища Лео по мексиканской работе, входил радист Г. Антоненко (“Поль”) и два австрийских антифашиста — И. Штейнер (“Тарас”) и М. Ляйтнер (“Максим”). Это их едва не погубило».

Далее пересказываю застольную историю. Их десантировали, но летчик промахнулся, и отряд приземлился в расположение партизанского отряда, однако другого, где их не ждали. Поскольку все диверсанты были в немецкой форме, то их приняли за карателей. Дядя Алеша по-русски, с матерными словами, пытался втолковать партизанам, кто они. Австрийцы же могли только повторять: «Es lebe genosse Stalin!» Это насторожило вооруженных мужиков. Их отвели к командиру отряда. Дядя Алеша повторил, что они посланы Москвой, но командир, сидевший в землянке со стаканом самогона и куском хлеба с салом, сказал, что им не верит, что они фашисты и пусть лучше расскажут, что делают на его территории. Ничто его не убедило, он приказал их расстрелять. Привязали к деревьям и стреляли поперек голов. Снова привели к командиру. Тот

Федор Кравченко (слева) и Алексей Коробицин: Панчо и Лео. Фотография. 1942 (?)
(Фотографии взяты из журнала: ФСБ: ЗА И ПРОТИВ. №4 (56) 2018, с. 66. Прим. ред.)

предложил вариант. Раз-де у группы есть рация, пусть Москва подтвердит их полномочия. И вдруг ухмыльнулся: мол, немцы тоже могут подтвердить, это плохая проверка. Пусть лучше Совинформбюро передаст сообщение, что такой-то партизанский отряд уничтожил столько-то вражеских эшелонов, много техники и живой силы. Назвал фантастические цифры. Это, дескать, и послужит доказательством, что вы люди Москвы. Когда дядя Алеша сказал, что у них другое задание и от них ждут других сведений, их снова повели расстреливать. После третьего раза стало понятно, что четвертого им не пережить, и радист группы отстукал текст сообщения. Командир ухмыльнулся и заявил, что ждет неделю. Как потом выяснилось, в Центре удивились радиограмме и в Совинформбюро передавать ее не стали. Но там находился в этот момент дядин друг. Он сообразил: Алеша просто так подобное сообщение не послал бы. И три ночи провел на ступенях Совинформбюро, и добился, чтобы сообщение прозвучало в эфире, и спас таким образом пятерых. Их тут же развязали, налили самогону, дали хлеба с салом.

Начались постоянные бои. Скоро дело повернулось так, что дядя Алеша стал командиром отряда.

Дальше опять цитирую справку (кстати, документ для внутреннего пользования, нигде не публиковался): «Восемь месяцев и одну неделю отряд успешно действовал в тылу врага. Так, например, 15 ноября 1942 г. “Лео” передал в Центр: “Группа под командованием моим и Панчо совместно с отрядом Федорова занимается диверсионной работой. Пущены под откос 11 воинских эшелонов, уничтожено 5 грузовых, 11 легковых машин. Убито 1 485 солдат и офицеров, ранено 327 офицеров, в том числе генерал и подполковник”. Непрерывные бои с врагом поставили группу в тяжелое положение. 10 февраля 1943-го “Лео” радировал: “Ежедневные бои не позволяют дать координаты. Макс ранен. Тарас ранен. Есть обмороженные”. Последней каплей стало “тяжелое отравление во время голодания” (из рапорта майора медслужбы). 5 марта 1943 г. группу вывезли на самолете в Москву».

Дальше история не менее фантастическая и героическая.

Надо знать, что на Нюрнбергском процессе один из осужденных гитлеровцев, увидев среди обвинителей французов, ухмыльнулся и задал вопрос: «А вы-то как сюда попали?» — с истинно арийским презрением к тому, как те воевали. Известно, что на включении Франции в число держав-победительниц настоял Сталин. У него имелись свои геополитические расчеты.

Итак, после капитуляции Третьего рейха Франция перехватила часть немецких кораблей и решила присвоить их как трофеи, но понимая, что ни СССР, ни Англия не согласятся, попыталась представить их как французские: корабли начали перекрашивать и соответственно переименовывать. Дядя

Алеша в роли капитана из Марсея (стало быть, и французский был у него хорош) объехал все подозрительные порты и передал в Ставку реальные имена кораблей.

Были еще события, вполне серьезные, но о них он мало рассказывал. Разве что одну историю приведу. На первом курсе университета (1963 г.) моего приятеля вызвали в Первый отдел и предложили сообщать о настроениях студентов. Он по наивности передал этот разговор мне и сказал, что, наверное, пойдет: «Надо же, чтобы там были честные люди». Домой я вернулся в растерянности. Дома оказался дядя Алеша, они с папой пили чай. «Ты чего такой встрепанный?» — спросил он. И тут я с ходу рассказал, что случилось с приятелем. Дядя посмотрел на меня, вздохнул и сказал: «Ты больше этому твоему приятелю о своих настроениях и сомнениях не рассказывай». «Почему?» «Интуиция. С органами надо быть начеку». Я посмотрел на него вопросительно: «Но ты разве не там служил?» Он покачал головой: «Запомни. ГРУ и НКВД — разные структуры. НКВД столько расстреляло моих товарищей, рассказывать не могу и не хочу. После войны меня вызвали и предложили работать на них. Я попросил разрешения обдумать предложение. Хорошо, сказал чин, даю неделю. Так полагалось. Через неделю прихожу. “Ну?” — спрашивает. Отвечаю: “Согласен. Спросил разрешения у своего начальства. Мне разрешили”. Тот аж завопил: “Как! Вы же давали подписку о неразглашении!” Я спокойно так отвечаю: “Никакой подписки я не давал”. Он прямо прохрипел: “Но мы-то думали, что раз вы работаете в таком месте, вы все понимаете”. Дядя Алеша, по его словам, на это ответил: “Но именно потому, что я работаю в таком месте, я не мог не предупредить свое начальство”». Короче, больше его не приглашали, но и на работе посыпались неприятности. Еще дважды его посылали в заграничные «командировки». Когда он вернулся последний раз, почти все коллеги были расстреляны. И в сорок лет его уволили в запас.

Все из той же закрытой служебной справки:

«Коробицин А. П. является одним из лучших советских разведчиков. Разносторонне образованный, смелый, инициативный, беззаветно преданный родине и делу нашей партии. Капитан Коробицин не щадя своей жизни боролся против врага и везде, куда бы ни направляло его командование, образцово выполнял поставленные задачи. За боевую работу в тылу противника Алексея Павловича награждают орденом “Красная Звезда” и медалью “Партизану Отечественной войны I степени”, а за активное участие в боях против фашистов в Испании — орденом “Красное Знамя”.

Алексей Павлович Коробицин после войны работал на кафедре испанского языка Военного института иностранных языков, а после выхода в отставку стал писателем. Его перу принадлежат книги: “Жизнь в рассрочку”, “Хуан Маркадо — мститель из Техаса”, “Тайна музея восковых фигур”. Умер он в 1966 г.».

Умирал от рака. Очень мучился. Просил мою бабушку, вторую жену его отца, моего деда, он дружил с ней: «Ида, ты же сильная, дай мне яд. Большевики должны помогать друг другу». Но она не дала: «Существует партийная этика. Самоубийство — это слабость. Нельзя».

Это обложка самой знаменитой его книги.

Был еще человек, о котором не могу не сказать. Друг отца со школы, в сущности, брат, с которым он делился всем, — дядя Гриша, считавший себя практически приемным сыном родителей моего отца. Я говорю сейчас о режиссере Григории Наумовиче Чухрае (1921–2001), снявшем одну из лучших кинокартин о войне — «Балладу о солдате» (1959). Во время Великой Отечественной войны он был десантником, участвовал в боях на Южном, Сталинградском, Донском, 1-м и 3-м Украинских фронтах. В ходе боев за Дон стал младшим лейтенантом. Четырежды ранен. Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, чехословацким орденом «Партизанская звезда», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией», четырьмя медалями ЧССР и др.

Бывший десантник, прошедший всю войну, он мог говорить только правду. Фильмы его поначалу ошеломили чиновников. Согласно домашнему рассказу дяди Гриши, один киношный чиновник кричал по поводу «Баллады»: «Я бы из пулемета расстреливал тех, кто на экране убивает советских людей». А сам Чухрай вспоминал начало своей судьбы в кино: «За первый мой самостоятельный фильм “Сорок первый” меня отдавали под суд. За “Балладу о солдате” исключали из партии, за “Чистое небо” пытались посадить за решетку, за “Трясину” чуть не разогнали руководство студии, а меня хотели лишить права на профессию. Я никому не жаловался, никого не просил о помощи. Я боролся. И так получалось, что многие люди приходили мне на помощь. Мои фильмы получили десятки престижных призов на международных фестивалях, а за “Балладу о солдате” я получил Ленинскую премию. Но сегодня радует меня не это. Меня радует, что, снятые 30–40 лет назад, они до сих пор не сходят с экранов» (Чухрай, 2016: 16). И это чистая правда. Он таким и был, как о себе пишет: «Я никому не льстил, никому не лез в душу — все получалось само собой. Моими личными друзьями были мои фронтовые братья: Павел Кирмас, Георгий Кондрашов, Сурен Мирзоян, поэты Наум Коржавин, Назым Хикмет, Александр Твардовский. До сих пор, вот уже 60 лет, я дружу с Карлом Кантором» (Там же: 15).

Как и многие воевавшие тяжело, он никогда в подробностях не рассказывал свои боевые истории или я не запомнил. Но один его рассказ остался в памяти. Может, я не буду точен, но за столом говорили о «наших» и «ненаших». История дяди Гриши тогда меня почти убила, потом понял: так часто бывало. Десантни-

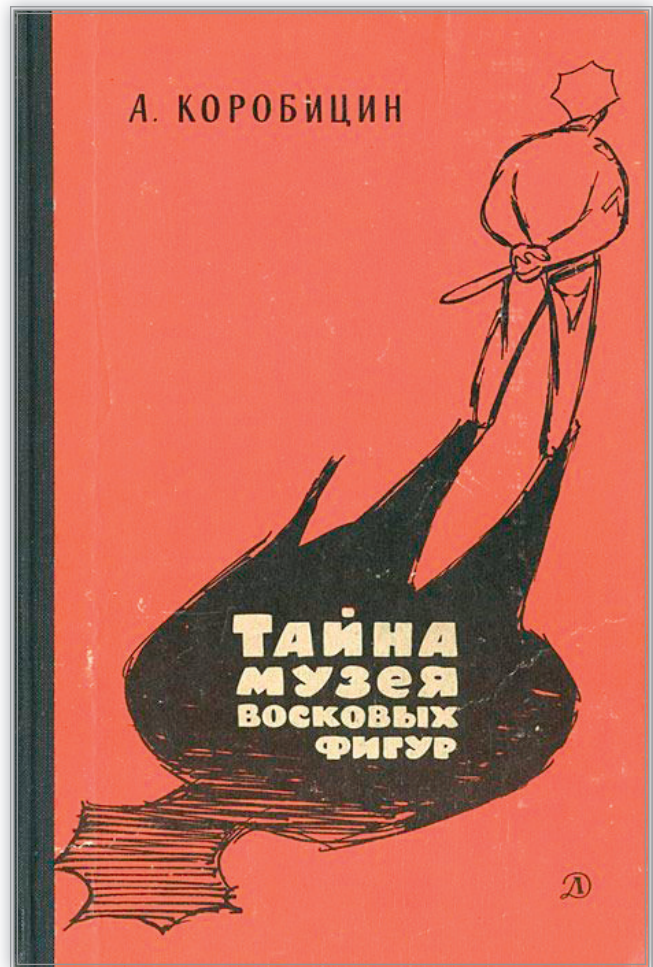
ки выбросились не там, где нужно, и пробирались к своим. Было голодно. Они прятались в кустах недалеко от русской деревеньки. И молодой лейтенант Чухрай послал одного из рядовых в ближайшую избу попросить хлеба. Посланного все не было. Наконец они увидели, что крестьянка выскочила из дома — подумали, за хлебом, но через пять минут привела в дом немцев. Враги выволокли солдата во двор, били, спрашивали о чем-то, тот не отвечал, его застрелили. В бой отряд вступить не решился: немцев было много больше.

История страшная. Немцы подошли к Москве. Наши были везде разбиты, отступали. Как говорил тогда дядя Гриша, думалось, страна на грани гибели. Похоже, что происходило падение на самое дно, ниже некуда.

И как хватило сил распрямиться, казалось ведь, что невозможно! Но распрямились!

Свободомыслие будущего великого режиссера рождалось в тесном общении с моей семьей, с его лучшим другом и его родными. Вот воспоминания Чухрая о юности и войне:

«Самым близким мне другом был Карлуша Бондарев. В период юдофобства и борьбы с “космополитами” кристально честный Карлуша принципиально сменил русскую фамилию матери на еврейскую фамилию отца: Кантор. Его мать Ида Исааковна Бондарева, член коммунистической партии с 1903 г., во время столыпинской реакции эмигрировала в Аргентину, была одним из организаторов аргентинской компартии. Я часто бывал в этой семье. Мне в ней нравилось все: и скромная легкая мебель, и полки книг во всех комнатах от пола до потолка, и то, что они знали много европейских языков, и стиль отношений в семье. Они были удивительно красивыми людьми и физически и нравственно. К простым людям они относились без деланного демократизма, но с искренним уважением, презирали чванство и притворство, ненавидели национализм, много трудились. Отец Карла был профессором геологии в Тимирязевской академии. Он тоже был коммунистом. Карл

привил мне любовь к поэзии Владимира Маяковского. Его родная сестра Лиля Герреро была в Аргентине писательницей и перевела Маяковского и других советских поэтов на испанский. Она пару раз приезжала в Москву, я познакомился с ней. Она была необычно красива. Я, мальчишка, любовался ею и с уважением смотрел на орден Красной Звезды, который она получила за Испанию (воевала в интернациональной бригаде). Карл тоже родился в Аргентине. Родители возвратились в СССР только в 1924 г.» (Там же: 11).

Здесь есть мелкие неточности, отец взял фамилию отца, чтобы продолжить родовую, поскольку его братья взяли фамилию матери, первой жены деда. И в Советскую Россию они вернулись в 1926 г.

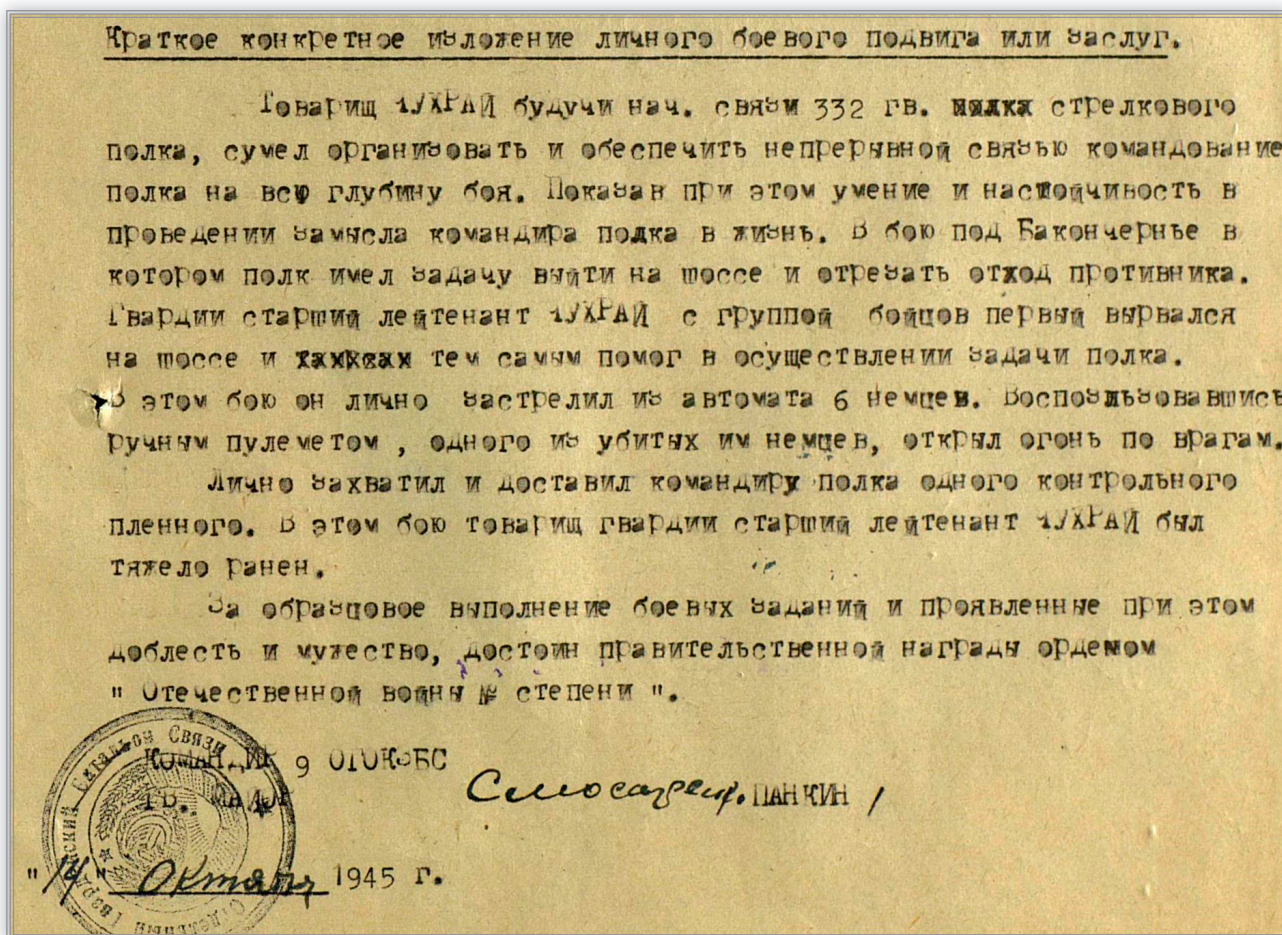
Дядя Гриша вспомнил и их общего школьного друга, Андрея Кисловского. Кисловские жили в доме напротив — по сторонам Красностуденческого проезда стояли два профессорских дома. Андрей и его младший брат Лева были внуками великого историка Дмитрия Моисеевича Петрушевского, как-то пригласившего дядю Гришу и отца к себе в гости, чтобы познакомиться с друзьями внука. «Не знаю, какое впечатление произвели на него мы, — пишет Чухрай, — но он на нас произвел большое. Мы первый раз в жизни видели живого академика. Он говорил с нами как с равными. Делился своими мыслями, совершенно не опасаясь никого. Например, говоря о “Кратком курсе истории партии”, он беззлобно заметил, что эта книга ничего общего с историей не имеет. Слушая его, мы верили в то, о чем он говорил» (Там же: 14).

Г. Н. Чухрай.
1943. Из семейного архива

рией не имеет. Слушая его, мы верили в то, о чем он говорил» (Там же: 14).

С Чухраем отец дружил всю жизнь. Они верили друг в друга, Чухрай подолгу жил у нас. Уже я помню, как родилась одна из сцен «Сорок первого»: героиня Марютка, «черная кость», бранится с поручиком-белогвардейцем Говорухой-Отроком, который не умеет чистить рыбу. Это буквально записанные слова мамы, ругавшей отца, что он не помогает ей на кухне. Но такова поразительная особенность искусства: бытовая сцена, попав в другой, художественный контекст, словно утрачивает особенности происхождения, становясь частью другого образа, но обязательно подпитанного живой жизнью.

Представление Г. Н. Чухрая к награде. Из семейного архива

И еще в бумагах отца текст представления к награде: вот за что Чухрай получил орден Отечественной войны.

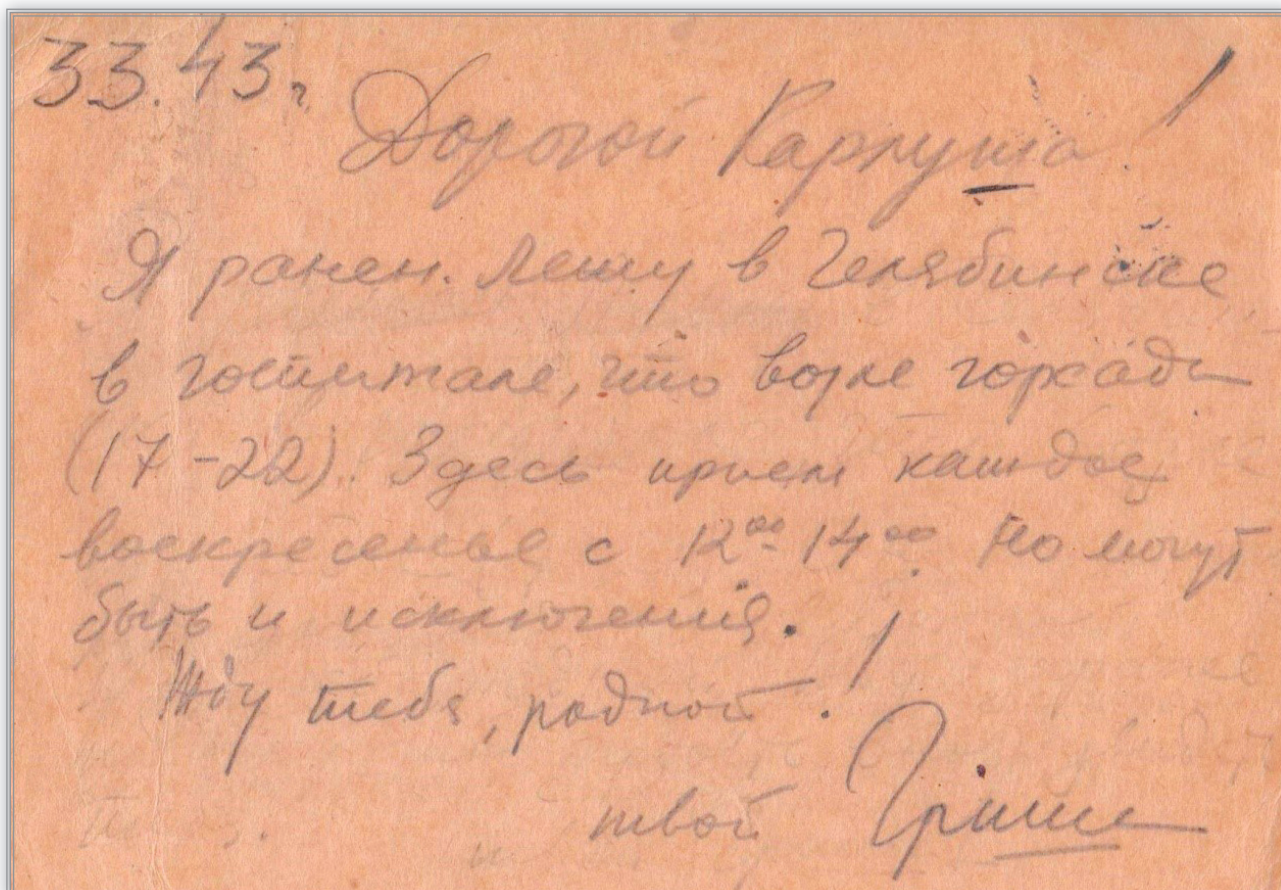
Мама писала отцу в Челябинск: «Получено письмо от Гриши, которое пересылаю тебе, и прошлогоднее письмо Лили. Гриша устал от войны, но все так же успешен в своих подвигах. Об Иринке не пишет ни слова. Он сейчас в Венгрии». Иринка — жена дяди Гриши, с ней он прожил всю жизнь.

Смешно сказать, но в 1943 г. Чухрай попал вдруг в Челябинск. Там закадычные друзья неожиданно встретились: война как разводила людей, так и сводила. У меня сохранилась открытка от Чухрая, где он просил отца зайти к нему в госпиталь. В этот момент мама находилась там же, поскольку жениху за успешное выполнение некоего боевого задания разрешили вызвать к себе невесту. И к Чухраю они пошли вместе. Встреча, полагаю, была более чем дружеская.

Но отец еще оставался в Челябинске, а дядя Гриша вернулся в действующую армию. По дороге он заехал к родителям отца, от них уже в армию. Вот еще одно письмо, адресованное родителям отца, которых он называл мамой и папой, а также моей маме:

Григорий Наумович и Ирина Павловна Чухраи. 1945 (?)

«3.12 — 44.

Слуцк

Дорогие мама, папа и Танюша!

Все обернулось так, как я не ожидал. Мне не придется побывать у вас до боя. Бой близок, и я отправляю к вам все ненужное мне на это время.

Жалко, что не смогу встретиться с вами Новый год. Но где бы я ни был, сердце мое всегда будет на родной Земле с Вами.

Карлушеньке я послал два письма, но если он не успеет получить их в Челябинске, обнимите и поцелуйте за меня моего бесценного друга. Я в восторге от его успехов и желаю ему в тысячу раз больших. Я уверен, что будет так, как мы все ему желаем.

Поцелуйте Иночку и скажите ей, что я ушел рассчитываться с фрицами за Леву.

Целую вас. Желаю от всего сердца вам счастья, здоровья и успехов.

Ваш Гриша»

Отец всю жизнь был очень привязан к другу. Когда Карл Кантор скончался, моя жена Марина сфотографировала его кабинет. На полке с томами философов стояли фотографии молодого Григория Чухрая, еще офицера.

Незадолго до смерти отец написал нечто вроде «Vita Nuova» под названием «Таниада». В ней чередовались стихи и проза. Проза — это рассказ о начальной эпохе любви с мамой. А в стихах — вера в будущее.

Война эта — судьбораздел.
Нас вихрем она разбросала.
Мы нынче всё и везде.
Я льюсь
по отрогам Урала.
И если моя — Миасс,
твоя судьба — Лихоборка,
не сольемся,
бурля и смеясь,
не родим
озерца-ребенка.

Что б ни были мы и где б,
Но только бы землю России
реки наших судеб,
иссохшую, оросили.

А вот сюжет о том, что с 1943 г. отец делал в Челябинске.

Книжная полка Карла Кантора

«В ноябре 1943 г. со званием младшего лейтенанта я закончил Училище. Ждали распределения по действующим частям. Накануне в Училище прилетел Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов. Он поздравил нас с окончанием ЧВАКУШ АДД, а затем по поручению Верховного Главнокомандующего сказал примерно следующее: после разгрома немцев под Сталинградом фашистская армия полностью выдохлась, а Красная на подъеме. Наша первая задача — окончательно добить врага на своей территории, вторая задача — освободить немецкий народ от фашизма и для закрепления успеха и предотвращения превращения наших временных союзников в наших новых врагов занять всю территорию Западной Европы, включая Францию, Англию, Италию, Испанию, Данию, Норвегию, с тем чтобы нам принадлежала вся береговая линия Атлантического океана по всему побережью Западной Европы. А так как США не смирятся с потерей Европы, нам необходимо быть готовым к войне с США. Для этого нам особенно следует позаботиться об авиации дальнего действия. Отсюда вытекает третья задача — нанести военное поражение США. Из этого следует, что ни один выпускник Челябинского Училища в нынешней войне принимать участия не будет. Готовьтесь к войне с Америкой.

Но у нас и теперь достаточно самолетов, летчиков и штурманов, а вот стрелков-радистов не хватает. По этой причине мы удваиваем летный состав Училища за счет

набора уральской молодежи для подготовки из них классных стрелков-радистов для работы как на земле, так и в воздухе. Вы все должны понять, что подготовка стрелков-радистов АДД сегодня равносильна участию в боях на фронте. Перед Советским Союзом возникла уникальная возможность уничтожить капитализм во всем мире и построить Мировую республику Социалистических Советов, о чем мечтал Ленин».

Так что последние годы войны отец преподавал. Вот письмо его воспитанников:

«Здравствуйте, многоуважаемый наш учитель, вернее наш “отец” тов. Кантор К. М. Конечно, извините нас, что так Вам долго не писали письма. В виду того, что жизнь наша была на колесах до этих пор. <...> При благоприятной погоде мы воюем, т. е. выполняем боевые задания. Спасибо вам, тов. Кантор за ваши труды, приложенные в нас. <...> Сообщаем вам, тов. Кантор: Журавлев и Пилипенко погибли смертью храбрых русских воинов. <...> Ваши дети Стариков П. М., Самородников».

Храм Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине.
1859. Архитектор А. Ф. Ярошевский

Семейное фото 1947 г.

Отец верил в то, чем жил. Вступая во время войны в партию, верил, что это лучшее, что придумало человечество. Потом были дни учебы, дни катастроф для него и мамы. Сначала в 1948 г. сессия ВАСХНИЛ, уничтожившая отечественную генетику (а мама была ученицей великого генетика и героя войны Иосифа Абрамовича Рапопорта), потом в 1949 г. компания против космополитов. Это было своего рода продолжение войны, опрокинувшей внутрь страны.

Закончу историей про мамин День Победы.

Я родился 30 марта 1945 г., шли последние месяцы войны. В роддоме практически все младенцы получили сепсис — заражение крови. В результате диверсии, как говорили женщины, потерявшие детей, Но, думаю, диверсия ни при чем, только классическая российская нечистоплотность. Пришел древний Мор, бог смерти, холода, голода и болезней, и забрал одного ребенка за другим. Мамина мама бабушка Люба ходила в церковь во Владыкине, недалеко от Лихобор, приносила святой воды и, как рассказывала мама, кропила мою постель, осеняла крестом маму и меня. Мама в Бога верила и не верила: все же она была комсомолкой и студенткой биофака.

Время было — без воды и отопления, лекарств не достать. Поэтому все шло в дело, святая вода тоже. Однако спасла младенца другая жидкость, которую толь-

ко привезли из действующей армии и стали раздавать по больницам. Это был пенициллин. Когда пенициллин попал в роддом, где лежали изможденные умирающие дети, врачи растерялись. Их испуг передался и молодым мамам: русские женщины, лежавшие в больнице, твердо отказались его использовать. Но была докторша, которая приняла идею пенициллина и принялась уговаривать пациенток, что это открытие британца Александра Флеминга спасет их детей. Согласилась одна мама. Один я из всего роддома и выжил. Болел весь апрель. 9 мая маму с младенцем на руках выписали, ее встречала бабушка Люба, отец еще был в армии. На трамвае они доехали до Лихобор. С тех пор мама отмечала два моих дня рождения — 30 марта и 9 мая. День военной победы оказался моим вторым днем рождения. Мама боролась со смертью и победила ее. Что делать, человеческая жизнь пронизана символами!

А в 1947 г. отец демобилизовался и вернулся домой. И нас стало трое.

Литература

- Мамардашвили М. К. (1995) Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem.
- Оруэлл Дж. (2009) Вспоминая войну в Испании // Оруэлл Дж. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе. М.: АСТ.
- Петлянова Н. О. (2017) «Что такое — 42 миллиона погибших? Это не цифра. Это одиночество»: Интервью фронтовика, писателя и почетного гражданина Петербурга Даниила Гранина накануне 9 мая. Новая газета. 12.05. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/05/08/72394?print=true> (дата обращения: 19 мая 2020).
- Федотов Г. П. (1988) Защита России. Статьи 1936–1940. Paris: YMKA-PRESS.
- Чухрай Г. Н. (2016) Я служил в десанте. Москва: Алисторус.
- Эренбург И. Г. (2004) Война. 1941–1945. М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html (дата обращения: 19 мая 2020).
- Яновский В. С. (2012) Поля Елисейские. Книга памяти. М.: Астрель.

FOR THE SAKE OF LIFE ON EARTH

Vladimir K. Kantor

DSc in Philosophy, Tenured Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. Laboratory Head: International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue. National Research University Higher School of Economics, Russian Federation. Editor-in-chief of Journal “Philosophical letters. Russian and European dialogue”. Member of the Union of Russian writers, member of the Public Council of the Dostoevsky Foundation. 21/4 Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation 105066. Office A-215 E-mail: vlkantor@mail.ru

References

- Mamardashvili M. K. (1995) *Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti)* [Lectures about Proust (psychological topology of the path)], Moscow: Ad Marginem (In Russian).
- Orwell G. (2009) *Vspominaja vojnu v Ispanii* [Remembering the War in Spain], *Skotnyj dvor. 1984. Pamjati Katalonii. Jesse [Barnyard. 1984. In Memory of Catalonia. Essay]*, Moscow: AST (In Russian).
- Petljanova N. O. (2017) “Chto takoe — 42 milliona pogibshih? Jeto ne cifra. Jeto odinochestvo”, Interv’ju frontovika, pisatelja i pochetnogo grazhdanina Peterburga Daniila Granina nakanune 9 maja [“What is 42 million dead? This is not a Number. This is Loneliness”, Interview with a Front-line Soldier, Writer and Honorary Citizen of St. Petersburg Daniil Granin on the Eve of May 9], *Novaja gazeta [New Newspaper]*, 12. 05. Available at: <https://novyagazeta.ru/articles/2017/05/08/72394?print=true> (accessed 19 May 2020) (In Russian).
- Fedotov G. P. (1988) *Zashhita Rossii. Stat’i 1936–1940* [Defense of Russia. Articles 1936–1940]. Paris: YMKA-PRESS (In Russian).
- Chuhraj G. N. (2016) *Ja sluzhil v desante* [I served in the landing], Moscow: Alistorus (In Russian).
- Jerenburg I. G. (2004) *Vojna. 1941–1945* [War. 1941–1945], Moscow: KRPA Olimp; Astrel’; AST. URL: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html (accessed 19 May 2020) (In Russian).
- Janovskij V. S. (2012) *Polja Elisejskie. Kniga pamjati* [Champs Elysees. Memory book], Moscow: Astrel’ (In Russian).

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ
И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:
ЭХО СОБЫТИЙ
(материалы круглого стола)**

Участники круглого стола — стажеры-исследователи международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога:

*П. А. Блиникова, А. А. Гуринский, А. А. Доронина, И. Ю. Ильин,
Ю. В. Клепикова, К. А. Мартемьянов, Д. А. Морозов, И. И. Павлов*

В современном дискурсе о войне и практиках культурной памяти (Cultural Remembrance) события военного прошлого осмысляются новыми поколениями иначе, ибо они не были их участниками, а те, кто воевал и даже слышал живые рассказы о «той войне», уходят. Их осталось немного. Живая нить памяти рвется. В контексте западной культуры «мест памяти» появился концепт «постпамять», характеризующий третье и далее поколения. В нем находят новое содержание и отношение к событиям прошлого современные молодые европейцы. Редакция журнала предложила сегодняшним студентам, магистрантам и аспирантам вопросы о «прошедшей войне», чтобы понять, как она помнится, переживается, вспоминается здесь, в России.

1. Со времен Гераклита известно, что «Война (Полюмос) — отец всех существ, и царь всех существ: одних она являет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» (Фр. 32 / В 53). Эпическая поэма о Троянской войне («Илиада») спустя тысячелетия находится среди обдумываемых и обсуждаемых текстов. В чем дело? В важности военной темы? Или в особой трактовке войны? Какова же эта трактовка?
2. Россия за последние 250 лет пережила много войн. Четыре (наполеоновская, Первая мировая, Гражданская и Вторая мировая), грандиозные по масштабам, воедино связали судьбы России и Европы, несмотря на явные противоречия. Об этом писали поэты, философы, историки. Почему это единство не стало политическим фактом? Почему Россия в наполеоновском нашествии и в гитлеровском, захватившем всю Европу, оказалась стеной, о которую разбились волны нашествия?
3. Писательница Светлана Алексиевич, лауреат Нобелевской премии, не раз повторяла, что «Россия живет в испарениях Второй мировой войны, которую она называет Великой Отечественной». Так ли это? А если так, то какова тому причина?

4. Знакомы ли вы с таким явлением, как «лейтенантская проза», и как к нему относитесь? Читали ли вы когда-нибудь произведения В. Гроссмана, В. Астафьева, А. Бека, Ю. Бондарева, Л. Брежнева, В. Быкова, Г. Бакланова и др.?
5. Кто из ваших родных (или близких) участвовал в Великой Отечественной войне? Бытуют ли в вашей семье легенды, связанные с этим родственником (знакомым)? Хранятся ли письма, личные вещи, портреты? Каковы тому причины?
6. Прошли ли вы увлечение военными песнями В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Ю. Визбора, А. Галича? Почему они казались глотком свободы в мирные 1960–1970-е гг.?
7. СССР купил победу огромной ценой — миллионами убитых и раненых. Вы считаете эту цену оправданной? Как вы относитесь к современным общественным деятелям, стремящимся побудить народ к героизации трагедии за счет ослабления внимания к потерям и сломанным человеческим судьбам? Как следует писать историю Великой Отечественной: как хронику побед — или поражений — или потерь?
8. Как вы относитесь к существующим в западном обществе тенденциям нивелировать роль СССР в победе над нацизмом? (Имеются в виду высказывания, согласно которым нацизм победили англо-американские силы.)
9. Можно ли предотвратить войну? (Переписка Эйнштейна и Фрейда)

П. А. Блинникова:

1. Мне кажется, что война в данном контексте должна трактоваться в первую очередь не как военные действия, а как состояние, в котором пребывает человеческое общество. Война не обязательно должна быть кровопролитной или даже явной. Она может быть скрытой и длиться долгое время, без активных действий — такая трактовка войны помогает описать положение человека в обществе. Например, Томас Гоббс был убежден, что человек в естественном состоянии, до заключения общественного договора, находится в состоянии войны всех против всех (*bellum omnium contra omnes*). И если мы принимаем такую точку зрения, то становится очевидно, что война в данном случае не должна носить негативных коннотаций. Это естественный ход вещей, мир существует по таким правилам. При этом хочется отметить: это не значит, что у человека в принципе не может быть близких людей, на которых можно рассчитывать и полагаться. Ведь в любой войне могут быть союзники и товарищи по оружию, которым не страшно довериться, даже когда речь идет о собственной жизни. Такая трактовка войны позволяет понять, почему она «од-

них творит рабами, других — свободными»: человек сам выбирает себе роль, а война — только ситуация, в которой проявляются все его истинные качества. Может быть, он никогда и не сделал бы выбор, если бы не подтолкнули обстоятельства.

2. Я считаю, что единство России и Европы не стало политическим, потому что у России всегда был собственный путь и представление о своем положении в мире. В ходе войны 1812 г., как и в ходе Второй мировой, действия России на территории Европы носили освободительный характер. Как мне кажется, даже не стояла цель насильственно захватить независимые государства Европы, поскольку в таком случае захват не отличался бы от вражеского. Россия же в обоих случаях входила в войну после покушения на ее территории. Для нее эти войны изначально были оборонительными, а не наступательными. Она не выступала агрессором. Единственный ответ на вопрос, почему Россия оказалась стеной, о которую разбились волны этих нашествий, — это самоотверженность и отвага граждан. Для людей Отечество оказалось важнее собственной жизни. Именно поэтому они смогли одержать победу.
3. Я не могу полностью согласиться с высказыванием Светланы Алексиевич. С одной стороны, до сих пор Россия часто вспоминает Великую Отечественную войну, уделяет ей особое внимание. Но, как мне кажется, это происходит потому, что война стала настоящей трагедией для страны, понесшей немалые потери. Наверное, нет ни одной семьи, на которой война не оставила бы отпечаток. У кого-то родственники ушли и не вернулись, кто-то оказался в оккупации, кто-то в лагерях. Эти ужасные события происходили не так давно, чтобы было возможно забыть о них. Поэтому так важно не забывать о событиях Великой Отечественной войны — не только чтобы почитать память героев, но и чтобы новые поколения помнили: допускать войну нельзя. Это действительно страшно. С другой стороны, на данный момент уже даже не существует государства, осуществлявшего военные действия во время Великой Отечественной. Современная Россия пытается идти своим путем, политический строй был изменен, экономические отношения также пережили немало изменений. На данный момент это уже другая страна. Но, как мне кажется, чтобы идти в будущее, необходимо помнить и чтить прошлое.
4. С таким явлением, как «лейтенантская проза», я познакомилась еще в школе. Это — повествования участников Великой Отечественной войны, без прикрас и от первого лица. Война оставила в сердцах людей тяжелый след, страна восстанавливалась, училась заново жить мирно. Но и забыть пережитое никто не мог. Писатели делились фронтовым опытом. Главным героем в их произведениях был человек с его чувствами, переживаниями, с героизмом без бравады и напыщенного псевдопатриотизма и пропаганды. Человек, защищавший

свою семью, дом, Отчизну. Это явление было неизбежно и очень важно в поствоенный период. Оно показывало единство страны и давало людям надежду на будущее. Я читала произведения Бориса Васильева «А зори здесь тихие», «Завтра была война», «В списках не значился» и Александра Твардовского «Василий Теркин». Рассказы от первого лица, горькая правда войны, через которую прошли авторы. Я помню, что после прочтения еще долго находилась под впечатлением. Не верилось, что человек способен на такие поступки. Главные герои некоторых произведений были моими ровесниками. Страшно осознавать, что этим детям пришлось так быстро повзрослеть. Их жизнь изменилась мгновенно, война разделила ее на две совершенно разные части. Уже никто не думал о счастливом детстве, приходилось видеть все ужасы войны. Читая произведения, чувствуешь, что автор писал о чем-то до боли знакомом, не надуманном, хотя порой кажется, что ни один человек не способен пережить подобное.

5. Мой дедушка и его семья во время Великой Отечественной войны находились на оккупированной территории, прадед Василий служил на железной дороге. В их доме жили фашисты, а хозяев с детьми оставили жить в сарае. Прадед рассказывал моей маме в детстве, а мама в свою очередь мне, что самое его страшное воспоминание — это когда фашисты жгли села при отступлении в конце войны. Ему с напарником повезло, они укрылись у железнодорожного полотна, присыпав себя землей, и так остались живы. А многих жителей соседнего села согнали в бывшее зернохранилище и сожгли.

Второй мой прадед, Иван, был призван на фронт в феврале 1942 г., дома осталась его престарелая мать, жена и пятеро детей. Он никогда не любил говорить о войне, и когда его просили внуки, ничего не рассказывал. Прадед с Белорусским фронтом дошел до Вены и вернулся домой в конце 1945 г. С войны он привез самодельную солдатскую ложку, с его слов, ложку перед боем отдал ему сослуживец, который в бою погиб. Он же сберег ее на войне и пользовался ею до конца жизни. И относился к ней как к оберегу. Уже после его смерти, в наши дни, мы узнали о его подвиге, за который прадед награжден медалью «За отвагу». 27 марта 1945 г. при освобождении города Гдыни в Польше он служил в артиллерийском расчете сорокопятки¹. Когда наводчик орудия погиб, прадед заменил его, не допустив прекращения огня.

Наша семья очень гордится ими. Они не только пережили самые тяжелые годы войны, но и достойно прожили в мирные годы. Мы бережно храним их фотографии, медали и грамоты, которые были выписаны им за проявленную отвагу.

¹ 45-мм противотанковая пушка образца 1937 г., индекс ГАУ 52-П-243-ПП-1 — советское полуавтоматическое противотанковое орудие калибра 45 миллиметров. *Здесь и далее прим. авторов.*

6. Мне всегда нравились военные песни, например «Священная война», в них чувствуется мощь и сила народа. Когда ты слышишь такую музыку, на теле невольно появляются мурашки. Что касается песен послевоенного периода, так называемой оттепели, то они никогда не производили на меня подобного впечатления, поэтому я не могу сказать, что когда-либо увлекалась ими. Но мне кажется, что в тот период людям был необходим «свежий воздух»: они только начали привыкать к мирной жизни, появлялись дети, которые никогда не видели войны. Людям не хотелось думать об ужасах. Поэтому и музыка должна соответствовать духу времени, помогать человеку двигаться дальше. Выстраивать заново не только страну, но и свою жизнь. Показать, что надежда на светлое, мирное будущее есть.
7. Я не могу судить об оправданности цены такой победы. Могу быть только безмерно благодарна всем людям, внесшим свою лепту в великую победу. Я считаю, что у СССР не было другого выбора, если бы не эта победа, никто не знает, как развивалась бы история. Мне кажется, что неотъемлемой частью любой победы является и процесс, приведший к ней. Ни в коем случае нельзя забывать о потерях. Мне не кажется, что в какой-то мере ослабляется внимание к цене победы. Когда мы говорим о Великой Отечественной войне, мы всегда вспоминаем и о погибших, о попавших в лагеря, о находившихся в блокаде, о тружениках тыла. Без всего этого мы не смогли бы говорить о великой победе народа. Любую историю, на мой взгляд, нужно писать честно. Не стоит выделять какой-то один из аспектов: объективность — вот чего так часто не хватает при написании исторической хроники.
8. Конечно, я отношусь к подобному отрицательно, по причине, которую указывала выше. Подобное вмешательство в историю лишает ее объективности. Историю стоит писать правдиво, какой бы неудобной правда не была. К сожалению, по моему мнению, на подобное «исправление» истории во многом влияет современные политические отношения России и США, хотя это не имеет никакого отношения к событиям Второй мировой войны.
9. Известная переписка двух интеллектуалов XX в. А. Эйнштейна и З. Фрейда по вопросу о неизбежности войны 1932 г. была опубликована в 1933 г. Как мы понимаем, в то время вопрос стоял уже достаточно остро. Многие предчувствовали катастрофу. То, говорится в переписке, по моему мнению, пересекается с рассуждениями в ответе на первый вопрос из предложенных: проблема решается властью, то есть силой. При этом в обычной жизни конфликты между людьми тоже решаются силой (не обязательно физической). Фрейд также говорит, что даже в рамках одного сообщества не удастся избежать силового разрешения. Поэтому неудивительно, что подобные конфликты интересов, происходящие на уровне государств, мирным путем разрешить

еще сложнее. Каждое государство — особый центр силы. Фрейд отмечает: «Надежное предотвращение войн возможно лишь в том случае, если люди объединятся для введения центральной власти, которой передадут право окончательного решения во всех конфликтах, вытекающих из различия интересов». То есть необходимо, чтобы все люди выразили приверженность какой-то надгосударственной структуре, которая могла бы управлять всеми государствами и контролировать их. Именно она теперь должна сосредоточить в себе верховную власть. Но, как мне кажется, ни одно государство не готово к тому, чтобы передать свою власть какой-то новой структуре. Эйнштейн отдельное внимание уделил тому, что людей по всему миру быстро охватывает «военная истерия». Он считал, что это может быть обусловлено наличием в человеке инстинкта ненависти и уничтожения. Фрейд согласился, что это действительно так: «Живое существо, если можно так выразиться, сохраняет свою жизнь тем, что разрушает чужую».

Таким образом, Фрейд приходит к выводу, с которым я согласна: желание лишить человека агрессивных наклонностей практически неосуществимо. Впоследствии об этом будут писать и другие психологи, например Юнг. Он был убежден, что архетип Марса (бога войны) содержится в каждом подсознании. Однако Фрейд видел надежду в развитии культуры. Он отмечал, что основная черта развития культуры — усиление интеллекта, который начинает подчинять себе сферу влечений. Таким образом, получается, что установки культуры вступают в противоречие с войной. Пацифисты, например, не могут воспринимать войну не только на эмоциональном и интеллектуальном уровне, но даже на физическом. Поэтому единственное возможное решение: все люди должны стать пацифистами. Фрейд считает: «...под воздействием обоих факторов, влияния культуры и оправданного страха перед последствиями будущей войны, еще в обозримое время будет положен конец войнам» (Фрейд, 1992: 325–337). Следовательно, только развитие культуры может повлиять на прекращение войн.

На данный момент прошло уже 88 лет с момента переписки Эйнштейна и Фрейда, но мы до сих пор не пришли к тому, чтобы закончить все войны. Постоянно в разных уголках земного шара вспыхивают вооруженные конфликты. Мне кажется, что такой уровень развития культуры всех стран, когда все жители планеты станут пацифистами, к сожалению, недостижим.

А. А. Гиринский:

1. Античная философия различала полемос (войну эллинов с варварами, которая считалась благородной) и распрю (борьба греков между собой). Первая законна и желательна, вторая должна быть сведена к минимуму и подчинена набору правил. Так возникает понятие справедливой войны и правил ее ведения, которое получит важное оформление в римском юридическом контексте, а потом и в христианской философии политики. В Новое же время происходит секуляризация тематики войны, в результате чего она определяется как насильственный конфликт. О насильственной природе любой войны много говорит крупнейший теоретик новоевропейской войны — Карл фон Клаузевиц. Для более подробного обзора темы необходим другой формат, но можно ограничиться простым тезисом. Война с античного времени является, с одной стороны, важным инструментом, с помощью которого цивилизация распространяет себя и свою культуру, что мы можем видеть уже в античном варианте войны как полемосе. С другой стороны, война — механизм обновления элит, государств, а также в Новое время — одна из форм, в которой впервые начинает происходить кодификация насилия. Особенно важен в этом смысле XIX в.: именно тогда были заложены основные нормы международного права, касающиеся практик ограничения насилия (женевские конвенции, гаагские декларации и др.)
2. Россия для западного сознания — универсальный Иной, Другой, элемент, который не может быть полноценным элементом западной культуры. Причины многообразны — от религиозных (греческий, а не латинский обряд) до политических. Несмотря на то, что начиная с Петра Россия является полноценным участником европейской политики, а также европейской страной в смысле титульной культуры, напряжение не ослабевает и усиливается в сложные моменты истории. К тому же Россия с XIX в. — основная консервативная сила европейской политики, что наиболее ярко проявилось в период после наполеоновских войн («жандарм Европы»), тогда как большинство основных стран Европы начиная с Французской революции выступали как силы модерна, что наиболее полно раскрылось именно в Отечественной войне 1812 г., где модернистская объединенная Европа сражалась с своим консервативным полюсом, с Россией. События XX в. не поменяли этого отношения. Несмотря на то, что в Октябрьской революции в России победили именно радикальные «западники», представители модернистской идеологии, накопленное за века базовое недоверие оказалось сильнее. К тому же радикальный модернизм в советской политике продержался недолго, сменившись сталинским консервативным неоимперским поворотом.

3. В выражении Алексиевич слово «испарение» употреблено, по всей видимости, в негативном значении. Но, думаю, сам по себе этот факт нейтрален. Современная Россия является правопреемником СССР, а СССР стал «великой державой» именно по результатам Второй мировой. Кроме того, 9 Мая, по сути, дата рождения советской нации, а российская нация в массовом сознании также отмечает преемство с советским народом. Стоит добавить, что международное политико-правовое положение России определено именно результатами Второй мировой (в первую очередь ее место в Совбезе ООН как ветоигрока), а также ялтинско-потсдамской системой миропорядка. Этими вполне прагматическими причинами объясняется особая роль Великой Отечественной войны в современной государственной идеологии.
4. Конечно, знаком. Не всех авторов из приведенного списка я читал. По совету моего деда, ветерана войны, я читал прозу Виктора Астафьева, для меня его книги являются ярким примером этого жанра. Конечно, читал «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана, один из самых тонких, философских романов о XX в., на мой взгляд. Читал рассказы Бондарева и военные повести Быкова, еще в школе, но с тех пор не перечитывал.
5. Мой дедушка по маминой линии участвовал в Великой Отечественной войне, получил тяжелое ранение в руку, до самой смерти (он умер два года назад, дожив до 92 лет) пальцы на руке у него были частично парализованы. Его отношение к войне было близко как раз мотивам «лейтенантской прозы», изложение войны у Астафьева (роман «Прокляты и убиты») он называл правдивым и честным. Никогда о войне подробно не рассказывал, медали хранил в тумбочке, редко их доставал и никогда не носил. В силу такого его отношения к войне в семье у нас редко кто о ней заговаривал и никакой особой «вещественной памяти» на эту тему не сложилось.
6. Конечно, в студенческие годы, на волне романтической поры юности, я увлекался в первую очередь лирикой В. Высоцкого, Б. Окуджавы и Ю. Визбора. Несомненно, знаком и с военной тематикой их творчества, но в меньшей степени. «Глотком свободы» их творчество казалось потому, что это был способ неофициозного, неидеологического разговора о войне и о судьбе поколения, которому выпала эта доля. Он и сегодня сохраняет ценность.
7. Любой разговор о «цене войны» считаю идеологическим и не считаю нужным высказываться на эту тему, потому что ответ на этот вопрос сразу маркирует отвечающего как «либерала», «сталиниста», «националиста» и т. д. Мне хотелось бы, чтобы история войны писалась историками исключительно ради научных целей. Что касается восприятия войны в массовом сознании, считаю, что должно пройти еще много лет, пока общество и интеллигенция созреют для непредвзятого и спокойного разговора, причем не только о войне, но и о революции 1917 года, коллективизации, перестройке, распаде СССР и многих

других узловых событиях XX в. Умеренности и нейтральности в том смысле, о котором говорил Макс Вебер в работе «Наука как призвание и профессия», сегодня очень не хватает.

8. Западное общество разнородно, и тенденции там различны. Наиболее агрессивно к советско-российской версии итогов Второй мировой настроены страны Восточной Европы и Прибалтики, что закономерно и в масштабах истории последних веков не ново. Элиты этих стран сегодня строят национальные государства и национальную память через отрицание XX в. и общей с Россией истории. Для их риторики характерны национализм, атлантизм и демонизация России, возложение на нее ответственности за «советский репрессивный режим». Однако нужно отличать высказывания политиков и крикливых публицистов от оценок ученых. Думаю, что в научном сообществе возможен диалог, и он идет сегодня, надеюсь, что результаты окажут влияние и на массовое сознание, но, скорее всего, в очень отдаленной перспективе. Второй важный аспект заключается в том, что если для России 9 Мая является праздником, конституирующим нацию, то для западных стран эта дата связана лишь с окончанием периода фашизма в Европе, которому, как мы знаем, были подвержены многие европейские страны, не только нацистская Германия, и думаю, что европейцы до сих пор тяжело психологически и политически переживают эти страницы своей истории. В целом этот вопрос очень интересный и объемный, давно меня занимает, и можно было бы порассуждать дальше, более обстоятельно, но в другом формате.

9. Переписка Фрейда и Эйнштейна, на мой взгляд, конечно, является интеллектуальным памятником определенной эпохи, но не более того. Ведь переписка построена в основном по принципу «вопрос — ответ», где Эйнштейн задает вопросы Фрейду. Ответы же Фрейда даны на языке его теории об Эросе и Танатосе, которая не кажется мне интересной и актуальной сегодня, так как психоаналитический способ описания культуры и личности в научном пространстве дискредитирован.

Основной ответ Фрейда можно свести к простому тезису: инстинкту разрушения противостоит инстинкт любви, то есть в широком смысле — объединения и солидарности (Эрос), основания которого Фрейд видит и в половом влечении, и в религиозной заповеди «Возлюби ближнего своего» и т. д.

Хочу, кстати, напомнить, что левые интеллектуалы послевоенной эпохи возлагали большие надежды на солидаризирующую и освобождающую функцию Эроса, например об этом много писал Герберт Маркузе. Итогом этого стало движение хиппи и студенческие протесты конца 1960-х гг. Не берусь давать идеологические оценки явлениям, но очевидно, что от войн это человечество не уберегло.

А. А. Доронина:

1. Гераклитовское понятие полемоса имеет, на мой взгляд, отдаленное отношение к войне, если мы понимаем ее как вооруженный конфликт между людьми. Однако нельзя не отметить, что любой конфликт имеет основанием экзистенциальное противостояние или борьбу, во всяком случае, тот конфликт, который может закончиться убийством. Может показаться, что сентенция Гераклита носит исключительно метафизический характер. Но если принять во внимание факт, что войны сопровождают человечество на протяжении всей истории, и сделать допущение, что у вражды есть основание в природе человека, то это позволяет нам трактовать полемос более широко: возможна ли некоторая философия или метафизика войны?

У войны множество определений, и они меняются со временем, однако неизменным остается ее центральное ядро — ориентир на уничтожение иного, другого, врага... До тех пор, пока человек будет усматривать в других врага, войны не прекратятся. Хотя мы давно осведомлены о сдерживающих факторах и пользуемся ими.

2. Взаимообогащение России и Европы в отношении культуры, искусства, литературы очевидно, и никакой политической фактор не сможет этого изменить. Так называемая политическая разобщенность России и Европы является скорее спекуляцией политиков и др., не принимающих во внимание материи более тонкие. Если педалировать различия России и европейских стран, усугубляемые конфликтами между ними, следует заметить, что немаловажную роль в обособлении играет и сама Россия. В отношении сравнения России со «стеной, о которую разбились волны нашествия» в указанных конфликтах, можно заметить, что Россия, защищая себя, защищала и Европу.

3. На мой взгляд, утверждение Светланы Алексиевич звучит слишком сильно и не имеет под собой достаточных оснований. Хотя нельзя не отметить, что тема Великой Отечественной войны в России во многом политически ангажирована.

4. Мне хорошо знакомы произведения Василя Быкова, Виктора Астафьева, Бориса Васильева. В средней и старшей школе мы читали и обсуждали рассказы и повести этих писателей. Тогда эта литература стала для меня источником, способствовавшим хотя бы частичному приближению к пониманию войны. «Личная» война, рассказанная от первого лица, поражала больше любого эпоса.

Я думаю, что до того, как знакомиться с «лейтенантской прозой» в целом, определять ее, выявлять критерии, по которым работы того или иного писателя относятся к этому явлению, следует узнать отдельного автора, обратиться к человеку, его произведению и вступить в диалог с ним. Это особенно важно, когда произведение носит мемуарный характер.

5. Мой прадед по линии матери Петр Георгиевич Головачев и два его брата участвовали в Советско-финской войне, а в июне 1941 г. были призваны на Великую Отечественную. Уже в декабре 1941 г. бабушка получила письмо, что дед пропал без вести.

Со стороны отца прадед Петр Григорьевич Горячков также был призван и пропал без вести в ноябре 1942 г.

Много воспоминаний о военном времени хранит и передает нам моя бабушка, которой в 1941 г. было одиннадцать лет. От нее я знаю о работе в тылу, о голоде, городских военных патрулях, встречах с дезертирами и других страшных и едва понятных нам сейчас вещах.

Память о прадедах, воспоминания бабушки дороги нам, насколько может быть дорога память истории семьи.

6. С военными песнями я знакома лишь опосредованно благодаря советским военным фильмам и ввиду их большой популярности у старшего поколения.

Популярность их могу объяснить тем, что поэтический язык позволял выражать то, что не было принято говорить открыто. Вернувшиеся с войны уже не хотели и не могли жить как прежде. Распространение песен через радиотрансляции и поэзии — в самиздате делало их доступными для широкой публики или диссидентствующей интеллигенции, а выражение авторского, личного, отвлеченного, в отличие от общего и абстрактного, — понятными каждому.

7. С течением времени личные истории участников войны воспринимаются иначе, чем непосредственно после войны. Носители живого опыта уходят в прошлое, остается все меньше свидетелей тех событий. Безусловно, это влияет на форму памяти. Именно поэтому мне представляется важным сохранение личной памяти, личных историй, с деталями, эмоциями, что условно можно отнести к области так называемой *Alltagsgeschichte* (истории повседневности). Полотно истории должно быть живым, описывать реальный экзистенциальный опыт свидетелей событий. Поэтому вопрос, как писать историю войны, является вопросом о том, как не упустить что-либо, сделать все возможное, чтобы сохранить максимальное количество личных историй.

8. На мой взгляд, эти высказывания являются спекуляциями политически недобросовестных людей, готовых решать сегодняшние проблемы за счет переоценки прошлого. История не точная наука, и в этом ее слабость: факты можно интерпретировать по-разному. Всегда есть риск, что интерпретация будет обусловлена субъективным отношением исследователя к предмету.

9. Решение проблемы предотвращения войны Эйнштейн формулирует в следующей аксиоме: международная безопасность может быть основана на международном праве, то есть на ограничении национальных свобод и суверенитета стран мира. Однако достижение этой политической цели сталкивается с пси-

хологическими факторами, которым человек фактически не может противостоять. Фрейд, в свою очередь, находит основание для борьбы с этими психологическими факторами: войну можно предотвратить при помощи культуры. Развитие культуры (цивилизации) — источник «нашей ненависти к войне». Таким образом, инстинкт вражды может быть сдержан развитием культуры, но не может быть искоренен.

И. Ю. Ильин:

1. «Илиада» с «Одиссеей» важны потому, что являются неотъемлемой частью дошедшей до нас эпической культуры. Эпос, как мы знаем, не только прото-философская реальность, но и смыслообразующий центр Античности, в котором «греки становились греками» (М. К. Мамардашвили). Понятно, что война, неотъемлемо сопровождающая человечество на всех этапах его существования, — это эпический феномен *per se*. На войне обнажаются базовые и предельные структуры человеческой экзистенции: становится действительно ясно, кто — раб, а кто — свободный.
2. Россия — один из активно действующих субъектов на европейском политическом поле со времен как минимум Петра Первого. В этом смысле ее участие в Отечественной, а также в двух мировых войнах действительно навсегда вписано в ткань общеевропейской истории. Вместе с тем понятно, что объединяющая линия не может ограничиваться той или иной сопричастностью трагическим процессам, пусть и мировой значимости. Предпосылки для единства стоило бы искать глубже — в базовом отношении человека к человеку. В то время как Европа пошла по пути формулирования и усвоения прав человека, мы занимались тем, что определяли себя через включение в те или иные общности и коллективы.
3. Речь, на мой взгляд, нужно вести о том, что победоносный дискурс год от года лишь раздувается, причем, с одной стороны, зачастую искусственно и неэффективно. Искусственно — потому что, транслируясь «с головы», он растекается локально в масштабах, несопоставимых с реальным интересом и запросами «снизу». Как следствие — неэффективность: в условиях, когда каждому нужно что-то сказать и что-то организовать, возможностей для качественной, нехалтурной работы остается мало. Отсюда все эти курьезы, когда на поздравительные баннеры ставят фото немецких танков и американских самолетов. С другой стороны, дискурс раздувается в совершенно определенных целях — как ключевой элемент построения постсоветской идеологии в современной России. В этих условиях никого по-настоящему не интересуют оставшиеся в живых ветераны, которым вместо обещанных квар-

тир дарят наборы подгнивших продуктов, зато всех привлекает нарратив, который можно в собственных целях выстраивать вокруг события Победы.

7. Историю следует писать непредвзято. Это, конечно, звучит утопически. Мне кажется, более или менее правильной стратегией здесь будет писать ее через фокус первостепенного внимания к человеку и к человеческому. Кстати, Алексеевич, упомянутая выше, пытается заниматься этим, выстраивая повествование из отдельных лоскутов свидетельств и личных микронарративов. Полностью избавиться от предвзятости, наверное, невозможно, поскольку интерпретация (на всех этапах и в особенности на первом: в отборе материала) всегда личностна, но, конструируя полотно устами разных героев, мы хотя бы приближаемся к какой-то целостности (не путать с тотальностью).
8. Если историческая справедливость существует, то подобные феномены против нее согрешают. Вместе с тем — по-человечески — они, кажется, понятны. Речь вряд ли идет о сознательном нивелировании чьей-то чужой роли, скорее это попытки как можно более гладко определить свою. Американцы будут в первую очередь говорить об американцах, французы — о французах, а мы — о себе. Не оправдывая факты сознательного искажения истории, хотелось бы тем не менее призвать проверить свой глаз на наличие бревна: как часто мы сами говорим о действительной важности материальной помощи и поставок от союзников?
9. Войну предотвратить можно, если не смотреть на Другого как на «чужого», но — как на продолжение самого себя, а на себя смотреть как на конечное продолжение Божественного бесконечного, созданное по образу и подобию. Постоянное воспоминание о собственной ограниченности если и не сведет на нет возможность войны, то хотя бы замедлит движение от Канта к Круппу.

Ю. В. Клепикова:

- 7, 8. Вопрос пересмотра итогов Второй мировой войны и роли СССР в победе над фашизмом можно рассматривать в разных ракурсах: например, в ракурсе разоблачения советской пропаганды и логического продолжения декоммунизации или, напротив, в ракурсе длящегося веками противостояния Российской империи с тем, что сегодня принято называть коллективным Западом, о чем писал Достоевский в «Дневнике писателя».

Если допустить, что это противостояние в ходе истории приобретает различные формы, то пересмотр вклада Красной армии в победу во Второй мировой войне может рассматриваться как проявление одной из таких тенденций.

Почему в начале XXI в. актуальность этой темы максимизирована, мировые СМИ, интернет-ресурсы и правительственные сайты ряда европейских стран

гиперболизируют вклад Великобритании и США, а СССР неуклюже и вскользь упоминается в составе союзнических войск, представляя в новой исторической реальности разоблаченным агрессором?

Почему объектом информационной атаки избрано столь значимое событие в новейшей истории СССР и России как его правопреемницы?

Самые чувствительные к проблемам справедливости дискуссанты могут утверждать, что дело не в России или, наоборот, только в ней — в нарушительнице послевоенного миропорядка, поправшей нормы международного права в 2014 или в 2008-м или ранее, а возможно, всегда.

Исходя из подобных соображений, любые фундаментальные интегрирующие исторические события, которые представляют предмет гордости многих россиян, для «объединенного Запада» становятся целью первоочередного уничтожения.

С трудом можно представить ревизию событий Второй мировой войны вскоре после ее окончания или, к примеру, даже лет через 20 после выступления на Нюрнбергском процессе государственного обвинителя СССР Р. А. Руденко.

Для поиска ответов на поставленные вопросы, без перевода дискуссии в историко-политическую плоскость, рассмотрим некоторые особенности американской философии.

Вплоть до 1830-х гг. в США не было профессиональных философов. Ранние американские философы термин «философия» применяли для различных видов духовно-практической деятельности, чуть позже произошло смешение предметов философии и психологии, что нашло отражение в творчестве У. Джеймса и Дж. Ройса. Парадоксы американской философии сказались и на формах философствования. Так, широкое распространение (на разных этапах развития американской философской мысли) получили проповеди, исторические хроники, политические памфлеты. Но наиболее характерным признаком американского менталитета явилась философия прагматизма, который констатирует не «полезность истины», а истинность того, что полезно (Джон Дьюи, Джорж Мид). Характерно, что прагматический подход укоренился и в американской философии образования (упор на узкую специализацию).

Известным, типично американским, соединением философии и психологии стал бихевиоризм (Джон Бродес Уотсон). Но даже при нарастании в XX в. авторитета и влияния американской аналитической философии «национальной» философией, борющейся за демократию, либерализм и гуманизм, был и остается прагматизм. Формирование полезной (в том числе для реализации политических интересов) истины в целом находится в поле теоретических философских исследований.

Если самым поверхностным образом рассмотреть какие-либо еще теоретические идеи американских философов, среди действенных окажется кон-

цепция оправданного своевременного действия (в политических целях), с последующей (а не предшествующей действию) их легитимизацией в обществе, а также концепция информационной реальности «не было того, о чем не сказано в новостях».

Бессмысленно спорить о том, что мощь информационно-психологического воздействия на все слои общества в настоящее время существенна и способна ставить под сомнение любой факт (включая исторический).

Внедрение в сознание человечества новой версии событий середины XX в. и ревизии событий Второй мировой войны в духе столкновения двух равнозначных тоталитарных режимов, нацизма и сталинизма, где Российская Федерация — агрессивный наследник одного из них, является безусловно полезным идеологическим подспорьем для укрепления США как единственного и абсолютно легитимного лидера в мире.

Х. Болдуин, американский историк, фиксирует одиннадцать «великих кампаний» (сражений), решивших исход войны. Среди них «Маркет Гарден» в Голландии, битвы за Мидуэй и др. В то время как из победоносных битв Красной армии упоминается только битва за Сталинград. Другие интерпретации решающих битв, предложенные немецкими историками Г. Якобсеном и Г. Доллингером, аналогичны американским с поправкой лишь на количество поворотных пунктов войны, то есть советско-германский фронт в современной мировой исторической науке явно занимает второстепенное место, несмотря на масштабный театр военных действий и другие абсолютные величины: количество вовлеченных в сражения военных, единиц техники, стран, на территории которых фронтом (фронтами) велись военные действия, превосходящие масштабы всех выше обозначенных решающих битв.

Но почему современные элиты целого ряда стран, а особенно государств постсоветского пространства, заинтересованы в том, чтобы доказать миру: решающая роль в достижении коренного перелома во Второй мировой войне принадлежит только западному сообществу?

Может, по той же причине, по которой подавляющим большинством западных историков деликатно обходится факт участия целого ряда стран (Италия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Норвегия, Хорватия, Австрия, Испания, Дания) на стороне нацистской Германии в походе на Восток?

Может быть, потому, что безусловно пострадавшие в эту войну Чехия, Украина, вся Прибалтика, Польша, будучи освобожденными от фашистов армией СССР¹,

¹ Всего в освобождении стран Центральной и Юго-Восточной Европы участвовало около 7 млн советских солдат и офицеров. За освобождение стран Европы от фашизма отдали жизни: в Польше — 600 тыс. советских воинов; Чехословакии — 140 тыс.; Венгрии — свыше 140 тыс.; Румынии — 69 тыс.; Восточной Германии — 102 тыс.; Австрии — 26 тыс. (Источник: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 325–326; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419).

мыслят, а главное, прогнозируемо действуют в заданной Эриком Хоффером философской рамке¹?

В любом случае новая историческая правда удобна для перехода ряда стран из побежденных союзников гитлеровской Германии (особенно добровольных) в разряд жертв войны, развязанной сразу двумя империями зла.

Даже в отечественных, российских, учебниках истории с 1990-х гг.² зияет пустота — там нет разоблачения Мюнхенского стовора, расчленившего Чехословакию в 1938 г. (при этом искажается смысл и преувеличивается историческое значение германо-советского пакта 1939 г.).

Учитывая изложенное, невозможно не упомянуть используемый в гуманитарных практиках эпохи постмодернизма инструмент — принцип конвенциональной истины (Ж. А. Пуанкаре).

В буквальном смысле сейчас *истина* формируется заново, на наших глазах, вокруг исторических причин, событий и результатов Второй мировой войны.

Оказалось: договориться о том, что десятки миллионов уничтоженных человеческих жизней, выжженная в результате сотен победоносных сражений земля, страдания и слезы выживших в борьбе с фашизмом следует «вынести за скобки», выводя вклад союзников на первый план. Без тени смущения можно превозносить важность ленд-лиза и открытие второго фронта после явного перелома в войне в пользу СССР, максимизировать значение ковровых бомбардировок союзниками красивейших немецких городов, уже отвоеванных советскими войсками, вопреки цифрам, документам, историческим датам и свидетельствам очевидцев.

Остается риторическим вопросом: как противостоять масштабным инсинуациям³ в свой адрес? Благодаря чему все, что произошло, оказалось допустимым?..

¹ Здесь имеется в виду высказывание американского философа Э. Хоффера: «Человек, кусающий руку, которая его кормит, обычно лижет сапог, который его пинает».

² «Open Society Foundations» Дж. Сороса оказал услуги Минобразования России в виде финансирования выпуска учебников по истории для средних и старших классов. Что не может не придать сегодня ревизорам истории сил и надежды на достижение своих целей и уверенности в плохой информированности современного, нынешнего активного поколения россиян об исторических событиях того времени.

³ Утверждение об инициативной роли США в обсуждаемой исторической ревизии основано в том числе на заявлениях американских политиков и историков. В частности, Р. Смит отмечает, что США — творец победы. США возглавили борьбу союзников, а также «изгнали Гитлера с Запада и победили Японию». В 2008 г. президент США Дж. Буш заявил, что германский национал-социализм и русский коммунизм — два зла XX в.; 23 сентября 2009 г. польский Сейм принял резолюцию, в которой действия Красной армии в сентябре 1939 г. во Львове, оккупированном поляками городе Западной Украины, оценил как агрессию против Польши. В 2010 г. литовский Сейм ввел даже уголовную ответственность за отрицание оккупации Литвы СССР. В 2020 г. президент Украины В. Зеленский на встрече с польским коллегой А. Дудой обвинил СССР в развязывании Второй мировой войны наравне с фашистской Германией, рассуждая о «стоворе режимов».

Может быть, дело в непрагматичном подходе? В недостаточности образования? А может, в неоднократно высмеиваемом в русской литературе «преклонении перед Западом», в восприятии нами всего иностранного как заведомо лучшего?

Будут ли оставлены, наконец, в прошлом восхищенные взгляды на Запад, и появится ли надежда на собственный ресурсный интеллектуальный потенциал и культурную национальную самобытность?

Сколько печального опыта перенести, какую участь еще нужно принять России, чтобы общество смогло избавиться от описанных заблуждений?

Современный геополитический дискурс, демонизирующий Россию, замарывает доброе имя страны-победителя в истории XX в. Постепенно опрокидываясь в прошлое, современные политические события становятся историей (известны слова Н. В. Покровского о том, что история — это политика, опрокинутая в прошлое), написанной *поверх двадцати шести миллионов и шестисот тысяч жертв Великой Отечественной войны*, изредка и стыдливо называемой так самими нами.

А возможно, причина пересмотра итогов Второй мировой находится в области идеологии и пропаганды, где мы последние 30 лет оправдываемся и договняем, забывая, что «истина — это кредитный билет, который имеет силу только в определенных условиях»¹.

Сознавая роль информации в современном глобальном обществе, скорость ее распространения, многообразие носителей и способов передачи, следует отдавать себе отчет: побеждает в актуальной реальности тот, кто сформировал и успел предъявить глобальной общественности свой контент-истину через максимальный пул информационных источников. Остальные существуют в субъективной реальности потребителей хорошо упакованного, чуждого для себя контента.

К. А. Мартемьянов:

1. На мой взгляд, причину столь исключительной важности гомеровской поэмы следует искать не только в том, что тема войны является основной. Уже сами греки не относятся к поэме исключительно как к средству передачи информации о столкновении ахейцев и троянцев. Они видят в ней источник народной

¹ Не будучи ярым приверженцем У. Джеймса, считаю, что для понимания действий и стратегии оппонента необходимо мыслить в его категориях. Академическая наука, преуспевающая в анализе особенностей современной эпохи постмодернизма, не подкрепляет практику соответствующими вызовам времени методами и средствами ведения идеологического диалога.

религии, первое и высшее явление поэтического языка, галерею национальных характеров, где многие оказались как бы моделями человека — его поведения в различных ситуациях, отношения к другу, врагу, предателю, богам и т. п.

Однако, разумеется, сами события, описываемые в поэме, нельзя обойти стороной. Сильное воздействие военных сцен «Илиады» на современного читателя обусловлено тем, что в них обнажаются вечные силы, которые можно назвать сущностью «человеческого» вообще — чувства ревности и жажды мести (Менелай), чувства скорби, вызываемые утратой сына (линия Гектор — Приам) или верного друга (линия Патрокл — Ахилл), стремление к увековечиванию себя и своих действий в памяти потомков (Ахилл), храбрость, трусость и т. п. Война бросает человека в ситуацию, которую в XX в. К. Ясперс назовет пограничной, и только так в человеке пробуждаются все спящие в повседневной жизни ресурсы. Этот факт можно романтизировать, как делал К. Шмитт, а можно никому не желать пробуждения таких ресурсов, но факт предельной интенсификации человеческого бытия во время войны, на мой взгляд, неоспорим. В связи с вышесказанным понятие «важность» применительно к военной теме можно сменить на «востребованность»: в поисках интенсивности жизненного опыта человек, особенно в комфортных условиях современности, не перестает возвращаться к теме войны, пусть даже она представлена через посредников в виде продуктов массовой культуры. Разумеется, образы войны и их кратковременное переживание (например, в кинозале) — отнюдь не единственный способ придать собственной жизни характер интенсивности.

«Разве мы не испытали сейчас, как невообразимая, страшная война, длившаяся из года в год, из года в год уходит, выбрасывается, вытесняется, исторгается, как по волшебству, из памяти целых народов и как эти народы, едва переведя дух, принимают искать в занимательных военных романах представление о своих же собственных недавних безумствах и бедах?» — с сожалением спрашивает рассказчик в повести Г. Гессе «Паломничество в страну Востока».

2. Единство в противостоянии общему врагу очевидно временное, существующее до тех пор, пока существует враг. У России и Европы всегда было мало шансов на крепкое политическое единство, и это обусловлено во многом культурными причинами. Достаточно вспомнить первое философическое письмо П. Я. Чаадаева, указывающее на скудость исторического бытия России на фоне Европы — письмо, пробудившее в А. С. Пушкине отчаянное желание перечислять поводы для национальной гордости. Какой вызов и сколько осуждения Европы слышится, к примеру, в словах о том, что «наше духовенство... никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве». Еще более неприглядно изображает католичество Достоевский

в «Легенде о Великом Инквизиторе», трактуя его, по сути, как анти-Христово дело, соблазняющее человека земным спокойствием (читай: духовным сном).

3. Смотря о какой России идет речь. О России в том виде, как она репрезентируется через государственные структуры, — безусловно. Ибо апелляция к войне и способы воспоминаний о ней — один из важнейших источников чувства народного единства. Мысль К. Шмитта в этом отношении до сих пор актуальна и, кажется, будет актуальна до тех пор, пока существует государство. Согласно шмиттианской логике, политическая общность как выражение единства народа возможна лишь тогда, когда имеется реальная возможность самостоятельного определения какой-либо иной политической общности как врага.

С другой стороны, Россия, представляемая большинством молодых людей, родившихся в 1990-е гг. и позже, — вряд ли живет в «испарениях» Второй мировой войны.

4. Из перечисленных читал только повесть Василя Быкова «Сотников», а также смотрел фильм Ларисы Шепитько «Восхождение», снятый по мотивам «Сотникова». Оба произведения произвели на меня сильное впечатление.
5. В Великой Отечественной войне активное участие принимал отец моей бабушки по папиной линии Иван Устинович Гринько. За время войны он совершил 129 боевых вылетов на бомбардировку скоплений боевой техники и самого противника, его аэродромов и оборонительных сооружений, уничтожив 16 танков, 97 автомашин, 21 зенитную точку, 19 артиллерийских орудий, 7 железнодорожных вагонов, 2 склада с боеприпасами, более 100 солдат и офицеров противника. В воздушных боях сбил 2 самолета.
6. Да, в возрасте от семи до 16 лет я очень любил песни В. Высоцкого и Б. Окуджавы, которые часто включал мне отец, пока мы ехали с моих спортивных занятий домой на машине. До сих пор помню мотивы таких песен, как «До свидания, мальчики», «Мы за ценой не постоим» (Окуджава), «На братских могилах» (В. Высоцкий). Из исполнителей нового поколения могу отметить Юрия Шевчука.
7. Мне кажется, в передаче знаний о Великой Отечественной войне нужно стремиться к трудному балансу между героизацией людей и демонстрацией ужасов войны. Я отрицательно отношусь к политическим или общественным деятелям, которые обращаются к военной теме исключительно как к средству манипуляции общественным сознанием.
8. Я отношусь к ним со скепсисом и, честно говоря, стараюсь не вникать в их аргументацию, потому что на данном этапе своей жизни не испытываю горячего желания переубедить, ввязываться в бесконечный диалог, интенция которого — в том, чтобы перетянуть одеяло на себя. Существование исторической науки, как и всякой, возобновляется благодаря новым гипотезам и их оспариванию.

9. Этот вопрос требует дополнительных разъяснений, и ответ на него в предельной степени зависит от ситуации. Безусловно, войну предотвратить можно, но лишь тем, чьи решения к ней привели. Если процесс войны уже, так сказать, запущен, то обычный человек оказывается как бы брошен в ситуацию войны, то есть он не в силах сделать бывшее не-бывшим, он может лишь принять ситуацию и сохранить в ней человечность.

Д. А. Морозов:

1. Война — явление, которое сопровождает человека на протяжении всей его истории. Я не совсем согласен с тезисом, что война никогда не меняется. Во многом она отражает социальные изменения, происходящие с человечеством, не говоря уже о технологическом прогрессе. Не так давно я прочитал книгу А. Д. Куманькова «Война в XXI веке» — масштабное исследование актуальной военной проблематики. В ней есть интересный тезис: особенности так называемых новых войн существовали в истории всегда, но только «единовременное действие всех этих особенностей позволяет проявиться феномену новых войн» (Куманьков, 2020: 124). История комбинаций четкого набора особенностей войны без принципиальных нововведений во многом отражает социальные изменения и колебания, происходящие в истории человечества. Мне кажется это крайне важной идеей. Война, как вечная спутница человечества, остается и будет оставаться в исследовательской оптике. Надежда на «вечный мир», о котором писал И. Кант, не угасает, но его достижение в ближайшей перспективе кажется невозможным. Пока же путь человечества сопровождается необходимым, правдивым и пугающим «зеркалом», смотря в которое, оно непрерывно видит свой облик.
2. Конечно, не только войны связывали Россию и Европу последние 250 лет. Думаю, что наша лаборатория ориентирована в контексте русско-европейского диалога как раз на поиск *связей*, а не *конфликта*, хотя последний играет большую роль в культурном взаимодействии. В вопросе мне видится интересный диалектический сюжет борьбы, которая не может завершиться снятием, — «волны» европейского нашествия разбиваются о стену. Под снятием здесь следует понимать факт политического единства, которого так и не произошло. Возможно, объяснение этому лежит в несопоставимости по разным критериям борющихся тезиса и антитезиса, ведь мы все же и сейчас говорим о русско-европейском взаимодействии. Сама формулировка крайне важна. Парадоксально, что война может способствовать диалогу в более широком смысле. Постоянный антагонизм помогает лучше понять себя через Другого. Во

всяком случае, после каждого из упомянутых конфликтов Россия исторически во многом переосмысливала себя. Так, Гражданскую войну, в которой не было эксплицитного противостояния с Европой, можно назвать радикальным опытом переосмысления последствий Первой мировой войны как одного из ключевых факторов, подтолкнувших к таким «размышлениям». Диалектическая борьба («отец всех существ» по Гераклиту) и понимание себя через Другого — два момента, которые представляют интерес в контексте антагонистической участи России и Европы.

3. Полагаю, что не только Россия живет так называемыми «испарениями», этот термин кажется мне не совсем удачным. В судьбе исторического народа есть ряд фундаментальных событий, через которые он заново понимает себя, чувствует преемственность собственной традиции. В словосочетании *Великая Отечественная война* отражается как раз собственная историчность, *Вторая мировая война* — выход на всеобщую историю. Полагаю, что для Великобритании и Франции таким событием стала Первая мировая война, которую часто называют Великой войной. Возможно, Алексиевич имеет в виду увеличивающийся зазор между собственной и всеобщей историчностью, который происходит/произошел в России. Из зазора выходят испарения — радикальные переоценки прошлого для поддержания настоящего. Такие испарения не несут ничего подлинно продуктивного, однако нельзя впадать в другую крайность — полный отказ от собственной историчности, что может привести к печальным последствиям и для будущего. Думаю, что все новые обращения к таким событиям в поиске самопонимания происходят вполне естественно и без всякого внешнего принуждения в каждой семье, где родственники принимали непосредственное участие в Великой Отечественной / Второй мировой войне.
4. Конечно. Помню, еще в школе на меня произвели большое впечатление тексты Василя Быкова: чтобы их перечитывать, требуется много моральных сил. «Лейтенантская проза» — особое явление русской литературы, хотя и вполне закономерное. Авторы, непосредственно принимавшие участие в боевых действиях, как никто другой, в художественной форме описывали происходившее, транслировали эмоции, передавая атмосферу событий. 29 марта 2020 г. ушел из жизни Юрий Бондарев — один из ярчайших представителей «лейтенантской прозы». Так получилось, что за несколько недель до его смерти я пересматривал фильмы «Горячий снег» и «Батальоны просят огня», снятые по мотивам его произведений. Удивительно, что эти фильмы лично для меня выделяются на фоне других военных. Думаю, это объясняется в первую очередь особенностями «лейтенантской прозы».
5. Я застал своего прадеда — ветерана Великой Отечественной войны. Его звали Николай Иванович Морозов. В семье мы чтим память о нем. В 1938 г. праде-

душку призвали в армию, служил он в Ленинградской области. Когда началась война с финнами, Николай Иванович принимал участие в боях, где получил ранение в ногу. Когда началась Великая Отечественная война, их воинское подразделение располагалось в Ленинграде на стадионе им. В. И. Ленина. Это была зенитная батарея, защищавшая небо над городом от авиации противника. Зимой 1942 г. истощенных и ослабленных бойцов вывезли в Костромскую область. После выздоровления прадедушка был отправлен в пехоту на Воронежский фронт, а в 1943 г. был тяжело ранен. Я помню, как он описывал рукопашный бой, происходивший в условиях плохой видимости — дым и поднимающаяся пыль застилала глаза. После выписки из госпиталя он был комиссован, так до конца жизни в костях его руки оставались застрявшие пули. Хотя он много рассказывал нам про жизнь на войне и своих боевых товарищей, только после его смерти в одном из электронных архивов мы нашли информацию об обстоятельствах боя за райцентр Шаталовка, за который прадедушка получил медаль «За отвагу» в 1943 г. Награды и ордена прадедушки хранятся нами.

Также хотел сказать о его двоюродном брате Сергее, который погиб 30 апреля 1945 г. в Берлине, будучи танкистом. Танки бригады поддерживали огнем группу, участвовавшую в штурме Рейхстага и водрузившую Знамя Победы на куполе.

6. Не могу сказать, что у меня было серьезное увлечение именно военными песнями этих авторов, хотя я их знаю. Мне кажется, что слова некоторых песен знаю наизусть, они навсегда остались в нашей культуре. Для художественного осмысления события требуется временная дистанция. Возможно, именно в 1960–1970-е гг. военные сюжеты были наиболее плодотворно отрефлексированы авторами, которые остро прочувствовали атмосферу и последствия войны. Ранее говорилось о «лейтенантской прозе» как особом явлении в русской литературе, военные песни Б. Окуджавы, В. Высоцкого, Ю. Визбора и А. Галича — явление русской музыкальной культуры. Оба явления представляют собой рефлексию в художественной форме.
7. Думаю, что глагол «купил» не совсем уместен, когда мы говорим о победе в войне. Здесь появляются нежелательные коннотации — «откупился» и т. д. Если говорить о цене, то СССР заплатил высокую цену не просто за победу, а за продолжение существования, жизни. Страна сохранилась. В принципе, оценивать оправданность в экзистенциальном вопросе крайне сложно, поэтому я хотел бы избежать такой процедуры. Согласен, что количество погибших и раненых часто становится предметом обсуждений и споров с последующими выводами. Считаю, что такие вопросы должны решаться профессиональными историками, работающими в архивах, а не политологами. История Великой Отечественной войны написана в СССР, сейчас исследователям доступен

более широкий спектр информации. Считаю, что писать необходимо о победах, поражениях и потерях, но нельзя скрывать информацию — вот основной принцип. Только тогда мы получим историю Великой Отечественной войны во всем многообразии и сложности героизма и трагедии.

8. Полагаю, что о такой тенденции, если она и существует, стоит говорить в связи с кинематографом и массовой культурой, а не профессиональными западными историками, которые якобы желают провести переоценку исторических событий вместо честного исследования. В их научной честности я не склонен сомневаться. Что же касается кинематографа и попытки нивелировать роль СССР в победе над нацизмом, то здесь скорее мы имеем дело с попыткой преувеличить и более детально в художественной форме рассмотреть свою собственную роль. Вполне естественно, что роль Другого таким образом нивелируется. Как мне видится, проблема заключается в почти полном отсутствии у современной России той самой мягкой силы — позитивного культурного влияния на международной арене. Думаю, что наша лаборатория как раз является одним из инструментов мягкой силы, способствующим открытому диалогу и обсуждению, а не обвинениям в нивелировании чьей-то исторической роли.
9. Интересно, что Эйнштейн, у которого была возможность обратиться с подобным вопросом к любому интеллектуалу его времени, выбрал именно Фрейда. Сам Эйнштейн обозначал свою позицию как воинствующий пацифизм, в начале 1930-х гг. оставаться просто пацифистом уже было недостаточно. Именно к популярному в те времена Фрейду он обратился, пытаясь понять, что же заложено в человеке, почему война — его вечная спутница. Фрейд отвечал с опорой на свою все объясняющую и нефальсифицируемую (как сказал потом Поппер) теорию Эроса и Танатоса. Танатос, или инстинкт смерти, выражается благодаря войне и насилию. Что же с этим делать? Ответ Фрейда крайне важен даже вне рассмотрения его теории: «Единственное, на что мы способны, — попытаться выпустить пар другим путем, избегая военных столкновений» (Фрейд, Эйнштейн, 2003: 10). Этому должна способствовать человеческая культура/цивилизация, которой в те годы был крайне недоволен Фрейд (трактат «Недовольство культурой» опубликован в 1930 г.). Будем ли мы когда-то довольны культурой/цивилизацией? Может ли ее развитие перебороть Танатос? Поднятые в переписке Фрейда и Эйнштейна вопросы остались открытыми, мыслители не пришли к решению проблемы войны. Сложно сказать, приблизилось ли человечество хоть на шаг к этому решению с 1930-х гг., однако надежда не угасает, что также кажется вполне естественным.

И. И. Павлов:

1. Я думаю, что значение высказывания Гераклита, как и вечная ценность произведений классической культуры, посвященных военной тематике, двойка. С одной стороны, это высказывание можно понимать буквально. С древних времен и до сегодняшних дней человечество постоянно переживает опыт войн. Меняются их политические условия, способы их ведения, но феномен не меняется.

С другой стороны, высказывание Гераклита можно (и более правильно) понимать не как относимое к войне в буквальном смысле, а как описывающее всякое столкновение, конфликт, диалектику. Понимание диалектических и конфликтных отношений важно для всех областей знания. Однако наиболее важно это понимание для тех сфер, которые могли бы предотвращать войны. Я считаю, что понимание существующих в обществе противоречий, понимание политики как постоянной возможности конфликта и во внешнеполитических отношениях, и внутри государства позволит поставить вопрос, как именно можно социально и политически оформить протекание конфликта без перехода в форму вооруженного противостояния, то есть войны. И напротив, если кто-либо пытается элиминировать из общества конфликты и разногласия, провозглашает возможность объединения всего человечества вокруг одной-единственной идеологии, такая стратегия с необходимостью приведет к конфликту с инакомыслящими и чревата вооруженным противостоянием.

Таким образом, когда мы говорим о высказывании Гераклита, мы должны различать войну как одно из проявлений социальных конфликтов и противоречий и собственно противоречия, не обязательно выплескивающиеся в виде войн. И осмысливать общественные отношения в социальной теории и политической философии, принимая во внимание постоянную возможность конфликта, — это возможность предотвратить кровопролитие. Поэтому тема конфликта и философские концепции, ставящие диалектику и плюрализм выше метафизического единства, актуальны до сих пор и, вероятнее всего, в будущем не потеряют актуальности.

2. Не будучи профессиональным историком, я предпочел бы воздержаться от спекуляций, поэтому не могу дать ответ. Тем, кому это интересно, я рекомендовал бы обратиться к освещению вопроса в профессиональной литературе. Что касается первой части вопроса, то как философ полагаю, что описанный случай — частное проявление более общего вопроса: почему в обществе существуют разделения? Причин может быть много, начиная от культурных и религиозных и заканчивая экономическими. И историк, желающий ответить на поставленный вопрос, должен учитывать все многообразие факторов. Полагаю, что неверно выделять какой-то один. К тому же нужно помнить: не всякое единство

хорошо; часто для стабильности системы необходимо именно сосуществование противоречий.

3. Я не могу ответить за всю Россию, но в целом мне понятна интенция писательницы. В последние годы мы наблюдаем все большую идеологизацию Победы. Несмотря на то, что с каждым годом живых ветеранов остается все меньше, парады Победы и другие мероприятия приобретают все больший размах. Характерен факт, что сейчас в связи с пандемией коронавируса, с введением строжайшего пропускного режима и в том числе с закрытием храмов на Страстную седмицу и Пасху в интернете мелькают новости о продолжающихся репетициях военных, связанных с Днем Победы. Эта ситуация является ненормальной и, на мой взгляд, идеологически эксплуатирует память павших воинов. Вопрос же о соотношении понятий «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война» для меня на данный момент довольно сложен. Полагаю, что на него также могли бы ответить историки, изучающие дискурс Победы в прошлом и в современности. Полагаю, что изучение должно удерживаться от обеих крайностей — как от умаления роли Советского Союза в победе над нацизмом, так и от отрыва отечественной памяти о Победе от мировой истории для поддержания риторики, чреватой изоляционизмом.
4. К сожалению, почти ничего не знаю, не читал.
5. На фронте воевали оба моих деда. Первый умер, когда мне был год, а второй — когда мне было пять лет (мы с ним общались всего один раз). Никаких связанных с ними легенд в нашей семье нет. Но в последние годы, с появлением акции «Бессмертный полк», моя мама стала более внимательно относиться к памяти о своем отце и рассказала мне несколько историй. Я же в первую очередь был воспитан на рассказах двух бабушек, как они трудились в тылу. Их рассказы (особенно история бабушки по маме, которая жила с нами, а в войну в 14 лет пошла работать на завод) — важная часть нашей семейной истории. Из связанных с войной вещей могу назвать только медали бабушки, дедушки и прабабушки (с маминой стороны), которые хранит моя мама.
6. Никогда не увлекался их песнями и совсем их не знаю, но скорее не в силу тематики текстов, а из-за моих музыкальных вкусов.
7. Вслед за Достоевским я считаю, что никакие человеческие жертвы и страдания никогда нельзя считать оправданными. Всякое страдание всегда катастрофа, ею не надо гордиться, о ней следует скорбеть. Я крайне негативно отношусь к современной тенденции героизации трагедии, что не отменяет подвига воинов. На войне было все: и победы, и поражения, и потери. Полагаю, что, если сами живущие ветераны имеют право чувствовать себя героями и все мы должны быть благодарны предкам, это не повод для упоения риторикой народа-победителя в забвении о трагедии.

8. Я негативно оцениваю как эти тенденции, так и обратный процесс, когда в России история Победы воспринимается в отрыве от мировой истории. Очень жаль, что опыт войны ничему не учит и даже память о войне становится поводом для столкновения национальных интересов. Хотелось бы пожелать политикам и историкам в диалоге друг с другом способствовать непредвзятому изучению прошлого и сопротивляться его идеологизации.
9. На этот вопрос я предпочел бы ответить как философ. В философии есть две крайности. Первая — фатализм: человек никак не может повлиять на свою судьбу. Вторая — игнорирование роли обстоятельств и случайностей в ходе истории. Полагаю, что мы не можем ответить, можно ли предотвратить войну, однако важно воздержаться как от взгляда на проблему через розовые очки, так и от пораженчества. Надо не спекулировать, а прикладывать усилия к минимизации возможности войны. Для этого необходимо в том числе осознавать существование конфликтов и столкновений в обществе, а также понимать психологические мотивы, приводящие к военным столкновениям, — они и обсуждаются в переписке Эйнштейна и Фрейда. Комплексная работа по решению конфликтов могла бы снизить риск новых войн, в то время как изоляционистские настроения и риторика национального превосходства толкают людей на путь агрессии.

Литература

- Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин и др.; Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. С. 325–326.
- Куманьков А. Д. (2020) Война в XXI веке. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики.
- Фрейд З. (1992) По ту сторону принципа удовольствия: Сб.: Пер. с нем. М. Прогресс: Литера.
- [А. Эйнштейн, З. Фрейд]. (2003) Истоки войн: Переписка между Альбертом Эйнштейном и Зигмундом Фрейдом // Экология и жизнь, № 5 (34). С. 4–11.

**WORLD WAR II
AND GREAT PATRIOTIC WAR:
ECHO OF EVENTS
(Materials of the Round Table)**

Participants of the round table are research assistants of the International Laboratory for Research of Russian and European Intellectual Dialogue:

*P. A. Blinnikova, A. A. Girinsky, A. A. Doronina, I. Yu. Ilyin,
Yu. V. Klepikova, K. A. Martemyanov, D. A. Morozov, I. I. Pavlov.*

In the modern discourse on war and cultural memory practices (Cultural Remembrance) the events of the wartime past are interpreted differently by new generations, because they did not witness these events. And those who fought and heard life stories about the war are leaving. There are not many of them left. Memory line is torn. In the context of the Western culture of “places of memory”, there was appeared the concept of “post-memory”, which characterizes the third and further generations. Modern young Europeans find new content and attitude to the events of the past in it. The editorial Board of the journal offered today’s students – undergraduates and postgraduates – some questions about the “past war” in order to understand how it is experienced and remembered in Russia.

References

- Andronikov V.M., Burikov P.D., Gurkin V.V. (1993) Grif sekretnosti snjat: poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynah, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh: statisticheskoe issledovanie [Security Code Removed. Losses of the Armed Forces of the USSR in Wars, Combat Operations and Military Conflicts. Statistical Research], Moscow: Voenizdat (In Russian).
- Kuman'kov A. D. (2020) *Vojna v XXI veke* [War in the 21st Century], Moscow: Izd. dom. Vyshej shkoly jekonomiki (In Russian).
- Frejd Z. (1992) *Po tu storonu principa udovol'stvija: Sb.: Per. s nem* [Beyond the Pleasure Principle, Compilation: Transl. from German], Moscow: Progress: Litera (In Russian).
- Frejd Z., Jejnshtejn A. *Istoki vojn: Perepiska mezhdu Al'bertom Jejnshtejnom i Zigmundom Frejdom* [The Origins of War: Correspondence between Albert Einstein and Sigmund Freud], *Jekologija i zhizn'* [Ecology and Life], 2003, no 5 (34), pp. 4–11 (In Russian).

НО МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ ВОЕННАЯ ПОЭЗИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

Поэтические произведения времен войны — документ эпохи. Эссе, написанные участниками круглого стола, открыли авторам возможность диалога, переживания и способность ощутить причастность к далеким, но и до сих пор остающимся близкими событиям войны. Для философского ума — это еще и прикосновение к экзистенциальным проблемам жизни и смерти, ценности мира, различения друга и врага, понимание долга, жертвы и жертвенности, переживание потери близкого, другого опыта любви времени войны.

П. А. Блинникова

Источник текста: <https://rustih.ru/konstantin-simonov-esli-dorog-tebe-tvoj-dom/>

В июле 1942 г. в «Красной звезде» впервые было напечатано стихотворение Константина Симонова «Убей его» («Если дорог тебе твой дом...»), которое стало по-настоящему легендарным. Каждая строчка этого произведения пропитана яркой ненавистью к врагу. Я выбрала это стихотворение, потому что оно производит сильное впечатление. Чувствуется яркая агитационная направленность текста. Словно автор лично обращается к каждому солдату советской армии с призывом. Даже сейчас, в мирное время, читая или слушая это произведение, испытываешь ощущение, что это все происходит сейчас, с твоей семьей, и именно тебе необходимо вступить в бой безотлагательно.

Стихотворение начинается с описания милой сердцу картины малой родины. Дома, сада, быта. Подчеркивается преемственность поколений, о доме говорится: «Дедом, прадедом и отцом // В нем исхоженные полы». Симонов взывает к чувствам всех, кому дорога своя страна, ведь любовь к большой Родине начинается с любви к малой. Воспоминания о родном доме — единственное, что есть у каждого солдата на войне. Ведь до войны у всех была мирная жизнь со своим укладом. И любой хочет возвратиться в родной дом, где ждут родные, где течет прежняя, спокойная жизнь.

В тот момент, когда автору удастся пробудить в слушателе воспоминания, греющие душу, он резко помещает в это пространство врага. Он беспощаден и уничтожает все на своем пути, не щадит ни чужое имущество, ни чужую жизнь. Эта ужасная картина показана в строфах с перечислением наиболее близких людей. Матери, которую бьет и унижает фашистский захватчик. Отца, память о котором он оскверняет, топча бережно хранимую фотографию. И, наконец, ужасающая картина насилия над любимой девушкой. Хрупкой и беззащитной, которая так дорога солдату. Яркое и жесткое противопоставление в этой строфе заключается

в том, что «ты», к кому обращены стихи, так любил эту девушку, что «долго поцеловать не смел», а враг, и не один человек, а трое, издевается над ней.

Следующие строфы, на мой взгляд, обращены уже больше к чувству собственного достоинства и чести мужчины. Симонов подчеркивает, что единственный способ на данный момент проявить свою любовь к Родине, ко всему, что дорого, — только убийство. Отомстить за горе, которое фашист принес в твою жизнь и жизнь твоих родных, ты можешь только выстрелив из винтовки: «За чужой спиной не сидят, // Из чужой винтовки не мстят». Он подчеркивает, что важен каждый солдат, каждый выстрел.

Последняя строфа показывает отношение к врагу. Во-первых, стоит отметить, что враг не имеет лица: автор, объединяя всех солдат гитлеровской армии в одного «фашиста», недаром применяет синекдоху. Неважно, кто перед солдатом: ему необходимо сражаться. Это подчеркивает и вторую особенность времени: на войне нет места жалости. Симонов как бы пытается снять все психологические ограничения, высвободить в солдате жестокость, которую в обычной жизни тот не мог бы проявить. Всех людей с детства учат быть добрыми, проявлять милосердие и сострадание. Насколько страшно пойти на такой шаг — не ударить, а убить человека, забрать чью-то жизнь? Но автор нарочно лишает врага лица, ведь для советского солдата он не должен быть человеком. Это не человек — это враг. Более того, автор снимает ответственность за убийство, говоря, что фашист сам виновен: «Так хотел он, его вина». Стихотворение заканчивается исполненными пафоса строками: «Сколько раз увидишь его, // Столько раз его и убей!» Это призыв к немедленному действию.

В заключение хочется отметить, что данное произведение выполняло свою главную функцию — поднимало бойцов в атаку. Поэт Михаил Львов рассказывал: «В 1944 году, на Сандомирском плацдарме, за Вислой, говорил мне мой друг-танкист о стихотворении Симонова “Убей его”: “Я бы присвоил этому стихотворению звание Героя Советского Союза. Оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер...”»

В этом произведении поднято множество проблем. Самая серьезная, по моему мнению, проблема убийства другого. Мирному человеку необходимо брать на себя ответственность за лишение жизни. Кем бы он ни был, врагом, носителем чуждой идеологии, все же он остается человеком, со своими проблемами, семьей, которую так же пришлось оставить, возможно, он не был добровольцем и не хотел вступать в бой, возможно, у него не было выбора. Но на войне нужно забывать об этом. Поэтому произведение Симонова оказалось так действенно, ведь оно достигало души каждого солдата.

А. А. Гуринский

Источник текста: <https://rustih.ru/olga-berggolc-razgovor-s-sosedkoj/>

Стихотворение принадлежит перу Ольги Берггольц, известной советской поэтессы, которую называли «музой блокадного Ленинграда». «Разговор с соседкой» — одно из наиболее заметных произведений этого цикла, написанное в конце 1941 г. Берггольц могла и не оказаться в блокадном Ленинграде: вместе с мужем, Николаем Молчановым, она должна была быть эвакуирована, но он умер, и она приняла решение остаться в городе.

В годы блокады Ольга Берггольц работала в литературно-драматической редакции Ленинградского радио. Благодаря этой работе к ней и пришла настоящая известность: ее голос для ленинградцев стал символом мужества и терпения, сопереживания и надежды. К слову, именно ей принадлежат знаменитые слова, которые сегодня являются формулой памяти обо всех убитых в Великой Отечественной войне: «Никто не забыт и ничто не забыто».

В воспоминаниях о Берггольц часто отмечали, что в годы блокады, в это тяжелое и страшное время, она чувствовала себя по-настоящему «счастливой, нужной», она стала, по выражению Д. Гранина, «воплощением героизма блокадной трагедии».

В своем творчестве этого периода Берггольц обращается к простым ленинградцам, к обычным рядовым людям, переживающим трагедию. «Разговор с соседкой» — одно из самых репрезентативных в этом отношении стихотворений. Оно представлено как диалог с Дарьей Власьевной. Это своеобразный «разговор по душам», в котором соседки обсуждают «мир», мечтают о времени, когда война закончится, а они выйдут из этого испытания более сильными, стойкими и целеустремленными. В образе Дарьи Власьевны зашифрован образ России, о чем свидетельствуют последние строки:

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

В слишком «рядовом», личностном патриотизме официальная пропаганда обвинит поэтессу уже в послевоенное время. Упрекали ее в том, что она много говорила о трагедиях отдельных людей и мало освещала подвиги и военные победы. На эту критику Берггольц также ответила в стихотворной форме:

И даже тем, кто все хотел бы сгладить
в зеркальной робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.

Согласно жизненной философии Берггольц, проявившейся в ее творчестве того периода, возможность сохранить обычную жизнь и позитивное ее восприятие было подвигом не меньшим, чем военный. Такое миропонимание она и несла в своих стихах жителям блокадного Ленинграда, и в этом была созвучна их настроению и чувствам.

А. А. Доронина

Источник текста: <https://rustih.ru/anna-axmatova-in-memoriyam/>

Как оценить войну? Никогда нельзя сказать, что она достаточно понята, достаточно осмыслена, о ней достаточно говорили или молчали. Еще сложнее с памятью войны. Возможно, поэтическое высказывание, как мало что иное, способно приблизить нас к осмыслению этого феномена.

Большому поэту свойственны не только точность, сила и профетизм высказываний; одна из наиболее ярких его характеристик — способность быть посредником между человеческим и божественным, способность брать на себя ответственность перед людьми и Богом быть самим собой не переставая, не отказываясь от своих слов. Помимо этой ответственности, поэт призван служить людям, что означает откровение общего, целого через себя самого.

Великий поэт Анна Ахматова — представитель великой культуры жизни народа. О. Берггольц в статье «Военные стихи Анны Ахматовой» раскрывает значение таланта поэта в русской и мировой культуре: «большой поэт, обладающий огромным, общим с народом душевным опытом, личность, завоевавшая право на это всем путем своего сердца, способного на великую земную любовь» (Ефимов (публ.), 2001). По воспоминаниям многих современников, Ахматову всегда отличала «глубокая вера» и почти пророческое предвидение (Добин, 1968: 130).

Стихотворение Ахматовой «In memoriam» (1942), по сути, апостольское обращение: «А вы, мои друзья последнего призыва»; одновременно — определение всенародного служения поэта: «Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена». Поэт конституирует вечную скорбь и вечную память. Содержанием и центральной идеей становится победа жизни над смертью и бессмертие любви:

И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Нельзя не заметить, что в первой редакции стихотворения последняя строчка — «Живые с мертвыми: для славы мертвых нет» — заканчивалась слова-

ми: «...для Бога мертвых нет». Однако для публикации в московском журнале «Знамя» в 1945 г. с согласия автора строчку скорректировали (Ефимов (публ.), 2001).

Военные стихи Ахматовой немногочисленны. Однако в них звучало новое слово в поэзии, новая сторона ее творчества: в них эхо народного голоса, слово общей судьбы, единой жизни.

И. Ю. Ильин

Источник текста: <https://rustih.ru/aleksandr-tvardovskij-ya-ubit-podo-rzhevom/>

Стихотворение Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» написано в 1946 г., через год после окончания войны. Оно написано от первого лица и представляет собой лирический монолог погибшего. Тот хочет возвестить стремительно отдаляющемуся от него миру о своем закончившемся существовании и донести до боевых товарищей и соотечественников необходимость защищать Родину и счастливо в ней жить.

Главной темой произведения можно назвать подчиненное положение индивидуальной человеческой судьбы по отношению к необходимой само-жертвенности во имя великого исторического события, которым в данном случае является победа над врагом, терзающим родную землю. Ключевая, на мой взгляд, мысль стихотворения выражена так:

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?
И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Твардовский очерчивает здесь контуры нерелигиозной (а лучше сказать — квази-религиозной) эсхатологии и сотериологии: мертвый не сможет обрести покой (а значит, не умрет окончательно) и не сможет спастись в том случае, если его жертва была напрасной. Спасением здесь выступает событие Победы, которого одинаково чают не только живые, но и погибшие.

Победа, которую все усиленно ожидают, с этой точки зрения является, безусловно, событием мессианическим. Твардовский иллюстрирует это через временное измерение произведения. Выбранный им способ наррации укладывает

идею стихотворения в классическую концепцию мессианического времени как промежуточного: событие Победы еще не свершилось объективно (т.к. герой умирает в 1942 г.), но при этом оно уже свершилось, поскольку все о нем знают. Твардовский написал стихотворение в 1946 г., мы читаем его в 2020 г., но главное то, что в логике данного нарратива оно попросту не могло не свершиться («Вы должны были, братья, // Устоять, как стена, // Ибо мертвых проклятье — // Эта кара страшна»).

В произведении сплетаются две линии. Одна из них — послание героя к выжившим товарищам, а вторая — повествование о собственной участи. При этом Твардовский мастерски нюансирует между эмоциональными смыслами обеих линий: с одной стороны, герой считает, что положил жизнь не зря (и выделяет эту жертву с соответствующим пафосом), но с другой — не может сдержать горечи.

Герой, которого с позиции истории, несомненно, стоит отнести к победителям, при этом оказывается проигравшим в доминирующем фокусе субъективной микроистории. (История, которая, по Беньямину, пишется победителями, еще могла бы вместить в себя нашего героя, например, на условиях героической смерти или совершенного подвига, однако Твардовский намеренно дает читателю знать, что смерть героя не была героической и что никакого выдающегося подвига он не совершил.) Мы не знаем, есть ли у героя семья, но очевидно, что отныне он может стать исторической частью события Победы только через коллективную память, которая сегодня обретает воплощение, например, в акциях «Бессмертного полка».

Наконец, стоит сказать несколько слов об эстетическом измерении произведения. Твардовский, являясь непосредственным участником войны, стилизует собственный язык, применяя прием сказа, чтобы читатель прочувствовал сущность войны, пульс и дыхание ее повседневности. Это короткие приказы, скупые эмоции и постоянное пребывание в состоянии собранности. Воспринимая поэтический язык и стиль автора — короткие фразы, отрывочная речь, множество хлестких метафор — мы становимся со-участниками происходящего. Твардовский предлагает нам посмотреть на ту реальность взглядом, противоречащим, возможно, объективному, но обезличенному официальным историческим дискурсом — а именно глазами людей, сгинувших бесследно на необъятных просторах нашей страны и не имеющих даже могилы.

Ю. В. Клепикова

Источник текста: <https://rustih.ru/olga-berggolc-razgovor-s-sosedkoj/>

О знакомой и неизвестной Берггольц

Ольга Берггольц жила когда-то на улице Рубинштейна в советском Ленинграде, в доме Коммуны.

Сложно представить, многим ли и кому известна была (например, из ее многочисленных соседей) несоветская Берггольц, преклоняющаяся перед поэзией Серебряного века? Однако дневниковые записи Ольги Берггольц изобилуют цитатами из Мандельштама, Ходасевича, Блока, Ахматовой.

Дарья Власьева, соседка по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Как отмечают исследователи, всю жизнь Берггольц пыталась преодолеть растущую пропасть между внешним миром и внутренним, между верой в придуманную идею и открывшейся страшной действительностью.

Вот мы прожили почти полгода,
полтора суток длится бой.
Тяжелы страдания народа —
наши, Дарья Власьева, с тобой.

В молодости Ольга Берггольц училась на Высших курсах при Институте истории искусств. Среди преподавателей были Борис Эйхенбаум и Виктор Шкловский. Там юная поэтесса слушала выступления Эдуарда Багрицкого, знакомилась с творчеством Владимира Маяковского. Можно сказать, что определенная поэтическая известность пришла к Берггольц уже в тридцатые годы.

Для того чтоб жить в кольце блокады,
ежедневно смертный слышать свист —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

В 1938 г. Ольгу Берггольц, уже широко известную поэтессу, арестовали по обвинению «в связи с врагами народа», а в июле 1939 г. освободили и реабилитировали полностью. Только в результате почти годового заключения из-за побоев

во время допроса она родила мертвого ребенка. Вспоминая о допросах, Берггольц писала, как у нее вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули обратно и сказали, мол, живи...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?
— «Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь».

Муж Берггольц Николай Молчанов умер в блокадном Ленинграде, а до этого поэтесса похоронила двух малолетних дочерей.

Однако именно в это время Берггольц создала едва ли не лучшие свои поэмы «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма», посвященные защитникам Ленинграда. Музой блокадного Ленинграда, как в то время называли Берггольц, стала несчастнейшая из женщин, казалось, сломленная трагическими потерями.

Дарья Власьевна, еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

В блокаду Ольга Берггольц ежедневно работала на радио, поддерживая ленинградцев. Она вышла замуж в третий раз, за исследователя литературы профессора Георгия Макогоненко. Биографами Берггольц этот период ее творчества и жизни отмечен как самый удачный, однако жизненные противоречия Берггольц не прекратились.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Стихи Берггольц разновелики по уровню литературного мастерства, созданы в разное время и отчасти по требованию момента, но всякое творческое произведение ее — искреннее и незамутненное цинизмом.

В большинстве ощущается недосказанность, в них звучат диалоги с ушедшими и скрытые повествования о своей судьбе.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Ольга Берггольц похоронена 13 ноября 1975 г. на Литераторских мостках Волковского кладбища в Ленинграде — вопреки прижизненному ее завету быть похороненной на Пискаревском кладбище, где высечены в камне ее слова: «Никто не забыт и ничто не забыто», которые поэтесса считала лучшим своим произведением.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия
Стой же и мужайся, как она!

К. А. Мартемьянов

Источник текста: <https://rustih.ru/aleksej-surkov-byotsya-v-tesnoj-pechurke-ogon/>

Стихотворение «Бьется в тесной печурке огонь» Алексея Суркова (1899–1983) — это сокровенные строки военного корреспондента, написанные после сражения. Строки из личной переписки только в 1942 г. стали знаменитой песней «В землянке», когда композитор Константин Листов случайно познакомился с автором и увидел его текст, а затем положил его на музыку.

После тяжелого боя, в котором оружие в руки взяли не только штабные, но и корреспонденты, Сурков принялся за письмо жене. В нем силой памяти и слова удалось по крупницам собрать растерзанный войной мир, вселив в него красоту и любовь. Тягостный военный быт, войдя в разгоряченное мечтой сознание поэта, принял столь одухотворенный облик, что трудно поверить: совсем недавно Сурков выходил из немецкого окружения, пробираясь через снега продрогшим и изможденным.

Впрочем, силу воображения, наделяющую вещный (и потому мертвый) мир жизнью («на поленьях смола, как слеза»), необязательно противопоставлять обыденной направленности сознания, наивно отражающей опытную данность мира. Последнюю можно понимать как повод для пробуждения и предельной интенсификации спящих духовных ресурсов человека и, в частности, воображения. Но что стоит за словом «дух» или «духовный»? В Евангелии от Иоанна сказано: «Дух дышит, где хочет...» (Ин: 3:8). В данном случае дух Суркова дышит воспоминаниями о мирной земле Подмосковья, о «белоснежных полях», в которых кусты «шепчут» ему имя возлюбленной, о глазах

и улыбке родного лица. В стихотворении можно увидеть нарастающую с каждой строфой интонацию вызова, желание перебороть, внутренне превзойти текущее положение дел, которому человек (автор и лирически герой) полностью подвластен физически. Если первую строфу можно охарактеризовать как робкий подступ поэтического сознания к уродливой и гнетущей массе непосредственных фактов (война, холод и т.п.), то в последней ясно слышится убежденность в собственной силе, способность бросить вызов миру, в который ты оказался «брошен» и которому, как казалось до недавнего времени, ты полностью подчинен.

Д. А. Морозов

Источник текста: <https://rustih.ru/konstantin-simonov-esli-dorog-tebe-tvoj-dom/>

В чтении артиста М. Ю. Царева:

<https://www.youtube.com/watch?v=F9ivKHI8ZAw>

Стихотворение «Убей его», написанное Симоновым в 1942 г., заняло особое место в истории Великой Отечественной войны. Это не послевоенное осмысление, а отчаянная реакция на происходящее в 1941–1942 гг. Русская военная музыка и поэзия на протяжении столетий поддерживали боевой дух защитников Отечества. Вторгнувшемуся в Россию Наполеону приписывают следующее высказывание: «Мой главный враг — русская музыка». На войне искусство становится оружием, а вместо изящества и грации приходят отточенные формулировки и поднимающие боевой дух мелодии. В момент экзистенциальной угрозы полного уничтожения творческий гений способен уравнивать силы сторон, даже если изначально они несопоставимы. После такого творческого порыва количественное преимущество противника ничего не значит.

Стоит лишь вспомнить песню «Заветный камень» (музыка Бориса Мокроусова, стихи Александра Жарова), созданную в 1943 г. Леонид Утесов называл ее Царь-песней по аналогии со знаменитыми Царь-пушкой и Царь-колоколом. Сила «Заветного камня» направлена на будущее — камень обязательно вернется в Севастополь, это надежда в обязательную победу: «И в мирной дали, идут корабли, под Солнцем родимой земли». Стихотворение Симонова же в большей степени про настоящее: автор остро прочувствовал актуальный момент экзистенциальной угрозы, в 1942 г. о коренном переломе в войне говорить было рано. Сражение за Сталинград, Курская битва были впереди.

Полагаю, что стихотворение «Убей его» есть наиболее совершенное поэтическое оружие, созданное в России. Даже сейчас оно пугает убийственной мощью, заложенной в каждое слово. После войны автор предпочитал назы-

вать его по первым строкам «Если дорог тебе твой дом...» и избегал формулы «Убей его».

Как работает идеальное поэтическое оружие и что с ним делать в мирное время?

Симонов последовательно наполняет содержанием понятие Родина и указывает солдату на серьезную угрозу, нависшую над ней. Мать, отец, любимая, родной дом в опасности: автор изображает пугающую перспективу. Солдат должен осознать, что ответственность за близких лежит только на нем, никто другой вынести ее не способен. Появляется и сюжет мести за то, что противник сделал с Родиной солдата. Не важно, в каких войсках он служит. Страшная месть становится долгом — за неисполнение нет солдату прощения: «А тебе оправданья нет».

Стихотворение завершается заклинанием: «убей же его», «убей хоть одного».

24 июля 1942 г. в газете «Красная звезда» Илья Эренбург опубликовал заметку «Убей немца», где отчасти задал основной посыл Симонова: эту интенцию поэт довел до предела: «Если ты убил одного немца, убей другого, — писал Эренбург, — нет для нас ничего веселее немецких трупов». Конечно, в стихотворении не говорится о пугающем веселии.

Термин «пропаганда» кажется нерелевантным в данном случае: стихотворение Симонова — убийственное оружие в борьбе за существование. Оно мощнее, чем любой автомат, танк или артиллерийская батарея. Симонов нанес серьезный урон по немецким войскам лишь силой слова.

В 1942 г. Михаил Царев прочитал «Убей его» со свойственным ему мастерством. И сейчас мы можем послушать эту запись, она по-прежнему производит впечатление. Сложно представить, с какой силой голос Царева звучал для солдат в окопах. Каждому из них вменялась личная ответственность за все, что они любят, на каждого возлагался долг мести. В фильме 2015 г. «Битва за Севастополь» используются стихи Симонова, заключительный фрагмент с заклинанием «убей же его» читает маленькая девочка. Сцена показалась мне неуместной и неоправданной, вызывающей аффекты.

Считаю, что стихотворение Симонова как идеальное поэтическое оружие отзвучало голосом Царева на войне, а сейчас, в мирное время, стоит крайне аккуратно с ним обращаться — скорее как к до сих пор опасному экспонату в отечественной истории, ведь оно лежит там среди многих орудий, принесших Победу.

И. И. Павлов

Источник текста: <https://rustih.ru/olga-berggolc-razgovor-s-sosedkoj/>

Стихотворение Ольги Берггольц «Разговор с соседкой» написано в блокадном Ленинграде. В нем поэтесса через образ Дарьи Власьевны, простой женщины и соседки по квартире, обратилась ко всем жителям блокадного Ленинграда — а также ко всем, мужественно и подвижнически переносящим тяготы войны.

«Разговор с соседкой» интересен как темой, так и образом Дарьи Власьевны. Сегодня при слове «война» многие вспоминают в первую очередь поле битвы, армейскую жизнь, воинские подвиги солдат, в основном, мужчин, и стратегические решения полководцев. Но нельзя забывать о том, что война — не только победы и воинская слава, но и страдание, с которым пришлось столкнуться как воюющим на фронте, так и трудящимся в тылу. Особые испытания выпали жителям Ленинграда. Им выпало долгое время жить впроголодь, героически переживая блокаду. Многие не смогли дождаться прорыва блокады, умерли от голода и истощения. Стихотворение Берггольц напоминает нам о страданиях этих людей, да и всех тех, кого коснулась война. Выбирая для своего стихотворения образ женщины, а не мужчины, поэтесса подчеркивает: она будет говорить не о ратных подвигах, но о терпеливом перенесении военных невзгод, особенно ужасных в Ленинграде, хотя тяжелых и по всей стране.

Сегодня, когда в идеологической риторике стремятся свести память о Великой Отечественной войне исключительно к славе русского оружия, а День Победы превратить в милитаристский парад войск и военной техники, есть опасность забыть, что любая война — это в первую очередь страдания, причем не только воинов, отдающих жизнь на фронте, но всех вовлеченных в вооруженный конфликт. Поэтому стихотворение Берггольц звучит особенно актуально. Оно дышит настоящим патриотизмом, настоящей любовью к своей стране и ее жителям.

Несмотря на очевидный патриотизм стихотворения, при жизни поэтессы ее поэзию иной раз критиковали за представление войны исключительно в мрачных тонах. Так же и сейчас далеко не всем хочется хранить память о войне как о трагедии, которую следует желать не повторить, а избежать.

В то же время хочется сразу оговориться, что и обращение к теме страданий может обслуживать идеологический запрос. Всегда важно различать то, что говорится, и то, в каком контексте говорится — а значит, к каким следствиям приведет высказывание. Берггольц, сама жившая в блокадном Ленинграде, сама пережившая ужасы войны, имеет моральное право завершить свое стихотворение сравнением простой женщины, Дарьи Власьевны, с самой Россией и говорить о силе России, способной пережить войну. Но совершенно иначе риторика силы России и способности русского народа к крайнему страданию и самопожертвованию ради патриотизма звучит из уст тех, кто сам находится в безопасно-

сти — безответственных политиков и идеологов, религиозных проповедников и горе-философов, использующих риторику силы и милитаризма в своих речах.

Это приводит нас к сложной этической теме страдания. С одной стороны, в некоторых ситуациях человек оказывается призван к страданию и самопожертвованию ради других, и готовность перенести такое страдание — подвиг. С другой — гуманизм запрещает оправдывать, прикрываясь разговорами о благородстве страдания и подвиге самопожертвования, человеческие жертвы. Любые жертвы всегда являются ужасными, и их всегда надо стремиться избежать.

Внимание к теме страдания и политическая осторожность, запрещающая спекулировать словами о подвиге и жертве, подводит нас и к вопросу, что такое подлинный патриотизм. Часто о патриотизме говорят как о готовности человека поставить интересы страны выше своих собственных вплоть до возможности отдать свою жизнь ради страны. Но что такое страна? Если мы понимаем страну как абстрактную сущность, то такой патриотизм — готовность отдать человеческие жизни ради чего-то внечеловеческого — ничем не отличим от тоталитарной идеологии, перемалывающей личность от имени безличного коллектива. Но если мы говорим о стране как о живой общности народа, то настоящий патриотизм должен основываться на заботе о согражданах — в том числе со стороны людей, находящихся у власти. Политики должны в первую очередь думать о том, как не допустить войны, как избежать человеческих жертв, а не безответственно призывать народ к жертве — что особенно отвратительно слышать тех, кто сам подобную жертву никогда не готов принести.

Сегодня историки продолжают спорить, насколько ответственными были решения Сталина и тех, кто находился в то время у власти и был способен влиять на ход истории. Можно ли было избежать войны или хотя бы вести ее с меньшими потерями? Имелась ли возможность не допустить блокады Ленинграда? Об этих вопросах также важно не забывать, обращаясь к истории Победы, в том числе через отражение войны в отечественной поэзии и литературе. И если сами герои, перенесшие ужасы военного времени, имели право на гордость своим подвигом, то мы, желая быть верными памяти предков, должны сделать все возможное, чтобы их подвиг не оказался напрасным. Тот, кто умер или пережил бесчеловечные страдания, сделал это, чтобы другие — мы — жили. Относясь к человеческой жизни безответственно, мы делаем их жертву бессмысленной.

Всегда важнее, чем сама жертва, то, ради чего жертва приносится, и если жизнь приносится в жертву ради чего-то иного, чем человек и человечество, частью которого является страна, то она не имеет никакого оправдания с точки зрения разума и совести.

Литература

- Ефимов Е. И. (публ.) (2001) Неизвестная статья Ольги Берггольц об А. Ахматовой // Знамя, 2001, №10. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1557> (дата обращения 28 апреля 2020).
- Добин Е. Е. (1968) Поэзия Анны Ахматовой. Л.: Советский писатель, 1968.

BUT MUSES WERE NOT SILENT MODERN INTERPRETATION OF MILITARY POETRY

War-time poetry is a document of the era. The essays written by the participants of the round table opened the authors the possibility of dialogue, existential experiences as well as the ability to feel involved in the distant, but still close events of the war. For the philosophical mind it is also a touch to existential problems of life and death; the value of peace; the distinction between friend and enemy; the understanding of duty or sacrifice; the experience of losing a loved one; experience of love during the war.

References

- Efimov E. (publ.) (2001) Neizvestnaja stat'ja Ol'gi Berggol'c ob A. Ahmatovoj [Unknown article by Olga Berggolz about A. Akhmatova], *Znamja [Banner]*, 2001, №10, URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1557> (accessed 28 April 2020) (In Russian).
- Dobin E. E. (1968) Pojezija Anny Ahmatovoj [Poetry of Anna Akhmatova], Leningrad: Sovetskij pisatel' (In Russian).

ГОЛОС ПОЭТА МОЯ ВОЙНА. МОЯ ПОБЕДА

Ефим Львович Бершин

Поэт. Член Союза писателей и член Исполкома Русского ПЕН-центра.

Адрес: 109052, Москва, Автомобильный проезд, 10, стр. 8, ком. 16.

E-mail: bershin@rambler.ru

Марина Цветаева говорила, что все узнанное нами в детстве узнано навсегда, а не узнанное никогда не узнается. Восприятие военных событий формировалось у автора, в те годы ребенка, в процессе общения с выжившими фронтовиками, для которых военный опыт оказался однозначно травматичен. События вписаны не только в обширный исторический, но и в библейский контекст. Приводятся стихотворения автора.

Ключевые слова: В. С. Гроссман, Сталинградская битва, С. И. Липкин, нацизм, семейная история, травма.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-83-89

О войне я узнавал, прячась под столом, потому что за столом мне еще не было места. За столом сидел отец. За столом сидели еще молодые, несколько лет назад вернувшиеся с фронта мои дядьки и соседи. Они пили водку и говорили о войне. А я ползал между ногами и учился считать. И у меня все время что-то не сходилось. Потому что на пятерых человек приходилось почему-то только восемь ног. Я выглядывал наружу, пересчитывал сидящих — их было пять. А ног всего восемь. Война входила в мое сознание безногой. И еще песней, которую, изрядно выпив, фронтовики затягивали за столом: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем».

Я не знал, кто такой Сталин. Но я очень любил этих людей, молодых, пьяных, сверкавших орденами и медалями. Иногда они разрешали потрогать эти сверкающие кружочки, и я гордо приобщался к их подвигам.

* * *

Однажды Инна Лиснянская вспомнила рассказ мужа, Семена Липкина, о его споре с близким другом, писателем Василием Гроссманом, о Сталинградской битве. Это было перед самой Победой. Будущий автор «Жизни и судьбы» стал что-то говорить о роли партии... «Не вижу никакой роли партии в победе, — отрезал Липкин, — победил Бог, вселившийся в народ». А позже написал:

Если в воздухе пахло землею
Или рвался снаряд в вышине,
Договор между Богом и мною
Открывался мне в дымном огне.

Итак, тогда свершилось то, чего не понимают сегодняшние безбожники: победили не партия, не Сталин и не кто иной. Победил Бог, вселившийся в народ. И потерпел крах дьявол, вселившийся в других людей. В безумцев, которые бросили вызов Богу. Но в борьбе Бога и человека всегда побеждает Бог! А Бог тогда был с нами. Богу было нужно, чтобы мы были. Чтобы мы жили. И Он был с нами.

«Тогда Господь сказал Иисусу: в сей день Я начну прославлять тебя пред очами всех сынов Израиля, дабы они узнали, что, как я был с Моисеем, так буду и с тобою» (Нав. 3:7). И Иисус Навин с народом своим перешел Иордан. Мы с Богом перешли Днепр, Днестр, Березину, Вислу, Одер и еще много всяких рек. А те, другие, по сей день ревнуют нас к Богу. Потому что Он был с нами, а не с ними.

* * *

Он хотел, чтобы мы жили. Пусть плохо жили, но — жили. А жили мы плохо. Страшно жили. И мне не нужна ни написанная, ни переписанная история той войны. Потому что я вырос на ее развалинах. Война катком прошла по нашему маленькому городу, сделав счастливыми полубодренных пацанов нашего двора. Потому что не надо было ничего придумывать. Мы целыми днями играли в войну на самых настоящих военных развалинах. Мы запросто находили среди них самые настоящие гильзы от патронов. Мы бросали жребий и делились на русских и немцев. Потом менялись. Потому что никто не хотел постоянно быть немцем. И мы воевали до темноты под ворчание соседей. Иногда кто-то подрывался на оставленной войной мине.

А рядом, в том же дворе, на наспах сколоченных лавках молодые фронтовики пили и пили свою водку. И дрались в кровь. Они никак не могли отойти от той войны. Жизнь казалась пустой и никчемной. Потому что Победа пришла вместе с развалинами, вместе с нищетой, с непониманием, как жить дальше. Бог был с нами на войне. А потом оставил нас. Но я этого не знал, не понимал. Я играл в войну на развалинах. И только много лет спустя написал стихи.

Я вырос на руинах той войны,
там, где за водкой и в кровавых драках
вернувшиеся с фронта пацаны
достреливали жизнь свою в бараках,

хватаясь за ножи и топоры,
размазывая братьев по заборам.
Я тоже мог по моде той поры
заделаться убийцей или вором.

Но у меня своя была война,
свой вечный бой, который вечно длился
меж двух дворов.
И не моя вина,
что я родился там, где я родился.

Пока вели угрюмый разговор
крутые мужики в угаре пьяном,
мы пядь за пядью занимали двор,
заросший повиликой и бурьяном.

Мы шли на штурм разболтанных оград
чужих садов, ломая ветки с хрустом,
не славы ради и не для наград —
там был наш враг.
А я считался русским.

Я шел вперед. Я был почти комдив.
Мы против комьев в полный рост вставали.
Ворчал сосед: мол, мало вас, жидив,
фашисты на войне поубивали.

Безногая, безрукая война
еще блуждала в переулках стертых,
выменивая хлеб на ордена,
сверкавшие на грязных гимнастерках.

И что нам до Великой Мировой,
застрявшей в историческом провале,
когда уже и с нашей, дворовой,
иных уж нет, а те — отвоевали.

* * *

Отец, конечно, был сталинистом. И это несмотря на то, что успел отсидеть в сталинском лагере. Почему? В молодости я, уже все зная, все прочитав, спорил с ним до хрипоты, до полного разрыва, до слез матери. А потом перестал. Зачем?

Это его жизнь. А еще позже задумался: может быть, они знают что-то такое, чего мы не знаем? Чувствуют что-то такое, чего нам почувствовать уже не дано? И в самом деле, кто сегодня вспоминает о том, что режим Моисея, выводящего людей из Египта, был не просто жестоким — жесточайшим. Кто помнит, сколько крови соплеменников пролили Иисус Навин и Илия, названный пророком? Но с ними был Бог! Может быть, нам, живущим сегодня, стоит уже помолчать. Отдать историю — истории, где безумствуют стихии, как безумствуют ветра, метели, ливни, спорить с которыми, возмущаться которыми — нелепо. Может быть, так и надо поступить? Может быть, мой отец и его друзья до конца жизни тосковали по времени, когда Бог был с ними?

А мама тоже что-то чувствовала, но иначе. Потому что в тот самый день, когда умер Сталин, я нечаянно описался. Мне не было еще полутора лет, но я точно запомнил, что сидел на тумбочке, в какой-то миске, а мама меня мыла и переодевала. И тут вошла ее тетушка:

— Включай радио (а у нас на стене висела «тарелка»)! — закричала тетушка. — Сталин умер, все идут на площадь, а ты тут сидишь!

— Какой может быть Сталин, если ребенок описался? — спокойно ответила мама.

Повторяю, мне не было еще полутора лет, но я все запомнил так, как будто это было вчера. Впрочем, что было вчера, я уже не всегда помню. Но что было тогда, помню очень хорошо.

И что делать, если я всю сознательную жизнь ненавижу Сталина, но людей за нашим столом, которые пели «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», просто обожаю?

* * *

Да, «уже и с нашей, дворовой, иных уж нет». Да и двора, наверно, нет. А ведь он был. И не только наш. Уцелевшие люди лепили из развалин жилища. В ход шло все, что валялось под ногами. Я держал банку с краской, а отец красил крышу соседям и чертыхался. Единого цвета не получалось. Потому что перекрытием служили два огромных крыла от сбитого немецкого самолета.

А по воскресенья мы шли на базар. И вдоль всей прибазарной улицы, чуть ли не через каждый метр сидели безрукие и безногие фронтовики и просили милостыню. И нечего было им дать. Потому что мы только шли на базар. И я уже знал, что по дороге мы обязательно заглянем в мастерскую к безногому дяде Грише, другу детства моего отца, сапожнику. И в мастерской будет пахнуть свежей кожей. И мне подарят там пару маленьких сапожных гвоздей, которые обязательно пригодятся мне на той, дворовой войне. О настоящем молотке я мог только мечтать. И еще я знал, что там же, у ворот базара, мы встретим балагулу Яшу,

огромного, как его лошадь, с которой он постоянно ругался, как будто она была ему женой.

— О, ты уже такой большой, как почти моя лошадь! — кричал он, завидев меня. — Хочешь покататься на подводе?

— Хочу.

— Нельзя, — огорчал меня Яша. — Ты же не товар! Ты же уже почти человек. А человек — не товар.

Они были молодыми. И я никак не могу понять, почему они казались мне стариками. Эти «старика» по субботам, сменив рабочую робу на чистые пиджаки и рубахи, частенько собирались прямо в мастерской дяди Гриши. И снова говорили о войне. И снова пили. И снова спорили. А я все слушал и запоминал. Чтобы потом, через много-много лет вспомнить и написать.

И когда это было — мне вспомнить уже не дано.
На царапину памяти не наложить подорожник.
Но всплывают ночами, как кадры цветного кино,
балагула, веселый портной и безногий сапожник.

Три ошибки войны, по ошибке оставлены жить
в этом маленьком городе, там, где по воле Господней
вечным Жидом назначен был каждый расстрелянный жид,
под стволом автомата встававший на край преисподней.

Три ошибки судьбы выпивали сперва по одной,
бесконечный свой спор завершая едва ли не дракой.
Балагула — уздечкой, портняжьим лекалом — портной,
а безногий сапожник сурово размахивал дратвой.

И на их пиджаках полыхали войной ордена
за Берлин и Варшаву, за взятие рая и ада.
За безногую жизнь осушали стаканы до дна,
и за то, чтобы помнилось то, что и помнить не надо.

Три ошибки беды — рядовой государственный сор, —
как подбитые птицы, клевали субботнюю пайку
и тянули вино, и тянули пустой разговор,
и тянули, напившись, свою «тумбала-балалайку».

Где я видел их лица? Зачем выплывают они
из далекой страны, нагоняя тоску и усталость, —
из забытых времен, от которых остались одни
головешки пожарищ, и даже страны не осталось.

На руинах страны догорел окровавленный век,
что охотился так, как за дичью охотится лайка.
Только ветхая память осталась, сухая, как Ветхий Завет.
Только три старика. И суббота. И «тум-балалайка».

* * *

В нашем городке, на который в 1992 г. новые нацисты обрушили новую войну, есть небольшой холм. На нем когда-то давно была устроена танцплощадка, и новая молодежь плясала на ней свои шейки и твисты. На костях. Потому что на этом месте нацисты расстреляли и закопали живьем несколько тысяч человек. Я это знаю. Я вообще теперь многое знаю. Я знаю, кто сжигал людей заживо в ноябре 1941 г. на ведущей к Одессе Люстдорфской дороге. И я знаю, кто сжигал их живьем совсем недавно там же в Одессе. Я знаю фамилию соседа, который выдал немцам моего прадеда и сам же под их присмотром закопал его прямо во дворе. Живого. Его фамилия — Савченко. Говорят теперь, что, закапывая в землю моего прадеда и прабабку, он таким образом боролся за свою независимость. Будь проклята такая независимость!

Повторяю: мне не нужна ни написанная, ни переписанная история той войны. Тот, кто пишет, врет. Тот, кто переписывает, врет вдвойне. Кого они хотят обмануть? Бога?

Меня тоже нельзя обмануть. Потому что у меня с этой войной своя история. Своя хронология.

1941-й. Бабушка моя погибла в разбомбленном санитарном поезде.

1941-й. Вторая бабушка не выдержала эвакуации, умерла в дороге.

1941-й. Прадеда и прабабку закопали живыми в их собственном дворе в Тирасполе. Выдал сосед.

1941-й. Дед, вырвавшись из плена, вернулся в свой двор и заколол штыком того соседа.

1944-й. Родной брат матери, мой дядя, погиб, освобождая Польшу.

1945-й. Другой дядя дошел до Берлина и отомстил за всех.

Ни дьявол, ни слуги его никогда не побеждают. Надев маски, они способны только ввести в заблуждение. Но ненадолго. Побеждает Бог. Кровавый, страшный Бог был тогда с нами. А значит, и со мной. И потому — это моя война! Это моя Победа! Уберите от нее руки.

POET'S VOICE MY WAR. MY VICTORY

Efim L. Bershin

Poet and Member of the Writers Union,
member of the Executive Committee of the Russian PENCenter.
109052, Moscow, Road passage, 10, p. 8, room 16.
E-mail: bershin@rambler.ru

Marina Tsvetayeva said that everything we learned as a child was learned forever, and that was not learned would never be learned. The author's perception of military events was formed in his childhood in the process of communication with survived war veterans for whom the military experience had been clearly traumatic. The article inscribes those events not only in the vast historical, but also in the Biblical context. The author's poems are also provided in the article.

Keywords: V. S. Grossman, Battle of Stalingrad, S. I. Lipkin, Nazism, family history, trauma.

ЧЕМ МАНЯТ ВОЙНЫ?

Александр Мотелевич Мелихов

Писатель, философ, литературный критик, публицист.

Кандидат физико-математических наук.

Заместитель главного редактора журнала «Нева».

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., д. 3.

E-mail: amelikhov@mail.ru

Вопреки мнению многих на Западе, русские постоянно вспоминали и вспоминают о Великой Отечественной войне, поскольку это было время великого подвига и великой красоты нации. В терминологии автора это одна из возвышающих грез. По этой причине внуки и правнуки воевавших считают победу своей: чувство гордости за предков делает их причастными давним событиям. Последняя война является для России главным фактором национальной идентичности: в ней видят не убийства, не унижение другого народа, но огромную жертву, тягчайшее испытание, с которым народ сумел справиться. Свою точку зрения автор подкрепляет выдержками из произведений А. Т. Твардовского и страницами личного опыта.

Ключевые слова: А. Т. Твардовский, «Василий Теркин», И. Т. Твардовский, военные дневники писателей, массовые репрессии.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-90-101

В детстве мы обожали играть в войну («наши!», «немцы!»), но что там было самым сладостным? Всадить фрицу в пузо штык и любоваться, как он корчится? Нет! Красиво упасть, раскинув руки, и печально смотреть в небо угасающим взором. Я иногда это проделывал даже за пределами игры и скорбно каменел, глядя в небо, пока не окликнет кто-нибудь из взрослых: «Ты чего валяешься?»

Вот что влекло к войне — не убийство, а мужество и жертвенность. То есть величие духа, а уж в убийстве оно никак не проявлялось — убийствами занималась и мерзкая шпана.

С возрастом к восхищению мужеством и жертвенностью (с примесью гордости предками) присоединились сострадание и благодарность — эти чувства сегодня и сделались доминирующими.

Тем, однако, кто не разделяет этих чувств, трудно поверить в их возвышенную природу. Тем более если кто-то их опасается.

Несколько лет назад в Гамбурге я принял участие в одной дискуссии. Тема была такая: почему Отечественная война является для России главным фактором национальной идентичности? До сих пор, то есть спустя — на тот момент — 70 лет? В воздухе повис провокационный вопрос, а нет ли в этом соотношении себя с прошлыми победами некой агрессии, не таится ли за патриотизмом, если это патриотизм, романтика насилия? Авторитетный преподаватель истории из Петербурга давал собравшимся разъяснения относительно той части молодежи, для которой война является предметом гордости: они видят в ней не убийство, не унижение другого народа. Для них война и победа — огромная жертва, тягчайшее испытание, с которым их деды сумели справиться.

Я же тогда сослался на стихи Александра Твардовского. Твардовский ведь никогда не писал ничего подобного «Убей его!» Константина Симонова. Хотя и у него очень твердо проведен мотив справедливости, в стихотворении «Возмездие» (1944), например: «Да, смерть — за смерть! // Да, кровь — за кровь! // За горе — горе!..» Но и там основная идея в обращении к врагу: «Проси пощады» — а значит, она возможна.

У обоих Твардовских, великого русского поэта Александра и его брата Ивана, значительно менее известного, но жившего не менее ярко и, быть может, более тяжело и страшно, есть воспоминания под названием «Родина и чужбина». Иван Трифонович выпустил такую книгу в 1996 г., а Александр Трифонович — раньше, в 1960-м. Это не целостное произведение, а сборник записок, очерков и рассказов, отчасти восстановленных позже, с 1942-го по 1945 г., по памяти, из пропавшей записной книжки времен самого начала войны. Из некоторых записей получались рассказы, например «За рекой Шешупой» (1947):

«Разрушенный город вывозят на дороги и вбучивают в раскисшие колеи, в трясину объездов, в колдобины и ямы прифронтовых шоссе. Иного материала для починки дорог здесь, на немецкой земле, нет!

— Дружно! Разом! — подает команду пожилой солдат с подоткнутыми под ремень полами шинели. — Нажмем!

Несколько бойцов, упираясь плечами в остаток стены, с грохотом обрушивают его внутрь бывшего дома.

— Ломать — не строить, — говорит пожилой, как бы смущенный тем, что его застали за таким делом. И выражено в одной этой короткой фразе все: и законное торжество победителя, и презрение к немцу, и горечь понесенных родной землей потерь, и дума о будущем, и тоска труженика-строителя по настоящей работе, и еще что-то не менее важное, чего никак отдельно не выразишь¹.

¹ Здесь и далее ссылки на издание отсутствуют, т.к. речь идёт о художественных текстах, опубликованных во множестве сетевых изданий. *Прим. ред.*

Казалось бы, все справедливо. Но все же пожилой солдат смущен, «что его застали за таким делом». И так на любой странице: вместо торжества над врагом — торжество над страхом, усталостью и болью. Германию в «Родине и чужбине» Твардовский описывал с горечью:

«Глубокая Германия, а снежные поля, вешки у дорог, колонны, обозы, солдаты — все как везде: как в воронежской степи, как под Москвой, как было в Финляндии.

Пожары, безмолвие... То, что могло лишь присниться где-нибудь у Погорелого Городища как сладкий сон о возмездии. Помню, отъезжали на попутной машине от фронта с давно уже убитым капитаном Гроховским: горизонт в заревах, грохот канонады, а по сторонам шоссе осенняя мгла, пустые, темные хаты. Помню живую боль в сердце: «Россия, Россия-страдалица, что с тобой делают!»

Но тот сон о возмездии, явьсь он тогда, был бы слаще того, что видишь теперь в натуре.

“Ломать — не строить”, — все чаще вспоминаются эти невыразимо вместительные слова солдата-дорожника».

Ни на родине, ни на чужбине Твардовского никогда не влекло убийство как таковое — только стойкость, только мужество, по простодушию своему даже не догадывающееся, что оно мужество, героизм, и не подозревающий, что он героизм. Поэт впервые испытал потрясение в самом начале войны: Красная армия отступала, оставляя врагу один населенный пункт за другим, и автор увидел «нечто странное и ужасающее» — беженцев: огромное поле, покрытое лежавшими, сидевшими, копошившимися на нем людьми с узелками, котомками, чемоданами, тележками, детишками.

«Здесь был уже лагерь, вокзал, базар, привал, цыганская пестрота беженского бедствия. Поле гудело. И в этом гудении слышались еще возбужденность, горячность недавнего потрясения и уже глубокая, тоскливая усталость, онемение, полусон, как раз как в зале забитого до отказа вокзала ночью на большой узловой. Поле поднялось, зашевелилось, тронулось к полотну дороги, к поезду, застучало в стены и окна вагонов, и казалось — оно в силах свалить состав с рельсов. Поезд тронулся. Мы, люди в военном, нарушая жестокий и необходимый порядок, втянули в вагон одну женщину, обвешанную узелками, перехватив с рук на руки ее двух детишек — лет трех и пяти. Она была минчанка, жена командира и, войдя в вагон, спешила подтвердить это документами, — маленькая, замученная, ничем не красивая, кроме, может быть, глаз, сиявших счастьем внезапной удачи. Ей нужно было в Белую Церковь, к родным мужа. Вряд ли она добралась туда — всего через несколько дней я увидел Белую Церковь, оставляемую нами.

Но удивительным и незабываемым было вот что. Женщина, бежавшая из Минска с детьми в ночь первой жестокой бомбежки, не успевшая проститься с мужем, находившимся теперь бог весть где, не только не жаловалась на судьбу, но всячески старалась, чтобы люди, не видевшие, не испытывавшие того, что уже довелось ей, не были слишком потрясены, не считали бы ее положение совершенно ужасным. Приткнув детишек в уголок нижней полки нашего купе, она строго, скромно присела там же на краешек, обдернула мгновенно уснувшим детишкам рубашечки, вытерла им вспотевшие личики, незаметно прибралась сама и, кажется, более всего была озабочена тем, чтоб не выглядеть слишком усталой, потрясенной и растерянной. Достоинство хозяйки, матери, женщины, у которой должно быть все в доме не как-нибудь, а хорошо и опрятно, сквозило во всей ее повадке, в сдержанной, экономной хлопотливости.

— Ничего, ничего, — говорила с грустной и самоотверженной счастливой улыбкой, — это еще ничего: дети целы, доберусь как-нибудь. А он напишет туда, старикам. Вот мы и спишемся».

Хочется цитировать и цитировать — книжка-то ведь почти забытая. Рассказ о санитарке Наде.

«В дыму подоженной во время боя деревни она натолкнулась на тяжело раненного лейтенанта. Его уже уложили на сани, первая помощь была оказана, но он лежал на перемешанной со снегом соломе в одной гимнастерке — шинель, должно быть, сбросил в горячке боя. Надя быстро сняла свою шинельку-маломерку, укрыла лейтенанта, а сама осталась в одной стеганке.

Из этой деревни она, может, и не выбралась бы. Немцы оттеснили наших на самую окраину. Автоматчики подошли уже так близко, что нужно было убежать. А ноги ее уже не слушались — так она была измучена, — а тут еще остается боец с залитым кровью лицом, пуля прошла у него по надбровью, и он ничего не видел и был слаб от потери крови. Тогда их заметил другой лейтенант, подхватил обоих за руки и потащил обходным путем из деревни. На выходе из деревни по дороге уже бил немецкий станковый пулемет, и пришлось там долго лежать на снегу, а Надя была вся в поту, разгоряченная и в одной своей стеганке.

Потрясения и муки этого дня сломили ее. Она была отправлена в тыл дивизии, в госпиталь. Вернулась Надя на работу остриженная и оттого ставшая как будто еще меньше ростом.

И снова она встретила на поле боя своего спасителя — лейтенанта. Теперь он был ранен в голову. И он узнал ее.

— Уходи, уходи, Надя! Дела мои плохие, беги.

— Нет, уже теперь я над вами хозяйка, товарищ лейтенант.

Она перевязала и вынесла его, но остался ли он жив, слышать ей не случилось.

Она уже так надорвалась, изнурилась, что просто глядеть больно — худышка, бледненькая, с наивно и как будто печально вздернутым носиком. И говорит о себе, осторожно покашливая, с грустью и жалостью не к себе, а к тому, что так ненадолго ее хватило:

— Перевязать я еще, конечно, перевяжу, но вынести уже не вынесу. Знаю, не вынесу».

Наде стыдно, что оказалась такой слабачкой. Старшего лейтенанта Костикова, двое суток пролежавшего в снегу при штурме деревушки Старые Мельницы, тоже не тянет признаваться, что он замерз: маленький, что ли? Неловко им, понимаете ли.

«Бой шел на огородах уже сожженной деревни... Жители в ямах. Обстрел. С десятков наших бойцов отбивали контратаки, уже многие ранены, положение почти безнадежное. Бабы и дети в голос режут, прощаясь с жизнью. И молоденький лейтенант, весь в поту, в саже и крови, без пилотки, то и дело повторял с предупредительностью человека, который отвечает за наведение порядка:

— Минуточку, мамаша, сейчас освободим, одну минуточку, сейчас будет полный порядок. Минуточку...».

Воистину — *святая простота* людей, которым стыдно, неловко быть жалкими, слабыми, тем паче отягчать собою других.

«Прочел на днях в “Огоньке” статью недавно погибшего П. Лидова “Первый день войны”. Это рассказ летчика Данилова, слышанный нами с Лидовым с год назад на КП полка истребителей, которым командовал подполковник Голубов, ныне Герой Советского Союза. Рассказ передан во многом верно, жаль только, что в нем нет той непосредственной живости, которая была в изустном изложении.

Человек в первое утро войны вылетел по тревоге, сторяча сбил шесть самолетов противника, затем был сам сбит. Раненный, с помощью добрых людей поправился и вышел из окружения. Самое сильное его переживание в этих боях первого утра был страх, что это не война, а какое-нибудь недоразумение и он, Данилов, сбив шесть немецких бомбардировщиков, наделал, может быть, непоправимых бед. Но когда его подбили и пытались добить на земле два “мессера” из пулеметов, когда он ползал во ржи, преследуемый ими, он таки уверился, что это война, и на душе у него отлегло: все в порядке, не виноват, а, наоборот, молодец. И когда мы слушали его, верилось, что именно так он и “переживал” это первое утро войны. Казалось, что он до сих пор еще сам радуется, что все обошлось так благополучно».

Зарисовки торжества у Твардовского попадают разве что самые беззлобные или даже нелепые. Вот, например, одна из зарисовок, собранных под общим заголовком «В самой Германии»:

«В горящем, шипящем и осыпаемом с неба снегом с дождем городе без единой души жителей, в пустом ресторане, при трех зажженных свечах, сидит мокрый и заметно хмельной солдатик, не то чуваш, не то удмурт, один как перст.

— Что тут делаешь?

— В тристоране сижу. Три года воевал, два раза ранен был, четыре года буду в тристоране сидеть.

— Что ж тут сидеть? Нет ничего ни выпить, ни закусить.

— Не надо! Выпил уже там, — кивок в сторону окраины города-фронта. — Хочу сидеть. Три года воевал.

— Попадет тебе, брат. Шел бы, догонял своих.

— А это что? — заворачивает рукав шинели — там грязная бинтовка повыше запылясь. — Я в госпиталь направлен. А я в госпиталь не хочу. Хочу сидеть в тристоране. — Удар кулаком здоровой руки по стойке, одна свеча падает. — Четыре года буду сидеть!»

В зарисовках Твардовского есть эпизоды, в которых русские солдаты, находясь на своей территории, принимая участие в боевых действиях и становясь свидетелями фашистских зверств, лелеют мысль о мести врагу. Но стоит им оказаться в Германии, как ситуация меняется: по всей стране просто-таки не найти никого, по отношению к кому могла бы даже прийти в голову мысль о мести.

«Немка, первая жительница, которую я увидел в Германии, была не то больная, не то обезумевшая. В деревянных башмаках, в обтянувшейся трикотажной юбке, в какой-то зеленой, с бантиком, шляпке, она стояла у дороги, в одной руке длинная палка, в другой — хлеб, наш черный армейский хлеб — дал кто-то из бойцов. На нее смотрели как на диковинную зверушку, никто ее не обидел, наоборот, ее жалели, но жалели именно как зверушку.

Теперь их уже много прошло, немок, прислуживающих, убирающих помещения, берущих белье в стирку. Что-то тягостное и неприятное в их молчаливой работе, в безнадежном непонимании того, что произошло и происходит. Если б они знали, вернее — признавали хоть одно то, что их мужья и родственники вот так же были у нас в России, так же давали стирать свое солдатское белье, — да не так же, а гораздо грубее, с гораздо большим подчеркиванием права победителей, — если б хоть это они понимали. Но похоже, что они ничего не понимают, кроме того, что они несчастные, согнанные со своих мест, бесправные люди завоеванной страны, люди, которым мыть полы, убирать, обслуживать, а кому — не все ли равно: тому, чья сила».

Для побежденных ни солдатам, ни автору не хотелось страха и страданий. Скорее от них ожидалось простое понимание. Похоже, именно это чувство в отношении к их потомкам сегодня и осталось преобладающим: но поймите же и вы нас!.. В ту историческую минуту, впрочем, к победителям было гораздо меньше претензий, чем возникает сегодня.

«И наш воин, встречая по пути своего продвижения в глубь Германии разноязыкий люд, бредущий из плена домой, — будь тем домом Минск или Варшава, Париж или пограничные места Литвы, — он воочию, натурально видит себя воином-освободителем. Француз, поляк и люди иных языков и наречий с благодарностью машут ему рукой, шагая по обочине тесных немецких дорог, выкрикивают где-то пойманные и заученные два-три словечка по-русски».

В поэме «Василий Теркин» это развернуто в цельную картину.

И от тех речей, улыбок
Залит краской сам солдат:
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.
Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой.
Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.
Мол, такая служба наша,
Прочим флагам не в упрек...

Автор «Теркина» в ту пору мог бы смело повторить вслед за Пушкиным: «И неподкупный голос мой был эхо русского народа». Но я далеко не уверен, что Твардовский и сегодня удержался бы от упрека: прошло всего несколько десятилетий, и «прочие флаги» принялись адресовать упреки освободителю в шапке со звездой.

Как ни грустно, пенять здесь не на кого — ни на «зеркало», ни на «рожу»: в любом огромном деле, будь то хоть война, хоть борьба с эпидемией чумы, всегда огромен и список издержек, а потому, даже без прямой лжи, всегда сохранится возможность любое дело оценивать по достижениям или по издержкам в зависимости от того, чего требуют наши нужды. На справедливость в этом мире рассчитывать не приходится, красивыми словами все стороны лишь прикрывают собственные интересы, а интересы практически для всех важны *только сегодняшние*. Если они требуют дружить, то и прошлое будет изображаться вечной дружбой, а если требуют враждовать, тогда и вражда предстанет вечной.

Можно, конечно, скорбеть по поводу неблагодарности человеческого рода, однако он таков был, есть и таким останется, ибо эгоизм — стремление выжить любой ценой, не оглядываясь на то, во что это обойдется прочим, — базовое свойство всякого живого организма. Можно не сомневаться: любые наши упреки будут только стимулировать встречные обвинения. А вот почему бы нам не вернуться в сорок пятый год и не собрать изъявления благодарности и любви со стороны именно тех народов, которые сегодня видят в нас *вечную, всегдашнюю* опасность для себя, а следовательно, и для мира, ибо нет такого народа, который не считал бы себя ценнейшей частью человечества. Почему бы нам не издать сборник признаний в любви и благодарности, которыми нас когда-то одаривали хотя бы те же «брат француз, британец брат»? Может быть, нам всем было бы полезно вспомнить, что не бывает не только вечной дружбы, но и вечной вражды?

Пишу и сам понимаю, насколько это детское желание — усостыжить политиков, тогда как сама политика есть не что иное, как институционализация бесовестности. Выгодно считать Советский Союз победителем нацизма — станут считать таковым Советский Союз, будет выгодно считать Америку — станут считать Америку, будет выгодно считать марсиан, станут считать марсиан, а русских назначат пособниками нацистов — все решает выгода: ты виноват уж тем, что хочется мне кушать, или тем, что я тебя побаиваюсь.

Как к этому следует относиться? Антисемиты давным-давно выучили меня забить и забыть о справедливости в отношениях с ними, а действовать так, чтобы минимизировать причиняемый ими ущерб. Когда они сильны — избегать столкновений, когда слабы — забыть об их существовании, но в любом случае не допускать в свою душу никаких обид: обижаться можно только на друзей.

Я вырос в семье репрессированного еврея, у которого было несколько таких же друзей — тоже репрессированных евреев, и я с детских лет знал и об истреблении командного состава, и о всевозможных провалах, и о неоправданных жертвах, и мне никогда не приходило в голову, что подлости и глупости мерзавцев и дураков каким-то образом отбрасывают тень на подвиги героев и мастеров своего дела, что мерзавцам и героям нужно выставлять какой-то общий средний балл. Наоборот, чем большее количество препятствий приходилось преодолевать героям, тем большего восхищения и сострадания они заслуживают (и тем большего презрения заслуживают те, кто сидел у них на шее, прятался за их спинами и путался у них в ногах).

Казалось бы, чего очевиднее — каждому свое: героям слава, мерзавцам позор. Но для прохвостов очевидностей нет, есть только выгоды, а политики и есть прохвосты всемирно-исторического масштаба. Мелкие прохвосты поднимаются на бытовых трагедиях, а большие — на исторических, и в какой-то миг прохвосты с обеих сторон негласно сошлись на том, что оценивать героев и мерзавцев нужно не по отдельности, не по отдельности восхитительным

восхищаться, а отвратительным возмущаться, но все это перемешать в единую бурду и уже эту бурду оценивать на вкус. Поэтому спор уже давно ведется лишь о том, много или мало мерзостей нужно допускать в мешанину, — одни прохвосты или глупцы стараются вбить в нее как можно больше мерзостей и ужасов под тем предлогом, будто этим они борются с героизацией трагедии, другие прохвосты и глупцы стараются мерзости и ужасы убрать с глаз подальше на том основании, что это ослабит в населении, а особенно в молодежи, патриотические чувства.

Что в корне неверно. Патриотизм заключается не в том, чтобы не видеть в истории своей страны ничего мрачного и скверного, а в том, чтобы знать, что в ней всегда было множество людей великолепных, изумительных и множество людей мерзких и безжалостных, и ты должен постоянно выбирать, с кем ты — с героями или с мерзавцами. Патриотизм вовсе не слепота и не стремление покрывать преступления худших достижениями лучших, а стремление по мере сил поддерживать лучших и противостоять худшим. В этом патриотическом ключе и следует писать историю Великой Отечественной — как историю побед и поражений, как историю подвигов и подлостей, и у любого нормального человека возникнет естественнейшее желание подвигами восхищаться, а подлостями возмущаться, никоим образом их не смешивая и не усредняя. Любить лучшее и ненавидеть худшее.

Да эта история, в сущности, уже и написана.

Оглядывая огромный массив советской военной прозы — самой что ни на есть оппозиционной, «окопной», «лейтенантской» или «партизанской», — не сразу замечаешь, что в ней полностью отсутствует мотив «потерянного поколения»: якобы все высокие слова обманули, нами воспользовались и тому подобное.

Разумеется, при советской власти подобные открытые декларации были невозможны, но ведь писатели — народ настырный, если какая-то правда представляется им до крайности важной, они протаскивают ее в мир не мытьем, так катаньем. Они могут отдать какую-то крамольную мысль отрицательному герою или даже герою положительному в минуту душевного упадка, чтобы тут же развенчать ее и отвергнуть (но семя сомнения в душу читателя все равно окажется заброшено). Они могут под псевдонимом или без пустить вещь в самиздат; они могут ронять какие-то намеки в статьях или интервью; они что-то могут выразить даже неуловимым настроением вещи вплоть до интонации, мелодии фразы; наконец они могут писать «в стол», чтобы выкрикнуть наболевшую правду потомкам хотя бы после своей смерти. Но ничего этого так никто и не сделал.

Виктор Некрасов, Эммануил Казакевич, Василий Гроссман, Василь Быков, Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, Константин Воробьев, Виктор Курочкин,

Виктор Астафьев ни в подцензурном, ни в нецензурном слове ни разу не усомнились ни в целях войны, ни в огромной ценности достигнутой победы. Сколько бы они ни разоблачали, сколько бы ни проклинали бессердечие, шкурничество и глупость командования, бессмысленную жестокость и подозрительность «органов», воровство интендантов и всяческих тыловых крыс, война все равно оставалась для них великим историческим событием, причастностью к которому можно только гордиться.

А это означает, что война действительно была НАРОДНОЙ. И даже СВЯЩЕННОЙ.

Последнее слово кажется особенно странным — ведь сама ситуация даже при самом скрупулезном соблюдении «законов и обычаев войны» требует чудовищной жестокости... Но не только — еще, повторяюсь, и самопожертвования. Вот эта готовность людей подвергать себя смертельному риску во имя долга и порождает в памяти представление о святости, ибо люди никогда не жертвуют собой во имя утилитарных целей — только во имя святынь.

При этом святыня вовсе не обязана быть незапятнанной. Конечно, чем меньше на ней пятен, тем лучше, но — пятна пятнами, а святость святостью.

Серьезному писателю захотелось заглянуть и в душу дезертира только через четверть века после победы. Валентин Распутин в «Живи и помни» изобразил его отнюдь не чудовищем, он тоже отвечал на какую-то несправедливость. Но даже он не оправдывал свой поступок: если б можно было после этого поднимать, то по три раза бы расстреливали. В опубликованных дневниках Гроссмана тоже в глазах рябит от жестокостей и тоже нет ни намека на то, что можно воевать как-то иначе. А уж он ли был не гуманист!

Разумеется, всякий, кто сталкивался с войной вблизи или даже издали, прекрасно знает, что смертельная опасность тысячекратно усиливает все — и благородство, и низость. Каждый писатель — от Астафьева до Эренбурга — видел и мародерство, и садизм, и озверение, вымещающее на одних вину других, но никто не пожелал сделать насильника или мародера хоть сколько-нибудь значительной фигурой своего повествования. Борьбе с мерзостями они готовы были отвести разве что какой-то фрагмент публицистики, но для вечности все желали оставить лишь высокую трагедию — гениальнейшее создание человеческого духа, порождающее в нашей душе удивительное сочетание ужаса и восторга.

С другой стороны, в восторженных толпах, приветствующих вождей, ведущих к войне и ведущих войну, бросаются в глаза и уши самыми пылкими кликушами женщины. Это тот самый случай, когда достоинства оказываются опаснее пороков.

В последние десятилетия у России время от времени вспыхивали стычки то с одним, то с другим государством, и в моем окружении каждый раз наиболее

воинственно реагировали самые бескорыстные и жертвенные личности, которые среди мужчин встречаются заметно реже, чем среди женщин; циничных же и эгоистичных это практически не затрагивало. Так что самым действенным средством предотвращения войн, пожалуй, были бы всеобщий цинизм и шкурничество. Материальные конфликты при этом, разумеется, не исчезли бы, но в них всегда возможен компромисс: прекратились бы хотя бы крупные войны, в которых потери многократно превышают приобретения. А вот когда речь идет о святынях, о чести, о красоте, компромиссы невозможны: мир делается толерантным, когда у людей не останется ничего святого.

Желательно ли это? И возможно ли?

Экзистенциальная защита человека, защита от ощущения собственной мизерности и бренности требует причастности, а еще лучше — включенности во что-то великое и бессмертное, и трагедия современного человечества заключается в том, что массам открыто лишь величие насилия и сопротивления оному. Величие же научного и художественного подвига доступно лишь очень узкому аристократическому слою. И миру удастся нейтрализовать энергию войн лишь в том случае, если он сумеет конвертировать подвиг борьбы человека с человеком в подвиг борьбы человека с природой.

В том числе с собственным невежеством и эстетическим убожеством.

Но сегодня нет даже такой утопической грезы.

WITH WHAT DO WARS ATTRACT?

Alexander M. Melikhov

Writer, philosopher, literary critic, publicist.
Candidate of Physical and Mathematical Sciences.
Deputy chief editor of the “Neva” magazine.
191186, St. Petersburg, Nevsky pr., 3.
E-mail: amelikhov@mail.ru

Contrary to the popular opinion on the West, Russians were constantly remembering and still remember the Great Patriotic War, because it was a time of great feat and great beauty of the nation. In the author's terminology, this is one of the uplifting dreams. For this reason, the grandchildren and great-grandchildren of those who fought consider the victory as their own: a sense of dignity/pride in their ancestors makes them involved in long-ago events. The last war is the main factor of national identity for Russia: it is seen not as murders and humiliation of other people, but as a huge sacrifice, the most severe trial that the people managed to cope with. The author supports his point of view with references to the works of A. T. Tvardovsky and pages of personal experience.

Keywords: A. T. Tvardovsky, “Vasily Terkin”, I. T. Tvardovsky, war diaries of writers, mass repressions.

**ПОЭМЫ ГЕРОЯ:
АЛЕКСАНДР РЕВИЧ***Ксения Алексеевна Позднякова*

Переводчик, журналист.

Работает в Комитете по культуре Государственной Думы,
помощник депутата.

Адрес: 103265, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1.

E-mail: ksenia.pozdnyakova@gmail.com

Александр Михайлович Ревич (1921–2012) — поэт, переводчик, профессор Литературного института имени А. М. Горького. Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы (1998 г., за перевод «Трагических поэм» Теодора Агриппы д’Обинье). Ветеран Великой Отечественной войны, участник Сталинградской битвы. Имел 20 наград, среди которых два ордена Великой Отечественной войны I и II степени, медаль «За оборону Сталинграда» и др. Автор книг «След огня: стихи, поэма» (М.: Советский писатель, 1970), «Чаша: Стихотворения. Поэмы. Переводы» (М.: Ладомир, 1999), «Дарованные дни: стихи, поэмы, переводы» (М.: Время, 2004), «Из книги жизни: поэмы, записки поэта», (М.: «Радуга», 2007), «Позднее прощание: лирика, поэмы, записки» (М.: Русский импульс, 2010), «Перед светом: О войне. О Москве» (Русский импульс, Издательский дом «Вече», 2013), «...А в небе ангелы летят». Военные стихи и поэмы» (М.: Этерна, 2013). Все поэмы Ревича написаны исключительно на основе его жизненного опыта. Это и определило характер статьи — здесь литературоведческий разбор неотрывает от рассказа о личности автора-героя.

Ключевые слова: А. М. Ревич, поэма «Начало», соотношение искусства и действительности, экзистенциальный опыт.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-102-113

Кто-то прочтет, может быть, что-то поймет...

А. М. Ревич. Из поэмы «Начало»

1946–1959

22 июня исполняется 79 лет с начала Великой Отечественной войны. Огромный отрезок времени отделяет нас от тех событий. А с нынешним ритмом жизни — и просто гигантский. Во всех смыслах — прошлый век. Конечно, есть фильмы, книги, скудные рассказы ветеранов, которых становится все меньше и меньше. А человек живет настоящим, сиюминутным. Война воспринимается отдаленно, как картинка в телевизоре. Страх притупляется.

В одном фильме середины 1980-х главный герой заметил: «Когда говорю о войне, вежливо слушают. Вежливо, но не более. А вот когда в бане видят шрамы от ран, глаза все-таки становятся иными. Мало, слишком мало наши дети видят шрамов и много — красивых иллюстраций». С тех пор мы еще сильнее отделились от тех страшных четырех с половиной лет, еще больше привыкли к нашей пусть не всегда простой, но в целом комфортной и мирной жизни, где любое ограничение воспринимается как вселенская катастрофа. Вероятно, именно поэтому сегодня редко услышишь «Лишь бы не было войны», зато частенько на машинах появляется «1941–1945. Можем повторить». Пустая бравада, за которой зачастую ничего не стоит. Даже простого вопроса: «А сдюжим ли? А вдруг, как в песне, если *завтра* война, если *завтра* в поход?» Кстати, композиция братьев Покрасс на слова В. И. Лебедева-Кумача впервые прозвучала в 1938 г. в киноленте, которая так и называлась — «Если завтра война...».

Проверить «если... то» довелось уже через три года. И никто оказался не готов, хотя не так давно отгремела Первая мировая, еще не успели прийти в себя после Гражданской и Советско-финской войн. И всю горела Вторая мировая. Но, казалось, далеко, до нас не дойдет.

Думал ли об этом мальчишка в 19 лет? Что ему какая-то война, у него все впереди. Он только окончил школу, прошел кавалерийское училище во Владикавказе, назначен на западную границу в Молдавию, прибыл в Одессу за назначением.

Я не хотел о войне,
я совсем не хотел о войне,
я хотел о весне,
а начал о раннем лете,
о сведенных бровях девятнадцати лет,
когда свисает с ремня пистолет,
когда в петлицах по кубарю¹,

¹ Кубарями назывались лейтенантские погоны.

когда в кармане бесплатный билет
 в неизвестное...
 Суббота. Праздный поток
 летней бульварной толпы.
 Раскачивают столбы.
 Желтый фонарный свет
 в глазах девятнадцати лет.
 Было — и нет.

Вечернее море,
 очерченное свинцовой каймой.
 Такой
 покой.
 Было — и нет.

Это только «Начало». Во всех смыслах. О будущей поэме с таким названием тогда, в Одессе, в июне сорок первого, мысли нет. Как и о том, что впереди — долгий путь: бои пришлось вести не только с внешними, но и с внутренними врагами. Где взять сил, как пройти нескончаемый поток испытаний, не сдать-ся, не струсить, не сбежать. Кто-то скажет: «В молодости и не такое возможно». А теперь вспомните свои девятнадцать. Было ли что-то страшнее несданного экзамена или случайно поцарапанной папиной машины? Вряд ли.

Где же — враг?
 ...И вдруг —
 рев машин у скрещенья дорог,
 шоссе — большаку поперек,
 и танки, мечены белым крестом,
 медленным строем катят.
 Ни бугра, ни оврага —
 степь — гладкая скатерть.
 Степь — слева,
 степь — справа...
 К бою!
 Повод!
 Марш-марш!

Некуда скрыться, за тобой родная земля. Нельзя в любой момент, как в компьютерной стрелялке, начать сначала, выбрав новую миссию и полный комплект снаряжения. Здесь все по-настоящему, по-взрослому. Никого не волнует, что тебя к этому не готовили даже в военном училище.

И уже эскадроны дрогнули лавой,
и уже только ветер в глаза,
только пули...
За Родину!
За!..
И уже только взрыв
И — через конскую голову в травы.
Неужели сорвался прорыв?

Нет ответа. То ли контузия, то ли сильный удар. Пришел в себя. Конь убит. Вокруг вражеские мотоциклисты. Не сбежать. Конвой, допрос. Пристрелят или угодишь в плен. Черт его знает, что страшнее. Может быть, лучше получить пулю в лоб прямо на месте, чем видеть, как сдается в плен обезоруженная пехота. Дальше по пути следования эшелона с пленными видеть измученных людей, испуганных детей, перевернутые орудия. Понимать собственное бессилие и незавидность участи.

Что бы выбрали вы?

Я никогда не бывал в аду,
скоро туда войду.
Собственно, ад уже начался —
Первый огненный круг.
Нет обратных дорог,
все отрезаны начисто.
Что же нас ждет в остальных кругах?

Впереди был побег. А затем долгий путь на восток, к своим. Сотни верст по вражьему тылу. И только одно желание: вернуться в строй, чтобы бить врага.

В начале войны установка звучала очень просто: в плен не сдаваться. Если окружают — делай что хочешь, но живым не давайся. А тех, кто все-таки оказывался захвачен и чудом выбирался, подозревали в сотрудничестве с нацистами: раз бежал — значит, позволили, значит, шпион. А с ними по закону военного времени разговор короткий.

Штрафбат, конечно, лучший выход.

Мы дойдем.
Мы скажем: страна, мы прошли через ад.
Дай пару гранат,
дай автомат,
посади на коня.
Если в чем виноват —
в штрафники!
Вот мои две руки.
(«Начало»)

Допрос в особом отделе — Смерше («Смерть шпионам!» — таково полное название подразделений контрразведки). От одного названия веет ужасом. Неужели все напрасно, раз даже свои не верят, обвиняют в предательстве? Значит, трибунал? Расстрел? Горечь и ощущение несправедливости. За что? Ведь тебе всего двадцать.

Числа спутались в календаре,
может, все часы на свете стали
вслед за приговором в трибунале:
сдался в плен и сдал своих солдат...
к высшей мере!.. заменить!.. штрафбат!..
(«Поэма дороги»)

Но на практике и штрафбат — верная смерть: в бой штрафники шли первыми. Та же высшая мера, только с отсрочкой приговора. Все равно что пройти по минному полю. Что чувствовал до времени повзрослевший мальчишка, о чем думал?

В ночь, когда нас бросили в прорыв,
был я ранен, но остался жив,
чтоб сказать хотя бы о немногом.
Я лежал на четырех ветрах,
молодой безбожный вертопрах,
почему-то береженный Богом.
(«Поэма дороги»)

Первое ранение. Повезло, подобрали санитары. Госпиталь. Снова фронт — на сей раз Сталинград. Город разрушен, в руинах. Ни одного целого здания, лишь обугленные камни напоминали о жилых кварталах, магазинах, театрах.

За элеватором вдали
развалин груды залегли,
там были улицы когда-то
и двухэтажный старый дом,
я побывал однажды в нем,
теперь там пусто — все вверх дном,
лишь едкий дым ползет в пролом,
все уничтожено огнем
и все исчезло без возврата.
Где люди? Где привычный быт?
Ни быта, ни могильных плит.
Снаряды били по траншее
и рельсам свертывали шеи.
Дробился камень, как стекло.
(«Поэма о единственном дне»)

Снова ранение. На сей раз невероятно тяжелое: в грудь и позвоночник. Тыл. Госпиталь. Уральский город Златоуст. Удивление тишине, трамваям, медсестрам. Отчаянное желание вернуться на фронт. Юноше всего двадцать с небольшим. Скуластое лицо, высокий лоб, заливчатый кудрявый чуб и пронзительный, серьезный взгляд.

Заснеженный качался склон,
дрожало дно глухого лога,
откуда началась дорога,
далекая, в страну врага,
через разливы и снега.

Просто сюжет для романа или эпической поэмы. Только придумать такое невозможно, не пережив. Ни один сценарист не способен вообразить, как было на самом деле. А те, кто знал, не слишком любили распространяться. Это заметно и по фильмам, и по книгам. Даже сравнивать нечего то, что написано или снято настоящими фронтовиками, и то, что сделано по мотивам. Персональный опыт до конца невозможно передать, понять что-то о себе, своем месте в этом мире человек способен лишь самостоятельно. «Вспоминать войну непереносимо: слишком много высокого и низкого пришлось увидеть. Вся моя остальная жизнь накладывалась на пережитую войну. О войне любят говорить те, кто там не был», — признавался в кругу родных Александр Михайлович Ревич, поэт, переводчик, профессор Литературного института имени Горького. Тот самый мальчик из страны девятнадцати лет, который «совсем не хотел о войне», тот «молодой безбожный вертопрах, почему-то береженный Богом». И автор порядка тридцати маленьких поэм, настоящих литературных шедевров, из которых пять посвящены военным событиям.

Даже с нами, своими студентами, он охотно делился знаниями, но не ужасами пережитого, щадил, приговаривая: «Зачем вас пугать?» И каждый раз, принимая поздравления на 9 Мая, отвечал: «Был бы защитником Отечества, немцы бы до Москвы не дошли». И только в стихотворных текстах был предельно откровенен, не исключал своего присутствия в качестве героя. Читая его военные поэмы «Начало», «Поэма о единственном дне», «Поэма дороги», «20 июня 1941» и «Поэма о городе Дубровнике», где хоть и нет боевых действий, но все равно речь идет о Великой Отечественной, точнее, о ее человеческих последствиях, невольно ловишь себя на мысли, что перед тобой дневник, только зарифмованный. Как сказано в «Начале»: «Все было так, ни слова вычеркнуть не могу...»

При этом поэмы, где все держится на сюжете, требуют особой манеры повествования, тщательного подбора выразительных средств, чтобы каждый звук,

каждая вроде бы случайно упомянутая деталь работала на целостность произведения. Вот «20 июня 1941»:

В окно вагона ветер резкий
влетал, вздувая занавески,
равнина, оттеснив леса,
вращалась вроде колеса,
звенели ложечки в стаканах,
и слышались соседей пьяных
из коридора голоса,
стучали невпопад колеса,
им подпевал хриплоголосо
нестройный хор о том, как «спят
курганы темные», а следом —
«шумел камыш», и с этим бредом —
опять колеса невпопад,
мелькали путевые будки,
платформы, ветки чахлых крон,
и пыльный харьковский перрон
проплыл, как дым от самокрутки,
и в будущее мчал вагон,
оставив позади побудки,
подъемы, плац и полигон,
сон без просвета в промежутке —
с вареным мясом пшенный суп
и трещины соленых губ,
и лейтенант, хлебнувший воли,
скрипя ремнями напоказ,
форсил всюю не оттого ли,
что ехал в мягком в первый раз,
врал и не мог остановиться,
поскольку верил, что не врет,
а круглолицая девица,
раскрыв глаза, глядела в рот.

С первых же строк ты оказываешься попутчиком этого лейтенанта, слышишь нестройное пение, ощущаешь зной летнего дня, летишь вместе с ним навстречу неизвестному, на границу меж миром и войной. Текст насыщенный, ритмичный, как стук колес. Полное погружение. Начинаешь следить за судьбой героя, будто знаком с ним тысячу лет. В отличие от него ты точно знаешь, что уже через два дня вся эта жизнь с поездом, занавесками, ложечками разле-

тится на тысячи осколков. И все-таки малодушно надеешься, что опасность его не затронет.

Искусство поэзии есть средство передать единственный в своем роде экзистенциальный опыт, сделать его опытом читателя.

Порой художественная правда требует редукции жизненных событий. Так, в поэме «Начало» рассказано только об одном случае плена. На самом деле Ревич в плен попадал дважды. Но тонкое чутье подсказало автору, что эпизод про голодный лагерь перегрузит и без того насыщенное событиями повествование. Подряд два побега — чересчур. «Жизнь неправдоподобна, но искусство требует правдоподобия», — не уставал повторять Александр Михайлович. Под нож попали и награды. Из поэм читатель так и не узнает о том, как у молодого человека, прошедшего плен и нашедшего силы вернуться к своим, скрутили Красную Звезду и отобрали медаль «За отвагу». Первую позже вернули, вторую — нет. Впереди два ордена Отечественной войны, I и II степеней, медаль за «Оборону Сталинграда» — всего 20 наград. Но всем этим ради художественной правды пришлось пожертвовать.

В том же «Начале» применен любопытный прием: сюжет как бы раскалывается на две отдельные линии, одна — события первого военного полугодия с июля по конец ноября 1941 г., вторая — обсуждение происходившего во время допросов у представителя Смерша. Два пласта художественного времени. Еще один, третий, — время создания текста. Четвертый — время, когда мы читаем «Начало». Перекрестье четырех времен создает сильный драматический накал. Читатель ни на секунду не может оторваться как от словесной дуэли со следователем, так и от жутких сцен первых дней войны, когда буквально кожей чувствуется страх неизвестности и горечь отступления.

«Тяжело было писать о днях обороны Сталинграда. Бой, особенно ближний, тем более рукопашный бой, не поддается связному словесному выражению. В бою мы находимся скорее в бессознательном состоянии. Как бы в отключке. Память не фиксирует деталей», — написал Ревич в предисловии к книге «...А в небе ангелы летят». Военные стихи и поэмы» (Ревич, 2013). Вероятно, именно поэтому в «Поэме о единственном дне», где действие происходит в Сталинграде, сюжет скреплен случайной встречей с прекрасной девушкой. Героям предстоит пережить вместе всего один летний день.

Немало было нам дано
за этот краткий день изведать.
Мы к двум успели пообедать,
а к трем часам попасть в кино.
(«Поэма о единственном дне»)

И как война разбила привычный быт, вторгшись со всем своим ужасом в каждый дом, так и в текст, где описывается более-менее мирная жизнь, то и дело врезаются картины ожесточенных боев за Сталинград. И летний жар мгновенно превращается в лютый холод: снова художественное время оказывается нелинейным, не таким, как в действительности, но оттого не менее правдивым.

Мы вышли к берегу реки,
пройдя сквозь толпы и тюки.
Как эти воды широки!
Как душно здесь в июле!

Уже настали холода,
уже несет ошметки льда
густая черная вода.

Удивительно действует этот резкий переход от тепла к стуже. Так бывает в лихорадке, когда человека бросает то в жар, то в холод, а в сознании вспыхивает полусон-полуявь. Видимо, в подобном состоянии герой мысленно обращается к матери своей случайной знакомой.

Простите, Клавдия Петровна,
что я с тех пор Вам не писал.
Нет поездов. Сгорел вокзал.
О чем я? Письма? Как нелепо!
Куда писать?
В дыму квартал.
Жилища нет — один подвал,
неумолимый холод sklepa.

В этом странном горячечном состоянии герой ощущает хрупкость жизни, ее конечность, временность пребывания на этой земле. Испытания побуждают его серьезно задуматься над собственной судьбой, своим предназначением, местом в этом мире. На осмысление ушли годы. Большинство поэм создано спустя десятилетия после описываемых событий. Насколько корректно отождествлять автора и героя? Вопрос риторический. Мераб Мамардашвили в «Лекциях о Прусте» утверждал: «истина появляется тогда, когда твоя, действительно тобою испытанная жизнь как бы всплывает в тебе очищенная и ясная» (Мамардашвили, 1995). А в предисловии к книге «...А в небе ангелы летят». Военные стихи и поэмы» Ревич признавался: «Господь меня уберег. Может, для того, чтобы я написал свою Книгу жизни». Он неоднократно повторял, что все поэмы основываются

только на лично пережитом, ничего в них не придумано. *Личный* экзистенциальный опыт превратился в путешествие внутрь себя, к самым страшным дням *нашей* истории.

И снова вой, и снова гром,
и рушится соседний дом,
и пламя взмыло за углом,
кирпичный град, железный лом
гремит и крушится кругом,
и все горит... и мы сгораем...
(«Поэма о единственном дне»)

Плотность текста, яркие чувства конкретных людей позволяют выйти на широкое обобщение. Сколько судеб вот так в один миг были разделены войной, когда «и сразу синеву накрыл // размах широких желтых крыл, // кресты метнулись из-за крыши»? Читателю не дают времени опомниться, переключиться: он почти физически ощущает горечь потери, пережитой героем, осознает краткость мига, отделяющего мир от войны. Подробное описание города, дома, где живет героиня со своей матерью, превращает Сталинград из точки на карте в твою собственную болевую точку.

Повествование буквально затягивает в события тех дней. Вот уже тебе, а не отвлеченному персонажу, 18 лет, и ты идешь в горку, держа за руку молодого лейтенанта. И, несмотря на то, что вы знакомы пару часов, боишься потерять его, будто самого дорогого человека в жизни.

Сталинград появился и в «Поэме о городе Дубровнике». После войны минуло почти сорок лет. Герой приезжает в Хорватию, где в толпе туристов замечает седовласого мужчину, общающегося со спутницей по-немецки. Одна случайно брошенная фраза «Es ist herrlich»¹ — и солнечный мирный день омрачается тенью воспоминаний о далекой битве. Всплывает картина ожесточенного боя.

...В сорок втором, в годину наших бед,
горел над Волгой элеватор старый,
вокруг пылали красные пожары,
и черный дым горелым пах зерном
Мы на рассвете взяли элеватор,
стрелял я на бегу из автомата,
но помнится лишь белое лицо,
в которое я выстрелил когда-то.

¹ Это превосходно (нем.).

Детальность картинка пугает и буквально душит запахом гари. Контраст становится еще заметнее, когда в тексте возникает образ соленой глади моря. Появляются вечные антагонисты: огонь и вода. Война и мир. Они все время вместе, ходят рядом. И чуть перестанут соблюдать спасительную дистанцию — начнется хаос.

Потом я сам побрел к соленой глади
и вдруг почувствовал: мне смотрят в спину,
я обернулся и увидел взгляд
безногого седого незнакомца.
Конечно, он глядел на грубый шрам,
пересекавший спину меж лопаток.
Что делать, если оба мы в заплатах?

В очередной раз возникает эффект присутствия, словно ты вместе с героями текста стоишь на пляже, наблюдая за их молчаливым диалогом. Достоверность происходящего подчеркивается глаголами «побрел», «почувствовал», «обернулся», «увидел». Внимание само собой притягивается к шраму. И почему-то именно в этот момент в голове всплывает мысль: не дай нам Бог попасть в ситуацию, в которой он был получен, и на своей шкуре узнать, что бывает, *если завтра война...*

Литература

- Мамардашвили М. К. (1995) Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem. URL <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/303781-merab-mamardashvili-lekt-sii-o-pruste-psihologicheskaya-topologiya-puti.html> (дата обращения: 29.04.2020).
- Ревич А. М. (2013) «...А в небе ангелы летят». Военные стихи и поэмы / сост. Г. Д. Климова. М.: Этерна. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=623091&pr=1> (дата обращения: 29.04.2020).

**HERO'S POEMS:
ALEXANDR REVICH***Ksenia Alekseevna Pozdnyakova*

Translator, journalist,
works in the Committee on Culture of the State Duma.
103265 Moscow, st. Okhotny Ryad, d. 1.
Email: ksenia.pozdnyakova@gmail.com

Alexander M. Revich (1921–2012) was a poet, translator, professor at the Maxim Gorky Literary Institute as well as a laureate of the State Prize of the Russian Federation in the field of literature (in 1998, for the translation of “Les Tragiques” by Theodore Agrippa d’Abigne). He also was a veteran of the World War II, participant in the Battle of Stalingrad. He had 20 military awards, including two medals of the Great Patriotic War of I and II degree, the medal “For the Defense of Stalingrad” and others. Author of such books as “Trace of Fire: Verses, Poems” (1970), “Bowl: Verses. Poems. Translations” (1999), “Granted Days: Verses, Poems, Translations” (2004), “From the Book of Life: Poems, Notes by a Poet” (2007), “Late Farewell: Lyrics, Poems, Notes” (2010), “Before the Light: On the War. About Moscow” (2013), “And Angels Fly in the Sky. Military Verses and Poems” (2013). All of Revich’s poems were written solely on the basis of his own life experience, and this feature determined the specification of the article, in which the literary analysis is inseparable from the story about author’s personality.

Keywords: A. M. Revich, poem “Beginning”, State Prize laureate, correlation of art and reality, existential experience, penal battalion, SMERSH.

References

- Mamardashvili M. K. (1995) Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti) [Lectures about Proust (psychological topology of the path)], Moscow: Ad Marginem. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/303781-merab-mamardashvili-lektsii-o-pruste-psihologicheskaya-topologiya-puti.html> (accessed 29 April 2020) (In Russian).
- Revich A. M. (2013) “...A v nebe angely letjat”. Voennye stihy i pojemy [“... And in the sky angels fly.” War poems and poems], coll. by G. D. Klimova. Moscow: Jeterna. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=623091&p=1> (accessed 29 April 2020).

СНОС ПАМЯТНИКОВ

Историко-политическое эссе

Петр Рафаэлевич Федоров

Журналист-международник, телеведущий,
руководитель Русской службы «Euronews» в 2001—2009 гг.
Глава Дирекции международных отношений ВГТРК.
Адрес: 125040, Москва, 5-я ул. Ямского Поля, д. 22.
E-mail: pfedorov@vgtrk.com

Память о прошлом зависит от политической ситуации, определяющей ее характер и направленность. Сегодня представления о роли СССР в победе над нацизмом искажаются в связи с изменением международной обстановки. Сам по себе этот факт вызывает недоумение и беспокойство, но также тревожно, что в обстановке информационных войн страдают материальные свидетельства уважения, которое непосредственные участники трагических военных событий оказывали советским воинам-победителям — от рядовых до военачальников. Объектами глумления становятся мемориалы освободителям, находящиеся в разных странах Восточной Европы.

Ключевые слова: Прага-6, памятник маршалу И. С. Коневу, М. Земан, Пловдив, Добрич, разрушение памятников, вандализм, память.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-114-122

Среди многого обидного, что происходит последнее время, — снос памятников советским солдатам, освобождавшим Восточную Европу.

Вот теперь и в Праге уничтожили монумент русскому воину, маршалу Ивану Коневу. Военачальнику, который не был сломлен унижительными поражениями в начале Великой Отечественной войны, не раз находился под угрозой снятия с должности, но выдержал все, выстоял, и возвысился в военном деле, и растоптал нацизм, раздавил его, и воздал за преступления и прежние унижения русского народа.

Глава района Прага-6, где стоял памятник, Ондржей Коларж, высказался о сносе памятника с иронией: «У него не было маски на лице. Правила должны соблюдать все — на улицу можно выходить, только прикрыв рот и нос».

Любопытно, что после сноса памятника к г-ну Ондржею Коларжу власти приставили двух телохранителей.

И это — в любимой русской интеллигенцией Чехии, стране Гашека, Чапека, Кундеры, Кафки, стране, где президент Томаш Гарриг Масарик дал приют и воз-

Сброшенный с пьедестала памятник И. С. Коневу

возможность интеллектуальной работы изгнанникам из революционной России. Стране, где в 1968 г. была Пражская весна, когда советские интеллигенты шутили, играя русскими языковыми ассоциациями с фамилиями чехословацких политиков: «Слыхали новость? Когда Новотный дал Дубчека, в Чехословакии настала свобода, но Советы сделали ей Билак, закрутили Гаек, и жизнь в стране превратилась в Черник». А когда Советский Союз ввел в Прагу танки, все повторяли строчки Евтушенко: «Танки идут по Праге, // Танки идут по правде».

Говорят, что чехи торжественно хоронили наместника Гитлера в Праге Рейнхарда Гейдриха. Но не забудем, что именно чехи и убили его 27 мая 1942 г. В отместку нацисты уничтожили полностью две чешских деревни и расстреляли более 5000 чехов. Руки выкручивались жестоко и умело. Понятно, что не выйти на похороны означало быть расстрелянным.

Известно, что 5–9 мая пражане, понимая близость конца войны, боясь за Прагу, подняли восстание. С оружием было слабовато. И они обратились за помощью к власовской РОА, мотивируя просьбу тем, что славяне должны помочь славянам. Как пишут историки, дивизия власовского генерала Сергея Буняченко числом около 16 тысяч человек вошла в город тремя колоннами и атаковала немецкие батареи, готовившиеся обстреливать центр Праги. Они заняли аэродром, куда, по их понятиям, должен был приземлиться американский десант. Но, согласно Ялтинским соглашениям, Чехия отходила Сталину, и американцы не вошли в Прагу. 7 мая власовцы бежали на запад. Немцы оправились, восстание было подавлено.

Жители Праги встречают маршала Советского Союза И. С. Конева

9 мая в Прагу вошла армия маршала Конева. До 12 мая шли бои. Во время так называемой Пражской операции погибли 11 997 советских солдат. А Конева сделали почетным гражданином Праги.

Памятник маршалу Советского Союза Ивану Коневу был торжественно установлен на площади 9 мая 1980 г. Его авторы — скульптор Зденек Крыбус и архитектор Вратислав Ружичка.

Теперь монумент демонтирован.

Однако чешский президент Милош Земан напомнил о военных заслугах маршала Конева и заявил о никчемности тех людей, которые ныне развернули в Праге борьбу с памятником маршалу:

«Маршал Конев освободил не только Прагу, он также освободил Освенцим, в то время как те, кто этот памятник отстраивает, пока ничего стоящего в своей жизни не сделали. Это особенность “борцов с памятниками”. Они завидуют тем, кто чего-то добился. Завидуют тем, кто нарисовал картину или создал памятник, и стремятся это уничтожить. К сожалению, таких людей весьма много, и их формирует ненависть и зависть, нежели признание (чужих) успехов»¹.

¹ 12 апреля 2020 г. на сайте агентства «РИА Новости» была опубликована новостная заметка «Президент Чехии осудил снос памятника маршалу Коневу» (<https://ria.ru/20200412/1569931516.html>), в котором приводятся слова М. Земана. *Прим. ред.*

Милош Земан

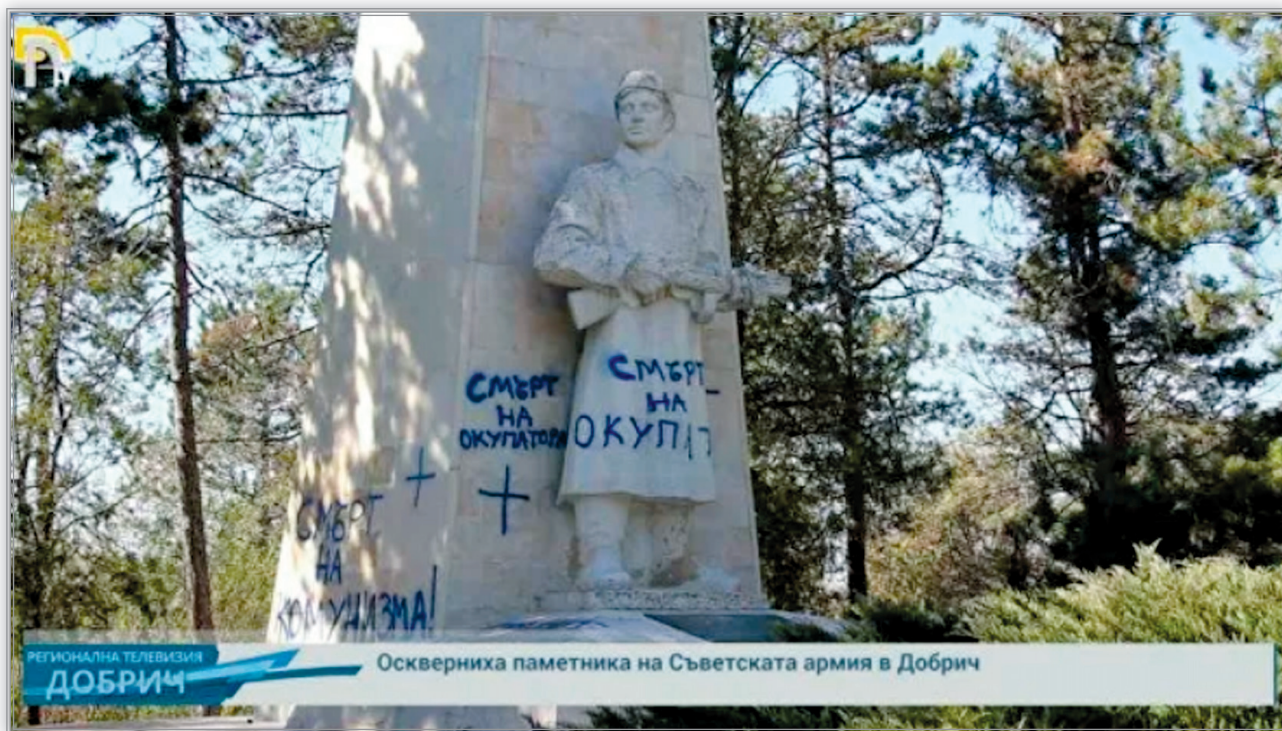
Можно только порадоваться, что в Чехии такой разумный президент, старающийся среди дикого шума восстановить справедливость.

Так было везде и всегда. Разбивали золотого тельца, сбрасывали идолов в Днепр, сбивали головы статуям святых во время религиозных войн в Европе, сбрасывали с пьедесталов конные и пешие фигуры королей во время Великой французской революции: статуи французы казнили, отрубая им мраморные головы. Все эти обрубки теперь собраны в монастыре Ключи. Как писал Герцен, «довольно французская революция наказила статуй». Уничтожали фигуры Будды талибы в Афганистане, свержали статуи Саддама Хусейна в Ираке.

Нам не надо следовать этому примеру. В исторически обозримом времени у нас такое было: после революции 1917 г., после развенчания культа личности в 1956-м, после событий 1991 г.

И все же есть существенная разница между тем, что происходило у нас после 1991-го, и тем, что происходит в Центральной и Восточной Европе сейчас. В России борьба с символами коммунистического и советского прошлого коснулась наших собственных, отечественных вождей. Опрокинутая в прошлое мстительность не распространялась на деятелей иностранных: в бронзе или камне Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Хо Ши Мин, Георгий Димитров остались на своих местах.

Мы не проклинали и не упрекали в своих бедах основоположников учения о классовой борьбе, не предъявляли счетов. Это явно контрастирует с попытка-

Осквернение памятника в Добриче

ми выставить современной России денежные счета, которые предпринимаются странами-соседями, бывшими нашими республиками или бывшими союзниками от Балтийского до Черного моря.

Но каждая новость по поводу памятников огорчает.

В болгарском городе Добриче вандалы написали «Смерть оккупантам», «Смерть Алешам» на памятнике советским воинам. Об этом сообщает портал «Добрич Онлайн»¹. Полиция заявила, что возбуждено дело, преступников объявили в розыск.

Памятников советским воинам-освободителям, носящих имя Алеша, в Болгарии два. Самый известный находится в Пловдиве. Стоит вспомнить, что нам известно. Прообразом фигуры советского солдата стал рядовой сводной роты 3-го Украинского фронта Алексей Иванович Скурлатов. Он прошел всю войну и встретил победу. Родным и близким два раза приходили похоронки на него. Однажды его завалило обломками зданий и землей. Все были уверены, что Алексей погиб под обвалом. Но потом кто-то из солдат заметил, что у Скурлатова дрожат веки. Его вытащили и сразу отправили в госпиталь. Как говорил сам Алексей, стихотворение «Жди меня, и я вернусь» было написано как будто про него самого.

Алексей Скурлатов в сентябре 1944 г. был солдатом-связистом и прокладывал телефонный кабель недалеко от Пловдива. Один из местных жителей зарисовал плечистого Скурлатова в альбом. Рисунок сохранил друг солдата — болгар-

¹ <https://www.dobrichonline.com/>

рин Методи Витанов. После войны альбом попал в руки скульпторов, и Алексей Скурлатов был признан моделью для памятника, который был открыт в 1957 г. На постаменте написали «Альоша».

Когда «Алешу» начинали возводить, настоящий Алексей об этом даже не догадывался, он вообще только через несколько лет узнал, что такой памятник есть. Позже композитор Эдуард Колмановский и поэт Константин Ваншенкин придумали песню с таким же названием. До 1989 г. она оставалась гимном Пловдива. Напомню читателям слова:

Белеет ли в поле пороша
Иль гулкие ливни шумят,
Стоит над горою Алеша,
Болгарии русский солдат.
Немало под страшною ношей
Легло безымянных парней.
Но то, что вот этот — Алеша,
Известно Болгарии всей.

В 1989 г. власти Пловдива решили снести памятник. Мэр города утверждал, что из монумента лучше всего сделать бутылку кока-колы. Алексей Скурлатов в это время с болью в сердце следил за новостями. Можете себе представить, что творилось в его душе. Но нашлись честные люди — граждане Пловдива день и ночь дежурили около памятника, чтобы его не уничтожили. И все же в 1996 г. городской парламент принял решение снести монумент. Однако это решение было обжаловано в окружном суде, который и отменил его. Точку поставил Верховный кассационный суд Болгарии, постановивший, что монумент является памятником Второй мировой войны и не может быть разрушен.

Снос памятников или их вандализация, уничтожение или перенос военных захоронений в странах Восточной Европы продиктованы стремлением переложить ответственность за темные страницы прошлого на всегдашнего врага или объяснить населению сегодняшние экономические проблемы и падение уровня жизни внешними историческими причинами. Аргументы «виновности России» — императорской, советской или современной — меняются от страны к стране. Но вектор вины направлен всегда в одну и ту же сторону — нашу.

Цель — забыть и переименовать, чтобы затушевать, занавесить свои внутренние государственные проблемы виной России. Забыть, как дважды освобожденная Россией Болгария трижды Россию предавала. Забыть, что самое большое военное кладбище венгров находится под Воронежем и что венгры творили такие зверства по отношению к пленным и мирному населению, что командующий Иван Черняховский приказал не брать их в плен. И тем не менее по числу пленных

«Алеша» в Пловдиве (фрагмент).
 Скульпторы В. Радославов, Л. Далчев, Т. Босилков, А. Ковачев.
 Архитекторы Н. Марангозов и др. 1957

в наших лагерях венгры были в 1945 г. на третьем месте после немцев и японцев. Забыть, что Польша была прямой соучастницей Гитлера наряду с Румынией в территориальных захватах после Мюнхенского стовора 1938 г., а вовсе не невинной жертвой в развязывании Второй мировой войны. Идеологи советской эпохи из соображений пролетарского интернационализма не позволили эти факты запускать в исторический оборот.

Российское общество обратило внимание на снос военных памятников и мемориалов, пожалуй, только в 2007 г. — в связи с историей Бронзового солдата в Таллине. Это весьма поучительная история. Памятник Воину-освободителю Таллина был открыт в сентябре 1947 г. в центре города, на холме Тынисмяги, рядом с братской могилой красноармейцев. Место для захоронения было выбрано потому, что близлежащую церковь Каарли окружало кладбище. Авторы монумента — эстонцы Энн Роос и Арнольд Алас. Прообразом Бронзового солдата, по существующей версии, послужил эстонский красноармеец Велло Раянгу, на самом деле этнический швед. Ну и где тут имперско-шовинистический след?

Но вечный огонь погасили, мемориал в 1995 г. переименовали в «Павшим во Второй мировой войне» и спустя 13 лет вместе с останками солдат перенесли на Военное кладбище Таллина. Не русских в итоге наказали, а самих себя обес-

Бронзовый солдат. 1945–2007.
Скульптор Э. Роос. Архитектор А. Алас

честили. И не заметили. Как не заметила этого объединенная Европа. И не заметит. Потому что после выхода Великобритании из ЕС в его составе не осталось ни одной страны, которая не покорилась Гитлеру в той или иной форме. Все либо были членами «оси» (Германия — Италия — Япония), либо захватывались и присоединялись к рейху, либо становились на путь коллаборационизма или тайно сотрудничали с нацистским режимом. Так что война против мертвых солдат нашей страны будет продолжаться. Но вспомним слова Пушкина из стихотворения «Клеветникам России», сказанные примерно в такой же исторической ситуации:

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
<...>
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

DEMOLITION OF MONUMENTS
Historical and Political Essay

Peter R. Fedorov

International journalist, TV host, in 2001–2009 was
a chief of the Russian Service of «Euronews».
Chief of the Directorate of international relations VGTRK.
125040 Moscow, 5 Yamskogo Polya St., 22.
E-mail: pfedorov@vgtrk.com

Memory of the past depends on the political situation that determines its nature and direction. Today views about the role of the USSR in the victory over Nazism are distorted due to changes in the international situation. This fact is confusing and disturbing, but it is also alarming that in the context of information wars the material evidence of the respect suffers. The respect that direct participants in the tragic military events showed to the Soviet victorious soldiers—from the ordinary soldiers to the military commanders. Memorials to liberators located in different countries of Eastern Europe become objects of mockery.

Keywords: Prague-6, monument to marshal I. S. Konev, M. Zeman, Plovdiv, Dobrich, destruction of monuments, vandalism, memory.

МЫ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ

Мария Владимировна Киселева

кандидат филологических наук, учитель русского и немецкого языков в Гимназии им. Ж.-П. Сартра (Берлин).

E-mail: markiska@inbox.ru

Авторское высказывание ставит острую проблему о том, как возможно помнить и говорить об ужасах Второй мировой войны и какая культура и знание событий требуется от туристов, оказывающихся в «местах памяти» городских ландшафтов. Речь идет о памятнике у вокзала Берлин-Фридрихштрасе как символу событий 1938–1939 гг., когда после Хрустальной ночи еврейские общественные деятели обратились к премьер-министру Великобритании Н. Чемберлену с просьбой разрешить еврейским детям временный въезд в страну. Разрешение было получено и поддержано общественностью, готовой взять детей в семьи. Операция «Киндертранспорт» спасла жизни 10 000 еврейских детей, вывезенных из Германии в Англию. Оставшихся ждали лагеря смерти.

Ключевые слова: памятник Франка Майслера «Поезда жизни — поезда смерти» (Берлин), память войны, туризм и память, постпамять и война.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-123-125

Есть такие темы, о которых боишься даже думать. Холокост и Бухенвальд, Аушвиц и Дахау... О них невозможно говорить вслух, по ним нельзя плакать. Нельзя сожалеть, вздыхать. Все, что бы ты ни сделал, — обернется фальшью: мы просто не в состоянии ни физически, ни умственно прочувствовать и пережить тот запредельный ад. Убийства, унижения, пытки людей, детей. Младенцев и стариков убивали сразу. Непонятно, как после всего этого мир не рухнул и продолжает существовать себе дальше?

Об этом нельзя забывать, и поэтому маленькие, замученные, истерзанные, потерявшие своих мам и пап, свой дом, свои игрушки и в конечном итоге свои жизни дети становятся прекрасным предметом исследовательских дискуссий или объектом политических решений и переговоров, они вдохновляют великих писателей стать еще более великими, создать, наконец, литературный шедевр и получить за него награду или премию. Художники и скульпторы воздвигают памятники погибшим при Холокосте, а люди каждый день проходят мимо них, практически не замечая, — они ведь настолько вписываются в архитектуру города, что почти не выделяются, становясь ее частью, как и прочие сооружения,

постройки, фонтаны, по которым другие дети с таким удовольствием лазают и играют. Турист с толстой и глупой рожей обнимает за хрупкие окаменелые плечики маленькую девочку, со своими братьями и сестрами идущую к поезду смерти, окаменевшим взглядом смотрящую в вечность, и выдыхает ей прямо в лицо клубок сигаретного дыма, при этом самодовольно хихикая. Его длинноногая спутница, поощрительно улыбаясь, щелкает фотоаппаратом.

Но памятники, увековечивающие жертвы, продолжают воздвигаться, снимаются кинокартины, и перед их показом, как и перед всеми прочими, продается в фойе попкорн, а ученые с легкостью получают гранты на сборники и симпозиумы, чтобы вновь и вновь говорить о смерти, чтобы не забывать о ней. Да и как может всякий уважающий себя фонд финансово не поддержать научный проект, посвященный дискурсу политического языка в концлагерях?

А разве был там язык? — Там были лишь молчание и смерть.

2015, Берлин

Франк Майслер.

Скульптурная композиция «Поезда жизни — поезда смерти» открыта 30 ноября 2008 г. Автор был в числе детей одного из последних поездов, идущих в Англию.

WE MUST UNDERSTAND

Maria V. Kiseleva

Candidate of Philology, teacher of Russian and German languages at the Gymnasium named after J.-P. Sartre (Berlin).

E-mail: markiska@inbox.ru

The author's statement raises an acute problem about how it is possible to remember and talk about the horrors of the World War II; and what level of personal culture and knowledge of history is required from tourists who visit the "places of memory" of urban landscapes. We are talking about the monument at the Berlin Friedrichstrasse station which is a symbol of the events of 1938–1939, when after Kristallnacht, Jewish public figures appealed to the British Prime Minister N. Chamberlain to allow Jewish children temporary entry into the country. Permission was obtained and supported by the public, ready to take children into families. Operation Kindertransport saved the lives of 10,000 Jewish children taken from Germany to England. The remaining ones were doomed to concentration camps.

Keywords: Frank Meisler's monument "Trains of life — trains of death", memory of war, tourism and memory, postmemory and war.

БОЕВЫЕ ПОДВИГИ И БОЕВЫЕ НАГРАДЫ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей Николаевич Корсаков

Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Боевые подвиги сотрудников Института философии Российской академии наук в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — славная страница его истории. Учитываются как те сотрудники, а также аспиранты, которые состояли в Институте философии на 22 июня 1941 г. и ушли на фронт, так и те, кто принимал участие в войне и пришел работать в Институт уже после ее окончания. Это и знаменитые философы, и так называемые «рядовые» сотрудники. Объектом анализа стали наградные листы, в которых содержится описание боевых подвигов. Наградные листы выложены на Интернет-ресурсе Объединенный банк данных (ОБД) «Подвиг народа», созданном Министерством обороны Российской Федерации. Изложение построено по видам Вооруженных Сил и родам войск. Обзор боевых подвигов позволяет по-новому взглянуть на известных нам людей. В то же время оно дает пищу для размышлений о том, как и где государство может использовать философов во время войны.

Ключевые слова: история русской философии, Великая Отечественная война, Институт философии.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-126-146

Тема «Институт философии Академии наук и Великая Отечественная война» давно занимает меня. В ходе работы с архивными документами удалось проследить основные этапы работы Института и повседневной жизни его сотрудников в годы войны (Корсаков, 2011: 134–147; Корсаков, 2015: 179–192). Наибольшие трудности возникли с установлением достоверной информации о погибших на фронте сотрудниках и аспирантах. На мемориальную доску, установленную в Институте философии в советское время, были занесены не все имена. Удалось разыскать родственников, потомков погибших сотрудников, найти документы и свидетельства об испытаниях, выпавших на долю забытых героев. В результате проведенной работы в здании Института философии была установлена новая

мемориальная доска, содержащая вдвое больше фамилий, чем первоначальная (Корсаков, 2016: 10–29).

Многолетние изыскания позволили прийти к выводу, что в соответствии с канонами советской идеологии производилась фильтрация имен. Поэтому имена попавших в окружение, плен, концлагерь не предполагалось упоминать. То же относилось к людям, чьи анкетные данные не устраивали дирекцию: исключенные из партии, обвиненные в идеологических прегрешениях, общавшиеся с «врагами народа». Память о войне в советский период была глянцево́й и избирательной. Восстановление правдивой картины войны необходимо и мертвым, и живущим. В том числе для того, чтобы обрести духовный иммунитет против преднамеренных искажений и фальсификаций истории войны и Победы, вал которых нарастает в последнее время с каждым годом.

Еще одним измерением работы по увековечению памяти о философах-героях стала разработка странички об участниках Великой Отечественной войны на сайте Института философии РАН (<https://iphras.ru/page50632177.htm>). Здесь приведена общая информация о работе Института в военные годы. Были собраны публиковавшиеся в разные годы и в различных изданиях воспоминания сотрудников Института о военных годах. Были сформированы три галереи с фото-портретами и биографическими справками — погибших, ополченцев, ветеранов.

В галерею погибших включены сведения о сотрудниках и аспирантах Института, убитых на фронте. В галерею ополченцев — те сотрудники и аспиранты, кто в июне 1941 г. ушел из Института в народное ополчение. Сформировать галерею помогла архивная находка — список записавшихся в народное ополчение (Корсаков, 2009: 521–522). Ранее об этом списке было известно из воспоминаний З. А. Каменского, рассказывавшего: «в конце июня 1941 г. в Институте философии состоялось общее собрание, на котором было объявлено, что желающие мужчины могут вступить в народное ополчение; подавляющее большинство мужчин в тот же день сделали это» (Каменский, 1998: 90). При формировании галереи к перечисленным в списке были добавлены также те сотрудники, кто в июне 1941 г. был призван московскими райвоенкоматами.

Наконец, в галерею ветеранов включены те, кто вернулся в Институт после войны или, пройдя фронтовыми дорогами, поступил туда на работу. С формированием последней галереи имелись специфические трудности. Мы столь же мало знаем о людях, оставшихся в далеких 1940-х, сколь о тех, кто выпал из философской жизни после 1991 г. Иногда становится почти невозможно разыскать дату смерти человека, установить его судьбу, найти изображение. Постепенно большинство лакун было заполнено.

Конечно, галереи с сайта Института философии не охватывают всего множества сотрудников-участников войны. Но основной массив персоналий содержат.

А что мы знаем о боевых делах этих людей? Практически ничего. Сами ветераны немногословны, а когда они уходят из жизни — и спросить бывает некого.

По счастью, в наше время создан Интернет-ресурс — Объединенный банк данных (ОБД) «Подвиг народа». Проект был разработан по инициативе Департамента развития информационных и телекоммуникационных технологий Министерства обороны Российской Федерации. Содержание банка данных составляют документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Электронный ресурс содержит информацию о награждениях, относящихся к периоду Великой Отечественной войны, а также о послевоенных награждениях за участие в войне. В банке данных содержится информация о более чем 12,5 млн. награждений. Наиболее информативны наградные листы, включающие описание совершенного героем подвига.

* * *

Мы посмотрели по ОБД «Подвиг народа» информацию о тех, кто включен в галереи участников войны на сайте Института философии РАН. Удалось найти наградные листы большинства воевавших философов Института. Мы расскажем о боевых подвигах и боевых наградах наших коллег, работавших и работающих в Институте философии АН СССР — РАН. Все приводимые ниже описания подвигов философов взяты из наградных листов.

Высший командно-политический состав

Несмотря на то, что офицеров среди сотрудников Института философии было немало, высоких чинов и званий во время войны никто из них не достиг. Самый высокий пост во время войны занимал Михаил Захарович Селектор (1902–1963), пришедший на работу в Институт философии после войны. Во время войны он был полковником, начальником политотдела стрелковой дивизии. Как начальник политотдела он не только руководил политработой, но и отвечал за целый комплекс вопросов: обеспечение питанием в период боев, медицинская помощь раненым и их эвакуация. При этом М. З. Селектор не только осуществлял руководство, но и воздействовал на бойцов личным примером. В боях по освобождению Витебска при прорыве мощной укрепленной оборонительной полосы немцев и ликвидации окруженной группировки он был тяжело ранен во время отражения контратак противника. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Штабные работники

В штабах служили кадровые офицеры с военным образованием. Но немало важной фигурой в любом штабе в то время был писарь. Писарем во время войны служил будущий зам. директора Института философии АН СССР и первый

главный редактор журнала «Социологические исследования» Анатолий Георгиевич Харчев (1921–1987). В 1943 г., оставаясь один в штабе, он был окружен немецкими автоматчиками. Он с боем вышел из окружения, спас ценные документы, а остальные документы штаба вовремя сжег. На другой день он вывел из-под огня раненого начальника штаба. По дороге они встретились с немцами. А. Г. Харчев уничтожил из автомата троих и доставил капитана в госпиталь. Награжден орденом Красной Звезды.

Ведущий научный сотрудник, Института философии РАН Георгий Иванович Рузавин, специалист по логике и методологии науки (1922–2012) в качестве писаря штаба полка участвовал в войне с Японией. Отличился при совершении трудного перехода через Большой Хинган. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Пограничные войска

Будущий старший научный сотрудник Института философии Анатолий Иванович Бурхард (1922–1984) встретил начало войны на погранзаставе. Он участвовал в ночь с 30 на 31 июля 1941 г. в штыковых атаках в районе северного берега Манычского канала против форсировавших канал фашистов. 1 августа 1941 г. участвовал в четырехчасовом бое, который вели бойцы заставы южнее Манычского канала. Вел пулеметный огонь. Получил тяжелое сквозное пулевое ранение грудной клетки. Награжден орденом Красной Звезды.

Пехота

В пехоте воевал председатель Совета ветеранов Института философии РАН Давид Израилевич Дубровский (1929 г. р). Он принимал участие в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Выдающийся историк русской философии Захар Абрамович Каменский (1915–1999) ушел в 1941 г. в народное ополчение и принимал участие в битве под Москвой. В день начала наступления фронта 6 декабря 1941 г. он был связным командира роты, бесстрашно выполнял приказы командира и получил контузию. При наступлении в районе Серпухова он был ранен разрывной пулей в руку. Награжден медалью «За отвагу».

В ополчение ушел аспирант Института философии Семен Петрович Попов (1902–1972). Во время боя по защите г. Венев был убит командир пулеметной роты. Военком батальона С. П. Попов принял на себя командование. Когда в разгаре боя два пулеметных расчета вышли из строя и пулеметы замолчали, С. П. Попов бросился к одному пулемету и стал вести огонь, хотя получил ранение в обе ноги. Продолжал сражаться, пока не был вынесен с поля боя. Награжден орденом Красной Звезды.

Будущий старший научный сотрудник Института философии АН СССР Василий Георгиевич Баскаков (1914–1974) в 1941 г. воевал в стрелковом полку на Волховском фронте. 20 сентября 1941 г. получил тяжелое осколочное ранение в полость живота и позвоночник. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После войны в Институте философии работал Михаил Васильевич Белов (1908–1971). Во время войны он служил командиром взвода в гвардейской стрелковой дивизии. Два раза был ранен. Награжден медалью «За отвагу».

Будущий секретарь парторганизации Института философии АН СССР профессор Николай Андреевич Будрейко, специалист по философским проблемам химии (1913–1976), во время войны был начальником химической службы дивизии. В боях по овладению плацдармом на западном берегу Дона враг пытался опрокинуть наши части в реку и вернуть важную в тактическом отношении высоту. В обороняющихся частях получилось замешательство, и некоторые отступили. Н. А. Будрейко, получив приказ, под артиллерийским и минометным огнем противника и бомбежкой с воздуха установил порядок в частях. Был тяжело ранен, но высота не досталась врагу. Награжден медалью «За отвагу».

Историк китайской философии Николай Герасимович Сенин (1918–2001) ушел на фронт с философского факультета МИФЛИ. Воевал в 1941–1942 гг. За боевые дела награжден солдатским орденом Славы III степени.

Минометчики

Ветеран Института философии РАН Александр Григорьевич Мысливченко (1924 г.р.) в 1944 г., находясь на передовом наблюдательном пункте, несмотря на интенсивный артобстрел, непрерывно передавал команды в свой гвардейский минометный полк. В результате наших залпов был подавлен огонь двух минометных и двух артиллерийских батарей, уничтожено до роты гитлеровцев и занята важная высота. А. Г. Мысливченко вышел с разведчиками в район другой высоты, где под пулеметным и ружейным огнем передал команду на огонь по контратакующей пехоте. Залпом наших минометчиков контратака была отбита, уничтожено 50 гитлеровцев и две пулеметные точки с расчетами, а высоту противник оставил. А. Г. Мысливченко награжден орденом «Красной Звезды».

Будущий специалист по философским проблемам биологии Александр Иванович Игнатов (1919–1999) в 1942 г. командовал минометной ротой на Карельском перешейке. Финны за ночь соорудили переправу и начали переправлять через реку войска для слома переднего края нашей обороны. А. И. Игнатов получил сигнал об открытии огня, быстро подготовил данные на обстрел и открыл минометный огонь точно по переправе. Попытка противника была сорвана. А. И. Игнатов был представлен к медали «За боевые заслуги», награжден медалью «За отвагу».

Ведущий научный сотрудник Института философии РАН Борис Алексеевич Шувалов (1926–2012) в военные годы служил наводчиком 82-х мм миномета. В жестоких боях за освобождение Прибалтики под непрерывным огнем противника он точным огнем своего миномета уничтожил десятки немцев и подавил нескольких минометных и пулеметных точек. Во время разведки боем был ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Артиллеристы

Выдающийся ученый в области социальной философии Владислав Жанович Келле (1920–2010) в 1943 г. командовал огневым взводом. В бою за деревню Липны под пулеметным и минометным огнем противника его взвод прямой наводкой подавил огонь двух пулеметных точек, уничтожил автоматическую пушку и наблюдательный пункт и обеспечил прорыв немецкой обороны. Награжден орденом Красной Звезды.

Ведущий научный сотрудник Института философии Евгений Николаевич Лысманкин (1924–1989) в 1943 г. командовал огневым взводом. Под деревней Галки стрельбой прямой наводкой отбил сильную контратаку. При этом было уничтожено до тридцати солдат и офицеров противника. Награжден орденом Красной Звезды.

Профессор кафедры философии РАН Владимир Аполлосович Глядко (1924–2005) в 1944 г. командовал взводом батареи 76 мм пушек. В боях за Чижовку под сильным минометно-артиллерийским обстрелом прямой наводкой уничтожил четыре пулеметных точки и до 15 гитлеровцев, чем обеспечил продвижение нашей пехоты. Награжден медалью «За отвагу».

Специалист по социальной философии Юрий Елеазарович Еремин (1925–1984) на войне был разведчиком артполка. Находясь на передовом наблюдательном пункте, он засек три станковых пулемета и минометную батарею, которые были уничтожены огнем полка. Вместе с пехотой участвовал в отражении контратаки немцев, уничтожив при этом из автомата четырех немецких солдат. Награжден орденом Красной Звезды.

Историк индонезийской философии Александр Федорович Коробков (1923–2002) в 1944 г. командовал батареей. При переходе через Карпаты в горно-лесистой местности, почти недоступной для артиллерии, первым вытащил свою пушку на высоту и своим примером показал путь другим артиллеристам. Вел огонь прямой наводкой и уничтожил три немецких пулемета и до двадцати вражеских солдат. В бою был ранен. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979), находясь в боевых порядках пехоты, открывал огонь по огневым точкам, мешавшим продвижению наших войск.

Лично обнаружил два пулеметных дзота, вызвал огонь батареи и уничтожил их. Обеспечивал огневое сопровождение нашей пехоты при форсировании реки Шпрее и в трудных условиях уличных боев в Берлине. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Противовоздушная оборона

Ветеран Института философии РАН Петр Иосифович Симуш (1925 г.р.) служил в 93-й дивизии противовоздушной обороны. Награжден медалью «За победу над Японией».

Будущий историк индийской философии Василий Васильевич Бродов (1912–1996) попал на фронт после того, как был незаконно репрессирован. Он служил заряжающим орудия в зенитном полку на Карельском фронте. 12 сентября 1944 г. при отражении налета группы бомбардировщиков В. В. Бродов сбил самолет «Юнкерс-87».

Военно-воздушные силы

В авиации служил Александр Александрович Зиновьев (1922–2006). На фронте находился с 21 марта 1945 г. Он совершил 12 боевых вылетов на самолете Ил-2. Вылетал на штурмовку автомашин и живой силы противника. Уничтожил четыре автомашины с войсками и грузом, подавил огонь зенитной батареи и расстрелял из пушек и пулеметов 25 гитлеровцев. Награжден орденом Красной Звезды.

Полеты выполняют летчики, а обеспечивают их готовность техники. Известный впоследствии специалист по теории познания Виктор Степанович Тютин (1923–1988) в годы войны окончил школу младших авиационных специалистов, служил на аэродроме механиком по кислородной аппаратуре автомобильной кислорододобывающей станции и занимался обеспечением боевых частей техническим кислородом. Добился бесперебойной работы станции, увеличил ее производительность с 10 до 16 баллонов в сутки. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Летчик не может выполнять свою работу без помощи авиадиспетчера. Профессор кафедры философии РАН Сергей Иванович Гончарук (1923–2012) во время войны с Японией служил авиадиспетчером 29-й авиадивизии. Он обеспечил 250 боевых вылетов без задержек и происшествий. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Военно-морской флот

В Военно-Морском флоте в 1944–1951 гг. служил специалист по философским проблемам геронтологии, старший научный сотрудник Института философии РАН Александр Трофимович Шаталов (1927–2006). За образцовое выполнение правительственного задания он был награжден медалью Нахимова.

Инженерные войска

Много лет в Институте философии проработал специалист по теории познания Иван Дмитриевич Андреев (1912–1993). В годы войны он служил в инженерно-саперной бригаде. В 1945 г. на подступах к городу Данцигу он с группой саперов расчищал дорогу от завалов и вражеских мин. Дорога была приведена в проезжее состояние для боевой техники и автотранспорта. Под городом Олива под артиллерийским обстрелом обеспечил приведение магистрали в проезжее состояние. Награжден орденом Красной Звезды.

Войска связи

Историк русской философии, старший научный сотрудник Института философии Виктор Арсеньевич Малинин (1921–1999) во время войны был связистом, прокладывал правительственную связь по пути наступающих советских войск. В январе 1942 г. обеспечивал связью 4-ю ударную армию, взрывом мины был контужен. Несмотря на это, провел взвод по минному полю на лыжах по твердому насту. Под артиллерийским огнем противника навел связь до штаба корпуса. В 1944–1945 гг. неоднократно вслед за передовыми частями руководил наводкой связи, которая выполнялась в срок и качественно. Штаб фронта вовремя получал в/ч связь. При наступлении на Кенигсберг обеспечил подведение в/ч связи, замаскировав ее в 1,5 км от немецкой передовой. В начале нашего наступления немцы заминировали поля, взорвали шлюзы, местность была затоплена водой. Но В.А. Малинин и его подчиненные вслед за наступающими гвардейцами за три дня установили 280 столбов связи. Связь была дана вовремя. Награжден орденом Красной Звезды.

Военные медики

Зав. сектором диамата Института философии в предвоенные годы Виктор Николаевич Колбановский (1902–1970) занимался философскими проблемами физиологии и психологии. Во время войны он был начальником полевого армейского эвакуационного пункта-эвакоприемника. Он превратил эвакуационный пункт в одно из лучших в своей армии лечебных учреждений, спаял коллектив, поставил на высокий уровень лечебную и хозяйственную работу. При передислокациях войск эвакуационный пункт разворачивался точно в срок. Были проведены тысячи операций, переливаний крови и перевязок, спасена жизнь многим тысячам защитников Родины. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Политработники

Значительная часть философов служила политработниками. Необходимо иметь в виду, что политработа включает в себя различные специализации. Самую большую ответственность принимали на себя политработники-агитаторы.

Они находились непосредственно среди бойцов. Их долг заключался не только в политическом просвещении воинов. В критические моменты боев именно они должны были стать теми, кто поднимет в атаку, поведет за собой. В любой сложной ситуации агитатор должен был служить примером для других.

О Федоре Игнатьевиче Хасхачихе (1907–1942) помнят как о декане философского факультета МИФЛИ. Но на момент начала войны он был докторантом Института философии АН СССР. Он сразу вступил в народное ополчение и за несколько месяцев прошел путь от рядового до майора. В феврале 1942 г. в боях подо Ржевом был смертельно ранен начальник штаба полка и убиты комиссар и командир полка. Агитатор политчасти полка Ф. И. Хасхачих заменил сначала комиссара, а затем командира полка и водил солдат в ночную атаку. Полк сумел удержать деревню Сазоново. За этот подвиг философ был награждён медалью «За отвагу». 5 ноября 1942 г. Ф. И. Хасхачих погиб от прямого попадания вражеского снаряда во время выступления перед бойцами с докладом в одном из стрелковых батальонов.

Работавший в Институте философии после войны Иван Степанович Шариков (1908–1987) в 1941 г. ушел в народное ополчение. Политруком принимал участие в боях под Тарутино. В январе 1942 г. под Малоярославцем получил тяжелое ранение в правую руку, в результате чего ее ампутировали. Награждён медалью «За оборону Москвы».

М. З. Селектор, о котором мы рассказывали выше, добровольно вступил в армию и с июля 1941 г. служил зам. начальника политотдела дивизии. Он неоднократно принимал участие в боях, выполняя задания командования, связанные с обеспечением боевой деятельности войск. Когда он находился в одном из полков дивизии, ведшем бой за деревню Слободка, фашисты пошли в контратаку. В этой ситуации М. З. Селектор из пушек, захваченных здесь же у немцев, повел огонь и прямой наводкой расстреливал наступавших врагов. Награжден орденом Красной Звезды.

Академик Бонифатий Михайлович Кедров (1903–1985) — наш выдающийся философ, в 1973–1974 гг. директор Института философии АН СССР. Он добровольцем ушел из Института философии на фронт в июле 1941 г. Служил на Западном фронте командиром орудия, начальником химической службы полка, старшим инструктором политотдела дивизии. В феврале 1942 г. в бою под Юхновым был ранен осколком мины в ногу. Награжден орденом Красной Звезды.

Старший научный сотрудник Института философии АН СССР Иосиф Михайлович Кулагин (1902–1968) ушел из Института добровольцем на фронт в июле 1941 г. Старший политрук И. М. Кулагин большую часть времени проводил на передовых позициях. В августе 1941 г. в боях за железнодорожный мост через Десну он одним из первых участвовал в атаках. С небольшим отрядом отвлек на себя огонь про-

тивника. При выходе из окружения воодушевлял бойцов и командиров, проявил личную храбрость и мужество в бою. Награжден орденом Красной Звезды. В 1943 г. был незаконно репрессирован. был незаконно репрессирован. Реабилитирован в 1955 г.

В Институте философии до и после войны работал Павел Семенович Черемных (1899–1975). Во время войны он служил в политотделе армии. Был дважды ранен. В августе 1942 г. во время крупных налетов вражеской авиации в подразделениях создано замешательство. П. С. Черемных восстановил порядок на переднем крае. Награжден орденом Красной Звезды.

Филарет Филаретович Чернов (1906–1950) перед войной работал профессором кафедры философии АН СССР. Во время войны он был зам. командира батальона по политчасти. В зимних боях 1941–1942 гг. непрерывно находился среди бойцов и командиров. Во время весеннего ледохода 1942 г. лично руководил спасением моста через реку Кунья. Во время штурма Великих Лук под огнем противника организовал устройство переправы через реку Ловать. Награжден орденом Красной Звезды.

Будущий старший научный сотрудник Института философии Анатолий Иванович Крылов (1920–1998) в январских наступательных боях 1945 г. был агитатором полка. В критическую минуту боя на подступах к городу Черск, когда пехота противника перешла в контратаку при поддержке самоходок, сумел остановить дрогнувшие цепи бойцов и организовать отражение контратаки противника. Награжден орденом Красной Звезды.

Специалист по социальной философии Александр Самойлович Айзикович (1917–1999) служил замкомандира батальона по политчасти. В тяжелых боях в Венгрии в декабре 1944 г. он личным примером воодушевлял бойцов. В бою за г. Полгарь он вместе с передовыми подразделениями ворвался во вражеские траншеи и закрепился в них. Когда противник перешел в контратаку, то потерял до роты пехоты, пять танков и не добился успеха. За этот бой и умелое воспитание личного состава А. С. Айзикович был награжден орденом Красной Звезды.

Важная функция политотделов — сбор и изучение информации о настроениях бойцов и командиров. Без этой информации невозможно выдвигать лозунги и призывы, которые были бы восприняты воинами. Инструктором по информации политотдела дивизии служил аспирант Института философии АН СССР Александр Аронович Воловик (1907–1990). В условиях наступательных боев он находился в частях, изучал настроения личного состава, чем помог правильно построить работу по поднятию боевого духа. Награжден орденом Красной Звезды.

Аспирант Института философии АН СССР Николай Иосифович Плехотин (1905–1991) во время войны служил в политотделе 5-й гвардейской танковой армии. Он неоднократно выезжал в части для проведения обследований по зада-

нию политотдела. В январе 1945 г. в ходе наступления в Восточной Пруссии был направлен в 10-й танковый корпус с заданием поднять уровень политработы, чтобы создать перелом в темпах наступления корпуса. За успешное выполнение задания награжден орденом Отечественной войны II степени.

Лектор — еще одна ипостась политработника наряду с агитатором и информатором. Вполне понятно, что среди лекторов было много профессиональных философов.

Завсектором научного атеизма Института философии АН СССР Николай Иванович Губанов (1899–1988) служил в годы войны лектором политотдела армии. Провел для бойцов и командиров десятки лекций и докладов, пробуждая ненависть к фашистам. Неоднократно участвовал в боях. Личным примером влиял на воинов. Награжден медалью «За отвагу».

Завсектором истории философии народов СССР Института философии АН СССР Василий Евграфович Евграфов (1908–1982) также служил в годы войны лектором политотдела армии. Постоянно выступал с докладами и лекциями на переднем крае обороны. Награжден медалью «За отвагу».

Академик Теодор Ильич Ойзерман (1914–2017) во время войны был лектором политотдела армии. Принимал участие в боях на Днестре, от Вислы до Одера и за г. Бреслау. В наградном листе написано, что Т. И. Ойзерман с большим успехом выступал как лектор и заслуженно пользовался авторитетом у всего личного состава армии. Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны II степени.

Старший научный сотрудник Петр Александрович Каширин (1902–1988) ушел из Института философии на фронт в июле 1941 г. Выступал с лекциями перед бойцами и офицерами в ходе наступления Калининского фронта. Награжден орденом Красной Звезды.

Будущий замдиректора Института философии АН СССР Федор Тимофеевич Архипцев (1911–1993) служил в военные годы лектором Главного Политуправления ВМФ. Выступал с лекциями на Черноморском и Балтийском флотах. Награжден орденом Красной Звезды.

Известный историк русской философии Леонид Александрович Коган (1912–2013) ушел из Института философии на фронт в июле 1941 г. Служил лектором политотдела армии. Принимал участие в боевых операциях. Выступал в передовых наступающих частях. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Военные журналисты

Великую Отечественную войну нельзя представить себе без военных журналистов. Они выражали мысли и чаяния бойцов, укрепляли в них ненависть к врагу, дарили минуты отдыха.

Крупный эстетик Авнер Яковлевич Зись (1910–1997) ушел из Института философии в ополчение в июле 1941 г. Был политруком артиллерийской батареи, заместителем редактора газеты дивизии народного ополчения. Награжден медалью «За оборону Москвы».

Член-корреспондент АПН СССР Григорий Ерухимович Глезерман (1907–1980) во время войны был замредактора дивизионной газеты «Красноармейская правда». В ходе наступления в Восточной Пруссии находился в боевых порядках, доводил до бойцов сообщения Совинформбюро. Собирал материалы для газеты непосредственно на поле боя. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Добровольцем ушел на фронт старший научный сотрудник Института философии историк философии Александр Аркадьевич Макаровский (1904–1978). Он служил секретарем редакции дивизионной газеты «Боевое знамя». Лично участвовал в боях. Его очерки о людях, заметки о боевых действиях содействовали популярности газеты. Тесное общение с бойцами помогло ему воспитать десятки активных военкоров для газеты. Награжден орденом Красной Звезды.

Историк русской философии Мовсес Манукович Григорьян (1905–1995) был одним из тех сотрудников Института философии, кто в 1944 г. получил Сталинскую премию за участие в многотомной «Истории философии». В то время он был на фронте. Служил зам редактора газеты «Вперед к победе», выходившей на армянском языке. Часто бывал на передовой, изучал жизнь и боевую деятельность бойцов-армян, писал корреспонденции об их подвигах. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Армейская самодеятельность

Организация культурного отдыха бойцов — немаловажное дело на войне. Старший научный сотрудник Института философии Петр Евстафьевич Вышинский (1903–1949) ушел на фронт в июле 1941 г. Он служил начальником дивизионного клуба. В 1941–1942 гг. сумел организовать при клубе дивизии музыкально-художественный ансамбль. За январь-апрель 1942 г. этот ансамбль дал 194 концерта на передовых позициях в период боевых пауз в частях и подразделениях не только в своей дивизии, но и на гастролях у соседних с ней воинских соединений. Ансамбль явился огромным подспорьем в работе по подъему боевого духа и наступательного порыва бойцов и командиров. П. Е. Вышинский награжден медалью «За боевые заслуги».

Внешняя разведка

В мемуарной литературе неоднократно упоминается Елена Дмитриевна Модржинская (1910–1982). В 1940–1941 гг. она была резидентом советской разведки в оккупированной немцами Варшаве. Неоднократно передавала в центр инфор-

мацию о военных приготовлениях Германии и вероятном начале войны против СССР летом 1941 г. 22 июня 1941 г. арестована гестапо. На допросах не дала показаний. Перевезена в Берлин и интернирована вместе с сотрудниками советского посольства. По возвращении в Москву награждена орденом Красной Звезды.

Военная разведка

Понятие «разведчик» на фронте многослойно. Первичную информацию добывают наблюдатели, авиаторы и разведгруппы, переходящие за линию фронта. Следующий важный этап работы — допрос пленных и обработка трофейных документов. Важен фактор скорости передачи открывшейся информации о противнике. Наконец, наступает время анализа и прогноза тенденций его поведения. От эффективности на каждом уровне зависит общий результат. Философы работали на всех уровнях системы разведки.

Профессор кафедры философии АН СССР Борис Тихонович Малышев (1916–2002) во время войны с разведгруппами неоднократно переходил линию фронта для наблюдения за противником и захвата языка. В августе 1941 г. принимал участие в подготовке прохода в тыл врага коннице генерала Л. М. Доватора. Был дважды ранен. Награжден орденом Красной Звезды.

Разведгруппе могло понадобиться знание немецкого языка. Поэтому через линию фронта вместе с разведчиками-диверсантами шли и переводчики разведотдела. Автор интереснейших книг по истории философии Арсений Владимирович Гулыга (1921–1996) служил переводчиком. В 1943 г. в ходе боев за Великие Луки во время выполнения боевого задания по разведке он был ранен, убил одного немца и продолжил выполнение задачи. Награжден орденом Красной Звезды.

Замечательный историк французской философии Вениамин Моисеевич Богуславский (1908–2003) служил переводчиком в штабе дивизии на Волховском фронте. В 1944 г. в ходе боев по окружению новгородской группировки противника в течение нескольких дней подробно допросил свыше 200 пленнх солдат и офицеров и обработал десятки сотен документов, в результате чего каждый шаг противника был известен нашему командованию. Награжден орденом Красной Звезды.

Историк русской социально-философской мысли Евгений Григорьевич Плимак (1925–2011) служил в войну переводчиком разведотдела штаба корпуса. Он опросил сотни пленнх, перевел большое количество трофейных документов. Выезжал в боевые порядки и под вражеским огнем допрашивал пленнх, получал важные данные и немедленно передавал в штаб. После форсирования Вислы, находясь на западном берегу, по опросам пленнх своевременно вскрыл прибытие на этот участок свежих частей противника. Награжден орденом Красной Звезды. В Берлинской операции за две недели допросил 450 пленнх. Во время боев за переправу у города Эркнер на поле боя допросом пленнх установил

силу гарнизона противника, оборонявшего город, и расположение его огневых средств. В этом бою лично взял в плен шестерых немецких солдат. Командование использовало полученные данные, и переправа была успешно захвачена. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Выдающийся историк философии Игорь Сергеевич Нарский (1920–1993) служил в годы войны помощником начальника информационного отделения разведотдела штаба армии. Он быстро ориентировался в сложной боевой обстановке, мог самостоятельно делать выводы о намерениях противника. Несмотря на большую загруженность по работе, проявил максимум энергии и настойчивости в изучении немецких войск. Неоднократно лично выезжал с пленными на передний край обороны для изучения и расположения частей противника и их стыков. В 1943 г. кропотливой и усидчивой работой по изучению захваченных документов, данных авиаразведки и других источников установил точное расположение, боевой и численный состав дивизии противника и ее наиболее слабый участок обороны. Наступление полностью подтвердило эти выводы. Командование смогло безошибочно выбрать направление основного удара. Немецкую дивизию по частям полностью уничтожили. И. С. Нарский награжден орденом Отечественной войны II степени. В 1945 г. за правильную и своевременную оценку состава, боевого оснащения и возможных действий группировки противника в Померании был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Подпольщики

Работа в подполье — особая и очень сложная форма работы разведки. Какие-то подпольные группы создавались спонтанно. Их эффективность резко возрастала, когда они устанавливали связь с органами военной разведки. Многие подпольщики были специально оставлены для работы в тылу врага. Академик Георгий Лукич Смирнов (1922–1999) в 1983–1985 гг. был директором Института философии. В период немецкого наступления на Сталинград в июле 1942 г. Г. Л. Смирнов был оставлен для подпольной работы в Котельниковском районе. Положение в районе было сложным. Некоторые из старых казаков пытались наладить контакт с оккупантами, но те с пренебрежением к ним относились. Г. Л. Смирнова несколько раз задерживали немецкие и румынские оккупанты. Он вспоминал, что за это время четыре раза имел возможность или быть расстрелянным, или предварительно познакомиться с гестапо. В конце концов, ему удалось устроиться в Котельниковское железнодорожное депо разнорабочим на поворотный круг. В декабре 1942 г. он вместе с товарищем по подполью сумел на время вывести поворотный круг из строя, после чего перешёл на нелегальное положение. После освобождения Котельниково Г.Л. Смирнову было поручено водрузить над городом красный флаг. Награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Партизаны

Партизаны, как и подпольщики, по существу, — военные разведчики, глубже других проникшие в тыл врага. Они также могут быть либо заброшены на территорию, контролируемую противником, либо оказаться на ней, попав в окружение или бежав из плена, и продолжить борьбу. Аспирант Института философии Гурген Амирханович Мартиросов в июне 1941 г. ушел добровольцем в ополчение. В октябре 1941 г., будучи контужен, попал в плен. В плену работал в лазарете, поддерживал связь с партизанским отрядом, выполнял задания по доставке боеприпасов, медикаментов и перевязочных материалов. В декабре 1943 г. организовал побег из плена в партизанский отряд группы из 52-х человек. В результате побега уничтожено шесть автомашин, захвачено восемь винтовок и девять пистолетов. В партизанском отряде «Искра» Г. А. Мартиросов принимал активное участие в боевых операциях. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Специальная пропаганда

В политуправлениях фронтов существовал седьмой отдел, а в политотделах армий седьмое отделение, задачей которых было разложение войск противника. Работа эта требовала высокой квалификации: нужно было знать язык, понимать психологию вражеских солдат и офицеров, обладать литературными и ораторскими способностями. Сочетание указанных качеств характерно для философов. Их было немало среди офицеров спецпропаганды.

Кандидат философских наук Иван Васильевич Селивахин (1910–1942) ушел из Института философии АН СССР добровольцем на фронт. Он служил в седьмом отделе политотдела армии. Во время обороны Сталинграда он бесстрашно выполнял задания по разложению войск противника. Был тяжело ранен под Сталинградом. Награжден орденом Красной Звезды. 17 октября 1942 г. умер от ран в госпитале.

Аспирант Института философии АН СССР Израиль Борисович Козлов (1909–1994) ушел на фронт в июле 1941 г. Служил в седьмом отделении политотдела армии. На основе опросов пленных готовил тексты листовок и программ для вещания на противника. Заслал во вражеский тыл восемь военнопленных, которые привели с собой 27 солдат. Под сильным артиллерийским и минометным огнем И. Б. Козлов организовал устное вещание на блокированные гарнизоны противника. В результате передач перешло на нашу сторону одиннадцать немецких солдат. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Виталий Иванович Черкесов (1906–1997) также ушел добровольцем на фронт в июле 1941 г. из аспирантуры Института философии АН СССР. Служил в седьмом отделе политуправления 1-го Прибалтийского фронта. Неоднократно под огнем противника осуществлял переброску антифашистов через линию фронта. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Будущий заместитель заведующего сектором исторического материализма Института философии АН СССР Игорь Васильевич Малышев (1921–1983) с передовых позиций сделал сотни звукопередатчиков через мощную говорящую установку, окопные говорящие установки и рупор дальнего действия. Лично опросил 150 пленных немцев и написал несколько справок о морально-политическом состоянии немецких солдат. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Разумеется, к работе по спецпропаганде привлекались не только офицеры политотдела, но и переводчики разведотдела. Е. Г. Плимак, будучи переводчиком, проводил и работу по заброске пленных немецких солдат в тыл противника для агитации. А. В. Гулыга в марте 1943 г. был из переводчиков разведотдела штаба полка назначен старшим инструктором по работе среди войск противника политотдела дивизии. Несмотря на сильный обстрел, он устанавливал облегченную звуковещательную станцию, добиваясь хорошей слышимости передач на расстоянии 200–300 м от переднего края противника. С марта 1944 г. А. В. Гулыга служил инструктором седьмого отделения политотдела армии. Составлял справки о морально-политическом состоянии противника. В боях в Восточной Пруссии почти все время работал на мощной звуковещательной станции. В Земландской операции принял участие в заброске группы из 30 человек, причем на участке, не очищенном от мин, и под артиллерийским огнем. Зброшенные немцы привели с собой 35 солдат противника. Благодаря этому был ликвидирован очаг сопротивления. А. В. Гулыга награжден орденом Красной Звезды.

Военная контрразведка

В органах военной контрразведки для философов тоже нашлось поле деятельности. Контрразведка проводила сложную работу по выявлению и ликвидации агентуры противника. В особенности ее задачи усложнились в ходе наступления по территории стран-агрессоров. Необходимо было раскрывать состав существовавших там фашистских организаций.

В органах военной контрразведки служил будущий аспирант Института философии РАН Владимир Соломонович Библер (1918–2000). В. С. Библер принимал активное участие в очистке тыла наступающих войск от враждебного элемента. Неоднократно участвовал в операциях по изъятию, проявив при этом находчивость и мужество. Не считаясь со временем, обеспечил ежедневную четкую информацию командования фронта и Главного управления контрразведки «СМЕРШ» о проводимых в полосе фронта мероприятиях по изъятию враждебного элемента. Награжден орденом Красной Звезды.

Будущий старший научный сотрудник Института философии АН СССР, специалист в области социального познания Александр Петрович Куприян (1919–1978) во время войны служил в органах военной контрразведки. В боевой обстановке

неоднократно выполнял задания оперативного характера на передней линии фронта, проявляя при этом большую инициативу и выдержку. В феврале-марте 1943 г. выявил и ликвидировал пять агентов немецкой разведки, засланных в наш тыл на участке 69-й армии. Награжден медалью «За отвагу». В мае 1944 г. в ходе наступления на Волыни А. П. Куприян обеспечивал ограждение войск от проникновения вражеской агентуры и пресечения деятельности членов украинских националистических организаций ОУН и УПА. Неоднократно участвовал в вылавливании оставшихся для террористической деятельности членов ОУН и УПА. Благодаря своей решительности и умению добился в этом деле успехов. В мае 1944 г. на территории расположения войск 69-й армии А. П. Куприян арестовал четырех активных членов «Службы безпеки» — карательного органа ОУН. Разоблаченные Иван Кислюк и Василий Гоменюк являлись работниками «Службы безпеки» отряда УПА в Турийском районе Волынской области и принимали активное участие в розыске и аресте советских работников, а затем были оставлены для подрывной деятельности в тылу наступающей Красной Армии. 13 июня 1944 г. А. П. Куприян был послан на операцию по борьбе с бандгруппой, скрывавшейся в лесу в районе села Ветонеж. Бандгруппа оказала вооруженное сопротивление. Но благодаря смелости и умению А. П. Куприяна банда была ликвидирована с изъятием оружия и боеприпасов. Награжден орденом Красной Звезды.

Перед войной в Институте философии АН СССР работал Борис Аркадьевич Белый (1902–1970). Во время войны он занимался работой с войсками и населением противника в политотделе танковой армии. В результате умелой работы Б. А. Белого на основе анализа показаний пленных немецких, венгерских и румынских солдат и офицеров, командование армии и политуправление фронта получали возможность располагать интересными материалами о настроениях в немецких, венгерских и румынских войсках. Кроме того, он передал органам «СМЕРШ» ценный материал о действиях фашистских организаций в городах Бейуш, Айуд и Салонта в Трансильвании. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Новые проблемы для органов контрразведки возникли после победы над Германией. Нужно было проводить фильтрацию советских граждан, попавших на территорию Германии. В этой связи можно сказать о религоведе Михеле Менделевиче Шейнмане (1902–1977), работавшем в предвоенные годы в Институте философии АН СССР. С июня 1941 г. он служил в народном ополчении. В октябре 1941 г. попал в плен, содержался в лагерях, сначала в Вязьме, затем в Визувэ (Германия). В апреле 1945 г. был освобожден советскими войсками. В апреле — июле 1945 г. М. М. Шейнман был замначальника по политчасти группы лагерей советских граждан в Северо-Западной Германии. В 1958 г. награжден орденом Красной Звезды.

Военные контрразведчики выполняли свой долг и в войне с Японией. Здесь отличился будущий академик Виктор Григорьевич Афанасьев (1922–1994), служивший в 1945 г. в органах контрразведки 12-й воздушной армии Забайкальского фронта. В период военных действий он находился в передовом эшелоне частей армии и своей настойчивой работой добился хороших результатов в борьбе с разведорганами противника. Принимал личное участие в ликвидации враждебного элемента, проявил инициативу, мужество и стойкость. Награжден орденом Красной Звезды.

Работа среди населения освобождаемых территорий

Отделы, занимавшиеся разложением войск противника, официально назывались отделами по работе среди войск и населения противника. Работа с населением имела свою специфику. Речь шла не только о населении стран-агрессоров, но и о населении оккупированных ими стран. Подобная работа имела не деструктивную (разлагающую), но, напротив, созидательную направленность, с целью помочь жителям освобождаемых территорий строить новую жизнь. На завершающем этапе и после войны в советских комендатурах в зарубежных странах служили и офицеры с философским образованием.

Упомянутый выше И. В. Малышев в 1945 г. во время наступления в Польше возглавлял оперативную группу политотдела 5-й ударной армии по работе среди польского населения. Группа внимательно изучила обстановку и настроения населения в районах дислокации штаба армии и дивизий, составила соответствующие информационные справки. Сотрудниками группы были сделаны 250 докладов, проведены многочисленные митинги дружбы, дано около сотни киносеансов для польского населения. И. В. Малышев награжден орденом Отечественной войны I степени.

Б. А. Белый также много сделал по работе с населением. В ходе наступления в Румынии и Венгрии он составлял сводки о настроениях местного населения. Он содействовал восстановлению местной власти в занятых Красной Армией городах и населенных пунктах, большую помощь оказал в организации комендантской службы. В 1945 г. танковая армия, в которой служил Б. А. Белый, была включена в Забайкальский фронт и участвовала в войне с Японией. Армия преодолела Большой Хинган и быстро наступала по Манчжурии. Б. А. Белый вошел в состав оперативной группы. Группа двигалась с передовыми частями и выполняла ответственные задачи по работе среди населения. 22 августа 1945 г. Б.А. Белый с десантом 9-го механизированного корпуса высадился в Порт-Артуре. Награжден орденом Красного Знамени.

* * *

Благодаря подлинным документам времен Великой Отечественной войны появилась возможность посмотреть, что называется, новыми глазами на многих наших философов. Это относится и к тем, кого мы сейчас знаем только по работам. Их фотографии видим на стенде, посвященном ветеранам войны и трудового фронта Института философии РАН. Некоторых и мы встречаем в коридорах Института. Проникаешься все большим уважением к людям, не только внесшим вклад в науку, но и совершившим небывалые деяния, приблизившие Победу.

Систематическое чтение наградных листов на философов приводит и к размышлениям о том, как государство использует философов в период войны. Философы служили во всех видах Вооруженных Сил и родах войск, но в некоторых военных специальностях философов больше, чем в других. Речь, конечно, о политработниках, но не только. Много среди философов артиллеристов. Многие служили в разведке и контрразведке, в управлениях по разложению войск противника, по работе с населением освобождаемых территорий. Представительная выборка философов-сотрудников академического Института, удостоенных боевых наград, может стать перспективным полем для историко-социологических умозаключений.

Литература

- Каменский З. А. (1998) Воспоминания о начале Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Долг и память военного поколения. М.: Институт философии РАН. С. 90–99.
- Корсаков С. Н. (2016). Институт философии АН СССР: вклад в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Философия войны и мира: К 70-летию Великой Победы. М.: Российское философское общество. С. 10-29.
- Корсаков С. Н. (2011). Институт философии в годы Великой Отечественной войны // Философский журнал. № 1. С. 134–147.
- Корсаков С. Н. (2015). Институт философии и Великая Отечественная война // Философия науки и техники. № 2. С. 179–192.
- Корсаков С. Н. (2009) Сотрудники и аспиранты Института философии, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны // Наш философский дом: к 80-летию Института философии РАН. М. Прогресс-Традиция. С. 521–522.

**MILITARY FEATS AND MILITARY REWARDS
OF THE MEMBERS OF THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY
OF THE RAS ON THE BATTLEFRONTS
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Sergey N. Korsakov

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240,
Russian Federation.
E-mail: snkorsakov@yandex.ru

The article considers military feats of the staff of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences in the Great Patriotic War of 1941-1945. Both employees and postgraduates who were members of the Institute of Philosophy in June 22, 1941, and left the Institute for the War are counted, as well as those who took part in the War and came to work at the Institute after it was over. These are famous philosophers and common researchers. The object of analysis is the award lists, which contain a description of military feats. Award lists are posted on the Internet resource of the United Data Bank "Podvig Naroda", created by the Ministry of defense of the Russian Federation. The article is based on the types of Armed Forces and branches of the armed forces. Review of military feats allows one to take a new look at the people we know. At the same time, it is very thought provoking and may help to understand how and where the state can use philosophers in times of war.

Key words: history of Russian philosophy, The Great Patriotic War, the Institute of Philosophy.

References

- Kamenskii Z. A. (1998) Vospominaniya o nachale Velikoi Otechestvennoi voinu 1941–1945 godov [Memories of the beginning of the Great Patriotic War of 1941–1945], *Dolg i pamyat voennogo pokoleniya [Duty and memory of the military generation]*, Moscow: Institut filosofii RAN, pp. 90–99 (In Russian).
- Korsakov S. N. (2016) Institut filosofii AN SSSR: vklad v pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. [Institute of Philosophy, Academy of Sciences of the USSR: Contribution to Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945], *Filosofiya voinu I mira: K 70-letiyu Velikoi Pobedu [Philosophy of War and Peace: On the 70th anniversary of the Great Victory]*, Moscow: Rossiiskoe filosofskoe obschestvo, pp. 10–29 (In Russian).

- Korsakov S. N. (2011) Institut filosofii v godu Velikoi Otechestvennoi voynu [Institute of Philosophy during the Great Patriotic War], *Filosofskiy jurnal [Philosophical Journal]*, no 1, pp. 134–147 (In Russian).
- Korsakov S. N. (2015) Institut filosofii i Velikaya Otechestvennaya voyna [Institute of Philosophy and the Great Patriotic War], *Filosofiya nauki i tehniki [Philosophy of Science and Technology]*, no 2, pp. 179–192 (In Russian).
- Korsakov S. N. (2009) Sotrudniki i aspirant Instituta filosofii, pogibshie na frontah Velikoy Otechestvennoy voynu [Employees and graduate students of the Institute of Philosophy who died on the fronts of World War II], *Nash filosofskoi dom: K 80-letiyu Instituta filosofii RAN [Our Philosophical House: On the 80th anniversary of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]*, Moscow: Progress-Tradiziya, pp. 521–522 (In Russian).

**СПОСОБ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ:
ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ В ВИЗУАЛЬНОМ СОБЫТИИ
(на материале анализа произведений изобразительного искусства XX в.)**

Вера Владимировна Калмыкова

Кандидат филологических наук, член Союза писателей города Москвы,
шеф-редактор журнала «Философические письма:

Русско-европейский диалог».

Адрес: 105066, Российская Федерация,
Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, каб. А-215

E-mail: vkalmykova67@mail.ru

Способы увековечивания исторической памяти многочисленны, многие из них связаны с документами, их архивным хранением, изучением, опубликованием и популяризацией. Однако можно только желать, чтобы научная работа становилась достоянием читательской массы: как правило, она попадает в поле зрения только узкого круга ученых. К тому же история XX в. особенно ярко показывает, как много спекуляций на историческом материале порождено тенденциозными концепциями и подчинено политической или социальной злобе дня. Вместе с тем культура с древних веков предоставляет возможность увековечить событие в образах искусства, связывая этот процесс с мотивом достижения героем бессмертия или, во всяком случае, обретения второй жизни в памяти поколений. Недавняя история Второй мировой войны также стала темой многочисленных произведений искусства. Один сюжет в ней, а именно Холокост, Катастрофа еврейского народа, также нашел отражение в произведениях изобразительного искусства. Художники Александра Николаевна Прегель (1907–1984) и Лев Григорьевич Саксонов (р. 1929) создали каждый свой образ Холокоста, и кажется, что эти визуальные события способны пробудить зрительскую эмпатию, активизировать перцепцию и тем самым сохранить для поколений эмоциональную значимость давней трагедии. Их произведения анализируются в русле методологии, предложенной феноменологом и теологом Ж.-Л. Марьоном и основанной на анализе соотношения видимого и невидимого в изобразительном искусстве.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Холокост, изобразительное искусство, проблема памяти, нейронное, социальное и культурное измерения памяти, факторы формирования памяти, символические медиаторы, эмпатия, соотношение видимого и невидимого в произведении визуального искусства, перцепция, А. Н. Прегель, Л. Г. Саксонов.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-147-189

Вопрос о том, *как именно* сегодня помнить травматичные события прошлого, оказывается одним из ведущих в области современной этики, гносеологии, психологии. Чтобы помнить, надо знать; чтобы знать, надо у-знать и у-зна-вать; чтобы узнать и узнавать, нужно получить извне и поддерживать изнутри импульс осознанного желания. Это последнее возникает либо из рационализированной интеллектуальной, либо из эмоциональной потребности.

Анализ опыта ведется с разных позиций, исходя из набора параметров и точек зрения. Опыт может быть индивидуальным и коллективным (массовым); уникальным или стереотипным; личным или заимствованным, «чужим»; его оценка строится как идилическая — нейтральная — экспрессивная и др. Нельзя помнить о том, что в той или иной степени не пережил; можно, однако, забыть непосредственно пережитое, с той или иной степенью осознанности вытеснив событие из памяти или трансформировав его под углом зрения, удобным носителю опыта и (или) памяти в данный момент или на продолжительном временном отрезке.

В русском языке глагол «помнить» управляет как винительным, так и предложным падежом: помнить можно как «что», так и «о чем». По-видимому, винительный падеж связан более с личным опытом, предложный в одном из значений — с опосредованным, скорее у-своенным, чем своим.

XX столетие, столкнувшее человечество с небывалыми по травматичности переживаниями, поставило его перед выбором: помнить их или забыть, а если помнить — то что́ и как. Алейда Ассман, специально занимавшаяся вопросом о формировании национальной памяти как идентифицирующем факторе в постнацистской Германии, выделила «три измерения памяти» — нейронное, социальное и культурное. Первое измерение органическое и формируется сетью нейронов, соединенных синапсами; по ней идут нервные импульсы. Формированию нейронной памяти способствуют как социальная коммуникация, так и материальные носители информации (слова или изображения). Социальная память определяется прежде всего развернутой коммуникацией; формированию культурной способствуют символические медиаторы, коллективные символические конструкции, опять-таки возникающие посредством своего рода «коллективного договора». В любом из «измерений», таким образом, определяющими оказываются два фактора: мозг индивидуума, понятый либо как физиологический, либо как ментальный объект, и общественные связи.

Различия между тремя измерениями проявляются на уровне анализа факторов, формирующих память: это *носитель, среда и опора*.

«В случае с нейронной памятью носителем является человеческий организм и его мозг, средой — социальное окружение и его рамки памяти, а опорой служат мемориальные стратегии (например, повторение или “анекдотизация”) и медиальные записи. В случае с социальной памятью носителем является социальная группа, сплоченная общим, регулярно обновляемым ресурсом воспоминаний, средой оказываются отдельные индивидуумы, обменивающиеся индивидуальными вариантами общих воспоминаний, а опорой — символические медиаторы, которыми пользуются эти индивидуумы. В случае с культурной памятью соотношение трех компонентов изменяется еще радикальнее; культурная память покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводимые культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций, в которых индивидуумы, будучи существами смертными, сменяют друг друга, однако передача и традиция обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций. Средой культурной памяти служит группа, которая определяет свою идентичность с помощью данных символов, варьируя, обновляя и оживляя их состав; опорой культурной памяти являются отдельные индивидуумы, осваивающие данные символы и творчески использующие их» (Ассман, 2014: 30–31).

Не имея намерения подробно рассматривать взаимодействие всех указанных измерений памяти, остановимся на третьем и поговорим о некоторых наполняющих его явлениях в связи с одной из наиболее острых мемориальных проблем XX–XXI вв. — проблемой Холокоста.

* * *

Катастрофа еврейского народа, или Всесожжение, или Холокост — по-настоящему проблемный узел современности, во многом определяющий как актуальную политику, так и построение исторического, социального, психологического дискурса и нарратива, а также поведения в мировом масштабе. Гибель шести миллионов людей исключительно по национальному признаку сама по себе настолько противоречит любой гуманистической установке и до такой степени трудна для пусть даже опосредованного эмоционального переживания, что зачастую не только индивидуальное, но и коллективное сознание отказывается ее принять. Шесть миллионов смертей — это шесть миллионов коммуникативных ячеек и сетей, насильственно выключенных и несостоявшихся в жизни всех людей: шесть миллионов утраченных возможностей для каждого из ныне живущих, причем каждая со своей проективной сетью. Наше сегодняшнее существование не может не протекать в ситуации *отсутствия* уничтоженных, судьба каждого из которых могла бы отбросить свет — или тень — на нашу собственную. С другой стороны, существуют народы, считающие свою судьбу не менее дра-

матичной, чем у евреев, и настаивающие на снятии с них печати уникальности и расширительном понимании термина.

В таком контексте можно в самом общем виде сформулировать три подхода к вопросу о Холокосте, не учитывая нюансов и переходных форм:

- трагедия, коснувшаяся только еврейского народа и ставшая звеном в цепи его исторической и религиозной судьбы;
- одно из явлений в истории Второй мировой войны, не более и не менее страшное, чем остальные;
- грандиозная мистификация и спекуляция с целью приобретения одним народом преимуществ перед другими.

Сама необходимость разговора о Холокосте также проблематична и вовсе не всеми обществами или сообществами признается обязательной составляющей общеисторической памяти. В ряде государств, где одной из тенденций внутренней и внешней политики становится неонацизм, нарратив гибели множества представителей одного народа признается по крайней мере нежелательным, хотя на сегодняшний день не становится причиной полицейского преследования. В других случаях там, где разговор о Катастрофе звучал неоднократно, возникает своего рода медийная усталость: общество требует «отдыха от темы», с которой «все понятно». Наблюдается также побуждение «простить и забыть», начав «жить дальше с чистого листа», связанное прежде всего с тем, что при архивных исследованиях выявляются факты из жизни чьих-либо ближайших предков, своей волей или по приказу ставших убийцами беззащитных. Биографические данные деда или прадеда бросают тень на семью прежде всего в глазах ныне живущих ее членов; с опытом чужой-своей вины нужно как-то сжиться, он опять-таки травматичен несмотря на удаленность во времени. Наиболее яркое проявление памяти — переживание события «как вчерашнего», но оно на сегодняшний день уже сравнительно редко, так как носителей реального жизненного опыта Холокоста теперь уже по естественным причинам становится все меньше.

Наконец, следует коснуться такой среды формирования национальной памяти, как школьные и вузовские учебники. Человечество только-только начинает освобождаться от широкомасштабного и едва ли не общепринятого государственного антисемитизма и фактически с нуля вырабатывает способ разговора о евреях как народе, имеющем уникальную судьбу, и иудаизме как религии, не нуждающейся в «исправлении извне». Чтобы объяснить преследование и уничтожение евреев во время Второй мировой, методистам и авторам пособий приходится углубляться слишком далеко в прошлое и затрагивать целый ряд «неудобных» пунктов. С другой стороны, повсеместная политизация образования может как стимулировать, так и замедлить или исказить отражение событий

в информационных источниках, предназначенных молодым поколениям. Как гуманитарии справятся с задачей, покажет время.

В этом плане знаменательно движение Западной Церкви к нивелированию конфессиональных противоречий между иудаизмом и христианством, наметившееся уже в середине 1960-х гг., когда на Втором Ватиканском соборе с евреев были сняты обвинения в казни Иисуса Христа. Обращение папы римского Франциска I, положившего конец христианскому миссионерству среди иудеев и подчеркнувшего преемственность христианства от иудаизма, является на данный момент последним шагом в этом направлении¹. Согласно логике Западной Церкви, *Холокост следует сегодня понимать как преступление не против евреев, а против человечества в целом*².

Предпринятая беглая и по необходимости поверхностная попытка обобщить современный контекст освоения проблемы Холокоста оказывается условием, достаточным, но не необходимым для постановки главного вопроса. Даже если мы принимаем это событие как одно из узловых в XX в., как кровавый урок истории, обязательный для изучения всеми народами с целью не допустить повторения пройденного в любом другом случае, каким образом можно обеспечить актуальность, живость его *восприятия и переживания* в социуме, значительно отдаленном по времени от действительных событий? Хронологическая отстраненность естественна; сколько поколений может носить на груди мешочек *с пеплом Клааса*, эмоционально обеспечивая процесс воспоминания? А ведь определяющей здесь может быть именно эмоциональность, неформальная включенность в «ситуацию отсутствия» погибших. Когда дистанцированность объяснима объективным ходом времени, сохранить или вызвать эмоцию в себе — личная задача для каждого, в самой постановке трудновоплотимая, если не утопичная в принципе.

¹ Материалы по истории вопроса, а также реакция общества и СМИ на политику католической церкви широко представлены в сети Интернет, см., напр.: <https://www.newsru.com/religy/03mar2011/pope.html>, <http://ieshua.org/papa-francisk-vnutri-kazhdogo-xristianina-sidit-evrej.htm> и др.

² Разумеется, профессиональные историки занимались освещением Холокоста преимущественно в контексте истории Второй мировой войны или истории евреев. Можно назвать, например, следующие работы: *Ветте В.* «Война на уничтожение: вермахт и холокост» (Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 72–79); *Зульцбах В.* Два корня и формы евреевненавистничества (М.: Европа, 2009); *Кислицын С. А.* Геноцид — экстремистская форма государственной этнополитики тоталитарных и авторитарных режимов (Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2006. № 1/2. С. 88–106); *Мелихов А. М.* Обыкновенный Холокост (Иностранная литература. 2010. № 5. С. 276–280); *Неймарк Н. М.* Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века (М., СПб.: АИРО-XX: Дмитрий Буланин, 2005); *Полян П. М.* Между Аушвицем и Бабьим Яром: размышления и исследования о Катастрофе (М.: РОССПЭН, 2010); *Полян П. М.* Недостоящее звено в предыстории Холокоста: размышления над перепиской ценой в два миллиона жизней (Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2006. № 3. С. 145–169); *Хениг Х.* Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании Федеративной Республике Германии (Там же. 2005. № 2/3. С. 96–103); *Шнайдер Т.* Холокост: игнорируемая реальность (Там же. 2009. № 6. С. 133–145).

Вероятно, здесь решением оказывается обращение к искусству, в частности, изобразительному, как области, в которой *визуальное событие происходит всякий раз, когда зритель смотрит на картину и происходит акт перцепции*. Известные слова Т. Адорно о том, что *после Освенцима поэзия невозможна*, в наше время оборачиваются полной противоположностью: *только* поэзия, живопись, кино (вспомним фильм С. Спилберга «Список Шиндлера») и др. могут вызвать в сегодняшнем зрителе, хронологически непричастном к событиям, ощущение со-присутствия, со-проживания, со-переживания. *Медиатором* здесь становится художественный образ, в авторском (нефольклорном) искусстве исключительно личностный. Таким образом, живописное или графическое произведение становится стимулом возникновения зрительской памяти, способным транслировать сущность *реального* события через усвоение события эстетического, в отношении к живописи — *визуального*. Склад современной культуры, более визуальной, чем текстовой, способствует возникновению эмоционального импульса. Так мы подходим к главной цели работы — определить путь, на котором временная дистанция не может помешать живому восприятию давно прошедшего, и формулируем задачу — показать, как визуальное искусство становится медиатором памяти воспринимающего в отношении исторических событий.

Здесь, конечно, имеются свои нюансы: общеизвестно, что глаз способен распознать только то, что уже знает мозг, и незнакомое не может быть соответствующим образом квалифицировано — этому и другим вопросам, связанным со зрением, посвящены исследования, в частности, теоретика визуального восприятия Ричарда Грегори. В нашем случае объективная особенность зрительного восприятия, с одной стороны, выводит нас к третьему измерению памяти, *культурному* (в терминологии Ассман): культурная, то есть ценностная, база должна быть сформирована к моменту перцепции, мозг должен иметь информацию о событии, в данном случае о Холокосте, причем информацию европейски-гуманистическую, чтобы «включиться» в эмоциональное (со)переживание. В таком случае память будет связана с эмпатией и даже обусловлена ею.

При этом живопись располагает средством, напрямую обращенным к нейронной памяти. Это цвет. Вызывая эмоциональную реакцию, обусловленную первоначальными знаниями о мире (кровь красна, листва зелена, снег бел), цвет порождает самый элементарный семиозис, свойственный едва ли не каждому из нас. Любой человек вне зависимости от культурного уровня также имеет представление о движении, о единичном и множественном, опасном и безопасном и др.; всего этого достаточно, чтобы живо реагировать на изображения.

Нужно отметить, безусловно, и четвертое измерение памяти, не столь типичное, но все же существующее: носителями его являются люди, обладающие врожденной «культурностью», повышенной эмпатической способностью при

отсутствии формальной образованности. Это измерение можно было бы назвать эмпатическим, если бы не понимание, что начало эмпатии присутствует во всех трех, отмеченных Ассман. Также следует подчеркнуть, что социальная и особенно культурная память предполагает способность субъекта к созданию ассоциативных цепочек, углубляющих перцепцию и делающих возможным его диалог с произведением искусства, включающий, в частности, и рецепцию.

Как и во многих других случаях, вопрос грозит превратиться в выяснение первенства между курицей и яйцом; к счастью, здесь мы занимаемся не формированием этических комплексов, а восприятием как таковым, поэтому смело можем перейти к нему, предположив, что при активности культурной памяти культурные коды по умолчанию уже знакомы воспринимающему субъекту. Отметим также, что колористическое решение произведения изобразительного искусства может активизировать нейронную память и обеспечить перцепцию произведения зрителем, не обладающим соответствующими знаниями.

Грегори писал: «В картине отражены индивидуальные “перцептивные гипотезы” художника, и поэтому картина — окно, через которое мы можем заглянуть в интимный мир художнического восприятия мира. <...> Картины пробуждают, тасуют и меняют наши представления, наши перцептивные гипотезы, с помощью которых мы видим и понимаем мир вещей и событий» (Грегори, 2003: 9). Здесь важно обратить внимание на способность визуального события, происходящего-с-тобой-вот-сейчас, изменить твои довизуальные представления о происшедшем, отделенном от тебя и не входящем в границы твоего личного опыта. И далее:

«Картины ведут двоякое существование. Прежде всего — это объекты как объекты: узоры на плоских листах бумаги; но в то же время глаз видит в них и совсем другие предметы. Узор состоит из пятен, линий, точек, мазков или из фотографического “зерна”. Но эти же самые элементы складываются в лицо, дом, корабль среди бурного моря. Картины — уникальный класс предметов, потому что они одновременно видны и сами по себе, и как нечто совсем иное, чем просто лист бумаги, на котором они нарисованы. Картины парадоксальны. Никакой объект не может находиться в двух местах одновременно; никакой объект не может быть одновременно двумерным и трехмерным. А картины мы видим именно так. <...> Картины — невозможные объекты. Впервые в эволюции органического мира с картинами столкнулись лишь глаза человека. <...> Картина сама по себе пустяковый предмет, ибо что за важность — узор из пятен и линий. Картины важны только потому, что глаз видит в них отсутствующие предметы. Биологически это чрезвычайно странно. <...> Картины же и иные символы вызывают (допускают) реакции, направленные на ситуации, весьма отличные от реально существующих в данный момент. <...> Если оста-

вить в стороне картины и другие символы, то органы чувств обслуживают поведение и контролируют его в соответствии с физическими свойствами окружающих объектов, а не с какими-либо иными, реальными или воображаемыми, свойствами. В связи с этим способность человека реагировать на отсутствующие, воображаемые ситуации, представленные в картинах, является важным этапом в развитии абстрактного мышления. <...> Способность извлекать неоптическую действительность из оптических изображений, формирующихся в глазу, — это и есть чудо зрительного восприятия. То, что мы способны увидеть, выходит далеко за пределы оптической способности наших глаз. Извлекая нечто подобное действительности из рассматриваемой картины, мы выполняем на самом деле в высшей степени замечательную операцию, лишь отчасти похожую на решение задачи по извлечению сведений о реальности из ретинальных изображений. <...> Картины по сути дела представляют собой трехмерные объекты, спроецированные на плоскость. Достоверно известно, что невозможно втиснуть три измерения в одну плоскость, не утратив при этом никакой информации. Поэтому “глубина” на картинах всегда неоднозначна. И удивительно то, что мы все-таки способны разобраться в этих проекциях, хотя любая из них бесконечно неоднозначна; она могла бы отвечать бесконечному множеству объективных форм — и все же мы обычно воспринимаем лишь одну из них» (Там же: 42–44).

Целый ряд концептов, упомянутых Грегори, — парадоксальность, глубина (перспектива) и др. — сближают его рассуждения, подтвержденные множеством экспериментов, с идеями Жан-Люка Марьона¹, феноменолога и теолога, чьей методологией уместно воспользоваться при анализе визуальных событий, рассматриваемых далее. Переходя наконец к анализу произведений изобразительного искусства, следует подчеркнуть, что соотношение «искусство — сознание — время» (Кормин, 1996: 55) оказывается для феноменологии немаловажным.

Оба художника, чьи произведения стали здесь объектом рассмотрения, — современники Холокоста, лично, однако, не пострадавшие. Этот биографический факт формирует динамику дистантности-включенности обоих в болевую, травматическую проблематику. Временное присутствие в мире с жертвами побудило А. Н. Прегель и Л. Г. Саксонова к эмпатии; отсутствие непосредственного собственного опыта активизировало социальный и культурный компонент восприятия и переживания, сделав возможным масштабное и общезначимое обобщение и стимулировав мемориальную интенцию в обоих случаях. Таково первое основание, делающее, как кажется, правомерным выбор произведений указанных мастеров в качестве объектов перцепции и их параллельный анализ. Второе заключается в том, что оба они, соприкоснувшись с практикой первой

¹ Написание фамилии Марьон вместо Марио обусловлено практикой переводов.

и второй волны русского авангарда (Прегель в США участвовала в коллективных выставках вместе, например, с Сальвадором Дали, а Саксонов профессионально соприкасался с целым рядом радикальных художников-шестидесятников), восприняли от этого направления только некоторые художественные приемы, а в оригинальном творчестве всегда соединяли язык реализма и живописного символизма. Налицо их биографическая и эстетическая общность.

* * *

Метафорой судьбы Александры Николаевны Прегель (1907–1984)¹ стал *побег*. Русская по отцу, государственному деятелю Н. Д. Авксентьеву, и еврейка по матери, коллекционеру и издателю М. С. Цетлиной, с детства благодаря семейному образу жизни вовлеченная в европейский культурный процесс, она в десятилетнем возрасте была вывезена из России и жила в Париже, получила художественное образование, окончив в 1927 г. Национальную школу декоративных искусств, профессионально состоялась, вышла замуж за физика, предпринимателя, коллекционера Б. Ю. Прегеля. Когда началась Вторая мировая, Борис Прегель стал одним из видных деятелей французского Сопротивления. Вторжение гитлеровских войск на территорию Франции вынудило семью спешно переместиться в США — настолько молниеносно, что Александра Николаевна не сумела взять с собой ни одной своей работы, и все они были уничтожены нацистской властью.

Нужно упомянуть и тех учителей Прегель, чьи имена составляют золотой фонд отечественного искусства: это Василий Иванович Шухаев, Александр Евгеньевич Яковлев и главным образом Наталья Сергеевна Гончарова. Для творчества каждого из художников актуальна работа с исторической и национальной памятью. Восприняв и видоизменив в собственном творчестве целый ряд художественных приемов этих мастеров, Александра Прегель нашла свой способ решения травматичных вопросов современности.

Заданный с рождения космополитизм художницы, поддержанный обстоятельствами жизни, обусловил специфику ее обращения к образу Второй мировой войны — непосредственно в те годы, когда она шла — с позиций наднациональных идеологически и символических в эстетическом, стилистическом плане. Анализ картины Прегель «Благословение» (1948), специально посвященной теме судьбы еврейского народа, будет недостаточен, если не окружить ее соответствующим контекстом.

¹ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Юлии Владимировне Гаухман, душеприказчице А. Н. Прегель, за последовательную работу с наследием художницы и увековечивание ее памяти. Репродукции работ с разрешения Ю. В. Гаухман взяты из книги: Александра Прегель: Автобиография души... Воспоминания / Живопись / Графика / Livre d'artiste / сост.: Ю. Гаухман, А. Рюмин. М.: Русский путь, 2018.

Работы, показывающие реакцию художника на заокеанские события, появились в творчестве Прегель в 1942 г. Здесь нет панорам сражений, портретов победоносных воинов или падших героев. Темы картин — разрушенная жизнь и опустевший мир.

Название картины «Реальность» — дополнительное средство верификации происходящего. Группа утративших дом женщин и детей показана в экстремальной ситуации, скорее всего, после взрыва. Детали, свидетельствующие об этом, немногочисленны: это разбросанные предметы домашнего обихода на переднем плане, и камни, на которых сидят героини, и остовы зданий на заднем плане. Первое, что видит зритель, это гротескливо-укрупненные ступни пожилой женщины: огромные, неестественно вытянутые

и нарочито выставленные, они единственные на всем полотне передают эмоциональную реакцию на происходящее, демонстрируя предельное мышечное напряжение, при котором плоть каменеет, приобретает неестественные очертания, теряет пластичность. Известно, что в таком состоянии человек испытывает сильную физическую боль, и, визуально считанная зрителем, она становится метафорой боли моральной, которая никак не транслирована, ибо глаза персонажей Прегель закрыты, нам не с кем здесь встретиться взглядом, потому что взглядов нет. Даже поднятые к лицу ладони женщины, сидящей дальше всех от зрителя, не обладают такой определенностью: нарочитая незаконченность, невыраженность жеста может быть трактована как обычная попытка, например, поправить платок.

Отсутствие лица как зоны трансляции состояния и настроения — прием, использованный Прегель не раз. Так, в «Передышке» люди, по-видимому, переводящие дух в каком-то случайном месте — или в собственном разгромленном жилье — после бомбежки (?), лишены даже лиц, а не только выражений: разве что у мужчины в правой от зрителя части полотна намечены глазные впадины. Лицо женщины показано почти смазанным пятном, дети повернуты затылками, спящий на заднем плане закрывается головным убором.

Реальность.
Холст, акрил. 105 × 76 см. 1942

Передышка.
Холст, акрил. 60 × 50 см. 1942

у которой части тела скреплены шарнирами. Только намеченные на заднем плане картины на стенах, одна из которых имеет форму тондо, активизируют нашу культурную память (если на стенах висят картины, скорее всего, имеется в виду жилище образованных людей или знатоков искусства). Однако это единственная и не сразу бросающаяся в глаза деталь. Вместе с коричневым колоритом произведения его композиция обращается скорее к социальной памяти зрителя, рождая в его сознании ощущение крушения, бездомья, обесмысленности существования.

Балансирование между двумя измерениями памяти наблюдается и в следующей работе — «Пьета». С одной стороны, название отсылает к многочисленным «Оплакиваниям», известным в истории искусства. Пожилая женщина, держащая на руках мертвое тело молодого мужчины; другая женщина, видимо, дочь, спрятавшаяся за ее плечом; наконец, зловещая тень, уравновешивающая композицию (она симметрична фигуре матери), — все это или напрямую восходит к евангельскому сюжету, или, во всяком случае, может быть связано с ним по тем же законам, по которым в ренессансной Италии или Нидерландах сакральные сюжеты изображались в бытовой ситуации, современной авторам работ и их первым зрителям. Связь с культурными моделями подчеркивает типичный для Прегель «ренессансный» колорит, в котором доминируют красный и синий цвета при общем локальном и сравнительно редких тональных решениях.

Примечательно, что Прегель последовательно — и в этом особенность манеры художника — избегает знаковых деталей, в терминологии Ассман — медиаторов. Если угодно, медиатором оказалась сама ситуация, при которой нарушены привычные бытовые связи между предметами и их гипотетическими хозяевами. Ребенок на первом плане спит, положив голову на предмет, в равной степени напоминающий и диванную подушку, и корыто для стирки; женщина с ребенком на руках и мужчина опираются спинами на выступ стены; спящий на самом этом выступе, по видимости жестком, похож больше даже не на человека, а на деревянную куклу-модель для художников,

С другой же стороны, сюжет узнаваем настолько, что не нуждается в коннотациях, он может сформировать эмоциональный опыт у человека, не имеющего аналогичного в житейской практике.

На работах этого плана Александра Прегель почти до отказа заполняет картинную плоскость изображениями: их не столько много, сколько они укрупнены. Близость палитры художника к возрожденческой подталкивает к более широкому сравнению с многофигурными, насыщенными произведениями давней эпохи.

Пьета.
Холст, акрил. 105 × 76 см. 1942

«Возьмем сцены из истории Животворящего Креста Господня базилики в Ареццо, созданные Пьетро делла Франческа, который, между прочим, был автором *De prospectiva pingendi*¹ (вероятно, в 1482), в начале исторического освоения перспективы; здесь различаются планы: лошади, воины, пики и холмы, шатры мирного лагеря, подвергшегося внезапному нападению; различие между планами не преодолевает теснения силуэтов, переплетения фигур и поверхностей. Чего недостает этим видимым контурам для образования настоящего мира, чтобы действительно возник мир? Все видимое на месте, так как все, что должно было появиться, появилось: лошадь, воин, знамя, шатер и холм — и проявилось вполне. Если видимого достаточно, значит, недостает невидимого» (Марьон, 2010: 21).

Так при анализе живописных изображений становится необходимым использовать категории *видимого* и *невидимого*, разработанные французским феноменологом. Видимое не нуждается в разъяснениях; являясь языковым синонимом визуального, оно само себе и образ, и при необходимости нарратив — вот еще одно объяснение того, почему живописные произведения Высокого Возрождения всегда так «литературны». Невидимое же есть то, что сознание, желая наполнить пустоту в изображении, вписывает туда вместо художника, словно при-

¹ Имеется в виду трактат художника, учебник по живописной перспективе.

Возвращение.

Холст, акрил. 45 × 30 см. 1942

приобретает едва ли не сюжетостроительную функцию в двух одноименных работах «Возвращение», также датированных 1942 г.

Видимый мир на обеих картинах представлен крайне скупо. Они сделаны с учетом перспективы и могли бы быть отнесены к пейзажному жанру, но их обнаженная, отчаянная, по Хайдеггеру, *не-схватываемость* побуждает говорить о квазижанровой соотнесенности: «Имеются вещи, которые я вовсе не схватываю, когда я делаю их предметом понятийного представления. Трепет или страх — не предметы. Самое большее — я могу

нимая от него призыв к сотворчеству. При «вторжении невидимого в видимое» (Там же: 12) возникает парадокс, охватывающий все перцептивные уровни, и тревога, состояние неясности, когнитивной неустойчивости, неуверенности, вызванные отчасти собственным, почти вынужденным «авторством», отчасти — «недосказанностью» меседжа художника.

В жанровых работах Прегель и не нуждается в невидимом, ее цель — заострить внимание на видимом, то есть на проявлениях горя и боли и даже на самих этих горе и боли, визуализированных посредством странных поз и атипичных ситуаций. Невидимое как важный компонент изображения, специально выделенный Марьоном,

Возвращение.

Холст, акрил. 56 × 46 см. 1942

сделать их темой» (Хайдеггер, 2013: 96–97). Первая работа представляет собой гладкую дорогу, резко уходящую в глубине изображения за угол, за счет чего завершающимся оказывается только центральный треугольник улицы, очерченной пятью линиями, которые, если бы не слом направо, сошлись бы на линии горизонта. По обе стороны за низкой оградой — голые деревья с условно небольшим количеством (достаточным лишь для того, чтобы опознать изображенный объект как дерево) изломанных или изогнутых ветвей и параллелепипеда домов без дверей и окон. Композиция не симметрична, но уравновешена, и *безлюдна*. Над условно-предметным миром — белое небо с ровными спокойными облаками, слегка расцвеченными лиловыми и желтыми тонами.

Вторая работа асимметрична, хотя композиционная уравновешенность присутствует и здесь. Земной, нижний план представляет собой три треугольника с общей вершиной: слева от зрителя условное вспаханное поле, что можно понять по линиям борозд, и сломанный простой деревянный забор, тянущийся вдоль его границы. В центре гладкая дорога, как будто покрытая льдом, далее ряд опять-таки условно решенных деревьев с немногочисленными, в большинстве прямыми ветвями. Справа еще одна зона, также кажущаяся ледяной, но более рыхлая по живописной фактуре и не опознаваемая из житейского опыта. Там, где сходятся стороны треугольников, намечен силуэт города, или острова, с собором — его шпиль однозначно читается в удалении. Надо всем этим, занимая более двух третей полотна, простирается слоистое небо, в нижней части светлое, в верхней лиловое.

Обе работы выполнены в светлом колорите, но в живописи *светлота* и *свет* вовсе не являются синонимами: «Относительно слабое излучение мы воспринимаем как цвет, сильное — как свет. Художнику известно, что заставить цвет светиться можно, только создав достаточный контраст. Разница между светом и цветом не имеет иного физического смысла, кроме названного. Разница эта становится в области ощущений разницей качественной, подобно тому как разница между спектрами становится разницей между красным, синим, желтым, зеленым, коричневым. Мощные световые потоки мы всегда ощущаем как свет. Таков свет солнца, свет луны и лампы, если последним не приходится отступать перед светом солнца. Отраженные от предметов световые потоки мы чаще всего (хотя и не всегда) воспринимаем как цвет. Первые нам кажутся наполняющими пространство. Вторые мы связываем с поверхностью предмета, его материалом» (Волков, 1965). Ни в одной из двух работ Прегель не создано контраста, и они кажутся тусклыми, вызывая ощущение безысходной печали и тоски, в которых нет даже тревоги как непосредственного переживания. С учетом названия обеих работ, при соотнесении вербального высказывания с визуальным, посыл художника очевиден: человеку возвращаться некуда и не к чему.

Бездомный. Оргалит, акрил. 56 × 66 см. 1943

Здесь могли бы быть — и, возможно, некогда были — люди, однако сейчас их нет. Зритель, глядя на картину, воспринимает ее внутреннее «сейчас» как свое, соотносит со своим опытом и экстраполирует эту ситуацию на происходящее «вообще», поскольку картина выступает инвариантом состояния мира.

Хочется подчеркнуть: в обоих «Возвращениях» область видимого крайне ограничена, зато область невидимого может быть предельно расширена любым зрителем и даже скорее не в социальном или культурном, а в экзистенциальном плане. Не имея бытовой привязки к эпохе войны, однако будучи написанными в 1942 г., эти картины создают впечатление посткатастрофы и посттравмы, конца пути, чему способствуют и равносторонние треугольники как композиционная основа в обоих случаях. Перед нами не-нахождение человеком самого себя в мире, точнее, в не-мире, где для него нет места и занятия, где он утрачивает свою экзистенцию, ведь экзистенция — вовсе не то, что дается человеку от рождения и остается с ним навсегда, она то, к чему он приходит — раскрытие своей уникаль-

ности, вспышка осознания себя собой, пронзительное ощущение своей о-собенности, собственно человеческий способ существовать в мире, характеризующийся возможностью не быть равным себе, не совпадать с собою, как совпадает вещь, одновременно присутствовать и с собой, и с миром, неустойчиво, отрываясь от себя даже телесно. В мире Прегель не место вспышке осознанности; он не приспособлен принять человека, потому что *видимое* этого мира закрыто для пребывания, а *невидимое* отторгающе-безразлично. Позволяет уточнить трактовку картины и другое определение экзистенции как неличного, сущностно-несубстанциального бытия человека «в качестве его возможности (человек есть то, чем он может стать)», сферы «подлинного бытия человеческой сущности», не данной человеку, встречи «бытия с сущим» (Гагарин, 2009: 16). «Возвращение» оказывается, в сущности, никуда: в квазипейзажах не скрыто никакой возможности стать кем-то, не предусмотрено человеческой сущности и встречи человека с бытием — только с *ничто*.

В работах Прегель начиная с 1943 г. область невидимого постепенно начинает занимать не меньше места, чем область видимого. Двухчастность композиции картины «Бездомный» еще яснее, чем колорит предыдущих работ, отсылает к произведениям Ренессанса, где вертикальная колонна (особенно в сценах, посвященных Благовещению) зачастую делит изображение на две области, «улицу» и «дом». Здесь такой границей оказывается полуразрушенная стена, но нет ни улицы, ни дома, есть только развалины.

Человек с клюкой и сумой, на сей раз имеющий лицо, на котором застыло выражение безысходности, сидит в правой от зрителя части композиции. Слева стена с аркой, через которую видна перспектива улицы и голубое, без тонов и оттенков, небо. Справа тоже арка, неба там больше. Динамика видимого и невидимого однозначна, эта работа поддается прямому пересказу и не содержит второго смыслового плана.

Рождество.
Холст, акрил. 89 × 64 см. 1944

Зато таким планом обладает композиция «Рождество» (1944).

На простой столешнице разбросано множество поздравительных открыток, в высоком подсвечнике стоит свеча без пламени. Столешница упирается в стену, внизу белую, синеющую — до густоты — кверху. На стене проступает контурное изображение мальчика и девочки, слева от них — также контурно — дана городская улица, в перспективе уходящая в пожарище. Здесь применен прием «картины в картине»: одна — внизу, на столе, вторая — на стене и в воображении как автора, так и зрителя, но обе они составляют визуальное единство.

Картина насыщено метафорична. Радостные обращения посылать теперь некому — дети погибли и лишь вспоминаются, бесплотные, ушедшие навсегда. Черный фитиль свечи — знак погасшей жизни, заимствованный Прегель из многочисленных композиций «Vanitas vanitatum», одного из видов натюрмортов начиная с XVII в. Перспективное изображение на стене — и пейзаж гибнущего города, и знак восхождения душ на небо, в которое превращается стена. Насыщенное конкретное видимое на переднем плане и метафоричное видимое на заднем — лишь свидетельства невидимого, составляющего основное содержание произведения.

Таков арсенал изобразительных приемов и метафор Александры Прегель, наработанный к 1948 г., когда она создала композицию «Благословение», напрямую связанную с Холокостом. Можно сказать, что, в терминологии Марьона, ее работы представляют собой *иконы* одиночества, душевной опустошенности, *оставленности* человека, его *брошенности* голым на голую землю. В книге «Это, или Наделенный собой» философ рассуждал преимущественно о произведениях, имеющих очевидную религиозную христианскую направленность. Однако главный его посыл — отличие изображения-иконы от изображения-идола посредством способа явленности — можно, думается, применить и более широко. *Идол показывает как видимое то, что принципиально не может быть видимым и недоступно показу, тем паче воспроизведению*; так главные идеи, неподвластные непосредственному восприятию органов чувств, но при этом связывающие человека с тем, что принято называть тайной бытия, переводятся на язык человеческого восприятия и травестируются, хотя человек «входит» в изобразительное пространство и остается в иллюзии своей соразмерности теме изображения.

Икона, напротив, предполагает *предстояние*, созерцание и восприятие произведения из-за *преграды*, которая невидима, ибо лишена каких-либо признаков или свойств оптического. В созерцании изображения-иконы человек может обрести — продолжая и развивая логику Марьона — собственную экзистенцию, основанную на прочувствовании ответов на главные вопросы — жизни и смерти, войны и мира, любви и красоты, то есть базовых и до конца невыразимых

условий формирования аксиологической вертикали, без которой жизнь, даже насыщенная визуальными или иными впечатлениями, пуста и бессмысленна.

Если в идол человек может поместить самого себя, то икона, напротив, помещается в нем, проецируясь и прорастая множественными смыслами.

Большинство работ Александры Прегель, насыщенных горестными переживаниями, являются как раз иконами: символическая отстраненность не допускает визуального панибратства, эти работы всегда держат зрителя на эмоциональном расстоянии, побуждая его размышлять не только о смысле изображенного, но и о себе и собственном внутреннем бытии.

В качестве такой *иконы* и стоит проанализировать полотно «Благословение», в творчестве Александры Прегель непосредственно соотнесенное с темой Холокоста.

Внизу на первом плане мы видим множество надгробных камней и шестиугольных звезд Давида, служивших, как мы помним, знаком расовой неполноценности при нацизме. Здесь визуальный текст интерпретируется однозначно, особенно с учетом того, что скругленные в верхней части могильные плиты также напоминают силуэты людей в покрывалах. Далее скала с плоской вершиной, окруженная пропастью. На скале спиной к зрителю стоят старик и маленький мальчик, отбрасывающие контрастные тени назад, на скалу и надгробия. Мы не видим их лиц, прямой диалог изображения и зрителя исключен, и это не единственный признак картины-иконы: здесь присутствует также формальный прием древнерусского искусства, а именно обратная перспектива. Иконописный канон угадывается также в способе изображения одинокой скалы.

Пропасть отделяет ее от ландшафта, который по законам прямой перспективы должен был бы располагаться *дальше*, а по законам обратной поднимается *выше*. За линией слома скалы — мягкие формы пологих холмов и гор, поднимающиеся вверх дороги, зеленый луг, озеро, стоящее, как луг и дорога, отвесно. Все это выполнено локальным цветом. Вершина венчающей композицию по вертикали горы (она как раз показана вполне реалистично), находящаяся по одной оси с головой старика, выходит в грозное небо, решенное тонально. Несмотря на приглушенную гамму, контраст тонального и локального решений создает некоторый эффект «обманутых ожиданий»: если вглядываться, их соседство вносит в восприятие дискомфорт.

Такой же дискомфорт создает и совмещение приемов прямой и обратной перспективы на одной работе. За стариком, как бы в удалении, находится контурно намеченная фигура (советского) солдата с автоматом в руках, левее от него расположено также контурное изображение некоторого строения, наложенное на мирный холмистый пейзаж. В целом изображение построено так, что старик, вздымающий кверху правую руку, неестественно укрупненной кистью поддер-

Благословение.
Холст, акрил. 127 × 90 см. 1948

Бегство.

Холст, акрил. 76 × 61 см. 1952

перспектива призвана передать образ вздыбившегося мира, ненормальности, недолжности, аномальности происходящего — как вертикально стоящее озеро.

Одинокая скала, отрезанная пропастью со всех сторон, вероятно, символизирует и особую судьбу еврейского народа, и — если принять во внимание год создания картины — государство Израиль, образование которого, как мы знаем, стало прямым следствием Холокоста. На это указывает и некоторое сходство, правда, очень неявное, с пейзажами Палестины.

Важными оказываются на картине тени от фигур старика и мальчика. При такой насыщенности цвета предполагается, что источник освещения

живает локоть призрачного солдата — в знаковой системе Прегель погибшего (раз он дан контурно, как дети на картине «Рождество»).

Символику изображения можно интерпретировать в целом, хотя в частности сделать это уже сложнее. Память о погибших евреях запечатлена в надгробиях и шестиконечных звездах, память о погибших солдатах — в контурной фигуре с автоматом. Внутреннее единство с ними явлено в фигурах старика и ребенка. Видимо, жест и касание старика — символ мемориального единства живых с мертвыми. Обратная

Долгий путь.

Холст, акрил. 71 × 56 см. 1944

Темное солнце.
Холст, акрил. 56 × 66 см. 1968

довольно сильный и находится впереди. Плато действительно освещено, но солнце на том месте, на котором ему полагалось бы быть, отсутствует. И весь окружающий скалу пейзаж погружен в дымку, сглажен, стусклен, его реальность выглядит сомнительной.

Впоследствии Александра Прегель редко обращалась к конкретным образам, связанным с темой Второй мировой войны или Холокоста, хотя история изгнания еврейского народа из Святой Земли присутствует в ее работе «Долгий путь» (1944) и в других с тем же мотивом Исхода: вереница людей идет к горизонту по дороге, кажущейся бесконечной. Причем дорога, обе стороны которой упираются в линию горизонта, приобретает облик треугольника, замкнутой фигуры, из которой нет выхода — как и в одном из «Возвращений». В более поздних работах художника преобладает экзистенциальная проблематика, так сказать, в чистом виде: это мотив одиночества человека, бегущего по дороге к свету и пре-

Разбитая чашка.
Холст, акрил. 38 × 66 см. 1956

Тревога.
Оргалит, акрил. 71 × 56 см. 1944

следуемого злыми силами («Бегство»), мотив бескрайнего неба и черного солнца, воплотившийся во множестве работ, имеющих символический характер. Состояние оставленности человека на земле Прегель выражала и в натюрмортах (образы разбитой скорлупы и посуды). Один из важнейших визуальных образов — сухой осенний лист, одиноко парящий или лежащий на голой ровной поверхности.

Важно, что опора на культурные коды не мешает Александре Прегель создавать медиальные объекты, доступные восприятию и человека, далекого от семиосферы, естественной для художника как носителя европейской культуры. Происходит это, в частности, за счет взаимодействия видимого и невидимого на ее работах и опоры на архетипические образы, достаточно

простые — за редким исключением — в интерпретации, но вызывающие поток драматических переживаний.

Это подтверждается реакцией на работы Александры Прегель со стороны молодых зрителей, не переживших ни Первой мировой войны, ни тем паче Холокоста. Чаще всего в их оценках звучат слова о том, что художнице удалось выразить в полотнах, посвященных прошлому, эмоции не просто понятные, но востребованные в настоящем: так осуществляется неформальная эмоциональная связь времен, когда любая трагедия оказывается вневременной — и современной.

* * *

Художник Лев Григорьевич Саксонов (р. 1929) родился в г. Камышине, позже семья уехала в Воронеж, оттуда была отправлена в эвакуацию. После Великой Отечественной войны Лев Саксонов жил в Подмосковье, затем в Москве, где окончил Полиграфический институт. В дальнейшем, работая по специальности в разных издательствах, он параллельно осваивал техники печатной графики, в частности офорт. К теме Холокоста как изобразительной он обратился в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Обращение вызвано визуальным событием, связанным, правда, не с живописью, а с документальной фотографией:

«Точно не помню, кажется, в конце 1970-х гг. я шел по Манежной площади. Вижу, на здании Манежа висит плакат: “Выставка польского искусства”.

Зашел посмотреть. <...> Проходя мимо стены с фотографиями, около одной остановился. Еврейские дети, примерно от четырех до четырнадцати лет, стояли в рваных полосатых тюремных одеждах и смотрели на меня. Они плакали. Только одна девочка глядела гордо, видно, не хотела унижаться перед фотографом. Они смотрели на меня и плакали: “Спаси нас!”

И я забыл, что прошло уже 35 лет с того дня, как их задушили газом. Ведь я их ровесник: в начале войны мне было 11 лет. И я почувствовал, что стою с ними.

Чем я лучше их, может, они были и талантливее, и добрее, но я вот жив, а их давно нет на свете. Я забыл, когда плакал последний раз, но, стоя перед сверстниками, рыдал. Простоял, плача, часа два, пошел к выходу, дошел до двери, но вернулся опять к снимку. Простоял с ними до закрытия музея.

Тема Холокоста стала для меня одной из главных» (Калмыкова (сост.), 2019: 7).

Задачу, которую поставил перед собой художник, можно сформулировать как *возвращение погибшим долга реального бытия через создание эстетического аналога бытия*. В традиционных обществах этой цели служит фольклор. В цивилизованном обществе роль фольклора должны играть СМИ и информационные источники, повторяющие — подобно рефрену в фольклорных произведениях —

одну и ту же информацию через одни и те же временные промежутки, определенные в каждом случае ритмом мемориальных мероприятий. Различие, однако, в том, что в традиционном обществе каждый слушатель вовлечен в переживание события вместе со всеми, чему способствует циклическое время. В цивилизованном же, где время линейно и индивидуализированно, действует целый ряд факторов, разрывающих эмоциональную связь между информацией и реципиентом, провоцирующих формализацию восприятия.

Серия работ «Холокост», на данный момент представляющая собой завершённый цикл как целостное и законченное высказывание, создавалась на первом этапе почти 20 лет. Этап завершился в 1999 г., когда в Центральном доме художника (Москва, ул. Крымский Вал, 10) была показана выставка Саксонова, состоявшая из готовых к тому времени произведений. Часть серии была показана на юбилейной выставке автора в ЦДХ (2003 г.)¹. Свойственное художнику недовольство сделанным побудило его впоследствии переписать целый ряд произведений, нанося новые изображения поверх прежних. Работа в этом направлении шла до 2018 г., то есть также без малого 20 лет. Затем, в январе 2019 г., в Сахаровском центре (Москва, ул. Земляной Вал, 57, стр. 6) был полностью показан окончательный цикл (в дальнейшем автор к нему уже не возвращался). В том же составе работы были продемонстрированы в январе 2020 г. в Социальном центре Еврейской общины (литваков) Литвы (Вильнюс, ул. Пилимо, 4). Таким образом, можно констатировать, что Лев Саксонов первым в современной России поднял и воплотил эту тему в изобразительном искусстве.

Поскольку в ситуации Холокоста речь идет о массовых и для обычного человека анонимных смертях, постольку Саксонов изображает хаотически движущиеся, мятущиеся людские потоки. Исключение составляет фигура педагога Януша Корчака и автобиографический образ, играющий одну из ключевых ролей во всем цикле.

Циклообразующим началом становится повторение в разных работах одних и тех же сюжетов, выполненных в разной технике. Так, фотография обреченных детей, увиденная на польской выставке, воспроизведена в чистом офорте, офорте со смешанной техникой и на живописном полотне (даты ставились художником по памяти, поэтому в них есть разночтения).

Если на графических листах 1993 и 1998 гг. мы видим лица детей, то на живописном произведении 1993 г. вместо некоторых — локально закрашенные области, сохранившие очертания головы: знак того, что к моменту визуального события они уже не числятся в мире живых, их место пусто. Эти прорывы в пустоту, в ничто для художника более страшны, чем тревожный, пугающий фон

¹ Об этой выставке см. отклик посетителя: http://world.lib.ru/s/saksonow_1_g/katastrofa.shtml.

По фотографии 1944 года.
Холст, масло. 100 × 130 см. 1993

на графической работе, на котором показаны герои. Средством передать ощущение наступившей пустотности, прерванности мира в результате Катастрофы становятся эти пятна, а не черный цвет на живописном полотне, как можно было бы подумать.

Дети, причем живые, становятся «пассажирами» погребальной кареты на офорте и графическом листе 1989 г. Обстановка похоронного обряда — катафалк, запряженный лошадьми — отсылает нас к довоенной эпохе торжественных единичных похорон, однако внутри кареты находится много детей, они стоят скученно, здесь нет места индивидуальной смерти-событию. В связи с этим вспоминается идея индивидуальной смерти, высказанная Р.-М. Рильке в «Записках Мальте Лауридса Бригге», вышедших в 1910 г. и волею судьбы ставших венцом концепции места человека в истории и культуре, сложившейся в общественном сознании до Первой мировой войны. Массовые смерти в 1914–1918 гг. и в 1939–1945 гг. как будто аннулировали ценность личной гибели, ее специфическое место в цепи судьбы. Катафалк и лошади — образы из бель-эпок, когда Рильке писал свой роман и никто не помышлял о грядущем ужасе. В обеих работах происходит па-

По фотографии 1941–1945 гг.
Бумага, гуашь. 60 × 80 см. 1993

радоксальное столкновение двух пластов времени, последовательных в истории и взаимоисключающих по сути. Медиатором оказывается визуальный образ похорон из прошлого. На первом изображении мы видим перечеркнутое косым крестом, напоминающим русскую букву Х, солнце; к этому мотиву мы еще вернемся. Сейчас же заострим внимание на древнееврейских письменах, включенных в изображение. Часть их едва проступает — возникает явный эффект палимпсеста. Другая часть композиционно активна. Для тех людей, с которыми происходят события, обобщенные художником в символе, иврит — мертвый язык, поскольку государству Израиль только предстоит образоваться, о чем обреченные дети не узнают. Для нас и художника это язык Писания и страны, оживившей иврит, воскресившей его и сделавшей национальным и литературным. Но, становясь элементом изображения, надпись воспринимается скорее как проступающее на некой стене (чему способствует фон) роковое пророчество, предвещающее неотвратимую гибель.

Пустота, заместившая человека, Саксоновым изображена и в живописной работе, не имеющей самостоятельного названия. Обратим внимание, что здесь нет

Бумага, офорт. 48 × 48 см. 1989

черного фона, то есть не задано колористической среды, с момента восприятия настраивающей зрителя на трагический лад. Фон выполнен в сложной, трудноопределимой бордово-лиловой гамме, не вызывающей прямых аналогий ни с кровью, ни со смертью, ни с насилием, однако оставляющей ощущение необъяснимой тревоги. Здесь фон — репрезентант типичного для этого художника *активного пространства*, сплошь и рядом становящегося полноценным «героем» его произведений — или во всяком случае объектом изображения.

Однако фоны такого рода, нередкие в творчестве Саксонова, в частности в цикле «Холокост», не допускают в его работы *перспективу*: здесь есть только один план, первый и последний. В этом *парадоксальность* его творчества, поскольку

Бумага, гуашь. 59 × 80 см. 1989

ку пространственность в изображениях связана с перспективой, в ином случае мы говорим или о декоративной, или о наивной плоскостной живописи. Удивительно, что, несмотря на *видимую границу*, скорее даже *завесу*, для зрения, закрывающую взгляд вглубь, аннулирующую саму такую возможность, все же возникает соблазн говорить именно о пространстве. Возможно, это связано с физическими параметрами холста, то есть его шириной и высотой, или с неравномерностью покрытия фона, который представляется пульсирующим, дышащим,двигающимся. Возможно также, что в данном и других случаях срабатывает эффект палимпсеста: известно, что Саксонов не раз и не два переделывал свои работы, перекрывая новыми слоями цвета ненужные для расшифровки образа детали, однако не счищал их совершенно. Иногда контуры скрытых изображений проступают сквозь краски; в любом случае за верхним слоем, то есть непосредственно за *видимым*, они незримо присутствуют, и сам этот фактор, независимо от сознания зрителя, апеллирует к его подсознанию, активизируя его в процессе перцепции.

Слева мы видим силуэты, напоминающие нижние части тел людей или, например, лошади, однако с полной достоверностью они не опознаются. Абсолют-

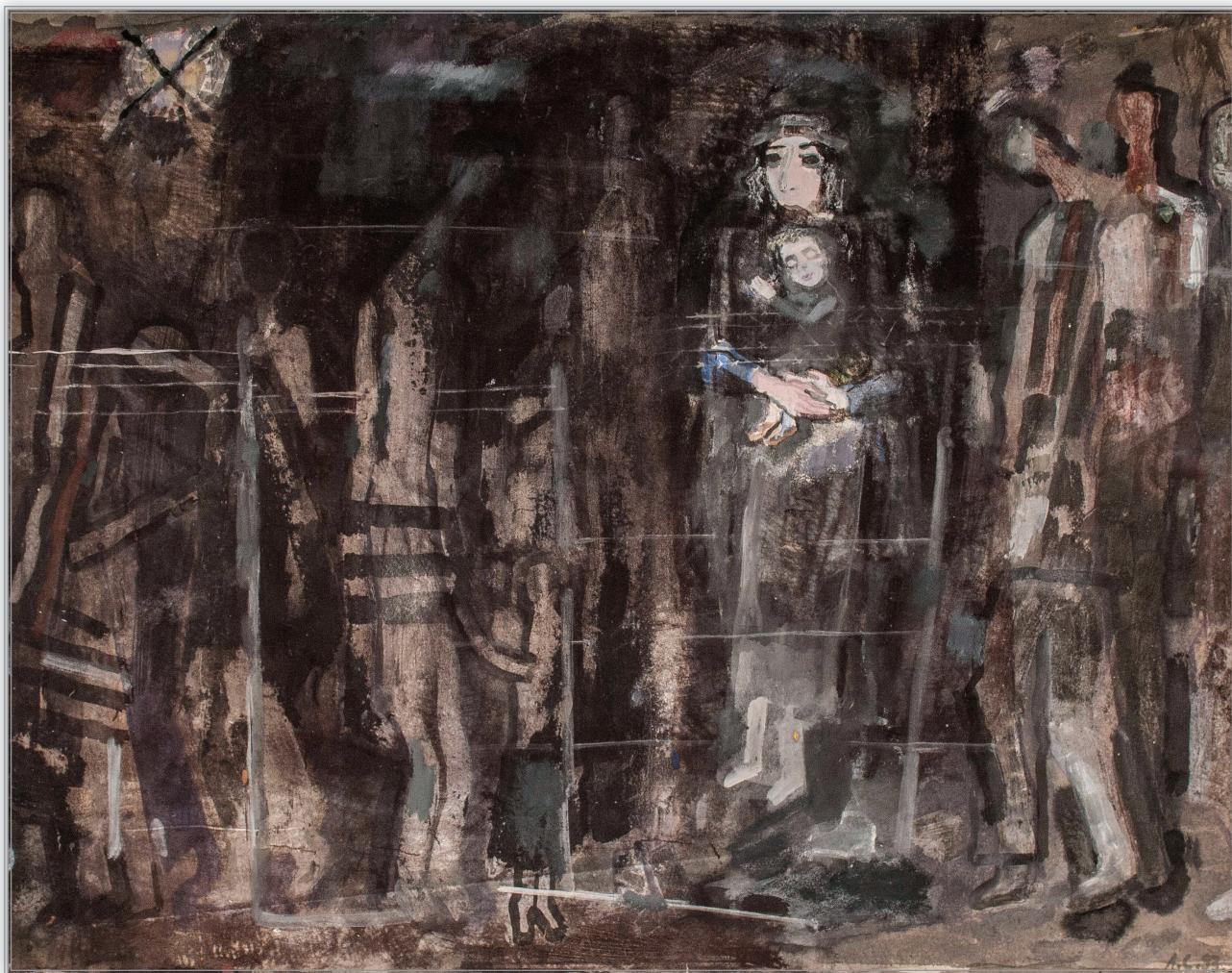

Из цикла «Холокост».
Холст, масло. 75 × 130 см. 1999

ный центр картинной плоскости, образованный пересечением двух мысленно проведенных диагоналей, пуст; чуть правее написана женщина, судорожно прижимающая к себе пустое место, очертанием напоминающее ребенка. Лишенный наполнения, плоти, силуэт выполнен в той же гамме, что и фон, и образует пустоту, прорыв, дыру в пугающее обезчеловеченное пространство — непосредственно в теле матери. Если отказаться в этом случае от идеи пространственности (силуэт детской фигуры этому способствует, ибо заполнен локальным цветом, без намека на введение тона), то он вызывает ассоциацию с мишенью в тире, и это прочтение образа вводит тему наивысшей материнской уязвимости.

Образ матери на полотнах Саксонова возникает не раз. Достаточно посмотреть на черно-белый графический лист 1993 г.: женщина с ребенком на руках среди неясных, но враждебных — или, при другом взгляде, который тоже допускается — обреченных людей-теней. Она одна прорисована тщательно, почти реалистично, в отличие от окружения. Верность традиционному способу изображения человека здесь и транслирует идею «ради жизни на земле», и утверждает катастрофичность преступления, направленного против матери и ребенка. Возможно, работа послужила эскизом для живописной, разобранной выше, или первым подступом к реализации ее изобразительного мотива.

Несколько особняком стоит картина с условным названием «Мадонна Холокоста» (2013) — сравнительно позднее полотно, появившееся на том этапе ра-

Из цикла «Холокост».
Бумага, гуашь. 60 × 80 см. 1993

боты над циклом, когда символический тезаурус использованных Саксоновым мотивов для визуального решения темы уже сформировался.

Полотно выполнено в манере, предполагающей если не реализм, то использование жизнеподобных форм. Женщина изображена на тревожном бордово-коричневом фоне, отчасти напоминающем проанализированный на предыдущем живописном полотне, — однако значительно более затемненным, драматизированном за счет оттенков, тонов, нервного, экспрессивного мазка, иногда заметно разбеленного цвета. Она показана среди зловещих птиц и стилизованной свастики, в этом случае оказывающейся также метафорой трещин в бытии, впоследствии, кстати говоря, ставшей одной из важных в творчестве художника в более широком контексте, помимо темы Холокоста. Здесь невозможно использовать глагол «находиться»; *находиться* можно *где-то*, *где-нибудь*, а что за место перед нами? Это еще один аргумент *против* пространственности фонов у Саксонова; вместе с тем заведомое «нигде» ощущается как экзистенциальное пребывание — аргумент *за*.

Мы видим только верхнюю половину лица Мадонны, нижняя закрыта головкой почти голого ребенка, едва прикрытого материнским шарфом. Выражение его лица спокойное, расслабленное, в отличие от материнского: в ее глазах плещется ужас, и взгляд обращен непосредственно к зрителю, встречается с его глазами. Перед нами прямой диалог 1) художника, 2) объекта и 3) субъекта перцепции, фактически требование прекратить ситуацию, символизированную тревожным фоном, птицами смерти и элементами свастики. Одежда женщины, универсально и нейтрально современная, благодаря колористическому решению (розовый и синий) восходит к традиционным изображениям Богоматери как в западной, так и в восточной традиции. Здесь фон в большей степени пространствен, но так же, как в предыдущем случае, неконкретен.

Решение проблемы *способа явленности* пространства предпринято в картине «Кусочек неба» (2013).

Перед зрителем вновь фон, на сей раз преимущественно среднесерый, однако исполненный со множеством цветовых оттенков. Само по себе, как мы видели, в перцептивном процессе такой живописный ход становится триггером пространственности; однако в данной работе использован еще один прием. В трех местах на полотне сквозь фон, будто сквозь прорехи в завесе, проступает едва ли не реалистически написанное небо с облаками, как в обычный летний погожий день. Здесь уже механика «разрыва» работает иначе, создавая ощущение, что где-то есть нормальный мир, не зашторенный от человека ужасными обстоятельствами. Самый левый разрыв в верхней части картины вплотную примыкает к силуэтно показанной и даже (!) перспективно намеченной лестнице, которая, правда, может быть интерпретирована и как очертания разновысотных домов на городской улице. Акцентный (не центральный, так как и здесь абсолютный центр не заполнен) случай — кусочек неба в руках у девочки со звездой Давида. Она держит его, как держала бы домашнего зверька, который, кстати, условно

Из цикла «Холокост».
Холст, масло. 90 × 70 см. 2013

Кусочек неба.

Холст, масло. 75 × 120 см. 2013

изображен ближе к правому нижнему углу картины. Платье девочки смазано, скорее угадывается, чем написано, в нижнюю часть ее тела фактически упирается такая же конструкция, условная лестница — свастика — трещина в бытии. Слева от нее — фигурка безглазой старушки с поднятой рукой. Ее можно воспринять и как жертву, и как нищенку, просящую подаяния, из-за слепоты как бы выключенную из общего хода событий: в пользу последней тракторки работают ее нарочито буднично-бытовые поза и одежда.

Кусочек неба показан и еще на одной масляной работе художника. Здесь задействованы основные составляющие его тезауруса: и вагон, и дети с фотографии, и черная птица смерти, и стоящая почти вертикально, под небольшим наклоном строительная конструкция, могущая быть опорой лестницы или моста. Небо «крепится» именно на ней, его неестественное положение — почти вертикальное, а не горизонтальное — подчеркивает невозможность происходящего. Два облака, отделившиеся от материнской синевы, уходят по черному фону вверх, и первое из них уже отчасти скрылось за границей картинной плоскости. Небо, оказавшись в противоестественной ситуации, покидает землю, на которой творится противоестественное.

Ведущийся художником с помощью визуальных средств диалог с обезличенной, невоплощенной смертью закономерно приводит к появлению личного персонажа. В этом смысле знаковой для Саксонова представляется фигура Януша

Из цикла «Холокост».
Холст, масло. 80 × 130 см. 1998

Корчака. Судьба педагога, добровольно отправившегося на казнь вместе с учениками, волнует художника именно как факт личного выбора, осуществленного в условиях массового одичания и массовой же гибели.

На первом листе фигура Корчака естественно выделяется среди других, поскольку он физически выше учеников. Композиция работы построена по принципу обратной перспективы и делится на три горизонтально ориентированных части. В нижней находится группа людей. Слева на средней — вагоны, предназначенные для перевозки, как мы знаем, в Трешлинку. Верхний ярус целиком представляет собой череду вагонов. Сверху вниз работу пронизывает все та же условная «лестница», образ которой обогащен, как и везде, и «нагружен» дополнительными невидимыми, но ментально реконструируемыми ассоциациями.

Эта работа, в отличие от предыдущих, нарративна, ее сюжет восстанавливается из знаний, полученных до знакомства зрителя с произведением. Зато в следующей визуальная ситуация скорее мифологична: доминантой в ней становится фигурка *маленького человека* (думается, здесь уместна и литературно-терминологическая коннотация) со звездой Давида, на которого нацелены указующие персты рук, лишенных людей; ужас подчеркивается птицами смерти, реющими над сценой. Здесь также присутствует образ древних письмен, проступающих как угроза и создающих, как ни парадоксально, впечатление глубины изображения. Группа фигур справа подчеркивает пространственный эффект, но это пространство населено мертвыми.

Корчак с детьми перед отправкой в лагерь.
Бумага, гуашь. 52 × 71 см. 2013

На картине из цикла «Холокост» разрабатывается тот же образ железнодорожных вагонов, однако дети в них уже лишены лиц: так показана обреченность. В вагоне есть только одно лицо, по-видимому, Корчака. Изображение разрывается вертикальной линией, но на сей раз это не лестница, а вереница людей, и часть из них — только тени. Крупный профиль мужчины, сохраняющий портретное сходство с польским педагогом, придает изображению пронзительную достоверность, не только эмоциональную, но и историческую.

Как правило, в цветных графических или живописных произведениях Саксонова нет солнца, то есть диска, озирающего и освещающего происходящее. Образ небесного светила присутствует на офортах, причем в двух вариантах. Это или уже упоминавшееся светлое — или черное солнце, в обоих случаях перечеркнутое.

Образ черного солнца традиционно является предметом анализа в связи с литературными произведениями начиная с эпохи Серебряного века и позже. Вместе с тем он присутствует уже в фольклоре древних народов и в Писании. Окультизм, эксплуатировавший этот образ, серьезно скомпрометировал его как предмет научного изучения. В офорт Саксонова черное солнце попало, надо ду-

Памяти Корчака.
Бумага, смешанная техника. 61 × 78 см. 1996

мать, из поэзии Серебряного века, в частности О. Э. Мандельштама. Как бы там ни было, художник помещает его в графические произведения с единственной целью — в черно-белом изображении как визуальном представлении черно-белого мира показать отсутствие самой возможности света.

Автобиографический герой произведений Саксонова не менее значим, чем образ Януша Корчака. Не пострадав во время Холокоста лично и лишь эмпатически проживая трагедию, автор уравнивает эстетическое переживание с реальным, побуждая зрителя воспринимать вторую действительность — искусство — как область расширения собственной памяти и осуществления нравственного выбора.

Живописное полотно представляет собой условно решенный вокзал с поездом, готовым к отправке. В окне одного из вагонов — уже знакомая нам группа детей с фотографии. В верхнем левом углу композиции — лестница на фоне зарева. На ней люди, готовые выйти за край картинной плоскости, как за границу жизни.

Из цикла «Холокост».
Холст, масло. 58 × 77 см. 2014

Наибольший интерес представляет собой фигура на первом плане. Автор-герой держит в руках запретительный красный флажок, оправдывающий название. Его босые ступни развернуты к нам пальцами, и возникает впечатление, будто персонаж хочет выйти из картинной плоскости, покинув пространство предсмертья. Однако торс фигуры показан со спины и в профиль, то есть грудью он развернут к поезду с детьми, а правым глазом смотрит на зрителя. Автобиографический герой связывает три мира: наш, то есть реципиента, художественный и исторический, населенный живыми-мертвыми.

Вторая работа побуждает вообразить ситуацию, модель которой отсутствует в нашем социокультурном коде: мы не представляем себе газовой камеры, и единственное, что можем пережить, услышав это словосочетание, — животный страх перед состоянием удушающего ужаса, поскольку жизнь и физиологически, и социально, и культурно связана для нас, конечно, с дыханием. Реакция наших нейронов спровоцирована коричневым цветом, вызывающим ощущение дискомфорта, тревоги. Цвет действует не менее сильно, как если бы изображалась гора мертвых тел или дым из труб крематория; это апелляция

Из цикла «Холокост».
Бумага, офорт. 48 × 48 см. 1989

к архаическим структурам восприятия, однозначно сигнализирующего об опасности.

Обнаженный автобиографический герой со скрипкой под мышкой стоит в позе, выражающий крайний стыд. Скрипка — знаковая деталь, медиатор особого музыкального таланта, присущего евреям, и одновременно неявная отсылка к образной система Марка Шагала. Вокруг персонажа клубится коричневая тьма, сквозь которую проступают лица и неясные очертания фигур. Здесь фон однозначно воспринимается как пространство, но цвет заставляет зрителя испытывать тревогу, крайний дискомфорт, угнетенность. Обнаженное человеческое тело, хрупкий музыкальный

Из цикла «Холокост».
Бумага, смешанная техника.
50 × 49 см. 2014

Автопортрет. Не везите детей в Освенцим!
Холст, масло. 89 × 69 см. 1998

инструмент, чей голос так похож на человеческий, помещены в смертельно опасное пространство, по цвету ассоциирующееся скорее с дымом крематориев, чем с газом.

Многофигурные работы Саксонова, на которых человеческая масса мечется, бежит, гибнет, как уже говорилось, призваны создать у зрителя ощущение глобального катаклизма, происходящего с человечеством.

Самая драгоценная возможность для художника — получить обратную связь от зрителей, адресатов его творчества. На выставку в Вильнюсе пришла уникальная группа посетителей — бывшие узники Вильнюсского

Автопортрет. Скрипач в газовой камере.
Бумага, смешанная техника. 60 × 80 см. 1993

гетто, попавшие туда детьми и чудом спасенные (нынешний их возраст около 90 лет, они примерно одного возраста с Саксоновым), непосредственно пережившие то, чего не довелось пережить ему — создателю визуального события «Холокост». Их реакция требует фиксации и последующего осмысления. В работах Льва Саксонова они очень лично восприняли эффект сфумато (при всей условности употребленного термина): события того времени их память *заворачивает для них в дымку*, бывшие узники гетто помнят как будто сквозь туман. Это объясняется и их возрастом, и длиной последующей жизни, и травматичностью такого опыта и воспоминаний о нем. Но *формальный прием*, примененный художником, оказывается сущностно равнозначным той форме, которую к сегодняшнему дню приобрела память очевидцев. Думается, этот факт, помимо прочего, интересен и в плане анализа взаимоотношений искусства и действительности.

* * *

Изобразительное искусство XX в. наработало обширный арсенал средств, позволяющих уйти от живописного нарратива, когда сюжет картины можно пере-

сказать словами, литературно воспроизведя заключенную в нем историю. Собственно, по инерции зритель ждет и от позднейших произведений привычной повествовательности, основой которой служит *видимое* на картинах. Однако сначала импрессионизм, а затем и авангард решительно отменили визуальный сторителлинг, побуждая аналитиков описывать художественный процесс создания образа и реконструируя его содержание исходя из анализа изобразительно-выразительных приемов, а не сюжета.

Ни Александра Прегель, ни Лев Саксонов не принадлежат к радикальным последователям авангарда. Однако их искусство — порождение их времени, и, порой не чуждое нарративу, оно в большей степени рассчитано на зрителя, способного уловить и в акте восприятия реконструировать *невидимое*. С одной стороны, работы художников рассчитаны на того, кто обладает сходными с ними культурными кодами; с другой — лаконизм изображений предполагает перцепцию со стороны любого человека, обладающего базовыми представлениями о ценности жизни и недопустимости насильственной смерти.

Манера мастеров различна, хотя в случае жизнеподобных решений можно говорить о некоторой близости их версий «реализма» — имеется в виду отступление от анатомичности, тяготение к условности или к упрощению форм при изображении, например, человеческого тела. Однако их роднит стремление оставлять в произведениях свободное место для *невидимого*, будь то небо или трудно опознаваемый живописный фон.

Ни Прегель, ни Саксонов не визуализируют образ врага, то есть *массы убийц*. Гибель людей для художников — результат имперсонального мирового катаклизма, авторы никого не обвиняют, но и не дают злу человеческой и эстетической формы, предпочитая показывать его в виде символов. Говоря более обобщенно, у Прегель «врагом» становится пустота, у Саксонова — сложно решенное и лишь интуитивно угадываемое пространство.

Александра Прегель подчеркнуто исключает себя как персонажа из изобразительного процесса. Ее картины — это всего лишь, применим тавтологию, *визуализированная точка зрения*, выборка, осуществленная мозгом и глазом, и отношение к изображаемому уже есть то, что изображается: объект и субъект парадоксально объединены. Казалось бы, напротив, Лев Саксонов делает самого себя и участником, и жертвой Холокоста, принимая участь погибших как возможный вариант собственной судьбы. Но и в его случае за счет противоположного приема объект и субъект идентичны.

Что же может дать искусство того и другого мастера для меморизации Холокоста? Касаясь болевой проблемы недавнего прошлого, ставшей этической проблемой современности, эти произведения могут оказаться, если вернуться к терминологии Ассман, и носителем, и средой, и опорой для формирования и поддержания всех трех измерений памяти о гуманитарной Катастрофе Второй

мировой войны. В случае нейронной памяти носителем является мозг, усвоивший сигналы о боли, пережитой зрителем эстетически, а не практически, средой — мир визуальных образов, опорой — сами произведения. В случае социальной памяти носитель — множественные герои произведений, с которыми зритель может отождествить себя и своих близких, в реальности не испытывая аналогичных страданий, среда — единичные герои, например мать, пережившая ужасный и не должный опыт, опора — наработанный обоими художниками тезаурус основных изобразительных мотивов. В случае культурной памяти носитель — полотно как семиотические комплексы, среда — человечество, принимающее Катастрофу одного народа как общую судьбу, опора — каждый зритель, его внутреннее состояние, обусловленное решением принять в себя эстетический опыт как отсылку к реальному историческому. Визуальное событие не отделено по времени от воспринимающего, оно доступно в той мере, в которой зритель ему открывается, и универсальность кода, опирающегося, с одной стороны, на культуру, а с другой — на способность к эмпатии, сама по себе служит средством меморизации в цивилизованном обществе, где официальная информация оказывается под сомнением, а время линейно, не циклично, и значит, то, что произошло с кем-то, «не может» произойти со мной.

Произведения художников не пугают «повторением пройденного», но побуждают к сочувствию, к возникновению эмпатического поля, в котором жертвы Холокоста будут жить, доколе на свете останется хотя бы один человек, способный смотреть и видеть.

Литература

- Ассман А. (2014) Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Волков Н. Н. Цвет в живописи. URL: https://hudozhnikam.ru/cvet_v_zhivopisi/5.html (дата обращения: 11.04.2020).
- Гагарин А. С. (2009) Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Науч. ежегодник Института философии и права УрО РАН. № 9. С. 7–26.
- Грегори Р. Л. (2003) Разумный глаз / пер с англ. А. Когана. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС.
- Калмыкова В. В. (сост.) (2019) Холокост. Художник Лев Саксонов. М.: Российская книжная палата.
- Кормин Н. А. (1996) Диаграмма времени-сознания и феномен художественного восприятия // Феноменология искусства: Сборник научных трудов. М.: ИФ РАН.
- Марьон Ж.-Л. (2010) Перекрестья видимого / пер. с франц. Н. Сосна. М.: ПРОГРЕСС-Традиция.
- Хайдеггер М. (2013) Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академический проект.

**WAY OF PERPETUATION:
VISIBLE AND INVISIBLE IN A VISUAL EVENT
(Based on Analysis of Fine art Works of the 20th Century)**

Vera V. Kalmykova

Candidate of Philological Sciences, member of the Union of Writers in Moscow,
chief editor of the journal «Philosophical Letters: Philosophical Letters.
Russian and European Dialogue».
105066, Russian Federation,
Moscow, 21/4 Staraya Basmannaya Street, office A-215.
E-mail: vkalmykova67@mail.ru

There are numerous ways of perpetuating historical memory, many of which are associated with documents, archival storage, research, publication and popularization. However, one can only wish that the academic work became read by a broad mass of readers: as a rule, it falls into the field of view of only a narrow circle of specialists. In addition, the history of the XXth century shows especially clearly how much speculation on historical material is generated by tendentious concepts and subordinated to the political or social spite of the day. At the same time, culture from ancient times provides an opportunity to perpetuate the event in the images of art, linking this process with the motive of a hero achieving immortality or, in any case, gaining a second life in the memory of generations. The recent history of World War II has also become the subject of numerous works of art. One plot in it, namely the Holocaust of the Jewish people, was also reflected in works of art. Artists A. N. Pregel (1907–1984) and L. G. Saksonov (b. 1929) created their Holocaust images, and it seems that these visual events can arouse reader empathy, activate perception and thereby preserve the emotional significance of a long-standing tragedy for generations. The article analyzes their works in a line with the methodology proposed by the phenomenologist and theologian J.-L. Marion, which is based on the analysis of the relation between visible and invisible in the visual arts.

Keywords: Second World War, Holocaust, visual art, the problem of memory, neural, social and cultural dimensions of memory, factors of memory formation, symbolic mediators, empathy, the relation of visible and invisible in a work of visual art, perception, A. N. Pregel, L. G. Saxonov.

References

- Assman A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [A Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics], transl. by B. Hlebnikov, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russian).
- Volkov N. N. *Cvet v zhivopisi* [Color in Painting]. URL: https://hudozhnikam.ru/cvet_v_zhivopisi/5.html (accessed 11 April 2020) (In Russian).
- Gagarin A. S. (2009) Fenomenologicheskaja topika: smyslozhiznennoe prostranstvo jekzistencialov chelovecheskogo bytija [Phenomenological Topic: the Meaning-Life Space of Existentials of Human Being], *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law, UrB of RAS], no 9, pp. 7–26.
- Gregori R. L. (2003) *Razumnyj glaz* [The Intelligent Eye], transl. by A. Kogan, Second Edition, Moscow: Editorial URSS (In Russian).
- Kalmykova V. V. (compl.) (2019) *Holokost. Hudozhnik Lev Saksonov* [The Holocaust. Artist Lev Saxonov], Moscow: Rossijskaja knizhnaja palata (In Russian).
- Kormin N. A. (1996) Diagramma vremeni-soznaniya i fenomen hudozhestvennogo vosprijatija [Chart of Time-consciousness and the Phenomenon of Artistic Perception], *Fenomenologija iskusstva: Sbornik nauchnyh trudov* [The Phenomenology of Art: Collection of Scientific Papers], Moscow: IF RAN (In Russian).
- Mar'on Zh.-L. (2010) *Perekrest'ja vidimogo* [The Crossing of the Visible], transl. by N. Sosna, Moscow: PROGRESS-Tradicija (In Russian).
- Hajdegger M. (2013) *Bytie i vremja* [Being and Time], transl. by V. V. Bibihin, Moscow: Akademicheskij proekt (In Russian).

АРХИТЕКТУРА ТОТАЛИТАРНОГО ПЕРИОДА И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: «DIFFICULT HERITAGE» В ЭПОХУ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Анна Геннадиевна Вяземцева

Ph. D. истории архитектуры, кандидат искусствоведения.
Университет Рим-3, отделение гуманитарных наук, преподаватель.

Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ,
старший научный сотрудник.

Адрес: 111024, Москва, ул. Душинская, д. 9.

E-mail: anna.vyazemtseva@gmail.com; anna.vyazemtseva@uniroma3.it

«Трудное наследие» — главным образом архитектурные и скульптурные памятники и произведения монументального искусства, возникшие в разных странах в период правления тоталитарных режимов, — сегодня нередко оказывается вне историко-искусствоведческого дискурса, становясь предметом политической и общественной полемики. В центре ее — вопрос о легитимности существования таких объектов искусства и архитектуры в современном городе. Однако реакция исторической памяти на эти объекты в обществе не всегда оказывается негативной. Многие города России и бывших стран СССР, а также стран Западной Европы создавались в XX в, в период урбанизации. Эти памятники являются маркерами идентичности для многих поколений, как, например, комплекс ВДНХ в Москве или аэропорт Темпельхоф в Берлине. Данное положение приводит к разным результатам взаимодействия между «трудным наследием» и современной культурой — от сноса до критического осмысления, а иногда и полной нейтрализации негативного смысла. Нередко инициаторами реквалификации таких объектов становятся государственные или крупные коммерческие структуры, а исполнителями — заметные представители современной архитектуры, как, например, Рем Колхас, предлагающие характерные решения в работе с исторической памятью. Анализируются некоторые примеры взаимодействия архитекторов, органов власти, городской и массовой культуры с архитектурными объектами наследия диктатуры в Италии, Германии и России.

Ключевые слова: память, наследие, архитектура, тоталитаризм, реконструкция, XX в., СССР, Германия, Италия, США.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-190-206

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России РААСН, тема 1.2.10.

Предисловие

Проблема «трудного наследия» — «difficult heritage» (Macdonald, 2008), связанного прежде всего с архитектурными и скульптурными памятниками различных диктатур XX в., в наши дни все чаще оказывается актуальной. Новостные хроники с устойчивой периодичностью рассказывают о полемике вокруг архитектурных и скульптурных памятников, возникающей ввиду негативного восприятия исторического повода их создания и политического контекста, в котором они были реализованы. Примеры многочисленны: это и недавняя полемика в Чикаго по поводу сноса мемориальной стелы, посвященной перелету в США из Италии итальянского министра авиации фашистского правительства Итало Бальбо¹ (*La furia iconoclasta*, 2019); и периодические призывы снести Дворец культуры и науки в Варшаве, построенный в 1952–1955 гг. по образцу московских высоток как подарок Советского Союза польскому народу (Wyrwich, 2019); и кампания по сносу памятников советского времени на Украине, получившая название «ленинопад» (Скичко, 2014); и демонтаж памятников советским войнам в странах Восточной Европы, как, например, актуальный сейчас случай с памятником маршалу Коневу в Праге, и др. Одновременно повсеместно мы начинаем наблюдать приспособление зданий и ансамблей, некогда важных проектов пропаганды режимов, под нужды современности, в результате которого происходит намеренная или ненамеренная работа с историческими ассоциациями, которые они вызывают.

Хронологические и географические границы того, что понимается в наши дни под «трудным наследием», достаточно широки. Прежде всего это архитектурные и художественные произведения, выполненные в рамках политики тоталитарных режимов XX в. в Европе и Азии. Также к «трудному наследию» относят и памятники колониальной истории государств Запада XVIII — первой половины XX вв., включая США. В настоящей статье будет рассматриваться только межвоенный и послевоенный (по окончании Второй мировой войны) период в Европе как наиболее показательный и близкий отечественной действительности. Он ознаменован установлением диктатуры в России, Италии, а затем в Германии и других национальных государствах на территории империй, исчезнувших в результате Первой мировой, а затем Испании и Португалии, и закончился в результате падения режимов во Второй мировой войне, а в нашей стране — позднее, после смерти Сталина в 1953 г.

Сужение хронологических рамок служит задачам данной статьи — анализу, на примере отдельных случаев реквалификации знаковых построек межвоенных

¹ Обсуждение события см.: *La furia iconoclasta. USA travolge anche i monumenti italiani di Colombo e Balbo* // Euronews, 25.08.2017. URL: <https://it.euronews.com/2017/08/25/la-furia-iconoclasta-usa-travolge-anche-i-monumenti-italiani-di-colombo-e-balbo> (дата обращения: 10.12.2019).

лет в Италии, Германии и России, современного восприятия и бытования архитектурного наследия европейских диктатур как общего относительно недавнего прошлого. Цель же состоит в том, чтобы выявить специфику этого восприятия в условиях современного общества.

Архитектура межвоенных лет: стиль и идеология

Архитектура межвоенных и первых послевоенных лет довольно широко распространена в современных городах, несмотря на военные разрушения и трудность восстановительных работ в годы после конфликта. Это узнаваемая архитектура, ее хронология легко идентифицируется не только специалистами. Во многих городах России и Европы здания и ансамбли этого периода, безотносительно к политическим системам правления, при которых они создавались, занимают особое и заметное место: они возводились после Первой мировой войны, в нашей стране — продолженной гражданским конфликтом, в процессе новой волны урбанизации, а затем послевоенной реконструкции, когда строились новые центры старых городов, определялся облик новых населенных пунктов (Косенкова, 2018; Hall, 2002: 48–217). Повсеместно архитектура тех лет имела идеологическую нагрузку, свидетельствуя об обновлении мира и общества, вышедшего из тяжелейшего в истории военного конфликта. В странах же с диктаторскими режимами она несла еще и нагрузку политической пропаганды, использовавшей архитектуру как одно из главных средств демонстрации мощи режима. Сегодня она относится к «трудному наследию».

Общественные здания, построенные в межвоенные годы, по всему миру и сейчас нередко успешно используются. Например, Дворец Лиги Наций в Женеве (1929–1938, архитекторы Йозеф Ваго и др.), возведение которого стало крупным общественным событием для послевоенной Европы, и сейчас сохраняет изначальную функцию — в нем размещается женевское представительство ООН. Почти современное ему советское здание Совета труда и обороны в Москве (1932–1935, архитекторы А. Я. Лангман и др.), несмотря на свою «трудную» коннотацию, также используется государственными структурами — в нем размещается Государственная дума РФ. Также продолжают функционировать как представительства государственных структур Министерство авиации в Берлине (архитектор Э. Загемил, 1935–1936), ставшее Министерством финансов, и Министерство корпораций в Риме (архитекторы М. Пьячентини, Дж. Ваккаро, 1927–1932), где ныне располагается Министерство экономического развития.

Застройка этого периода определяет архитектурный облик целых районов, которые часто идентифицируются общественным мнением, и не только в нашей стране, как наиболее качественные с практической и эстетической точки зрения по сравнению с жилмассивами 1960–1980-х гг. Она, вне зависимости от идеологи-

Пале-Шайо и Пале-Токио, Париж. Арх. Л. И. Буало, Ж. Карлю, Л. Азема. 1937.
Фото автора

ческих установок, во многих странах обнаруживает стилистическую общность, основанную на склонности к крупному масштабу, использованию элементов исторических стилей, применению дорогих отделочных материалов или их имитации, включению монументальной скульптуры, живописи, мозаики, витража.

В ряде стран эта архитектура обретает специфически политическую коннотацию, поскольку связана с диктаторскими антидемократическими режимами и в этом качестве легко идентифицируется массовым зрителем. Если, например, ансамбль Трокадеро с Пале-Шайо и Пале-Токио в Париже (Л. И. Буало, Ж. Карлю, Л. Азема), построенный к Всемирной выставке 1937 г., или Empire States Building (Shreve, Lamb, and Harmon, 1929–1931) в Нью-Йорке не провоцируют никакой особенной рефлексии по поводу политической идеологии, при которой они создавались, то комплексы района ЭУР в Риме или ВДНХ в Москве, спроектированные в те же годы, и сегодня ассоциируются у массового зрителя, соответственно, с архитектурой Муссолини или сталинским ампиром, то есть с тоталитарным искусством¹. Особенности «идеологии» архитектурного стиля, ее отличительные черты сегодня являются предметом профессиональной дискуссии.

¹ Термин «тоталитарное искусство», введенный И. Голомштоком в одноименной монографии 1990 г., нашел широкое распространение в исторической и искусствоведческой литературе, хотя и не обладает исключительной точностью, он не теряет актуальности. См, например: Mikke, Wamberg (ed.), 2010.

Ансамбль ЭУР, Рим, под рук. арх. М. Пьячентини, 1937–1952.
Фото автора

Ансамбль ВДНХ, Москва, 1938–1950-е.
Фото: vdnh.ru

При всей узнаваемости и важности в городском ландшафте, эти постройки часто еще не воспринимаются как памятники архитектуры, как художественное наследие прошлого. Поскольку от времени их создания нас отделяет уже достаточная историческая дистанция — 70–80 лет¹, возникает совершенно справедливый вопрос о поддержании их сохранности, влекущий за собой массу иных вопросов: о методах и средствах, о необходимости и способах реставрации и др., которые часто выходят за рамки узкопрофессиональной проблематики, переходя в общественно-политическую сферу (Favaretto, 2016).

Поскольку политическая коннотация таких объектов, как было указано выше, сильна и сегодня, методы и границы реставрации, а иногда и сама необходимость поддержания памятника становятся поводом для дискуссий, когда его восстановление, особенно за счет государственного финансирования, видится как способ «оправдания» или поддержки власти, по инициативе которой он был создан. Собственно, сам термин для определения таких объектов — «*difficult heritage*» — появился относительно недавно, в 2007 г. (Macdonald, 2008), когда ввиду физического старения зданий и сооружений и возник вопрос об их охранном статусе как культурного наследия.

В этом контексте выделяется наследие архитектуры авангарда 1920-х — начала 1930-х гг., которую также принято называть модернизмом, или современным движением. Ценность его признана научным сообществом, хотя общественное приятие его не повсеместно, но существуют многочисленные примеры сохранения, музеефикации и нового использования памятников архитектурного авангарда: комплекс школы Баухауз (1925–1926) Вальтера Гропиуса в Дессау, клубы Константина Мельникова и только что отреставрированный жилой дом бывшего Народного комиссариата финансов — дом Наркомфина (1928–1930, архитектор М. Я. Гинзбург) в Москве и др. Несмотря на давние попытки обозначить связь искусства авангарда с культурной программой диктатуры И. В. Сталина в СССР (Гройс, 2003) или исследования о связи Ле Корбюзье с идеями фашизма (De Jarcy, 2015), произведения современного движения, однако, не относят к тоталитарному, «трудному наследию», более того, еще с послевоенных лет они противопоставлялись ему как образец архитектуры, воплощающей ценности свободы и равенства (см., например: Zevi, 1950).

¹ Каждое национальное законодательство по-своему определяет условия определения памятника как культурной ценности в соответствии с международным законодательством (Гагская конвенция, 1954). В Италии, например, любое произведение искусства или архитектуры старше 50 лет рассматривается как потенциальный памятник: Il codice dei beni culturali e del paesaggio, decreto legislativo 22 gennaio 2004, n. 42, Art. 12. В РФ выявление и охрана памятников осуществляются в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации №73-ФЗ от 25.06.2002.

«Трудности» наследия и их интерпретации

Наследие диктаторских режимов эпохи после Второй мировой войны на Западе и окончания диктатуры Сталина в нашей стране вызывало отрицательное отношение государств по обе стороны железного занавеса. В странах побежденного фашизма-нацизма многие памятники этого периода были разрушены (как, например, Рейхсканцелярия в Берлине) или перестроены еще в конце Второй мировой войны или сразу же после, как, например, вокзал Термини в Риме, где модернистский козырек был «приставлен» к неоклассическому зданию, спроектированному в конце 1930-х гг. В СССР, который формально сохранял государственную идеологию и после смерти Сталина, в результате постановления об архитектурных излишествах (Постановление № 1871 ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г.) и последовавшего за ним осуждения культа личности в 1956 г. классицизирующие и историзирующие формы были исключены из формального словаря архитекторов вплоть до конца 1980-х гг.

Этот период отрицания наследия, созданного в 1930–1950-е гг. при диктатурах, продолжается и в том, что, при огромном количестве публикаций об искусстве авангарда и ар-деко, оно до сих пор недостаточно изучено и осмыслено профессиональным сообществом. Показательно, что в нашей стране последние монографические работы, за редким исключением, вышли еще в советские

Вокзал Термини. Входной павильон. 1947. Арх. Л. Калини, Э. Монтуори, А. Вителлоцци, М. Кастеллацци, В. Фадигати, А. Пинтонелло. Боковые павильоны. 1938–1943. Арх. А. Маццони. Фото автора статьи

годы, а о ключевых фигурах этого периода — И. В. Жолтовском, А. В. Щусеве, В. А. Щуко — до сих пор нет крупных современных биографических и критических исследований. Только недавно вышла монография М. А. Костюк о Борисе Иофане — по сути, первое комплексное исследование об архитекторе, авторе проекта Дворца Советов (Костюк, 2019), определившем историю советской архитектуры.

В Италии долгое время исследовалась лишь та часть архитектуры межвоенных лет, которая относилась к рационализму, воплощавшему принципы международного современного движения. Выдающийся архитектурный критик Бруно Зевеи в 1960 г. написал в некрологе Марчелло Пьячентини, крупнейшему архитектору периода фашизма, что он «как архитектор умер в 1925 г.» (Zevi, 1960), то есть до создания построек по госзаказу в Италии эпохи Муссолини. Первая монография о Пьячентини вышла только в 1991 г. (Lupano, 1991).

В Германии наряду с проблемой наследия национал-социализма, на протяжении десятилетий не входившего в сферу историко-архитектурной и в целом культурной рефлексии, существует и проблема наследия Восточной Германии конца 1940-х — начала 1950-х гг., идеологически противоположного, но по-своему «трудного» (Candidi, 2019).

До сих пор сосуществуют и взаимодействуют две интерпретативных линии «архитектуры власти». Одна тянется от Генри Миллона (Millon, 1978) к Игорю Голомштоку, к парадигме тоталитарного искусства (Golomštók, 1990) вплоть до наших дней (Sudjic, 2005); другая являет собой историко-архитектурный подход, согласно которому исследуется памятник как объект, вне зависимости от условий, причин его создания и политической репутации заказчика.

Большую роль в осмыслении и в какой-то степени приятии наследия 1930–1950-х гг. сыграли выставки, прошедшие в Европе, Америке и нашей стране начиная с 1990-х, среди которых, например, Art and Power (Ades, 1995). В 2000-е гг. выставки о межвоенном наследии стали многочисленны, в их концепциях начал происходить отход от парадигмы «тоталитарное — свободное», и открылись новые перспективы для анализа, подтверждающие растущий интерес к этому явлению.

В нашей стране повышению профессионального интереса к наследию сталинского времени способствовала опубликованная также в первое постсоветское десятилетие книга Владимира Паперного «Культура Два» (Паперный, 1996), по сути — первая критическая монография на эту тему, написанная в 1970-е гг. и опубликованная в России вскоре после выхода русского издания «Тоталитарного искусства» Голомштока (1994). Смена стилей от авангарда к «освоению наследия» у Паперного рассматривалась как естественная смена двух культурных формаций по принципу антитез, описанному Генрихом Вельфлином в «Основ-

ных понятиях истории искусства» (Wölfflin, 1915). Таким образом, Паперный впервые предпринял попытку привлечь внимание к архитектуре указанного периода как к особому культурному феномену, созданному в условиях диктатуры, но не являющемуся только изъявлением воли диктатора. Книга возбудила дальнейший научный интерес к феномену и критическим интерпретациям, которые, однако, не стали многочисленными. Только в 2006 г. в НИИТАГ РААСН состоялась конференция «Сталинский ампир» (Косенкова, 2010), на которой выступал С. О. Хан-Магомедов — ключевая фигура отечественного архитектуроведения XX в. и автор подавляющего большинства биографий советских архитекторов, работавших в межвоенные годы. Собственно, концепция Хан-Магомедова о естественной смене авангарда возвращением к классическим формам и стала отправной точкой для исследования Паперного, объяснившего эволюцию стиля сменой культурных фаз (Паперный, 1996: 11).

Одновременно существует иная линия, объясняющая утверждение архитектуры личной инициативой Сталина, прямо или косвенно контролировавшего все, что строилось в СССР, вплоть до смерти в 1953 г. (Хмельницкий 2007а, 2007б). Не касаясь проблематики сохранения такой архитектуры, эта интерпретация исключает наличие в ней творческой воли архитектора и обличает ее полное подавление диктатором.

Существуют и довольно радикальные профессиональные высказывания, ставящие под сомнение ценность и необходимость сохранения тоталитарного наследия в целом. Например, американская историк архитектуры Рут Бен-Гиат в статье «Why are so many fascist monuments still standing in Italy» (Ben-Ghiat, 2017) считает, что итальянская архитектура периода диктатуры сохранилась, потому что итальянцы не осознают тяжести политического контекста, в котором она создавалась. Статья имела резонанс среди итальянского профессионального сообщества, категорически не разделившего точку зрения американской коллеги и настаивавшего на приоритете художественной ценности объекта над его «трудным» прошлым.

Примеры и выводы

В европейских странах случаи реставрации, осуществленные с начала 2000-х гг., воспринимались обществом по-разному. Например, в нашей стране реконструкция со сносом гостиницы «Москва», начатая в 2002 г., была производным масштабной девелоперской операции и интерпретировалась обществом как таковая. Однако восстановление имени И. В. Сталина в павильоне метро «Курская» (кольцевая) в 2009 г. вызвало диссонанс как раз ввиду почувствованного идеологического подтекста (Левченко, 2009). Восстановленный Дэвидом Чипперфилдом и открытый в 2009 г. Новый музей (Neues Museum) в Берлине, где были намерен-

но сохранены следы военных разрушений, а тема памяти о трагическом прошлом поставлена в центр авторской концепции реконструкции, был встречен как глубокое и внимательное прочтение «трудного наследия» истории Германии XX в. Однако подход, избранный Чипперфилдом, не был поддержан единогласно. Одновременно развернулась бурная полемика из-за сноса наследия ГДР — стоящего рядом модернистского Дворца Республики 1970-х гг., построенного на месте разрушенного в годы Второй мировой войны замка — королевской резиденции эпохи барокко, который было решено восстановить (Berlin's Palace of Republic 2006)¹.

Приведем два других совершенно различных случая из опыта Германии. Аэропорт Темпельхоф, знаменитое произведение Альберта Шпеера, с 2008 г. стал городским парком, а в 2015-м в двух его ангарах устроены центры по приему беженцев из Сирии и Афганистана. Одновременно с этим примером социально ориентированного приспособления был выдвинут проект реконструкции фасада воздвигнутого по проекту П. Л. Трооста (1933–1937) Дома искусства в Мюнхене — того самого, где в 1937 г. одновременно проходили выставка «Дегенеративное искусство» и «Выставка великого германского искусства». После войны перед монументальным фасадом с колоннадой была высажена аллея деревьев. Согласно проекту бюро Дэвида Чипперфилда, осуществление которого должно начаться в 2020 г., предлагается восстановить первоначальное градостроительное решение, убрать деревья и открыть вид на колоннаду 1930-х гг. Здесь Чипперфилд отошел от линии, предложенной им в Новом музее, отдавая предпочтение восстановлению первоначального облика здания, несмотря на его противоречивую историю, и как бы исключая попыт-

Новый музей. 1843–1855. Арх. Ф. А. Штюлер. Разрушен в годы Второй мировой войны. Реконструкция 1986–2009. Арх. Д. Чипперфилд. Фото Нины Фроловой

но с этим примером социально ориентированного приспособления был выдвинут проект реконструкции фасада воздвигнутого по проекту П. Л. Трооста (1933–1937) Дома искусства в Мюнхене — того самого, где в 1937 г. одновременно проходили выставка «Дегенеративное искусство» и «Выставка великого германского искусства». После войны перед монументальным фасадом с колоннадой была высажена аллея деревьев. Согласно проекту бюро Дэвида Чипперфилда, осуществление которого должно начаться в 2020 г., предлагается восстановить первоначальное градостроительное решение, убрать деревья и открыть вид на колоннаду 1930-х гг. Здесь Чипперфилд отошел от линии, предложенной им в Новом музее, отдавая предпочтение восстановлению первоначального облика здания, несмотря на его противоречивую историю, и как бы исключая попыт-

¹ Berlin's Palace of the Republic Faces Wrecking Ball // Deutsche Welle, 20.01.2006. URL: <https://www.dw.com/en/berlins-palace-of-the-republic-faces-wrecking-ball/a-1862424> (дата обращения: 19.12.2019).

ки предыдущего опыта осмысления памяти о ней. Эту попытку реабилитации архитектуры 1930-х общественность восприняла весьма неоднозначно (Hikley, 2017). О возникшем интересе к наследию 1930-х у Чипперфилда — архитектора и нынешнего редактора одного из самых известных архитектурных журналов, итальянского *Domus* — свидетельствует и его недавняя постройка — галерея Джеймса Симона в Берлине, напоминающая Палаццо дельи Уффици в Римском районе Всемирной выставки ЭУР. Всемирно известный мастер, далекий от правого политического дискурса, очевидно не имеет предубеждений относительно «трудных» аспектов архитектуры 1930-х, что и демонстрирует, интерпретируя ее в своих новых работах.

Сегодня мы также видим третий путь работы с «трудным наследием»: когда реконструкция проводится не в общественных и (или) политических целях. Эффектный вид зданий и ансамблей, созданных в 1920–1950-х гг., ностальгические чувства современных людей, зачастую не связанные напрямую с моментом создания этих построек, используют крупные частные компании, создавая с их помощью новую городскую инфраструктуру.

Один из показательных примеров — аренда в 2015 г. итальянским домом моды Fendi Дворца итальянской цивилизации — так называемого «квадратного Колизея», ключевого элемента ансамбля Всемирной выставки, спроектированного к 20-летию фашистской революции в 1938 г. Этот район был завершен уже после Второй мировой войны, когда заказавший его режим был разгромлен, и практически с самого момента своего создания стал предметом дискуссий о «трудном наследии». И в наши дни он продолжает оставаться поводом для политических спекуляций. Например, в 2008 г. Джанни Alemanno, мэр Рима от правой партии *Alleanza Nazionale*, предлагал реализовать триумфальную арку из автаркического алюминия, спроектированную к выставке в 1940 г., что вызвало бурную волну критики (Вяземцева, 2008).

Фирма Fendi провела работы по реставрации здания, разместила в нем головной офис и некоторое время проводила в помещениях первого этажа выставки предметов из своего собрания и художественной коллекции одноименного фонда. Это новое назначение, стирающее какие-либо ассоциации с историческими обстоятельствами, в которых возникло здание, не вызвало острой рефлексии ни в профессиональной среде, ни у широкой общественности. Прежде всего такое возможно благодаря позитивному имиджу арендатора и, конечно, его усилиям по сохранению давно пустовавшего здания, на реставрацию которого у городской администрации не имелось средств.

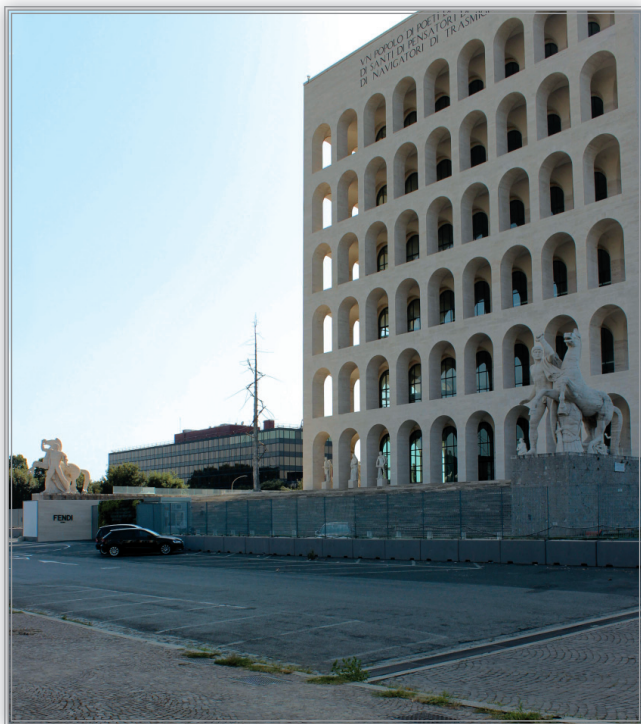
Здесь же можно вспомнить и недавний показ итальянского модного дома Ermanno Scervino в Российской государственной библиотеке, бывшей имени В. И. Ленина, построенной по проекту В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейха в 1929–1935 гг. Элегантные интерьеры здания, выполненные в стилистике, созвучной междуна-

Дом искусства, Мюнхен, арх. П. Л. Троост, 1933–1937. Современный вид.
 (Источник: M(e)ister Eiskaltpanorama: Pölkkyposkisolistiderivative works:
 Hic et nunc, H-stt - Haus der Kunst 21.jpg und Haus der Kunst (Munich).jpg, CC BY-SA 4.0,
<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=41363074>)

Дом искусства, Мюнхен, арх. П. Л. Троост, 1933–1937.
 Реконструкция Д. Чипперфильд, 2016. Визуализация.
 (Источник: Chipperfield Architects)

Дворец итальянской цивилизации.
1938–1952. Арх. Э. Ла Падула, М. Романо.
С 2015 г. — штаб-квартира компании Fendi.
Фото автора статьи

родному стилю ар-деко, создавали эффектное обрамление для демонстрации нарядов итальянской марки¹. Собственная семантика здания, его назначение, условия и идеология его возникновения, о которых открыто говорит его стилистика, не только не играли роли, но, очевидно, вообще не принимались во внимание.

Начавшаяся в 2014 г. реконструкция ВДНХ вызывает также различные оценки со стороны общественности, но ясно, что в подавляющем числе случаев критику вызывают методы реконструкции, а не сам ее факт. Как и в случае с Парком культуры и отдыха имени М. Горького, реконструированного (с 2010 г.) в том числе с участием звезды современной архитектуры Рема Колхаса, память об идеоло-

логическом содержании ансамбля практически стирается, начинает доминировать позитивный имидж. В этом ключе и восстановление первоначального архитектурного облика павильонов, перестроенных в 1960-е гг., в стиле послевоенного модернизма, происходящее под эгидой освоения наследия сталинской эпохи, становится не столько идеологическим жестом, сколько желанием удовлетворить массовый запрос на «нарядную», «праздничную» архитектуру.

Приведенные примеры далеко не единственные в перечне фактов современного обращения с архитектурой «трудного наследия». Их краткий анализ, проведенный в данной статье, отнюдь не претендует на полноту. Показательно, что осуществленные проекты реконструкции наследия 1930–1950-х гг. не следуют единой тенденции ни в странах Европы, ни в нашей стране, однако очевидна общая тенденция к нивелировке негативного прошлого, порождением которого была и остается эта архитектура. Ключевую роль играет не столько политическая воля, сколько требования рынка. Реконструкция или реставрация должна быть экономически оправданной, в этом случае «difficult heritage» намеренно очищается от контекста трагических событиях XX в. и их последствий с целью органического включения в урбанистический сценарий общества консюмеризма.

¹ Феерический показ Ermanno Scervino в Ленинке (2018). // L'Officiel Russia, 8.09.2018. URL: <https://www.lofficielrussia.ru/moda/feericheskii-pokaz-ermanno-scervino-v-leninke> (дата обращения: 19.12. 2019).

Павильон № 1 «Центральный» (бывш. «Главный» павильон).
Арх. Ю. В. Щуко, Е. А. Столяров.
Источник: vdnh.ru

Литература

- Вяземцева А. Г. (2008) Реконструкция триумфа // Архи.ру, 01.12. URL: <https://archi.ru/world/11424/rekonstrukciya-triumfa> (дата обращения: 19.12.2019).
- Голомиток И. Н. (1994) Тоталитарное искусство. М.: Галарт.
- Гройс Б. Е. (2003) Искусство утопии. Gesamtkunstwerk Сталин. Комментарии к искусству. М.: Художественный журнал; Фонд «Прагматика культуры».
- Косенкова Ю. Л. (2018) Советское градостроительство. 1917–1941. Кн. 1 и 2 М.: Прогресс-Традиция.
- Косенкова Ю. Л. (2010) Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. М.: КомКнига.
- Костюк М. (2019) Борис Иофан. До и после Дворца Советов. Berlin: Dom-Publishers.
- Левченко А. (2009) Сталин встает из-под земли // Газета.ру, 26.08. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/26_a_3240785.shtml (дата обращения: 19.12.2019).
- Паперный В. З. (1996) Культура Два. М.: НЛО.

- Скичко О. (2014) Массовый «ленинопад»: как Украина очищается от символов тоталитаризма // ТСН, 02.12. URL: <https://tsn.ua/ru/politika/massovyyu-leninopad-kak-ukraina-ochischaetsya-ot-simvolov-totalitarizma-karta-389757.html> (дата обращения: 10.12.2019).
- Хмельницкий Д. С. (а) (2007) Архитектура Сталина. М.: Прогресс-Традиция.
- Хмельницкий Д. С. (б) (2007) Зодчий Сталин. М.: НЛО.
- Ades D. (ed.) (1995) *Art and Power. Europe under the Dictators, 1930-45*. London: Thames and Hudson.
- Ben-Ghiat R. (2017) Why are so many fascist monuments still standing in Italy // *The New Yorker*, 5.12. URL: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/why-are-so-many-fascist-monuments-still-standing-in-italy> (дата обращения: 19.10.2019).
- Candidi T. C. L. (2019) *Spazi di memoria nella Berlino post-socialista*. Milano: Mimesis.
- De Jarcy X. (2015) *Le Corbusier, un fascisme français*. Paris: Albin Michel.
- Favaretto G. (2016) “Eresia” o assenza di “credo”? Il restauro delle architetture del totalitarismo: l'intervento alla Casa del Balilla di Forlì // *Eresia ed ortodossia nel restauro. Progetti e realizzazioni*, Edizioni Arcadia Ricerche, a cura di G. Bicontin, G. Driussi, Marghera-Venezia, pp. 267–277.
- Golomštok I. N. (1990) *Totalitarian art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China*. London: Collins Harvill.
- Hall P. (2002) *Cities of Tomorrow*. NJ: Blackwell Publishing.
- Hikley C. (2017) Should Munich contemporary art museum reveal or obscure its Nazi history? // *The Art Newspaper*, 01.03. URL: <https://www.theartnewspaper.com/news/should-munich-contemporary-art-museum-reveal-or-obscure-its-nazi-history> (дата обращения: 19.12.2019).
- Lupano M. (1991) *Marcello Piacentini*. Roma: Laterza.
- Macdonald S. J. (2008) ‘Difficult Heritage: Unsettling History’ // *Museums and Universal Heritage: History in the Area of Conflict Between Interpretation and Manipulation*. Luxembourg: ICOM-ICMAH. Pp. 8-15.
- Mikke B. R., Wamberg J. (ed.) (2010) *Approaching Totalitarianism and Totalitarian Art // Totalitarian Art and Modernity*. Aarhus: Aarhus University Press. Pp. 109–129.
- Millon H. A. (1978) *Arts and architecture in the service of politics*. Cambridge Mass.: MIT.
- Sudjic D. (2005) *The Edifice Complex: How the Rich and Powerful Shape the World*. London: Allen Lane.
- Wölfflin H. (1915) *Kunstgeschichtliche Grundbegriffe: das Problem der Stilentwicklung in der neueren Kunst*. München: Bruckmann.
- Wyrwich M. (2019) Zburzyć PKiN, na jego miejscu zbudować łuk triumfalny. Interview by Magdalena Złotnicka. *Polskie radio 24*, 25.11. URL: <https://www.polskieradio24.pl/130/5925/Artykul/2409811,Mateusz-Wyrwich-zburzyc-PKiN-na-jego-miejscu-zbudowac-luk-triumfalny?fbclid=IwAR2qK1ZcQepYh9ae-s94nLi0R-HXpyqaQOzeQBi8pWDj47z3SkvzHEOp7A8> (дата обращения: 10.12.2019).
- Zevi B. (1960) Marcello Piacentini morì nel 1925 // *Architettura. Cronache e storia*. № 58. P. 220.
- Zevi B. (1950) *Storia dell'architettura moderna*. Torino: Einaudi.

THE ARCHITECTURE OF THE TOTALITARIAN PERIOD AND
MODERN HISTORICAL MEMORY:
“DIFFICULT HERITAGE”
IN THE ERA OF CAPITALIST GLOBALIZATION

Anna G. Vyazemtseva

Ph. D. in History of Architecture, Candidate of History and Theory of Art
University of Rome 3, Department of Humanities, adjunct professor
Institute of History and Theory of Architecture and Urban-planning —
Russian Ministry of Construction, senior researcher.
Address: 111024 Moscow, 9 Dushinskaya Street.
E-mail: anna.vyazemtseva@gmail.com; anna.vyazemtseva@uniroma3.it

The “difficult heritage” (mostly includes architectural and sculptural monuments and works of monumental art arisen in different countries under totalitarian regimes) often becomes a crucial point of today’s political and public controversy. Is it legitimate to leave these objects of art and architecture as a part of urban environment of modern city? Although, many cities in Russia and former Soviet countries, as well as in Western Europe, were created in the XX century, during the period of urbanization and urban growth and became markers of identity for many generations, as the VDNH complex in Moscow or the Tempelhof airport in Berlin. There are different results of interaction of modern culture with them: from demolition, to critical comprehension, and sometimes to complete neutralization of their negative meaning. Often, the initiators of “requalification” of such objects are state structures or large commercial structures, and the performers are important representatives of modern architecture, such as Rem Koolhaas, offering typical solutions for dealing with historical memory. The report analyzes some examples of interaction of architects, authorities, urban and mass culture with architectural objects of the dictatorship’s heritage in Italy, Germany and Russia.

Keywords: memory, heritage, architecture, totalitarian regime, reconstruction, XX century, USSR, Germany, Italy, USA.

References

- Ben-Ghiat R. (2017) Why are so Many Fascist Monuments Still Standing in Italy, URL: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/why-are-so-many-fascist-monuments-still-standing-in-italy> (accessed 19 Oktober 2019) (In English).
- Favaretto G. (2016) “Eresia” o assenza di “credo”? Il restauro delle architetture del totalitarismo: l’intervento alla Casa del Balilla di Forlì, Eresia ed ortodossia nel restauro. *Progetti e realizzazioni, Edizioni Arcadia Ricerche*, a cura di G. Bicontin, G. Driussi, Marghera-Venezia, 2016, pp. 267–277 (In Italian).

- Golomštok I. N. (1990) *Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China*. London: Collins Harvill (In English).
- Golomshtok I. N. (1994) *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian Art], Moscow: Galart (In Russian).
- Hikley C. (2017) Should Munich Contemporary Art Museum Reveal or Obscure its Nazi History? URL: <https://www.theartnewspaper.com/news/should-munich-contemporary-art-museum-reveal-or-obscure-its-nazi-history> (accessed 19 December 2019) (In English).
- Kosenkova Ju. L. (2010) *Arhitektura stalinskoj jepohi: Opyt istoricheskogo osmyslenija* [The Architecture of the Stalin Era: the Experience of Historical Reflection], Moscow: KomKniga (In Russian).
- Kosenkova Ju. L. (red.) (2018) *Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941* [Soviet Urban Planning. 1917–1941], 2 Vols., Moscow: Progress-Tradicija (In Russian).
- Kostjuk M. A. (2019) *Boris Iofan. Do i posle Dvorca Sovetov* [Boris Iofan. Before and after the Palace of Soviets], Berlin: Dom-Publishers (In Russian).
- Levchenko A. (2009) *Stalin vstaet iz-pod zemli* [Stalin Rises from the Ground]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/26_a_3240785.shtml (accessed 19 December 2019) (In Russian).
- Lupano M. (1991) *Marcello Piacentini*. Roma: Laterza (In Italian).
- Macdonald S. J. (2008) 'Difficult Heritage: Unsettling History', *Museums and Universal Heritage: History in the Area of Conflict Between Interpretation and Manipulation*, Luxembourg: ICOM-ICMAH, pp. 8–15 (In English).
- Papernyj V. Z. (1996) *Kul'tura Dva* [Culture Two], Moscow: NLO (In Russian).
- Scervino E. (2018) *Feericheskij pokaz Ermanno Scervino v Leninke* [Enchanting Display of Ermanno Scervino in Leninka]. URL: <https://www.lofficielrussia.ru/moda/feericheskii-pokaz-ermanno-scervino-v-leninke> (accessed 19 December 2019) (In Russian).
- Skichko O. (2014). *Massovyj «leninopad»: kak Ukraina ochishhaetsja ot simvolov totalitarizma* [Massive “Leninopad”: how Ukraine is Being Cleared of the Symbols of Totalitarianism]. URL: <https://tsn.ua/ru/politika/massovyy-leninopad-kak-ukraina-ochischaetsya-ot-simvolov-totalitarizma-karta-389757.html> (accessed 10 December 2019) (In Russian).
- Sudjic D. (2005) *The Edifice Complex: How the Rich and Powerful Shape the World*, London: Allen Lane (In English).
- Wölfflin H. (1915) *Kunstgeschichtliche Grundbegriffe: das Problem der Stilentwicklung in der neueren Kunst*. München: Bruckmann (In German).
- Wyrwich M. (2019) *Zburzyć PKiN, na jego miejscu zbudować łuk triumfalny*. Interview by Magdalena Złotnicka. URL: <https://www.polskieradio24.pl/130/5925/Artykul/2409811,Mateusz-Wyrwich-zburzyc-PKiN-na-jego-miejscu-zbudowac-luk-triumfalny?fbclid=IwAR2qK1ZcQepYh9aes94nLi0R-HXpyqaQOzeQBi8pWDj47z3SkvzHEOp7A8> (accessed 10 December 2019) (In Polish).
- Vjazemceva A. G. (2019) *Rekonstrukcija triumfa* [Reconstruction of Triumph]. Available at: <https://archi.ru/world/11424/rekonstrukciya-triumfa> (accessed 19 December 2019) (In Russian).
- Zevi B. (1960) *Marcello Piacentini morì nel 1925*. *Architettura. Cronache e storia*, no. 58, p. 220 (In Italian).
- Zevi B. (1950) *Storia dell'architettura moderna*. Torino: Einaudi.

**ПИСЬМО С ФРОНТА
ВОЕННЫЙ ЛЕТЧИК АБРЕК АРКАДЬЕВИЧ БАРШТ —
НЕВЕСТЕ ЕЛЕНЕ МАРИАНОВНЕ ОПИЦ
31 ЯНВАРЯ 1943 Г.**

*Публикация Константина Абрековича Баршта
(из семейного архива)*

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-207-214

Автор публикуемого письма, военный летчик, ветеран Великой Отечественной войны Абрек Аркадьевич Баршт родился на берегу Днепра 2 декабря 1919 г. в селе Старая Збурьевка Херсонской области. Его отец, Аркадий Исакович Баршт, был журналистом и писателем, некоторое время возглавлял одесское отделение Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Детство Абрека Аркадьевича проходило в Одессе, Орле, Воронеже, затем во Владивостоке, куда его отец был отправлен в нечто среднее между ссылкой и командировкой для работы в местном книгоиздательском комплексе. С детства Абрек мечтал об авиации и в период обучения в старших классах школы № 1 Владивостока поступил в местный аэроклуб, а после окончания школы осенью 1938 г. — в летное училище в Чите, которое вскоре было переведено под Ростов, в город Батайск. Здесь в числе его друзей и однокашников было немало выдающихся военных пилотов, например П. Т. Харитонов, А. П. Маресьев.

По окончании училища в 1940 г. Абрек Баршт в числе лучших курсантов был оставлен в училище в качестве инструктора. В начале войны он занимался переподготовкой молодых летчиков для полетов на поступавших по ленд-лизу английских истребителей «Хаукер Харрикейн». Как и многие, подал рапорт и ожидал разрешения отправиться на фронт. В апреле 1942 г. разрешение было получено. Он служил в 118-м отдельном разведывательном авиационном полку 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта командиром звена, затем — командиром эскадрильи.

Баршт совершал разведывательные полеты в тыл врага, корректировал огонь артиллерии, вылетал для сопровождения штурмовиков и для прикрытия наземных войск, выполнял другие боевые задачи. В общей сложности совершил более 400 боевых вылетов. В состав его полка входила французская эскадрилья «Нормандия — Неман», и он подружился с французскими летчиками, а с Жозефом Риссо переписывался вплоть до его смерти в 2005 г. В воздушных боях был дважды ранен, звание Героя Советского Союза получил 10 апреля 1945 г. за выдающиеся боевые заслуги. Другие награды: орден Ленина, два ордена Красного

Знамени, ордена Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и многие другие. Войну окончил во Вроцлаве (Польша).

С будущей женой Абрек Аркадьевич познакомился в Москве. Он приезжал туда в краткосрочный отпуск повидать родителей, живших в Кунцево (Аркадий Исакович работал тогда в «Известиях»), и сделать передачи родственникам однополчан; во время одного из таких визитов встретив девушку, влюбился в нее с первого взгляда.

Это была Елена Опиц (Лялей ее называли в семье и самые близкие люди), дочь эмигрировавшего из Силезии в период Гражданской войны наследника старинного баронского рода Мариана Эдварда Опица. В Москве ему удалось скрывать свое происхождение

А. А. Баршт в боевом обмундировании. Здесь и далее фотографии из семейного архива

С боевыми товарищами, включая коллегу из женской авиационной эскадрильи

и образование во многом за счет скромного образа жизни и работы в качестве бухгалтера в художественной мастерской на Кузнецком мосту. В 1946 г. он все-таки был арестован и провел восемь лет в Экибастузском лагере под Карагандой. Но в 1920–1930-е гг. его жизнь протекала достаточно спокойно. В 1923-м он женился на московской мещанке Марии Павловне Морозовой (за которой, согласно семейному преданию, ухаживал В. В. Маяковский), 10 марта 1924 г. у них родилась дочь Елена, названная так в честь старшей сестры М. Э. Опица, бежавшей вместе с мужем от Конармии из родного дома в Лодзи в Швецию. Жили они в квартире 14 дома 5 по Дегтярному переулку (адрес в те годы: улица Горького, дом 22, корпус Б). Это была двадцатиметровая комната в коммунальной трехкомнатной квартире, впрочем, довольно просторной, на четвертом этаже, с балконом. Елена Опиц отличалась выразительной внешностью и прекрасно училась в школе № 175, находившейся неподалеку. В начале 1930-х гг. школу решено было сделать базовой для детей членов правительства и из нее убрали двоечников и хулиганов.

Среди одноклассников и однокашников Елены Опиц были Серго Берия, Василий и Светлана Сталины, «сестрички Маленковы», как она их называла, многие другие отпрыски известных фамилий. Елена окончила школу в памятный день — 21 июня 1941 г., и на следующей неделе ее одноклассники отправились добровольцами на фронт, а она записалась в народное ополчение: училась стрелять из винтовки, рыла противотанковые рвы под Москвой и вместе с отцом дежурила по время налетов немецкой авиации, сбрасывала с крыш домов зажигательные бомбы. Поступила на английское отделение Института иностранных языков имени М. Н. Покровского, который успешно окончила уже после войны, далее работала учительницей английского языка.

Предпосылкой встречи молодого лейтенанта авиации Баршта со студенткой Еленой Опиц была просьба его однополчанина передать несколько банок консервов его матери в голодающую Москву. Летчиков кормили не в пример лучше, чем кого бы то ни было на фронте, и продукты родным и близким посылали буквально все, причем каждый отправлявшийся на побывку отвозил их всем родным и близким своих товарищей по оружию. Доставляли и письма, ценность которых была двойной, так как они были не «треугольными», проходившими через военную цензуру, а «квадратными», и можно было писать без оглядки на возможную перлюстрацию. Такого рода письмо получил с помощью своего товарища («Сашки») старший лейтенант Баршт и вместе с ним отправил публикуемый здесь ответ.

Оказавшись в Москве в краткосрочном отпуске, А. А. Баршт позвонил в квартиру 14 дома в Дегтярном переулке и был сражен красотой появившейся перед ним девятнадцатилетней девушки с русой косой до пояса. Косу, правда, пришлось вскоре срезать: ухаживать за этой роскошью в годы войны не было возможности.

Елена Опиц в возрасте 18 лет

Елена Опиц быстро поняла серьезность намерений молодого летчика и прониклась ответными чувствами. Она подарила ему свою фотографию, о которой он упомянул в письме.

Через несколько дней перед боевым вылетом он прикрепил фото невесты на приборную доску своего «Харрикейна». В неравном бою был ранен, фотография сторела в самолете.

Абрек Баршт вполне ответственно пишет о том, что, если будет убит, желает Елене обрести счастье с другим. Смерть выкашивала летчиков рядами. Вспоминаю, как 9 мая мой отец всегда доставал коллективное фото летчиков своей эскадрильи, где из десяти человек только у двоих не было крестика над головой — они дожили до Победы.

Эскадрилья А. А. Баршта, он третий слева

Живя в горестной разлуке с любимой, он призывал Елену не завидовать летчику, к которому на фронт приехала жена, он долго не разрешал себе жениться — до того момента, пока не стало очевидно приближение Победы, выразившееся в том числе и в сложившемся в 1944 г. превосходстве советской авиации в воздухе. В этом году Абрек и Елена поженились, брак оформили в Москве. По их личным воспоминаниям, это сопровождалось неодобрительной миной работницы ЗАГСа, сказавшей в качестве напутствия, что, дескать, «страна напрягает все силы для борьбы с врагом, а вы черт знает чем занимаетесь». Скоро пришла Победа, общая для обоих.

Они прожили душа в душу 62 года и, как в сказке со счастливым концом, умерли почти одновременно. В феврале 2006 г. Абрек Аркадьевич

слег в клинику Военно-медицинской академии в Петербурге, где умер от быстро прогрессирующего рака печени 20 марта 2006 г.

Его уход так долго, как только было возможно, родственники скрывали от Елены Мариановны. Говорили, что муж в больнице, а ей самой трудно было проверить: она к тому моменту была лежачей больной с тяжелой формой артроза. Когда в августе правда все же дошла до нее, она стала быстро угасать и прожила лишь несколько недель, умерла 7 сентября того же года. Похоронены супруги в одной могиле на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, на аллее героев, что справедливо, по-видимому, для обоих.

Публикуемое письмо — одно из нескольких сотен сохранившихся, написанных влюбленными, боевым летчиком и молодой студенткой, живущих надеждой на будущее. Они искренне и горячо восхищались друг другом и бережно хранили письма как драгоценную реликвию. В таком виде они и дошли до нас: письма жениха и мужа в архиве Елены Мариановны, а ее письма — в бумагах Абрека Аркадьевича. Судьба, связавшая их воедино, вплетена в виде пожелтевших фронтовых писем и в историю нашей страны, выстоявшей в борьбе за существование благодаря этой и миллионам других таких же нитей.

Е. М. и А. А. Баршт. 1945

Абрек Аркадьевич Баршт. 2004

31.1.43

Здравствуй, родная моя Ляля, какой радостный сюрприз я получил! Твое письмо — это единственное лекарство, которое может облегчить мою тоску и влить новые силы в меня. Сашка обрадовал меня очень.

Вот я люблю тебя, ты знаешь, и, если писем нет, значит, виной почта или я настолько занят, что секунды не имею возможности написать.

Сейчас мы перебазировались, находимся в районе Медыни. Работа была очень напряженная, день и ночь подряд несколько суток. Я не был в состоянии писать. Два раза я садился писать хоть открытку, но писал порой такую чушь, что потом не мог понять сам, что хотел сказать...

За твоим письмом я только что прошел 5 км. В комбинезоне и унтах, и сейчас очень тороплюсь написать и скорее идти назад. Сашка там спешит:

за час ему нужно добраться за 50 км. Ясно, что он опоздает (самолет не достанешь) и, если он еще задержится, может опоздать к месту службы. Если же найдет выход и доберется до Батайска, значит (несмотря на то, что дальше), он возьмет денек побыть с Верусей.

Ты не завидуй Вере. Это очень нехорошее чувство, унижающее человека, его достоинство. Лучше порадоваться за нее, хоть она имеет возможность побыть с любимым. Горько, тяжело пережить разлуку, вид чужого счастья увеличивает горе, но завидовать никогда не нужно. Зависть — удел мелких душонок, не имеющих часто другой внутренней движущей силы. Она толкает людей на низкие поступки и, питая сама себя, вырастает в характер человека, окончательно сделав его ничтожеством.

Люди сами строят свою жизнь, каждый старается по-своему. Жизнь всегда ставит препятствия. Все-таки добиться своего, выиграть бой за свое счастье — вот достойная человека цель. Так понимаю все это я. Наша страна устранил очень много самых разнообразных препятствий в жизни людей, я верю в это и поэтому я стараюсь сделать все, чтобы приблизить радость нашей встречи, после которой

нам уж не придется тосковать о далеком друг друге. За это, за счастье наше, товарищей наших и друзей, граждан нашей страны и боремся мы здесь с врагом. Каждый день приближает нас к победе.

С надеждой смотрю вдаль, радость моя, этот год будет годом нашего счастья. Я так сильно люблю, что со мной ничего не может случиться. А если все же случится что-нибудь, значит, кто-то, кому повезло больше, станет преемником моей любви.

Наше настоящее счастье стоило жизней защитникам Москвы зимой сорок первого года. На Землю отпущено определенное количество счастья и столько же несчастья и распределено поровну между всеми. Если человек сейчас счастлив больше, значит, отнял у кого-то его долю, и тот сейчас более несчастлив. Чем я лучше тысяч прекрасных людей, погибших за меня, не зная о моем существовании? Мы должны биться насмерть, чтобы их жертвы не были напрасны. И смело смотреть вперед в будущее. Чему быть — того не миновать. А «быть» — нашему счастью. Это точно!

Опять зафилософствовался, черт побери, прости, пожалуйста! Столько на душе, что хочется все это высказать. И кому же, как не тебе, которая должна понять меня, что в мыслях моих должно быть определено яснее.

<...>

Мне хочется знать больше о тебе. Возможно, тебе скучны мои вечные рассуждения, я целые лекции пишу тебе в каждом письме... Мне пришлось кое-что перенести в моей жизни, это прибавило мне опыта.

Я люблю сердцем, а чтобы любить по-настоящему, этого еще недостаточно, нужно любить также и головой. Сердцем любят лишь глазами — хорошенькое личико, нежный румянец, аленькие губки и хорошую фигуру; душой любят в человеке душу его. Это действительная любовь. Я хочу, чтобы ты знала меня в этом. Отсюда мои «лекции».

Дорогая моя звездочка, твое письмо растревожило мне сердце. Мне очень недостает тебя... Часть моей души осталась с тобой, и теперь другая часть во мне стремится к тебе, причиняя мне боль и тоску. Никто не может справиться с тобой в моем сердце. Ничего ни у кого не выйдет.

«Храбр и верен» — этот девиз вручила мне мать на всю жизнь, я оправдаю его.

Ласточка моя золотая, всегда твой портрет у меня на груди, я часто достаю его и не могу налюбоваться на милую белочку свою. Каждая черточка так близка, такая родная, так дорога мне. <...>

Ну, до свидания, любимая моя. Должен заканчивать. Привет отцу, Вере, Лене, Ане, Люсеньке, Матильде Григорьевне.

Целую крепко, обнимаю,

Твой — Абрек

Мне можно писать по адресу: 338 пп, часть 301.

LETTER FROM BATTLEFRONT
Military Pilot Abrek A. Barsht
to his Bride Elena M. Opits
January 31, 1943

Publication of Konstantin A. Barsht
(family archive)

**«ЧЕРНАЯ КНИГА»
В СВЕТЕ ОДНОЙ СТЕНОГРАММЫ**

Юлия Альбертовна Волохова

Аспирант Учебно-научного центра изучения религий РГГУ,
секретарь образовательного проекта «Лаборатория ненужных вещей»
при Независимом московском университете (НМУ).

Адрес: 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6.

E-mail: j.volokhova@yandex.ru

Впервые полностью публикуется стенограмма заседания литературной комиссии Еврейского антифашистского комитета, которое состоялось 13 октября 1944 г. при участии И. Г. Эренбурга, В. С. Гроссмана, В. М. Инбер, А. М. Эфроса, А. Б. Дермана, И. П. Трайнина, А. Г. Суцкевера и др. и было посвящено подготовке «Черной книги».

Во вступительной статье описывается исторический и политический контекст, на фоне которого участники литературной комиссии под председательством И. Г. Эренбурга работали над «Черной книгой», выявляется уникальный характер публикуемого документа. Текст стенограммы сопровождается научным комментарием.

Ключевые слова: Еврейский антифашистский комитет, «Черная книга», В. С. Гроссман, И. Г. Эренбург, литературная комиссия, Холокост, советские евреи, цензура.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-215-229

Нападение Германии на СССР в июне 1941 г. привело к радикальным изменениям внешней и внутренней политики советского государства. С началом войны И. В. Сталин и партийное руководство стремились мобилизовать не только население, но и международное общественное мнение в целях консолидации антифашистских сил и поддержки военных усилий Советского Союза. Уже с августа 1941 г. и в течение последующих осенних месяцев на фоне резкого ухудшения положения советских войск на фронтах были проведены антифашистские общественные митинги (славян, евреев, женщин, молодежи, ученых и др.), на которых звучали призывы к созданию ряда антифашистских комитетов, руководство над которыми впоследствии было возложено на Советское информационное бюро — пропагандистское ведомство, образованное при Совете народных комиссаров СССР 24 июня 1941 г. и подчиненное непосредственно ЦК ВКП(б). В годы войны Совинформбюро отвечало за подготовку и распространение ин-

формации о ходе военных действий, освещение внутренних и международных событий как в СССР, так и за рубежом¹.

Первая попытка создания еврейской общественной антинацистской организации в СССР связана с фигурами двух польских руководителей Бунда² — Генрихом Эрлихом и Виктором Альтером. В сентябре 1939 г., спасаясь от наступающих немецких войск, они вместе с польскими беженцами двинулись на восток, но, оказавшись на территории, подконтрольной Красной армии, вместе с другими активистами Бунда вскоре были арестованы НКВД. Как важных политических заключенных их привезли в Москву и обвинили в связи с международными буржуазными элементами, советским бундовским подпольем и польской контрразведкой, а также в критике советской внешней политики, в частности пакта Молотова — Риббентропа (Костырченко, 2003: 232–233). Эрлих и Альтер провели почти два года в советских тюрьмах, обоим вынесли смертный приговор, который вскоре был отменен³ — НКВД и лично Л. П. Берия предприняли попытку использовать видных политических деятелей для создания общественной организации, способной мобилизовать мировую еврейскую общественность на поддержку СССР в борьбе с гитлеровской Германией. Эрлих и Альтер, выразившие согласие сотрудничать с НКВД, были освобождены 13 сентября и уже через несколько дней познакомилась с ключевыми представителями советской еврейской общественности, в том числе с С. М. Михоэлсом⁴, П. Д. Маркишем⁵

¹ Подробнее о деятельности советских антифашистских комитетов, а также о создании и деятельности Совинформбюро см.: Петрова, 1999.

² Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) — еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе, основана в октябре 1897 г. В Российской империи еврейское рабочее движение возникло и оформилось в Бунд в северо-западных губерниях еврейской черты оседлости, где стремилось добиться гражданских прав и культурной автономии для российских евреев. К концу 1917 г. Бунд насчитывал около 40 тысяч членов в 400 организациях. Польский Бунд выступал против сионизма, но активно сотрудничал с другими еврейскими рабочими партиями, достиг наибольшего политического влияния на исходе 1930-х гг.

³ Об арестах Г. Эрлиха и В. Альтера см. подробнее: Redlich, 1982: 15–37; Portnoy (transl.), 1990; Hirszowicz (intr., ann.), 1992.

⁴ Михоэлс (Вовси) Соломон Михайлович (1890–1948) — актер, театральный режиссер и педагог, общественный деятель. Получил традиционное еврейское образование, окончив хедер в 1903 г. Затем учился в Риге и Киеве, на юридическом факультете Петроградского университета. В 1920-х гг. работал актером, прославился ролями в спектаклях Государственного еврейского театра в Москве (ГОСЕТ). С 1929 г. стал руководителем этого театра. В годы войны вместе с театром эвакуировался в Ташкент, продолжал работу в ведущих узбекским театрах. С 1941 г. и до гибели был председателем Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Убит по приказу Сталина 12 января 1948 г. сотрудниками Министерства государственной безопасности СССР.

⁵ Маркиш Перец Давидович (1895–1952) — советский еврейский поэт и писатель. Родился на Волыни. Получил традиционное еврейское образование, пел в синагогальном хоре. С 1921 г. жил за границей: в Польше, Германии, Франции, Англии и Италии. В 1923 г. посетил Палестину и спустя три года вернулся в Советский Союз. В 1939–1943 гг. возглавлял еврейскую секцию Союза писателей. Был членом президиума ЕАК и редколлегии газеты «Эйникайт». Автор нескольких пьес, написанных для ГОСЕТа. В ночь с 27 на 28 января 1949 г. арестован, подвергался пыткам, расстрелян 12 августа 1952 г. вместе с другими членами ЕАК.

и И. С. Фефером¹, с которыми обсудили концепцию создания Еврейского антигитлеровского комитета (ЕАГК) (Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 17). В Москве они также встречались с британскими государственными и общественными деятелями — руководителем английского профсоюзного движения Уолтером Ситрином и британским послом в СССР Стаффордом Криппсом, устанавливали связи с еврейскими организациями и зарубежными газетами (Redlich, 1982: 26–27).

В середине октября Эрлих и Альтер были эвакуированы в Куйбышев. Ожидая реакции Сталина на инициативу создания ЕАГК, польские бундовцы, движимые надеждой на политическую либерализацию советской системы и желанием учредить независимый международный комитет, который мог бы самостоятельно устанавливать и поддерживать связи с зарубежными еврейскими общественными организациями и правительствами союзных государств, продолжили контактировать с западными дипломатическими представителями. Однако создание общественной организации по плану Эрлиха и Альтера, предполагавшему наличие дочерних антифашистских комитетов в странах антигитлеровской коалиции, влекло за собой слишком большие политические риски для советского государства и, вероятно, вслед за улучшением ситуации на советско-германском фронте на исходе 1941 г. было признано нежелательным. В ночь с 3 на 4 декабря польские бундовцы были повторно арестованы. Г. Эрлих покончил с собой в Куйбышевской тюрьме НКВД 14 мая 1942 г., а В. Альтер расстрелян там же 17 февраля 1943-го. Председателем Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), который стал пропагандистской организацией, полностью подконтрольной советским властям, был назначен Соломон Михоэлс, 15 декабря 1941 г. получивший телеграмму с извещением об этом от С. А. Лозовского² (Костырченко, 2003: 233–235). Официально о создании ЕАК было объявлено в феврале 1942 г.³

¹ Фефер Исаак (Ицик) Соломонович (1900–1952) — поэт, журналист и деятель культуры. Родился в семье учителя в местечке Шпола под Киевом. В 1912–1917 гг. работал наборщиком в типографии. После революции вступил в Бунд, затем в Компартию. В 1920–1930-е гг. был редактором в ряде журналов на идише, работал в сфере литературы, культуры и пропаганды на Украине и в Москве, стал одним из основоположников «пролетарской» литературы на идише. В годы Второй мировой войны его отец был убит нацистами, мать погибла в Бабьем Яру. В апреле 1942 г. стал членом ЕАК и заместителем редактора газеты «Эйникайт». Летом 1943 г. совершил поездку вместе с Михоэлсом и Ш. Эпштейном по США, Канаде, Мексике и Англии с целью сбора средств для Красной армии. После смерти Эпштейна в 1945 г. стал ответственным секретарем ЕАК, возглавлял парторганизацию при комитете. В декабре 1948 г. арестован, сотрудничал со следствием, однако на суде отказался от своих показаний. Расстрелян 12 августа 1952 г. вместе с другими членами ЕАК.

² Лозовский (Дридзо) Соломон Абрамович (1878–1952) — государственный, партийный и общественный деятель, публицист, дипломат. Получил традиционное религиозное образование, окончив хедер. С 1901 г. — участник революционного движения, с 1905 г. примкнул к большевикам. Многократно арестовывался, в 1908 г. отправлен в ссылку в Иркутскую губернию, по пути бежал, спасаясь от преследования, выехал за границу. В 1908–1917 гг. жил в Швейцарии и Франции, где работал в качестве журналиста и активно участвовал в профсоюзной деятельности. После Февральской революции вернулся в Россию. В 1921–1937 гг. возглавлял Профинтерн, в 1937–1939 гг. — директор Гослитиздата, в 1939–1946 гг. — заместитель наркома иностранных дел. В 1941–1946 гг. — сначала заместитель начальника, а затем руководитель Совинформбюро, где отвечал за деятельность ЕАК. В 1946 г. уволен из МИДа, а в следующем году — и из Совинформбюро. Вплоть до исключения из партии и ареста в январе 1949 г. заведовал кафедрой истории международных отношений и внешней политики при Высшей партийной школе. Казнен 12 августа 1952 г. вместе с другими членами ЕАК.

³ О предыстории ЕАК, деятельности комитета в годы войны и после ее завершения также см.: Люстигер, 2008.

Еврейский антифашистский комитет в годы войны

Хотя идея международного Еврейского антигитлеровского комитета так никогда и не была осуществлена, в чрезвычайных условиях войны созданный вместо него Еврейский антифашистский комитет стал организацией, оказавшей существенное влияние на международное общественное мнение. Его усилиями для поддержки Советской армии была развернута успешная кампания по сбору средств за рубежом, достигшая максимального размаха после состоявшейся во второй половине 1943 г. поездки Михоэлса и Фефера по США, Мексике, Канаде и Англии и способствовавшая открытию Второго фронта.

В годы войны члены ЕАК провели три митинга представителей еврейской общности, широко освещавшиеся в советских и зарубежных средствах массовой информации. В них неизменно затрагивались темы массового уничтожения еврейского населения на оккупированных немцами территориях, еврейского сопротивления и героизма. Руководство комитета неоднократно предпринимало попытки оказания помощи уцелевшим евреям, информировало советское руководство о фактах антисемитизма, содействовало сохранению и развитию еврейской культуры в СССР.

В течение четырех лет (с августа 1941-го по август 1945 г.) ЕАК подготовил к печати 23 125 материалов и направил их в 264 зарубежных издания в 13 странах, преимущественно в США, Палестину, Канаду и Великобританию (Redlich, 1995: 297–298). С июня 1942 г. ЕАК имел собственное периодическое издание на идише — газету «Эйникайт» («Единение»), которая первоначально выходила каждые десять дней, с 1 сентября 1942 г. — еженедельно, а с 22 февраля 1945 г. — трижды в неделю тиражом 10 000 экземпляров. Газета в основном распространялась внутри страны, но часть тиража направлялась за рубеж (Estraiikh, 2018: 139–140).

Одной из важных функций ЕАК наряду с информационно-пропагандистской стал сбор и аккумуляция свидетельств и документов о преступлениях нацистов против евреев. Уже в мае 1942 г. в ЕАК было образовано два подкомитета для сбора материалов о зверствах нацистов над еврейским населением и о евреях — участниках войны (Redlich, 1982: 66). Лавина этих материалов обрушилась на ЕАК с переходом Советской армии в контрнаступление. Корреспонденты «Эйникайт», фронтовики и простые люди, пережившие ужасы войны или потерявшие близких в результате нацистского террора, не только присылали записанные свидетельства, но и приходили в помещение комитета на Кропоткинской улице, которое стало на исходе войны и после ее окончания местом памяти: в «сообществе выживших» и опаленных Катастрофой можно было поделиться пережитым горем и найти поддержку¹.

¹ О редакторах и составителях «Черной книги» как об особом социальном сообществе, возникшем в процессе документации Катастрофы см.: Zavadivker, 2014.

Джошуа Рубинштейн справедливо отмечает, что многие члены ЕАК оказались под огромным давлением, поскольку вынуждены были реагировать на «окончательное решение еврейского вопроса» одновременно как советские патриоты и как евреи (Rubenstein, 2012: 753). Будучи представителями пропагандистской организации, полностью подконтрольной властям, они должны были (зачастую интуитивно) улавливать и выражать официальную советскую позицию в отношении массового уничтожения евреев нацистами, продолжая вместе с тем переживать Катастрофу как глубоко личную трагедию¹. Эти два вектора наиболее отчетливо и драматично пересеклись при подготовке «Черной книги», история которой началась в годы войны, а завершилась с наступлением ждановщины в разгар кампании по борьбе с космополитизмом.

Краткая история «Черной книги»

Вероятно, идея создания сборника материалов и документов, свидетельствующих о зверствах нацистов над евреями, изначально исходила от Американского комитета еврейских писателей, артистов и ученых (АКЕПАУ). По свидетельству Ицика Фефера, в конце 1942 г. в адрес ЕАК поступила телеграмма от А. Эйнштейна, Ш. Аша и Б. Ц. Гольдберга с предложением приступить к сбору материалов для «Черной книги» (Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 258). Другим инициатором проекта мог выступать председатель ЕАК — Соломон Михоэлс.

«Несмотря на многие трудности мы стремимся осуществить издание “Черной книги”. Мы уверены, что значение этой книги будет огромно. Велика Ваша роль в этом деле, ибо все прекрасно знают, что Вы подали эту идею. Мы также никогда не забываем, что Вы положили основу для совместных действий евреев Палестины, Соединенных Штатов и Советского Союза»², — писал Михоэлсу в письме от 27 апреля 1945 г. Иосиф Брайнин³.

¹ Поэт Фефер потерял отца в украинском городе Шпола; Б. А. Шимелиович, главный врач московской Боткинской больницы, потерял брата; первая жена актера В. Л. Зускина погибла в Литве; мать и младший брат поэта Д. Н. Гофштейна убиты в Бабьем Яру под Киевом; у Д. А. Драгунского были убиты родители, братья, две сестры и несколько других родственников (Rubenstein, 2012: 753). Мать В. Гроссмана была расстреляна под Романовкой на Украине.

² В фонде ЕАК сохранилось как оригинальное письмо на английском, напечатанное на официальном бланке АКЕПАУ (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 828. Л. 42), так и его перевод на русский, выполненный по заказу ГУ МГБ СССР Д. Маневичем. Фрагменты письма цитируются в сб.: Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 238, где авторство ошибочно приписано Б. Ц. Гольдбергу. Здесь письмо цитируется по русскому переводу (ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 828. Л. 43).

³ Брайнин Иосиф (1895–1970) — журналист и писатель. С 1921 г. жил в США. В годы Первой мировой войны в составе еврейского батальона Британских экспедиционных сил (англ. British Expeditionary Force, BEF) участвовал в боях на палестинском фронте вместе с армией фельдмаршала Эдмунда Алленби. Готовил к публикации архивы ученого и первого президента Израиля Хаима Вейцмана, сотрудничал с Институтом имени Вейцмана в Реховоте (Израиль) с момента его основания в 1934 г. С 1953 г. занимал должность исполнительного вице-президента Американского комитета. Был членом АКЕПАУ.

Вне зависимости от того, кому первоначально принадлежала идея международной «Черной книги», принять участие в ее подготовке без санкции советского партийного руководства члены ЕАК не могли. В 1943 г. инициатива была поддержана ЦК, поскольку «Черная книга» рассматривалась в качестве одного из инструментов воздействия на международное общественное мнение. А. С. Щербаковым, тогдашним заведующим отделом международной информации ЦК ВКП(б), и Г. Ф. Александровым, начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), был утвержден состав редколлегии, в которую вошли Михоэлс, Д. Р. Бергельсон¹, Фейфер, Л. М. Квитко², Маркиш, С. З. Галкин³, Б. А. Шимелиович⁴ и И. М. Фалькович⁵. План издания «Черной книги» и призыв присылать в редакцию соответствующие документы и материалы были опубликованы в «Эйникайт» 27 июля 1943 года (Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 239).

В качестве инициатора издания «Черной книги» в дальнейшем будет назван ведущий корреспондент «Красной звезды» писатель И. Г. Эренбург, начавший самостоятельно собирать свидетельства о зверствах нацистов с первых дней войны. В воспоминаниях он писал: «В конце 1943 г., вместе с В. С. Гроссманом, я начал работать над сборником документов, который мы условно называли “Черной кни-

¹ Бергельсон Давид Рафаилович (1884–1952) — советский еврейский писатель и драматург. Родился на Украине в зажиточной семье. Первые произведения написал на идише и иврите. В 1921–1934 гг. много путешествовал по Европе, посетил США. Публиковался в газете «Форвард», был корреспондентом газет «Дер Эмес» и «Морнинг фрайхайт». После возвращения в Советский Союз был членом ЕАК и редколлегии «Эйникайт». Арестован в январе 1949 г., казнен вместе с другими членами ЕАК 12 августа 1952 г.

² Квитко Лев (Лейб) Моисеевич (1890–1952) — советский еврейский поэт, особую известность получили его детские стихи. Родился в местечке Голосков на Украине, с 1921 г. жил и публиковался в Берлине, опасаясь ареста, вернулся в СССР в 1925 г. Был членом президиума ЕАК и редколлегии газеты «Эйникайт», весной 1944 г. командирован ЕАК в Крым. Подготовил для «Черной книги» два очерка: «Рассказ рыбака Иосифа Вайнгертнера из Керчи» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 300–303) и «Убийство в Джанкое» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 309–311). Арестован 23 января 1949 г., обвинен Военной коллегией Верховного суда СССР в измене Родине, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 12 августа 1952 г. вместе с другими членами ЕАК.

³ Галкин Самуил Залманович (1897–1960) — советский еврейский поэт, переводчик, драматург. Родился в Белоруссии в хасидской семье. В ранний период писал стихи на иврите, с 1922 г. жил в Москве. В 1920-х начал публиковать стихи на идише. Сотрудничал с Государственным еврейским театром. После войны написал пьесу о восстании в Варшавском гетто, премьера которой не состоялась из-за закрытия театра. Арестован 26 февраля 1949 года, во время следствия перенес инфаркт, попал в больницу, благодаря этому избежав расстрела. Был приговорен к десяти годам лагерей в январе 1950-го. Освобожден в декабре 1955 г.

⁴ Шимелиович Борис Абрамович (1892–1952) — врач и общественный деятель. Родился в Риге, окончил Воронежский медицинский институт, состоял в Бунде. С 1920 г. — член ВКП(б), сотрудничал с еврейской благотворительной организацией «Джойнт» в период массового голода на Украине. С 1931 г. — главный врач Центральной клинической больницы им. С. П. Боткина. С 1942 г. — член президиума ЕАК. Арестован 13 января 1949-го. Несмотря на применение пыток, был единственным, кто во время следствия не признал свою вину. Расстрелян вместе с другими членами ЕАК 12 августа 1952 г.

⁵ Фалькович Илья (Элияху) Маркович (1898–1979) — советский языковед, лингвист, идишист, педагог. Родился в Гомеле (Белоруссия). Окончил лингвистический факультет МГУ, с 1920-х публиковал научные работы по идишу. В 1930-х преподавал в Московском государственном педагогическом институте. В годы войны ушел добровольцем на фронт, был санитарным инструктором, попал в окружение, а затем в плен, но сумел бежать. После войны — главный редактор издательства «Дер Эмес», был членом ЕАК.

гой»» (Эренбург, 1990: 351). Вероятно, результаты этой работы вылились сначала в публикацию части материалов в журнале «Знамя» в начале 1944 г. (Эренбург, 1944), а затем в небольшой сборник, подписанный в печать 31 марта и вышедший в издательстве «Дер Эмес» на идише под названием «Мердер фун фелкер» («Народоубийцы»)¹ (Альтман, 2015: 711–712).

Весной 1944 г. Эренбург был назначен руководителем литературной комиссии при ЕАК, в составе которой вместе с Гроссманом и рядом других писателей и журналистов они продолжили работу, параллельно прикладывая усилия к публикации уже собранных материалов на русском языке. После того как в сентябре 1944 г. ЕАК получил официальное согласие Щербакова на включение Гроссмана и Эренбурга в редколлегия международного «Черной книги», последний подготовил официальную записку в ЕАК, где излагал концепцию будущего издания и просил содействовать публикации сборника «Народоубийцы» на русском:

«“Черная книга” должна быть издана по-русски для советских читателей. Ее перевод желателен в США и Англии.

Мною составлен сборник “Народоубийцы”. Этот сборник состоит из 58 документов. Он приготовлен мною для русского, английского и еврейского издания. На еврейском он выходит в двух выпусках (первый вышел, второй печатается). На английском языке он должен выйти в этом году, его теперь переводят. Здесь я ставлю одновременно вопрос об издании этого сборника на русском языке. Предисловия для изданий различные. По прилагаемой рукописи этого сборника можно судить о характере “Черной книги”» (Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 248–249).

На эту записку, датированную 6 сентября 1944 г., никакого ответа из ЦК не последовало, о чем Эренбург сообщил на заседании литературной комиссии ЕАК, состоявшемся 13 октября.

Литературная комиссия Ильи Эренбурга в работе над «Черной книгой»

Стенограмма этой встречи позволяет глубоко проникнуть в обстоятельства работы над «Черной книгой» в тот период. Она многократно цитировалась исследователями, но публиковалась лишь фрагментарно: в статье Ильи Альтмана «Жизнь и судьба “Черной книги”» (Альтман, 1990), в 1995 г. на английском языке в сборнике «War, Holocaust and Stalinism: Documented Study of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. Luxemburg: Harwood Academic Publishers» (Redlich (ed.), 1995) и в книге «Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948: Документированная история» (Редлих, Костырченко (ред.), 1996). Между тем этот

¹ Вторая книга этого сборника была опубликована на идише в том же издательстве в начале 1945 г.

документ содержит целый ряд уникальных сведений, представляющих интерес для историков, литературоведов, исследователей культуры, которые невозможно оценить без ознакомления с полным текстом.

Текст стенограммы позволяет судить о том, что к осени 1944 г. вопрос целесообразности издания «Черной книги» не был окончательно решен советским партийным руководством, а между литературной комиссией Эренбурга и редколлегией ЕАК не установилось четкого взаимодействия. Стараясь интуитивно уловить изменения в официальной политической и идеологической риторике, члены литературной комиссии продолжали работать в условиях тотальной неопределенности. Вероятно, побудительной причиной была потребность свидетельствовать об увиденном и пережитом. Эта же причина легла в основу избранного принципа распределения материалов: в большинстве случаев писатели и журналисты готовили очерки о городах и районах, с которыми были крепко спаяны детскими воспоминаниями, смертью близких, личным опытом сбора свидетельств на недавно освобожденных территориях. В отдельных случаях подготовкой текстов занимались сами выжившие, как это было с А. Г. Суцкевером¹.

Основными контрапунктами встречи стали размышления и споры, разворачивавшиеся вокруг фигур свидетеля и предателя, феномена свидетельства, поиска адекватной жанровой формы для его передачи и особенностей репрезентации травматического опыта, осуществляемой сквозь призму сложившихся к тому времени риторических приемов газетного очерка.

Гроссман, формулируя основную задачу будущей книги, отметил, что «нужно дать картину, происшедшую с теми, кто молчит и кто теперь уже ничего не может сказать», имея в виду ту «серую зону» свидетельства, разверзнувшуюся бездну молчания, о которой позже напишет узник Освенцима Примо Леви: «Мы, выжившие, составляем меньшинство, совсем ничтожную часть. Мы — это те, кто благодаря привилегированному положению, умению приспособливаться или везению не достиг дна. Потому что те, кто достиг, кто увидел Медузу Горгону, уже не вернулись, чтобы рассказать, или вернулись немymi; но это они, *Muselmänner*,

¹ Суцкевер Авром (Абрам Герцевич) (1913–2010) — еврейский поэт и прозаик. Родился в Сморгони под Гродно в семье раввина. Детство прошло в Сибири, куда во время Первой мировой войны семья бежала, спасаясь от военных действий. После смерти отца в 1920 г. семья переехала в Вильно, где Авром получил традиционное еврейское образование. В 1933-м переехал в Варшаву, где стал известен как один из лучших молодых поэтов, писавших на идише в предвоенной Польше. В 1941 г. оказался вместе с женой и матерью на оккупированной территории, в сентябре попал в Вильнюсское гетто, стал участником подполья, бежал и примкнул к партизанам. 12 марта 1944 г. был доставлен военным самолетом в Москву, где в начале апреля на третьем митинге представителей еврейского народа, организованном ЕАК, рассказал о судьбе Вильнюсского гетто и евреев Литвы. В 1946 г. выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе, в том же году выехал из СССР в Польшу, откуда при содействии Голды Меир осенью 1947 г. вместе с женой нелегально въехал на территорию Палестины, еще находившейся под английским мандатом. Впоследствии жил в Израиле.

доходяги, канувшие — подлинные свидетели, чьи показания должны были стать главными. Они — правило; мы — исключение» (Леви, 2010: 68).

Таким образом, стенограмма показывает, что членов комиссии уже на раннем этапе интересовали те вопросы, которые в дальнейшем решались в текстах выживших (Примо Леви, Эли Визеля, Жана Амери и др.) и во многом сформировали проблемное поле исследований травмы, памяти, геноцида и Холокоста.

Существенно, что публикуемая стенограмма — один из немногочисленных документов, рассказывающих об участии в подготовке «Черной книги» Андрея Платонова¹ и Алексея Толстого. Причем, если документы, подтверждавшие сотрудничество Платонова с ЕАК, впервые выявлены Н. М. Малыгиной², то факт присутствия А. Н. Толстого, близкого друга Михоэлса, на заседаниях комиссии и его предполагаемого участия в подготовке сборника до сих пор оставался неизвестным. В годы войны он был включен в состав Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК), присутствовал на процессе над пособниками немецких оккупантов в Краснодаре 14–17 июля 1943 г. и — вместе с Эренбургом — в декабре 1943-го на суде над военными преступниками в Харькове (Эренбург, 1990: 330). В 1944-м у Толстого был диагностирован рак легкого, а 23 февраля 1945 г. он скончался. Скоропостижная смерть помешала его участию в подготовке «Черной книги».

Публикуемый документ — та капля воды, в которой виден океан работы не только самой литературной комиссии, но и сотрудников Министерства государственной безопасности СССР. Многочисленные материалы, сегодня сосредоточенные в фонде ЕАК³, а также «Черная книга», представленная советской стороной на Нюрнбергском процессе в качестве обвинительного документа, в период с 1948-го по 1952 г. использовались следствием для подтверждения «преступной» связи с ЕАК более ста писателей, поэтов, ученых, журналистов, деятелей культуры, партийных и хозяйственных работников⁴. Усилиями МГБ в этот период

¹ Платонов (Климентов) Андрей Платонович (1899–1951) — писатель, поэт, публицист, журналист и военный корреспондент. С 1943 г. по поручению Гроссмана занимался сбором и обработкой материалов для «Черной книги». В 1944 г. Эренбург включил Платонова в состав литературной комиссии. Писателю были переданы документальные материалы об уничтожении евреев, которые в дальнейшем вошли в книгу в обработке Гроссмана. В фонде ЕАК среди статей корреспондентов газеты «Эйникайт» сохранилась машинопись рассказа Платонова «Седьмой человек» (1943), главный герой которого — еврейский партизан, чья жена и дети были расстреляны неподалеку от Борисовского концлагеря (ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 99. Л. 420–433), а также его перевод на идиш (ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 271. Л. 309–322). На языке оригинала данный рассказ не был опубликован при жизни писателя.

² Подробнее об участии Платонова в работе над «Черной книгой» см.: Малыгина, 2008. А также: Малыгина, 2016; Малыгина, 2018.

³ ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Аналогичная коллекция в виде электронных копий также представлена в архиве Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне: United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG 22.028M.

⁴ Подробнее о последних годах существования ЕАК и судебных процессах см.: Рубинштейн, 2002.

были выполнены многочисленные переводы документов с иностранных языков на русский, подготовлены описи, изучены сотни текстов, в которых появились характерные подчеркивания и пометы на полях.

Как известно, через пять дней после состоявшегося заседания литературной комиссии Шахно Эпштейн¹ и Ицик Фефер отправили в США 552 страницы документов, собранных в СССР для будущей «Черной книги», не известив об этом Эренбурга, что привело к развернутому конфликту и роспуску комиссии. Вскоре после окончания войны, 28 мая 1945 г., была создана новая редколлегия, которую возглавил Гроссман. К лету была определена структура книги, в сборник включен ряд новых материалов, в том числе поступивших от военных корреспондентов и из ЧГК, начат очередной этап редактирования с ориентацией на изменившиеся требования цензуры. В марте-мае 1946 г. вновь отредактированную рукопись перепечатали и разослали в Австрию, Англию, Венгрию, Италию, Мексику, Францию, Польшу, Румынию, США, Чехословакию и Палестину. Представителю болгарской еврейской общины она была передана в Москве. Ни в одной из этих стран, за исключением Румынии, ни книга, ни отдельные ее фрагменты опубликованы не были (Альтман, 2015: 714).

Весной 1946 г. в Нью-Йорке вышла в свет английская «Черная книга», в которой были только частично использованы материалы, собранные ЕАК, в том числе Эренбургом (Redlich, 1982: 68–69).

Редакторы и составители русской «Черной книги», а также руководство ЕАК предпринимали безуспешные попытки согласовать ее издание с ЦК вплоть до февраля 1948 г. Летом 1947-го рукопись отправили в набор в издательстве «Дер Эмес», но 20 августа по распоряжению Главлита все работы были приостановлены.

Ответом на очередное письмо Михоэлса, направленное 18 сентября А. А. Жданову, но пересланное М. А. Сулову, а затем Д. Т. Шепилову, стала краткая справка, подготовленная заведомо издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Морозовым и датированная 7 октября 1947 г.:

«“Черная книга” была внимательно рассмотрена в Управлении пропаганды. Книга содержит серьезные политические ошибки. Издание книги на 1947 год Управлением пропаганды не утверждено. Исходя из этого, “Черная книга” не может быть издана» (Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 263).

¹ Эпштейн Александр Борисович (Шахно, 1883–1945) — публицист, литературный критик, журналист и редактор. Писал на идише и по-русски. Родился в Литве в семье хасидского раввина. В 1903 г. уехал в Варшаву, где вступил в Бунд, спустя два года был арестован за участие в революционной деятельности. После освобождения по амнистии уехал в Литву, где начал работать журналистом. В 1906-м вновь арестован, бежал из ссылки за границу. В 1909–1917 гг. жил в США, был секретарем центрального совета Бунда. После февральской революции 1917 г. приехал на Украину, активно работал в Бунде, затем в Комбунде и Компартии. В 1921 г. вновь уехал в США по заданию Коминтерна. Вернулся в СССР в мае 1929-го, в 1930-х неоднократно направлялся за рубеж с секретными заданиями. В 1941–1945 гг. — ответственный секретарь ЕАК, главный редактор газеты «Эйникайт».

Впервые на русском языке книга, подготовленная на основе рукописи, разосланной в десять стран в 1946 г., вышла в Иерусалиме в издательстве «Тарбут» в 1980 г. Без купюр она впервые опубликована в Литве (Йад, 1993). В том же году в московском издательстве «Текст» вышла «Неизвестная “Черная книга”», составленная Ильей Альтманом и Шмуэлем Краковским при содействии Государственного архива Российской Федерации и израильского Национального мемориала Катастрофы и Героизма «Яд ва-Шем». В нее вошли свидетельства, по разным причинам отвергнутые редакторами, но сохранившиеся в архиве. В России «Черная книга» опубликована только в 2015 г. вместе с дополненной «Неизвестной “Черной книгой”». На данный момент эти издания являются самыми полными, именно на них мы ссылаемся, комментируя текст стенограммы.

При подготовке публикации без оговорок исправлены опечатки, орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки, при этом стиль оставлен без изменений. Смысловые пробелы, возникающие по причине выпадения отдельных слов, и сокращения реконструированы и заключены в угловые скобки. Квадратными скобками выделены фрагменты, не публиковавшиеся прежде. Все остальные случаи, включая подчеркивания и пометы на полях, оговариваются в подстрочных примечаниях. При составлении комментария мы опирались на работы Л. Л. Смиловицкого, М. И. Тяглого и И. А. Альтмана, в том числе на данные энциклопедии «Холокост на территории СССР» (Альтман, 2009). Приводимый ниже список литературы относится как к данному предисловию, так и к самому публикуемому документу.

В фонде ЕАК сохранилось две точные машинописные копии стенограммы, при этом имеющие различные подчеркивания и пометки. Текст воспроизведен по: ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 967. Л. 20–48 (далее в примечаниях ГАРФ(а)). В некоторых местах, где текст набран неразборчиво, слова реконструированы по: ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 912. Л. 1–28 (далее ГАРФ(б)).

Выражаем глубокую благодарность за содействие в получении электронных копий архивных материалов Мемориальному музею Холокоста в Вашингтоне (United States Holocaust Memorial Museum, USHMM) и лично Вадиму Альтскану.

Посвящаем публикацию литератору, переводчику, просветителю и первому издателю русской «Черной книги» (1980) — Феликсу Адольфовичу Дектору, создателю самиздатского еврейского культурно-просветительского журнала «Тарбут», а затем — одноименного издательства в Иерусалиме, который 12 апреля 2020 г. умер в возрасте 89 лет в Израиле.

Литература

- Альтман И. А. (1990) Жизнь и судьба «Черной книги» // Литературная газета. № 20 (5294), 16.05. С. 8.
- Альтман И. А. (2002) Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М.: Коллекция «Совершенно секретно».
- Альтман И. А. (2015) «Это крик человеческой души». К истории «Черной книги» // Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ: CORPUS. С. 707–717.
- Альтман И. А. (ред.) (2009) Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М.: РОССПЭН.
- Альтман И. А. (сост.) (2015) Неизвестная «Черная книга». Материалы к «Черной книге» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. М.: АСТ: CORPUS.
- Гроссман В. С., Эренбург И. Г. (ред.) (2015) Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. М.: АСТ: CORPUS.
- Костырченко Г.В. (2003) Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения.
- Леви П. (2010) Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е. Б. Дмитриевой. М.: Новое издательство.
- Люстигер А. (2008) Сталин и евреи: Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев / пер. с нем. М.: РОССПЭН.
- Малыгина Н. М. (2016) Андрей Платонов и Василий Гроссман: история дружбы, переключки в творчестве, работа над «Черной книгой» // Гроссмановский сборник. Наследие современного классика / сост. М. Калужио, А. Красникова, П. Тоско. Милан: EDUCatt. С. 211–231.
- Малыгина Н. М. (2018) Участие Платонова в работе над «Черной книгой» // Малыгина Н. М. Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. М.; СПб: Нестор-История. С. 541–550.
- Малыгина Н. М. (2008) Еврейская тема в творчестве А. П. Платонова // Семантическая поэтика русской литературы: Сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т. С. 128–138.
- Петрова Н. К. (1999) Антифашистские комитеты в СССР, 1941–1945 гг. М.: Издательский центр ИРИ РАН.
- Редлих Ш., Костырченко Г. В. (ред.) (1996) Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948: Документированная история. М.: Международные отношения.
- Рубинштейн Дж. (2002) Разгром Еврейского антифашистского комитета / пер. с англ. Л. Н. Высоцкого. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Эренбург И. Г. (1944) Народоубийцы // Знамя. №1–2. С. 183–196.
- Estraiikh G. The Life, Death, and Afterlife of the Jewish Anti-Fascist Committee // East European Jewish Affairs. 2018. Vol. 48. No. 2. Pp. 139–148.
- Hirszowicz L. (intr., ann.) (1992) NKVD Documents Shed New Light on Fate of Erlich and Alter // East European Jewish Affairs, Vol. 22. no 2, pp. 65–85.
- Portnoy S. A. (transl.) (1990) Two Heroes and Martyrs for Jewish Socialism. N.Y.: Jewish Labor Bund.
- Redlich S. (1982) Propaganda and nationalism in wartime Russia: the Jewish Antifascist Committee in the USSR, 1941–1948. Boulder, CO: East European Quarterly.

- Redlich S.* (ed.) (1995) *War, Holocaust and Stalinism: Documented Study of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR*. Luxemburg: Harwood Academic Publishers.
- Rubenstein J.* (2012) Vasilij Grossman and 'The Black Book' // *Contemporanea*. Vol. 15, no 4 (ottobre-dicembre), pp. 750–755.
- Zavadivker P.* (2014) Preserving 'Events that are Vanishing Like Smoke': The Black Book as Community of Survivors and Writers 1943–1946 // *ZUTOT: Perspectives on Jewish Culture*, Vol. 11, pp. 1–12.

Архивы

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 828. Л. 42.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 828. Л. 43.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 912. Л. 1–28.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 967. Л. 20–48.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 99. Л. 420–433.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 271. Л. 309–322.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 81. Л. 139–140.

“THE BLACK BOOK” IN THE LIGHT OF A TRANSCRIPT

Yuliya A. Volokhova

Graduate student of the Educational and Scientific Center for the Study of Religions
of the Russian State University for the Humanities,
administrator of the educational project ‘Laboratory of Unnecessary Things’
in Independent University of Moscow.
Address: 125993, Moscow, Miuskaya Square, 6.
E-mail: j.volokhova@yandex.ru

The first complete publication of the shorthand notes of the Jewish Anti-fascist Committee Literary Commission meeting. The meeting took place on October 13, 1944, with the participation of I. G. Ehrenburg, V. S. Grossman, V. M. Inber, A. M. Efros, A. B. Derman, I. P. Traynin, A. G. Sutskever and others, and was focused on the preparation of the “Black Book”.

The introductory article describes the historical and political context of the participants of the Literary Commission under the chairmanship of I. G. Ehrenburg working on the “Black book”. The unique nature of the published document is revealed. The text of the transcript is accompanied by scholarly commentary.

Keywords: Jewish Anti-Fascist Committee, The Black Book, V. S. Grossman, I. G. Ehrenburg, Literary Commission, Holocaust, Soviet Jews, censorship.

References

- Al'tman I. A. (1990) Zhizn' i sud'ba “Chernoj knigi” [The life and fate of the “Black Book”], *Literaturnaja gazeta [Literary newspaper]*, no 20 (5294), 16.05 (In Russian).
- Al'tman I. A. (2002) Zherty nenavisti: Holokost v SSSR 1941–1945 gg. [Hate Victims: The Holocaust in the USSR 1941–1945], Moscow: Kollekcija “Sovershenno sekretno” (In Russian).
- Al'tman I. A. (2015) “Jeto krik chelovecheskoj dushi”. K istorii “Chernoj knigi” [“This is the cry of the human soul”. To the history of the “Black Book”], *Chernaja kniga [“Black Book”]*, ed. by W. Grossman, I. Ehrenburg, Moscow: AST: CORPUS, pp. 707–717 (In Russian).
- Al'tman I. A. (ред.) (2009) Holokost na territorii SSSR: Jenciklopedija [Holocaust in the USSR: Encyclopedia], Moscow: ROSSPJeN (In Russian).
- Al'tman I. A. (compl.) (2015) Neizvestnaja «Chernaja kniga». Materialy k «Chernoj knige» pod redakciej Vasilija Grossmana i Il'i Jerenburga [Unknown Black Book. Materials for the Black Book edited by Vasily Grossman and Ilya Erenburg], Moscow: AST, CORPUS (In Russian).
- Grossman V. S., Jerenburg I. G. (ed.) (2015) Chernaja kniga: o zlodejskom povsemestnom ubijstve evreev nemecko-fashistskimi zahvatchikami vo vremenno okkupirovannyh rajonah Sovetskogo Sojuza i v gitlerovskih lagerjah unichtozhenija na territorii Pol'shi vo vremja vojny 1941–1945 gg. [The Black Book: on the villainous massacre of Jews by Nazi invaders in the temporarily occupied areas of the Soviet Union and in Nazi extermination camps in Poland during the 1941–1945 war], Moscow: AST, CORPUS (In Russian).
- Kostyrchenko G. V. (2003) Tajnaja politika Stalina. Vlast' i antisemitizm [Secret policy of Stalin. Power and anti-Semitism], Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija (In Russian).

- Levy P. (2010) *Kanuvshie i spasennye* [Sunken and saved], transl. by E. B. Dmitrieva, Moscow: Novoe izdatel'stvo (In Russian).
- Ljustiger A. (2008) *Stalin i evrei: Tragicheskaja istorija Evrejskogo antifashistskogo komiteta i sovetskih evreev* [Stalin and the Jews: The Tragic History of the Jewish Anti-Fascist Committee and Soviet Jews], transl. Moscow: РОССПЭН (In Russian).
- Malygina N. M. (2016) *Andrej Platonov i Vasilij Grossman: istorija družby, pereklichki v tvorčestve, rabota nad "Chernoj knigoj"* [Andrei Platonov and Vasily Grossman: a story of friendship, roll calls in creativity, work on the "Black Book"], Grossmanovskij sbornik. Nasledie sovremennogo klassika [Grossman collection. The legacy of a modern classic], compl. by M. Kalusio, A. Krasnikov, P. Tosco. Milan: EDUCatt, pp. 211–231 (In Russian).
- Malygina N. M. (2018) *Uchastie Platonova v rabote nad "Chernoj knigoj"* [Platonov's participation in the work on the "Black Book"], *Andrej Platonov i literaturnaja Moskva: A. K. Voronskij, A. M. Gor'kij, B. A. Pil'njak, B. L. Pasternak, Artem Veselyj, S. F. Budancev, V. S. Grossman* [Andrei Platonov and literary Moscow: A.K. Voronsky, A.M. Gorky, B.A. Pilnyak, B.L. Pasternak, Artem Vesely, S.F. Budantsev, V.S. Grossman], Moscow; SPb, Nestor-Istorija, pp. 541–550 (In Russian).
- Malygina N. M. (2008) *Evrejskaja tema v tvorčestve A. P. Platonova* [The Jewish theme in the work of A.P. Platonov], *Semanticheskaja pojetika russkoj literatury: Sbornik nauchnyh trudov* [Semantic Poetics of Russian Literature: Collection of Scientific Papers], Yekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, pp. 128–138 (In Russian).
- Petrova N. K. (1999) *Antifashistskie komitety v SSSR, 1941–1945 gg.* [Antifascist committees in the USSR, 1941–1945], Moscow: Izdatel'skij centr IRI RAN (In Russian).
- Redlih Sh., Kostyrchenko G. V. (ed.) (1996) *Evrejskij antifashistskij komitet v SSSR, 1941–1948: Dokumentirovannaja istorija* [Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR, 1941–1948: Documented History], Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija (In Russian).
- Rubinshtejn Dzh. (2002) *Razgrom Evrejskogo antifashistskogo komiteta* [The defeat of the Jewish anti-fascist committee], transl. by L. N. Vysotsky. St. Petersburg: Akademicheskij proekt (In Russian).
- Jerenburg I. G. (1944) *Narodoubijcy* [Slayers], *Banner*, no 1–2. C. 183–196 (In Russian).
- Estraikh G. *The Life, Death, and Afterlife of the Jewish Anti-Fascist Committee // East European Jewish Affairs*, 2018, Vol. 48, no 2, pp. 139–148 (In English).
- Hirszowicz L. (intr., ann.) (1992) *NKVD Documents Shed New Light on Fate of Erlich and Alter*, *East European Jewish Affairs*, Vol. 22, no 2, pp. 65–85 (In English).
- Portnoy S. A. (transl.) (1990) *Two Heroes and Martyrs for Jewish Socialism*. N.Y.: Jewish Labor Bund (In English).
- Redlich S. (1982) *Propaganda and nationalism in wartime Russia: the Jewish Antifascist Committee in the USSR, 1941–1948*, Boulder, CO: East European Quarterly (In English).
- Redlich S. (ed.) (1995) *War, Holocaust and Stalinism: Documented Study of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR*, Luxemburg: Harwood Academic Publishers (In English).
- Rubenstein J. (2012) *Vasilij Grossman and "The Black Book"*, *Contemporanea*, Vol. 15, no 4 (ottobre-dicembre), pp. 750–755 (In English).
- Zavadivker P. (2014) *Preserving "Events that are Vanishing Like Smoke": "The Black Book" as Community of Survivors and Writers 1943–1946*, *ZUTOT: Perspectives on Jewish Culture*, Vol. 11, pp. 1–12 (In English).

Archives

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. P81146 inv. 1, arch. 828, l. 42; F. P8114, inv. 1, arch. 828, l. 43; F. P8114, inv. 1, arch. 912, l. 1–28; F. P8114, inv. 1, arch. 967, l. 20–48; F. P8114, inv. 1, afch. 99, l. 420–433; F. P8114, inv. 1, arch. 271, l. 309–322; F. P8114, inv. 1, arch. 81, l. 139–140.

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОМИССИИ
ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА
13 ОКТЯБРЯ 1944 Г.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-230-255

Председательствует — тов. Эренбург И. Г.

Товарищи, я вам доложу, что было сделано со времени последнего заседания. Я вас не собирал, потому что было бессмысленно собирать для вздохов. В течение долгого времени не было выяснено, будет ли санкционировано издание этой книги. Мне не ясна и теперь формулировка.

Меня просили написать записку для представления о содержании, планах и цели этой книги¹. Основываясь на нашем первом собрании, я это изложил и представил. Ответа прямого не последовало, но мне было сказано так через Еврейский комитет: сделайте книгу, и, если она будет хорошей, она будет напечатана.

Так как авторами книги являемся не мы, а немцы, а цель книги ясна, я не понимаю, что значит «если <она> будет хорошей»: это не тот роман, содержание которого неизвестно².

Мне кажется, поскольку предоставлена возможность составить рукопись, то вокруг напечатания рукописи можно скорее дать бой. Вопрос приобретает все большую и большую важность в связи с приближением капитуляции.

Мне кажется, что та пропасть, которая была, уменьшается³, судя по поведению некоторых газет и журналов. Отдельные материалы, посвященные этому вопросу, либо напечатаны, либо могут быть напечатаны в ближайшее время. Мне говорили, что журнал «Октябрь» записал <воспоминания> Суцкевера⁴. В журнале «Знамя» должна пойти статья Гроссмана⁵. Есть отдельные симптомы.

[Я вам должен сказать, что симптомы международных явлений следующие: вчера Кино-Совет-учреждение при Кино-Комитете⁶ в составе генералитета Красной армии и генералитета различных видов искусства смотрели американский

¹ Записка И. Г. Эренбурга в ЕАК с концепцией «Черной книги» датирована 6 сентября 1944 г. Опубликовано в сб.: Редлих, Костырченко (ред.), 1996: 248–249.

² В ГАРФ(б) весь абзац подчеркнут.

³ Эренбург говорит о сложностях с публикацией в советской печати материалов, рассказывающих о массовом уничтожении евреев и расовой политике нацистов.

⁴ Воспоминания А. Суцкевера так и не были опубликованы в журнале «Октябрь», они были изданы с купюрами на идише в 1946 г. (см.: Суцкевер А. Виленское гетто. М.: Дер Эмес, 1946), а впервые на русском — только в 2008 г. (см.: Суцкевер А. Из Виленского гетто: Воспоминания / пер. О. Л. Хайкиной, Н. А. Шварцмана. М.; Екатеринбург: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2008).

⁵ См.: Гроссман, 1944.

⁶ Так в документе. Правильно: Совет при Комитете по делам кинематографии при СНК СССР.

фильм, который называется «Никто из них не уйдет»¹. Этот фильм, который мне лично не понравился, как раз у нас понравился, посвящен суду над немцами. Основным преступлением рейхсканцлера-министра² в Польше показан расстрел евреев, который сделан выразительно и довольно страшно³. О международном плане и говорить нечего.] Внутри, мне кажется, тоже преграды уменьшаются, основываясь на том положении, что статьи были утверждены, которые поступили к подготовке первого тома.

За то время, пока комиссия не имела аппарата и была в пространстве, я лично продолжал работать, и некоторые товарищи просто ездили, как Гроссман, тоже делали подготовительную работу.

[Я сейчас укажу, какие документы собраны, по моим представлениям, материалов на первый том достаточно, хотя я говорил это с большей уверенностью до того, как я познакомился с материалами в Еврейском комитете. Говорили, что у них много документов, они представили 400 названий — это оказались статьи такого же порядка, которые были вначале⁴. Статьи, излагающие различные события, в большинстве случаев эти статьи не могут быть использованы, они, может быть, имеют значение для пропаганды в Америке, но в этой книге они не могут быть использованы. Таким образом, материалов буквальной документации около десяти названий в Еврейском комитете, из которых один является очень обширным, он написан по-еврейски и древнееврейски — это архив Шавли — еврейского совета, в котором имеется большое количество избыточных документов и описаний происходившего там⁵. Затем два-три документа о Минске, один о Вильно, полное отсутствие документов об Украине, о районах старосоветских, за исключением Минска. Я думал, что материалов больше. Основной материал накопился за время подготовки. Я должен оговорить, что наши письма, посланные корреспондентам, дали три-четыре ответа, причем товарищи присылают свои статьи из фронтовой печати либо пишут сами статьи, которые главным образом заполнены рассуждениями, хотя мы написали, что мы ждем от них. Положение таково в данный момент.]

Сейфуллина⁶ представила материал о Крыме, объясняется это тем, что она ез-

¹ Имеется в виду американский фильм режиссера Андре Де Тота «Никто не избежит» («None Shall Escape»). Был снят в 1943 г., выпущен на экраны в 1944-м. Считается первым художественным фильмом о зверствах нацистов.

² Здесь ошибка стенографиста или самого Эренбурга. Главный герой фильма имеет должность польского рейхс-комиссара.

³ В ГАРФ(б) подчеркнуто с начала абзаца.

⁴ В ГАРФ(б) все предложение подчеркнуто.

⁵ Имеется в виду архив еврейского совета (юденрата) в литовском городе Шауляй (Шавли). Событиям в Шауляйском гетто посвящен дневник писателя Элиезера Ерушалми (Лазаря Ерусалимского, 1903–1962), который он вел с 23 ноября 1941-го до лета 1944 г., будучи членом юденрата. Совершил побег из гетто, участвовал в партизанском движении, сотрудничал с ЕАК в 1944–1945 гг., собирая и присылая по просьбе Эренбурга в литературную комиссию ЕАК свидетельства об истреблении евреев. Фрагменты его дневника были опубликованы в «Черной книге» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 379–401), в 1959 г. изданы на иврите в Тель-Авиве.

⁶ Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954) — писательница, педагог. Подготовила для «Черной книги» рассказ Евсея

дила в Крым сразу после освобождения Крыма — там скрывалась ее племянница Людмила Шапиро. [Сама Л. Шапиро рассказала отдельные ценные вещи. Вот что представила Сейфуллина: она просила передать свое извинение, что не может быть сегодня, и согласилась это обработать к 1/XI, как я просил. Ею даны два исчерпывающих и исключительно ценных письма женщины, которая спаслась, из Евпатории, она скрывалась в украинских колхозах. Там имеется очень ценный материал о Ялте, как самой Л. Ш<апиро>, так и журналиста-еврея, который прислал очень много об этом. Есть материалы о Керчи и Феодосии. Я этот материал не изучал. В последнюю минуту выяснилось, что может дать ценный материал о Крыме тов<арищ> Квитко. Это составляет более или менее исчерпывающую картину: в показаниях женщины из Евпатории, которая была в Симферополе во время расстрела, там есть данные, посвященные Симферополю.]

Довольно много материалов было об Одессе — мы этот материал предложили В. Н. Инбер¹ как одесситке, знающей город. [Я читал весь материал об Одессе, среди <него> нет ни одного исчерпывающего: Доманевка, Богданово, сам город — это нужно делать из различных показаний. Показаний много, начиная с доктора Адесмана, кончая молодежью, которая спаслась. Я думаю, что Одесса будет сильно представлена в книге.

С Вильно закончил Суцкевер, он сам скажет. Это относится к общему и готовому материалу переводному.] Есть еще описание одной из фабрик смерти — это исчерпывающий материал, который на месте проверил В. С. <Гроссман> в Треблинке.

[Это общий материал, теперь гетто и 9-й форт в Ковно², у нас двоюкого рода материал, помимо документов, которые есть здесь: записи со стен 9-го форта на различных языках, много надписей еврейских, привезенных из Франции, из гетто под Парижем. Записи на стенах сейчас привезла моя дочь — Ирина Эренбург. Сейчас поехал туда Савич³, которому даны точные указания, чтобы он собрал все, что есть в Ковно, он вернется через десять дней и сразу эту работу выполнит, а одновременно я попросил об этих записях-документах на стенах 9-го форта в Ковно Ирину тоже составить запись.

Ефимовича Гопштейна «Уцелел один» об уничтожении евреев в Симферополе (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 528–531).

¹ Инбер (Шпенцер) Вера Михайловна (1890–1972) — русская поэтесса и прозаик, переводчица, родилась в Одессе. Пережила блокаду Ленинграда. Подготовила очерк «Одесса» (изначальное авторское название — «Равнина смерти») для «Черной книги» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 94–106).

² IX форт в Каунасе — один из фортов Ковенской крепости. После Первой мировой войны служил тюрьмой МВД Литвы, в 1940–1941 гг. использовался НКВД как пересыльная тюрьма для политзаключенных на пути следования в лагерь ГУЛАГа. Во время нацистской оккупации — тюрьма и место массовых расстрелов, в большинстве своем евреев, в том числе узников Каунасского гетто. В 1942–1944 гг. в IX форте уничтожили несколько тысяч евреев из ряда европейских государств, в частности Бельгии и Нидерландов (Альтман, 2002: 237). В 1958 г. музеефицирован.

³ Савич Овадий Герцович (1896–1967) — прозаик, поэт, журналист и переводчик. До начала Второй мировой войны работал корреспондентом «Комсомольской правды» в Париже и ТАСС в Испании, в годы войны — в Совинформбюро. Участвовал в подготовке «Черной книги».

Теперь перехожу к материалам сборным, которые неясны, о которых мы слушаем здесь. Сборные материалы были даны далеко неисчерпывающие и неполные: Гроссману о Бердичеве, Эфросу¹ о Каменец-Подольске, Барановичах, Дерману² о различных местечках Винницкой области. Имеется материал тоже неполный в ряде писем о Днепропетровске, которые никому не даны.] Наконец, стоит вопрос о Майданеке — Симонов³ не сможет написать, его нет в Москве, и вопрос нельзя выяснить. Минские документы, очень исчерпывающие, обрабатывает Платонов⁴. У нас есть два минских дневника, написанные разными людьми, затрагивающие организацию сопротивления, которое имело место в Минском гетто.

Из материалов, которые были у меня, обработаны почти исключительно мною индивидуальные документы, то есть такие письма и рассказы, которые хотелось сохранить как письма и рассказы отдельных людей, они относятся к разным областям, их примерно около 50 — это 6½ печатных листов. [Может быть, отдельные места должны быть выброшены, но, во всяком случае, здесь есть ряд очень важных документов.] Я, например, назову посмертное письмо, адресованное в Америку, спрятанное сохранившимися людьми в Барановичах, в котором жена и девочка прощаются с отцом. [Имеется оригинал этого письма.

Имеется ряд документальных показаний о Собиборе, о восстании в Собиборе, в том числе показания одной девушки-голландки. Имеется Харьков, имеется ценный дневник мариупольский, письма детей, вывезенных в Румынию, ряд писем евреев-украинцев — эта сторона представлена убедительными документами.

Из крупных мест, трагичных, отсутствует в первом томе Киев. Мы полагались на Первомайского⁵, но он в смысле сроков нас подвел. Это чрезвычайно обидно, что в первом томе не будет города, который приобрел символическое значение,

¹ Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) — переводчик, литературовед, искусствовед, театровед и педагог. Подготовил к публикации очерк «В местечке Пятигоры Киевской области» по воспоминаниям Раисы Зеленковой, не вошедший в «Черную книгу». См.: Альтман (сост.), 2015: 52–65.

² Дерман Абрам Борисович (Беркович, 1880–1952) — писатель, литературный критик, историк театра. Подготовил три очерка для «Черной книги».

³ Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979) — поэт, прозаик, журналист. Стихи впервые опубликованы в 1936 г. в журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия». В 1939 г. работал военным корреспондентом в Монголии (Халкин-Гол), затем окончил курсы военных корреспондентов при Военно-политической академии имени В. И. Ленина. В годы войны был специальным корреспондентом «Красной звезды», публиковался в «Известиях», фронтовой газете «Боевое знамя». Очерк Симонова о Майданеке «Лагерь уничтожения» был впервые опубликован в трех выпусках газеты «Красная звезда» 10, 11 и 12 августа 1944 г. Литературная комиссия «Черной книги» несколько раз приглашала Симонова принять участие в подготовке «Черной книги» и написать о Майданеке, однако, по неизвестным причинам, материал так и не был представлен.

⁴ В ГАРФ(б) подчеркнуты слова «Симонов не сможет написать, его нет в Москве, и вопрос нельзя выяснить. Минские документы, очень исчерпывающие, обрабатывает Платонов».

⁵ Первомайский Леонид Соломонович (Илья Шлемович Гуревич, 1908–1973) — украинский советский писатель, поэт, драматург, переводчик, военный корреспондент газеты «Правда», корреспондент радиовещания Юго-Западного и Донского фронтов.

но Киев можно сделать только в том случае, если туда сможет кто-нибудь поехать. Сделать письма можно, но не в такой срок.

Вот сообщения о работе. Помимо этого, у нас есть целый ряд конкретных предложений, которые я скажу после того, как мы обсудим эту часть работы.

Я попросил бы в первую очередь высказаться тех товарищей, которые сейчас ознакомились с теми документами и возможностями, которые имеются, чтобы они сказали о своей работе.

Эфрос: Харькова совсем нет?

Эренбург: Есть, Харьков представлен одним документом, который напечатан в журнале «Знамя» — рассказ спасшейся женщины. Есть описание Тракторного завода¹, но так, как оно сделано на сегодня, его помещать не нужно.

У нас есть единственный документ, только в переводе, это приказ и отчет 15-го немецкого полицейского полка, действовавшего в Западной Белоруссии, в Пинске² и окружающем районе. Один этот документ напечатан в Пинске в журнале. Подлинник этого документа находится в Чрезвычайной следственной комиссии³. Кроме этого, в ПУ РККА⁴ находится немецкий дневник, который я считаю потрясающим, его знает В. С. <Гроссман>. Воспроизводство этого документа воспрещено специальным указанием ПУ РККА, причина связана с тем, что автор попал в плен⁵. Он был дан в бюллетене, но было специальное указание не воспроизводить его. Несомненно, в Чрезвычайной следственной комиссии имеются и другие данные, я не думаю, что их было много. Это был приказ исключительно только об истреблении евреев 15-м полком, подробно описывался способ убийств в разных местах.

У меня лично есть приказ об уводе евреев в Ялте в гетто, где были убиты все евреи, находившиеся в Никитском ботаническом саду⁶. Приказ подписан рус-

¹ Вскоре после оккупации Харькова нацистами (24 октября 1941 г.) по приказу военного коменданта города всем евреям в двухдневный срок было приказано переселиться в район Харьковского тракторного завода, где в рабочих бараках, оставшихся после строительства, было организовано еврейское гетто. К середине декабря 1941 г. в гетто были переселены 10 060 евреев. Узников гетто расстреливали группами в урочище Дробицкий яр. К началу 1942 г. Харьковское гетто было полностью ликвидировано. В общей сложности в Харьковской области были уничтожены 12 000 евреев (Альтман, 2002: 292).

² В ГАРФ(а) слова «отчет 15-го немецкого полицейского полка, действовавшего в Западной Белоруссии, в Пинске» подчеркнуты и выделены на полях.

³ Имеется в виду Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.

⁴ Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии (ПУ РККА).

⁵ В ГАРФ(а) слова «с тем, что автор попал в плен» подчеркнуты.

⁶ В ГАРФ(а) слова «евреи, находившиеся в Никитском ботаническом саду» подчеркнуты, весь абзац выделен на полях.

ским, который состоит сейчас начальником ботанического сада¹. У меня больше приказов не было.

Сейчас, поскольку эта комиссия сформирована, санкционирована, нужно восстановить демарш²: вопрос о документах первого немецкого полка, о возможности их переснятия для этой книги, возможности получения других данных. Я предложил бы поручить это дело вновь, однажды это не удалось, тов<арищу> Трайнину³ как самому компетентному человеку. Эту историю нам необходимо получить, фотографический материал мы должны обязательно дать, и этот материал имеет самого разнообразного характера: две фотографии Ковенского гетто, их снимал ковенский фотограф, который спасся. Есть альбом немецкого офицера Фрица Левина, в котором есть страница, озаглавленная «Юдэ», на ней помещены снимки живых людей, и потом они сняты мертвыми⁴.

Трайнин: Есть фактический материал, о котором вы говорили: описания спасшихся лиц, описание всех событий — это материал одного типа, и другой материал, совершенно самостоятельный: приказы, распоряжения, вся та документация, которая оставлена немцами — это самостоятельный материал, самостоятельная тема. Чрезвычайно важно дать не только фактическую картину, а чрезвычайно важно для ее политической оценки указать, в каком порядке это делалось — это не эксцесс, все это делалось в приказном порядке. С Чрезвычайной комиссией можно поговорить — конкретная просьба будет исполнена, но для того, чтобы этот материал был достаточно полным, нужно, чтобы Чрезвычайная Комиссия обеспечила это, чтобы материал был собран в одном месте. Это было бы чрезвычайно важно.

¹ Ялта была оккупирована 8 ноября 1941 г., вскоре по требованию немецких властей в городе был создан еврейский комитет, правление которого находилось на углу улиц Аутской и Морской. Всем евреям под угрозой расстрела было приказано зарегистрироваться в ялтинском еврейском комитете, нашить на одежду шестиконечные звезды и не позднее 2 декабря переселиться в бывшие помещения рабфака Сельскохозяйственного института, расположенные на окраине между городом и поселком Массандра (Массандровские казармы). Приказ был подписан профессором Михаилом Федоровичем Щербаковым, который в период оккупации руководил Никитским ботаническим садом (Тяглый, 2005: 80–84). 17 и 18 декабря 1941 г. все узники Ялтинского гетто, в котором, по разным оценкам, находилось от 800 до 1800 человек (Альтман, 2002: 97), были расстреляны у обрыва над морем в районе местечка Отрада. Очерк «Ялта» подготовил для «Черной книги» Эренбург, в нем не упоминается о приказе (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 304).

² В документе опечатка: восстановить Дюмарше.

³ Трайнин Илья Павлович (1886/1887–1949) — правовед, общественный деятель, юрист, академик АН СССР. В 1942–1947 гг. — директор Института права АН СССР. Член Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, сотрудничал с ЕАК, подготовил для «Черной книги» очерк «Расовая политика гитлеризма и антисемитизм» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 683–686).

⁴ В ГАРФ(а) слова «две фотографии Ковенского гетто, их снимал ковенский фотограф, который спасся. Есть альбом немецкого офицера Фрица Левина, в котором есть страница» подчеркнуты. Последнее предложение абзаца выделено на полях. Фотографии, о которых упоминает Эренбург, опубликованы под № 15–21 в изд.: Гроссман, Эренбург (ред.), 2015.

Эренбург: Я не думаю, что этих материалов будет много. Приказы, как это ни странно, не были письменными, начиная с 1941 года немцы знали о необходимости массового уничтожения. Приказов, исходящих из центра, о поголовном убийстве евреев нет в наших руках, в этом я убежден. Допускаю, что в том или ином городе имеются приказы об организации гестапо. Мне кажется, что нужно воспользоваться тем, что есть в Чрезвычайной комиссии. Бумаги 15-го немецкого полицейского полка они считают исключительными и самыми обвинительными. Они дали переводы не всех документов. В трех документах идет речь о евреях.] Есть область, которую мы не затрагиваем в рассказах спасшихся и которую можно установить. Мне кажется, что хорошо было бы выполнить эту работу. Эта сторона выполнения тех акций и убийств более общего порядка и, в частности, показания лиц, которые этим занимались: будь это немцы, наши полицаи или евреи, которые работали подневольно. [Есть показания минского автослесаря, который ремонтировал душегубки для уничтожения евреев. Я этого автослесаря сам видел. Есть показания банных команд Собибора и Трешлинка — они входят в общую картину как спасшиеся¹.

Я бы хотел, чтобы здесь, отрешившись от человеческих материалов, взяли сторону самого преступления, метода организации — основы всего материала, который есть, включая те немецкие приказы, которые имеются, без выводов, без пропаганды, само по себе описание юридическое и фактическое, которые могли бы быть незаменимыми в этой книге.

Мы вам дали все, что у нас есть, остальное нужно просить в следственной комиссии ПУ РККА. Есть еще одна немецкая организация — «СМЕРЖ» — контрразведка².

Трайнин: Использование евреев в роли пособников палача — эти материалы выходят за пределы.

Эренбург: Описание техники выполнения: гестапо, СД³ держали всюду свои команды, которые состояли из евреев.

¹ В ГАРФ(а) последние два предложения выделены на полях.

² Так в тексте. Смерш — обобщенное название ряда контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны. В Третьем рейхе орган военной разведки и контрразведки — Абвер (нем. Abwehr).

³ Гестапо (нем. Geheime Staatspolizei, Gestapo) — политическая полиция Третьего рейха. Входило в состав Министерства внутренних дел Германии, а с 1939 г. — Главного управления имперской безопасности (РСХА), контролировалось Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП) и СС (нем. Schutzstaffeln, SS) — охранными отрядами НСДАП. С 1929 г. СС возглавлял Генрих Гиммлер, создавший в рамках СС Службу безопасности (Sicherheitsdienst; SD) и Службу безопасности рейхсфюрера СС. На оккупированных территориях СССР отделения СД объединялись с отделениями полиции безопасности, важнейшей интегрированной частью которых было гестапо. Гестапо, СС и СД принимали непосредственное участие в уничтожении евреев, признаны Международным военным трибуналом преступными организациями.

Трайнин: Эта тема — это приказы и их правовой анализ. Председатель Объединенной комиссии Ферет¹ высказал, что убийство целых наций не подлежит уголовной ответственности. Использование самих евреев в качестве орудий убийств?

Эренбург: Я хотел сказать, что их признания, как признания русских исполнителей, открывают механизм, может быть, юридически они не являются полноценными свидетелями.] Речь идет о том, чтобы воспроизвести систему, начиная с заявления Гитлера, что как бы ни кончилась война, в Европе не останется живого еврея. [Меня интересует не роль еврея и роль полицая, которые я хочу свести к минимальным размерам в книге, меня интересует, что люди, которые жили в СД, знают хорошо механизм. Это чрезвычайно однородно, это² потрясает однородностью в разных городах и разных местах, за исключением 1941 года, который был хаотичным.

Трайнин: Эта тема близка к моим возможностям, вы учитываете мой уклон. Не знаю, как мне удастся ее выполнить, но она мне близка. Я беру этот материал, я поговорю с Чрезвычайной комиссией и в других местах. Если у товарищей по комиссии имеются эти материалы, то нужно этот материал сконцентрировать.

Эренбург: Приказ 15-го полицейского полка и дневник немца находятся в ПУ РККА — они поймут, в чем дело, если им напомнить одно: что их запрещено публиковать. У меня имеется только справка одного порядка в дневнике немецкого офицера в подлиннике: есть сообщение о разведении тифозных вшей на евреях, это сделано врачом, который прививал тифозную сыворотку, — это записал старший лейтенант в своем дневнике³.

При приходе немцев в город первый приказ, который вывешивался, обязывал евреев носить повязки — у меня такой приказ есть. Приказы о создании гетто и различные запрещения — у нас есть точные тексты. Потом газеты, достаточно просмотреть печать, выходившую при немцах, которая имеется в ПУ РККА. Я сам видел приказы о всех мерах: создание еврейских советов, еврейских старшин, наложение на евреев контрибуций. Скрыты моменты убийства⁴.

Есть приказ во французской печати о сборе и отправке евреев в Польшу для работ. Этими документами вы будете широко снабжены — документами до убийств.]

¹ Неустановленное лицо.

² В ГАРФ(а) слова «это чрезвычайно однородно, это» и два предыдущих предложения выделены на полях.

³ В ГАРФ(а) все предложение выделено на полях.

⁴ В ГАРФ(а) весь абзац выделен на полях, слова «повязки — у меня такой приказ есть. Приказы о создании гетто и различные запрещения — у нас есть точные тексты» подчеркнуты.

Гроссман: Можно использовать такой документ, я выкопал его из земли в Треблинке: протокол о специальных нормах для евреев, о звездочках, у меня есть номера, еврейские номера гетто различных видов, <№> 1 200 000, еврейские паспорта — [все это представляет интерес.

Трайнин: Это ценный материал.

Эренбург: О фотодокументации будем потом говорить. Сейчас идет речь о создании.

Гроссман: Политика немцев в отношении евреев на Востоке.

Эренбург: Показания пленных — это свидетельский материал.

Трайнин: Я не хочу засушить, когда говорят, что в причинении смерти нет убийства.

Эренбург: Давайте условимся твердо, что мы этих квакеров убеждать не будем. В нашей печати совершенно естественно имеется пропаганда по отношению к каждому союзнику, что эти зверства были и т. д., и т. д. Достоинство этой книги должно быть следующим: мы абсолютно не хотим убеждать, здесь нет никаких доводов, что так делать нельзя, здесь должен быть воссоздан памятник происшедшего, здесь не должна быть раскрыта полемика.

Трайнин: Без этого не будет общей части.

Инбер: В материалах, которые я получила, есть документ Харитонова¹.

Эренбург: Это русский, который был все время там, который возмущен фашистами, он собирал для меня приказы и газеты — архив, который держит у себя, и просит дать возможность ему переотправить это, не желая подвергнуть это риску случайной посылки. Я ему написал и поблагодарил.

Инбер: Есть еще одно очень острое место, связанное с Одессой, — это румыны, как о них писать?

Эренбург: Мы с юридической частью покончили. Насчет пленных — это будет кардинальной частью. Документы дадут прекрасную картину того, что было

¹ Многие документы, касающиеся уничтожения евреев Одессы, сохранились в архиве Ильи Эренбурга в Яд ва-Шем, в том числе коллекция оккупационной прессы и других материалов, собранных Харитоновым.

до заключения в гетто. Дальше вы должны приводить показания свидетелей. Вы не можете ссылаться на показания спасшихся или русских свидетелей. Я бы выделил показания исполнителей этого дела, которые рассказывают, что происходило. Если вы это отметете как недостаточно веское, то у вас ничего не выйдет.

Трайнин: Этот материал должен быть сделан с большим отбором, это не наши люди — это пленные.

Эфрос: Это войдет в статью.

Эренбург: Дневников у нас нет, я читал только один, посвященный одной акции в западной Белоруссии. Есть другие дневники, немецкие, где написано так: число расстрелянных — 500 евреев. Я не думаю, чтобы статья А. Н. <Толстого>¹ отличалась своей структурой от статьи...

Это подбор материалов, мы все заняты монтажом: как подобрать материал, как связать его. Мы должны дать освещение, что Гитлер сказал, что не должно быть ни одного еврея. Так как эти статьи являются работой компилятивной, сводящими все эти материалы в одно, то все эти материалы будут приведены полностью и больше они не должны быть воспроизведены. Единственный дневник — это полторы страницы на машинке, а остальные — по три-пять строчек, где среди всяких продовольственных этапов попадаются чудовищные записи, я видел оригинал этих дневников, в котором мимоходом сказано: расстреляли 500 евреев. Если вы возьмете, что говорят палачи, то мы к этому материалу возвращаться не будем, за исключением общих очерков, которых нужно коснуться в данном городе. На этом мы закончим. Предлагаю всем товарищам высказаться по поводу их работ.

Инбер: Я ознакомилась с тем, что вы прислали, там очень много материалов. Единственное, что меня смущает, там новые названия улиц, я не знаю, что это за улицы, нужно иметь план города. Я уехала оттуда в 1922 году. Там есть знакомые люди — доктор Адесман, который лечил моего отца.

Я представляю, что это будет монтаж с прослойками акцентирующими, усиливающими, ничего придумывать не нужно. Было бы хорошо иметь архив Харитонова. Там есть Адесман² и этот мальчик³, который пишет поэму, интересную

¹ Вероятно, речь идет о статье, рассказывающей об уничтожении еврейского населения Северного Кавказа и Ставропольского края (см.: Толстой А. Н. Коричневый дурман // Красная звезда. № 183. 5 августа 1943. С. 2). В стенограмме еще в двух местах упоминаются инициалы А. Н., в том числе в качестве прямого обращения.

² Речь об одесском враче Израиле Борисовиче Адесмане, воспоминания которого записала жена и тоже врач — Рахиль Иосифовна Гольденталь. В. Инбер упоминает Адесмана в очерке «Одесса»: Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 95.

³ Вероятно, речь о Льве Рожецком, ученике 7-го класса 47-й школы Одессы, который в своих очерках описал быт лагерей смерти. В. Инбер упоминает о нем в очерке «Одесса». См.: Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 95.

не своими поэтическими достоинствами. У меня все обстоит благополучно, но меня волнуют румыны — это единственный город, где они были наравне с немцами и были до немцев — теперь они наши союзники.

Эренбург: Мы должны называть их. Поскольку мы будем судить и взяли за зверства под стражу ряд руководящих румын — маскировка их роли невозможна. Среди документов, которые вам даны, есть документы, которые говорят о роли немцев. У вас документальные материалы большие: у вас есть список врачей, потом материалы одной женщины, которая рассказала, как она спаслась, как тетя пришла за племянницей, которую насиловали.

Дату 1/XI — вы считаете для себя приемлемой?

Инбер: Мне трудно, мне нужно дать ленинградский материал.

Эренбург: Какой размер — лист, полтора листа?

Инбер: В одном письме есть зачеркнутые места — это цензура?

Эренбург: Это не цензура, потому что письмо шло не по почте.

Инбер: Значит, о румынах можно. Размер будет лист или полтора.]

Гроссман: Платонов сказал, что с полученным материалом он ознакомился, что материал производит впечатление ценного, что, по его мнению, материал настолько богат, что дополнять от автора нет нужды, он нуждается в небольшой литературной правке и что это он берет на себя и выполнит. [О сроках он не говорил.]

Поступивший материал о Бердичеве очень слабенький. Есть отдельные материалы разных городов, в чем качество всех этих материалов? Во всех этих материалах идет речь о людях спасшихся, все рассказы строятся на том, как человек спасся. [Все те материалы, которые имеются у нас, — это все рассказы чудом спасшихся людей,] но нам необходимо взять на себя еще одну задачу — говорить от имени тех, кто лежит в земле и не может ничего сказать. Нам нужно осветить то, что произошло с 99 процентами тех, кого вели к Бабьему Яру, а не того, что произошло с пятью, которые убежали из Бабьего Яра. Все эти материалы односторонние, и наша задача заключается не только в литературной правке, а нам нужно дать картину, происшедшую с теми, кто молчит и кто теперь уже ничего не может сказать. [Все эти материалы были бы хороши в качестве добавления к нашей сжатой, но объемлющей картине.]

О Бабьем Яре девочка говорит: «Зачем мне сыпят песок в глаза?», но это еще не картина истребления евреев в Киеве. Тот материал, который есть у В. М. <Инбер>, — тут нужно объять все.

[**Эренбург:** Вы видели материал, который является индивидуальным материалом или заметками, не вошедшими в общий. Вам дали мой одесский материал? Вы видели материалы, обработанные мною для американского издания. Киев вставлен, потому что этой чертой я пометил тому, кто будет обрабатывать Киев. О Бердичеве мало материала. Вы получили материал спасшегося юноши, если у вас есть личные записи плюс эти детали — вы можете это сделать.

Я остановился на спасшихся, которых спасли русские, — эти случаи нужно показывать и доводить. Спасшиеся случайно или их судьба — это имеет третьестепенный интерес в общей картине.]

Гроссман: В материалах о Бердичеве страшное несоответствие космического бедствия с вылетом воробышка, которого спасли.

[**Эренбург:** Сможете вы сделать Бердичев не на основе этих документов, а на основе своих данных?

Гроссман: Сделать я смогу, потому что я специально ездил и подробно разговаривал с людьми, общую картину того, что было, я смогу написать. Письмо юноши очень легковесное и засорено общими словами.

Эренбург: А ваша Треблинка?

Гроссман: Нам известно, что в Польше гитлеровцами уничтожались евреи в пяти лагерях. Может быть, предпослать этому, если Симонов опишет люблинский, и моя статья о Треблинке. Есть данные, что Гиммлер приезжал в 1942 году в Варшаву и дал распоряжение об истреблении евреев в Польше, и после этого началось строительство этих лагерей и они начали функционировать. Если бы предпослать справку.

Эренбург: Это вещь спорная, в этих лагерях, в Белжеце, Собиборе очень большую роль играли западноевропейские евреи. Западные европейские евреи были убиты не только на польских фабриках смерти — это были большие партии. 3500 евреев писали «МЫ здесь ждем смерти» — это показывает размеры, они были привезены из Франции. Есть косвенные документы, что в Белжеце были евреи из Львова, там есть указание о большом количестве западноевропейских евреев. В Собиборе было много голландцев. В Минске были гамбургцы. Брать это

в плане истребления населения в Польше очень трудно. А. Н. <Толстой> должен коснуться этих грандиозных фабрик смерти с концентрацией Запада. Эти объединенные рассказы мы поставим вместе — все, что есть о лагерях уничтожения.

Мы должны указать, что это первый том, и указать сроки, когда дадим материал, а также укажем, что во втором томе будет дан Киев, чтобы читатель понимал, что это часть работы, которая выполнена.

Гроссман: Тогда мы заезжаем в Европу.

Эренбург: Европу привезли к нам. Мы не берем в первом томе судьбу венгерских, румынских евреев, мы берем места на советской территории. Если это советские евреи — мы будем писать, а если французские евреи — мы не будем писать, нужно брать задачу не убийства евреев в мире, а убийства евреев на советской территории. Треблинка и Майданек — два места, где были убиваемы советские граждане. Административные убийства у немцев происходили иначе. У них совершенно другое административное деление, у них границы дальше на Восток.

Гроссман: А<лексей> Н<иколаевич>, я в люблинском замке взял огромные анкеты заключенных, которые еще не были заполнены. У меня есть официальные акты, акты о раскопках могил.

Эренбург: О Собиборе — у меня есть список немцев.

Гроссман: Я хотел сказать о сроке: я к 1 ноября Бердичев не смогу сделать. Может быть, к десятому числу?

Эренбург: Нам нужно сделать такую вещь: материалы, которые мы напишем, мы должны показать друг другу, нужно посмотреть книгу в целом, если мы это сделаем до праздников, то 20/XI сможем эту книгу начать проталкивать. Товарищи, самое трудное будет потом — для того чтобы протолкнуть ее. Поэтому я думаю, что это нужно ускорить. Поставим общую границу до праздников, а потом придется эту вещь читать.

Эфрос: У меня разнородный материал, есть материал сомнительный: рассказ женщины из маленького местечка, чем это интересно, женщина крестила ребенка. Конкретная жизненная действительность показывает все. Женщина дружила с полицией, она шла на все — это нуждается в обработке.

Эренбург: Не в моральной обработке.

Эфрос: Я сделаю так, как мне покажется нужным. Этот материал изумительно рисует картину всего, это замечательный материал, но небольшой: он занимает ½ листа. Что делать с Барановичами¹: есть только «Крылья Советов» и очень небольшая газетная статья, о Каменец-Подольске² — это маленький кусочек, там имеется «Мать и девочка». Письмо написал человек, который просит мстить за погибших. Тут нужно — человек Горы³ описывает...

Эренбург: В отношении Горы я знаю два места, где происходили митинги, устроенные частями Красной армии, где было сказано, что здесь убиты евреи — нужно мстить. Эти два случая должны быть отмечены — понятно почему. О Горах: человек, который писал, — это журналист, он производит впечатление честного, он рассказывает о жизни местечка до этого. То, что написано им, можно печатать, можно из этой беллетристики и агитации сделать, нужно начать с митинга у могил⁴.

Эфрос: Этот срок меня устраивает. У нас есть целый ряд фрагментов в пять-шесть строк, о Кисловодске рассказывают, что женщин клали головой на камень и убивали.

Эренбург: Есть необработанный мною материал, он незначительный, о Ессентуках — это будет кому-то дано, кто-то возьмет Кавказ, все это нужно сдавать Глезер⁵.

Если Суцкевер не даст материал, то нужно это отложить до второго тома.

¹ Барановичи — город в Белоруссии, был оккупирован немецкими войсками 27 июня 1941 г. Все еврейское население города и близлежащих районов было переселено в гетто, общая численность которого составила более 15 000 (Смиловицкий, 2000: 161). К декабрю 1941 г. территория гетто была обнесена забором из колючей проволоки. Убийства евреев в Барановичах начались с первых месяцев оккупации, 17 декабря 1942 г. Барановичское гетто было полностью уничтожено, порядка 450 евреев смогли бежать, однако многие из них были впоследствии пойманы и расстреляны. До освобождения дожили 250 евреев (Альтман, 2009: 52).

² Каменец-Подольск (ныне — Каменец-Подольский) — город в Хмельницкой области Украины, оккупирован немецкими войсками 10 июля 1941 г., спустя десять дней в городе создано гетто, которое стало первым на оккупированной территории СССР местом депортации и уничтожения евреев из других стран. К концу июля сюда были привезены 11 000 евреев из Венгрии — беженцев из Чехословакии и Польши (Альтман, 2002: 83). В Каменец-Подольске была проведена самая массовая акция уничтожения на территории СССР летом 1941 г. В конце августа численность узников сократилась на 23 600 человек. Среди них — почти все зарубежные евреи. Еще 4500 узников (включая 500 детей) были ликвидированы в начале 1942 г. (Альтман, 2002: 289). К февралю 1943 г. все евреи в Каменец-Подольском были уничтожены.

³ Горы — районный центр Могилевской области Белоруссии. В октябре 1941 г. на территории льнозавода казнено 300 евреев (Альтман, 2009: 235). Очерк «В местечке Горы» опубликован в «Черной книге» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 214) с указанием, что текст подготовил к печати Эренбург, тогда как в архивной машинописи (ГАРФ. Ф. Р8114. Оп. 1. Д. 81. Л. 139–140) указано: «Подготовил к печати Вас. Гроссман».

⁴ В ГАРФ(а) последние два предложения абзаца выделены на полях.

⁵ В тексте везде: Глязер. Вероятно, имеется в виду Глезер Раиса Владимировна (1918–1985) — советский музыковед, окончила Оренбургский музыкальный техникум и Московскую консерваторию, училась на историко-теоретическом факультете и в аспирантуре Института истории искусств АН СССР. С 1943 г. жила в Москве. В фонде ЕАК сохранилось несколько статей ее авторства на музыкальные темы. Помогала с обработкой материалов для «Черной книги».

Гроссман: Нельзя ли давать по десять строчек о разных местах?]

Эренбург: Я получил следующее письмо: всех убили, а папу немцы оставили на два дня, чтобы немцу пошили костюм, но папа повесился. У меня есть 30 писем, письмо человека, у которого жена скрывала, что убиты дети. Стоят эти письма отделки — это другой вопрос, но если человеческий документ имеет большое значение, он должен идти отдельно. [Скажем, что это портной был из Харькова, я бы не соединил с тракторным заводом или с посмертным письмом, найденным в Белейковской области¹.] Письмо пишет мать мужу — его нужно дать отдельно, — девочка пишет: «Папа, очень хочется жить, но не дают, страшно умирать, потому что детей бросают в яму. Крепко целую. Юнита»². Это письмо нужно давать отдельно.

[**Эфрос:** Этот материал представляет огромную драгоценность — это ваш архив, его трогать нельзя.

Эренбург: Я считаю важным первые документы, я собрал в папку.

Эфрос: Первый том будет читать любой. Будет предисловие, где будут освещены эти вопросы? Можно дать статистику.

Эренбург: Статистикой мы не можем установить число убитых, в одном месте оно колеблется от 600 000 до 2 000 000. Статистика абсолютно лишает достоверности,] в книге нужно сказать, что были убийства народа в целом. Немцы убивали большое количество других людей, но здесь было проведено поголовное убийство. В предисловии мы скажем о моральном и политическом значении — это будет сказано очень кратко.

Гроссман: Когда я читал материал, вами обработанный, мне бросилось в глаза слишком частое употребление слова «еврей». Если в маленькой заметке пишут «еврея отвели» — это закон, но если книга целиком говорит об евреях, то нужно избегать слова «еврей». У нас будет 6000 раз это слово повторяться — это вызывает раздражение. Можно писать: «людей собрали» или «люди пошли на площадь», «упало пять человек», а не писать слово «еврей».

Эренбург: Дело в том, что, когда человек пишет, что случилось, то он пишет,

¹ Так в тексте. Правильно: Барановичской области.

² Письмо, о котором упоминает Эренбург, было найдено майором Владимиром Демидовым в местечке Бытень Барановичской области, оно написано перед смертью Златой Вишнятской и двенадцатилетней Юнитой — мужу и отцу. Было включено в «Черную книгу» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 255). В деревне Бытень (ныне Брестской области) 25 июля 1942 г., по данным ЧГК, расстреляны 980 человек (Альтман, 2009: 123).

что всех евреев обязали носить повязки, потом повели на базар или в гетто, когда человек это рассказывает, он не может не сказать слово «еврей». Другое дело, если идет описание Одессы — здесь человек не будет писать каждый раз слово «еврей», он будет писать по-разному, но документ, который описывает эти случаи, в нем повторение четыре-пять раз слова «еврей» неустранимо. Если сказать: «людей загнали в гетто», это неправдоподобно. Я не вычеркивал это, я <не> вычеркивал термин «полицай». В «полицаяе» предполагают не немца, а предателя. Установка, кто был точно данный полицай, будет носить тяжелый характер. Я не вычеркивал слово «еврей», я зачеркивал слово «украинец» и писал «полицай». Нужно брать этот термин, слово «полицай» вошло в разговорный язык и в печать, и никто на эти случаи не может обидеться.

Эфрос: Не было евреев-полицаев, их не нужно так называть.

Эренбург: Это не полицай, у них не было оружия, это были люди, которые следили за тем, чтобы выходили на работу. Их нельзя называть полицаями.

[Гроссман: И<лья> Г<ригорьевич>, в тех случаях, которые вы приводите, это необходимо, но там, где нужно это, можно заменить.

Эренбург: Это вопрос стиля, а не политический вопрос. Когда я говорю, чтобы заменять слово «украинец» словом «полицай», об этом не нужно спорить, в этом есть какая-то идея. Вы говорите, что не нужно повторять слово «еврей», — я не вижу здесь ничего принципиального.

Гроссман: Мне кажется, что вообще нужно избегать полностью слово «полицай», это не нужно выставлять в комнатной температуре, нужно сказать: «подлец», «предатель», «убийца», «Иуда» — это придает какой-то накал, это имеет значение с точки зрения агитации.

Эренбург: В случаях предательства мы писать должны как общий фон. Есть описания потрясающие — Хмельника¹ — там перечислены все предатели. Этот материал очень ценный, сам по себе документальный, у меня из имен предателей

¹ Так в тексте. Правильно: Хмельник. Хмельник — административный центр Хмельницкого района Винницкой области Украины, был оккупирован немецкими войсками с 13 июля 1941-го до 18 марта 1944 г. Евреи города были переселены в гетто, осенью 1941 г. в гетто вселили евреев из окрестных населенных пунктов, а также депортированных румынами из Бессарабии и Буковины. Самая масштабная акция уничтожения евреев гетто состоялась утром 9 января 1942 г.: гетто было окружено, узников стали сгонять к Угриновскому мосту. За городом было казнено 5800 человек (Альтман, 2009: 1033). Гетто было полностью ликвидировано 3 марта 1943 г. В акциях уничтожения узников принимали участие эсэсовцы, полицайи из числа местных жителей и прибывших из Литвы. Об уничтожении евреев в Хмельнике Эренбургу написала Блюма Исааковна Бронфин (Альтман (сост.), 2015: 79).

остались только три-четыре наиболее крупных, выпирающих случая. Если бы сохранились все, что были, — это было бы прочтено, это производит страшное впечатление несмотря на то, что по существу эта женщина описывает, что ее ребенка спасли. Тут нужно иметь такт. Я предложил формулу «полицай» для того, чтобы не писать «Иуда», — это есть предатель.

Гроссман: Тут не нужно целомудрия.

Эренбург: В книге это и остается. Я бы хотел каждый раз, когда это написано, чтобы человек мог драться за то, чтобы это осталось, чтобы мы могли защищать, говорить, что это необходимо.]

У меня было два крупных разговора, я могу сказать, как аргументировал необходимость, нужно показать, что евреи были в тяжелом положении. Я оставил в тексте такую вещь: «Некуда пойти, ни в один дом не пустят, дома заперты». Меня попросили убрать, я согласился, потому что это не составляло тему — вопрос о Голландии, но я добился, что детали, которые передают обреченность, чтобы они остались. [Я вычеркивал по принципу в смысле имен и наций из писем, я вычеркнул 50–40, а может быть, из 45, и после этого мне пришлось в документе пожертвовать. Мне удалось установить, что формула «полицай» довольно приемлема, или «предатель» — каждый понимает из тех, кто даже не знает. На всей территории, где были немцы, слово это известно. Я давал в переводе этой книги, слово «полицай» идет в кавычках, потому что «полицай» — это термин, это квислинги¹, это предатели.

Суцкевер: У меня есть работа о Понарах², есть все немецкие законы, кто они, кто они были раньше, что они сделали. Всего документов немного, но есть. Как они расстреливали евреев, очень много документов о евреях, которые спаслись,

¹ Квислинг Видкун (1887–1945) — норвежский политический и государственный деятель, офицер, дипломат, национал-социалист, в апреле 1940 г. после оккупации Норвегии германскими войсками сначала попытался захватить власть в стране путем государственного переворота, однако созданное им правительство было распущено оккупационными властями. В 1942–1945 гг. возглавлял норвежское коллаборационистское правительство, которое принимало участие в депортации норвежских евреев в лагерь уничтожения. В мае 1945 г. арестован, предстал перед судом, признан виновным в государственной измене, был расстрелян 24 октября 1945 г. в Осло. Слово «квислинг» стало нарицательным, синонимом «предателя», «коллаборациониста».

² Понары (ныне — Панеряй) — поселок, расположенный в 10 километрах к югу от Вильнюса, одно из основных мест массового уничтожения евреев нацистами в Литве. В период с лета 1941-го по июль 1944 г. в Понарах на территории недостроенной советскими властями в 1940–1941 гг. нефтебазы, в неиспользованных котлованах, предназначенных для цистерн с горючим, были расстреляны около 70 000 человек (Лакёр, 2005: 106), в большинстве евреев (узников Вильнюсского гетто, жителей окрестных районов, депортированных из других стран), а также советских военнопленных и участников антинацистского сопротивления. В «Черную книгу» были включены материалы об уничтожении евреев Литвы, в том числе о судьбе узников Вильнюсского гетто и Понарах, подготовленные А. Суцкевером (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 319–377).

о том, как жгли евреев. Я написал 80 страниц на еврейском языке, мне нужно десять дней, чтобы обработать. Это Виленское гетто, сама жизнь гетто.

Эренбург: Организация сопротивления есть?

Суцкевер: Нет.

Эренбург: Тогда это отпадает.

Суцкевер: Сопротивление займет три листа.

Эренбург: У вас в общем семь листов, мы должны будем сократить пропорционально всей книге. Книга должна иметь 20–25 листов.

Суцкевер: У меня есть, как я пережил все немецкие распоряжения, — это очень страшно в первые дни.

Эренбург: Мы должны взять пять листов, посвященные Вильно, из книги Суцкевера.

Суцкевер: Я дам о сопротивлении в гетто отдельно.

Эренбург: Остальное вы должны дать к 1/XI.

Дерман: У меня материал очень скудный. У вас есть материал о Хмельниках, а у меня часть материала. Тот материал, который есть у меня, скуден, есть отдельные моменты.

Эренбург: Письмо женщины-врача настолько закончено, я вообще против географического. Это идея не моя. Объединения такого порядка не нужны по области. Здесь вопрос о документах, которые находятся у вас: являются ли они сами по себе ценными?

Дерман: Если Винница представлена только тем материалом, который у меня, тогда это нужно отложить на второй том. Это будет полное несоответствие.

Эренбург: Тут вопрос идет только об этих местах. Есть исчерпывающий материал о Хмельниках, есть написанный Гехманом¹ исчерпывающий материал

¹ Гехман Ефим Семенович (Шулемович, 1913–1978) — журналист и публицист, родился в городе Браилове в Винницкой области Украины. В предвоенное время работал в газетах «Гудок» и «Труд». В годы войны был корреспондентом газеты «Красная звезда». Подготовил для «Черной книги» очерки «Браилов» и «Рига» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 63–71, 467–490).

о Браилове — это тоже Винницкая область. Объединить это вместе? Я бы оставил так, как у Гехмана. Если материал, который у вас, не является ценным, то вам нужно дать другой, а это оставить.

Дерман: Там мало конкретного, целого. Он был бы конкретнее, если бы был опубликован материал.

Я хотел сказать о книге в целом. Я думаю, что есть возможность подготовить книгу к сроку, который вы установили. Когда все материалы будут перед вами, тогда я боюсь, что получится много однородного. У меня есть материал, есть эпизоды, которые составили бы великолепный сборник, если бы он появился в первый раз, но он повторяет в значительной степени то, что уже было в газетах и широко известно.

Все знают Зою Космодемьянскую, здесь — еврейская девушка Люся Сапожникова. Тут происходит какая вещь? Повторяется самый эпизод, тот, кто сообщает, он находится под впечатлением опубликованного материала, и он стилизует этот материал¹.

Я думаю, что если перед редактором будет все собрано, то ему придется провести большую работу, чтобы не было повторений, которые будут убийственными в такого рода книге.

Эренбург: Этот страх был высказан на первом заседании комиссии. Я читал материал дважды здесь собранию комитета, было более 150 человек. Я читал материал подряд, я очень подробно спрашивал людей с этой точки зрения: есть ли элементы повторения? Я многое отбираю и читаю — масса ценных материалов, которые вам переданы, мне казались в самостоятельном виде неценными. Я не включал в список самостоятельные письма для документа, который занимает около шести печатных листов. Я обрабатывал только индивидуальные рассказы и письма. Тот случай, который вы рассказали, я помню эту историю. Я прочитал в газете два случая. О красивой девушке Люсе Сапожниковой, как она крикнула немцам: «Стреляйте, Сталин этого не забудет». Второй случай, как везли женщину, и она с грузовика бросила живого ребенка, чтобы спасли его, а немец убил его, ударив о грузовик. Это рассказала украинская женщина. Мне показалось это настолько ценным, что я написал в эту газету, чтобы узнать название места и все, что об этом знают. В это время немцы заняли это местечко. Они прислали

¹ О судьбе девятнадцатилетней студентки Люси Сапожниковой рассказывается в небольшом очерке «В селе Цабулево» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 61), подготовленном к печати Эренбургом на основе статьи военного корреспондента Т. Старцева «Людоеды», опубликованной в газете «Знамя Родины». Перед казнью Л. Сапожникова выкрикивает: «Стреляйте, палачи! Но знайте, что Сталин придет!» В очерке П. А. Лидова «Таня», который был опубликован в «Правде» (№ 27, 27 января 1942 г.), З. Космодемьянская произносит аналогичные слова: «Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!»

адрес той девушки, которая рассказала, и она сможет, когда войдут во второй раз в это местечко, дать исчерпывающие показания. Мне казалось, что, может быть, это вместе с другими документами можно дать. Стилизация происходит у людей, а не у газетчиков. Эту стилизацию мы должны поднимать, а не пренебрегать. То, что была Зоя Космодемьянская, это не значит, что не нужно эту девушку брать сюда. Если вы скажете, что в десяти местах это кричали, то и это будет взято. Можно установить документально или нет? Был ли такой крик — это сказать трудно. Украина говорит, что еврейская девушка кричала, что Сталин этого не забудет. Это дает характер пассивного сопротивления, которое мы должны подчеркивать.

Эфрос: Это естественно, что появляются такие вещи.

Дерман: Я в данном случае говорю на основе своего впечатления. Когда я вижу на фоне описание зверств — это производит впечатление, а когда весь фон такой — это не производит впечатления. Нужно давать по возможности больше документов, там может быть одно слово, и оно вносит жизнь.

Глезер: Я не предполагала, что из этих материалов можно давать обзор по целой области, мне казалось, что этот материал дает картину положения евреев в маленьких местечках, где жили эти люди, тесно связанные с русским населением родственными связями, ремеслом — это нужно дать как отдельные письма, не показывая города.

Эренбург: Мне кажется, что вы правы, что никакой компиляции мы не должны делать. Мы должны учитывать политическое воздействие книги. Есть письмо, полученное мною, подпись — «Герой Советского Союза, младший лейтенант Кравцов», я это письмо отложил, оно описательное, в нем он описывает свой приезд в родное место, где у него все оказались убитыми. Это может повторяться в сотнях случаев. Герой Советского Союза — этот человек воевал, он описывает, что он приехал к себе в местечко и каким он его застал. Может быть, этот документ и документы этих двух женщин оставить индивидуальными, такими, какими они были.]

Есть две системы: вы получаете письмо-рассказ, вы обрабатываете его, но оставляете то, что хотел сказать автор, сокращаете длинноты — эта работа, которую я делал с документами. Потом имеются документы такого порядка: документ не представляет большой ценности, но он создает картину — это другое дело.

Вы получили несколько документов, из них часть обработана мною и часть необработанная. Ваша совесть и отбор должны быть такими: если документ ин-

тересный — оставить его, если неинтересный сам по себе — отложить в сторону, посмотреть другой документ и их связать, может быть, по территориальному принципу.

[Что касается Винницкой области — есть два документа и Хмельники, которые имеются целиком в готовом материале. Не берите принцип обязательного объединения материалов. Посмотрите эти материалы и новые материалы, которые поступают каждый день из Еврейского комитета, и, может, у вас явится идея объединяющая, а если нет, то берите то, что может идти индивидуально. Письмо Кравцова.

Дерман: Письмо человека, который вошел в Румынию, — этот документ заслуживает того, чтобы его поместили.

Эренбург: Это нужно обработать индивидуально. Я предложил этот материал дать прочитать другим.

Глезер: Получилась такая вещь: давая в перепечатку, я ряд документов не прочла до конца. Те письма, которые я передала Дерману, я не знала, что они вами обработаны.

Суцкевер: Из Латвии есть документы.

Эренбург: Савич¹ обработал рассказ Семы Шпунгина, он долго возился с этим мальчиком. Мы его устроили в школу.

Маргулис²: Есть шесть крупных пунктов, о которых имеется распоряжение Комитета, совершенно достаточный материал, чтобы их обработать. У И. Г. <Эренбурга>, может быть, создано недостаточно ясное представление о том, что у нас имеется. Этот список далеко не полный, он незаконченный, в целом ряде — недостаточная аннотация. Если бы вы познакомились с материалом, вы переменили бы ваше мнение. В отношении шести пунктов можно сказать определенно, что товарищи, которые жалуются на недостаточность материала, могли бы этим воспользоваться. Эти пункты таковы: Минск, Львов, Шавли, Ковно, Вильно, Рига.

¹ Савич Овадий Герцевич (1896–1967) — прозаик и поэт, переводчик. В 1932–1936 гг. — корреспондент «Комсомольской правды» в Париже, в 1937–1939 гг. — корреспондент ТАСС в Испании. Во время войны работал в Совинформбюро. После войны занимался переводами. Подготовил пять очерков для «Черной книги», в том числе «Рассказ Семы Шпунгина» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 507–514).

² Маргулис А. — журналист, после освобождения Минска записывал свидетельства уцелевших узников. Его очерк «В Минском гетто. Из записок партизана Михаила Гричаника» не вошел в «Черную книгу» (Альтман (сост.), 2015: 179–186). Более подробных сведений о нем отыскать не удалось.

Эренбург: Какое количество времени нужно, чтобы перевести материал Шавли на русский язык?

Маргулис: О Шавли — это особый разговор.

Эренбург: По Минску и Вильно у нас имеется большой материал. Шавли — новый город, но Эпштейн сказал, что перевод Шавли должен занять месяц времени.

Маргулис: В отношении Шавлинского фонда — это летопись происшедшего в Шавли, описанного секретарем юденрата, который был там с первых дней вступления немцев. Из девяти тетрадей: одна тетрадь описывает события в Ковно, другая тетрадь — дневник, остальные тетради — летопись событий в Шавли — это документальный материал, другого материала нет. Тут есть все, что хотите, целый ряд материалов извлечены из листовок фашистских газет, немецких газет, частные письма, хроника, описание режима в лагерях, вы здесь имеете сведения о других городах.

Гроссман: Вы нас убедили.

Маргулис: Я составил подробное оглавление, которое занимает 12 строчек.

Гроссман: Если материал интересный, то его нужно использовать.

Маргулис: Вас, И. Г. <Эренбург>, интересовал момент, когда немцы стали приходить к мысли, что евреев нужно уничтожить, — это отразилось в заграничной прессе. В шавлинском материале вы видите нарастание событий. Есть извлечения из немецких газет.

Гроссман: Вы все прочли, вы знаете, что особенно важно. Давайте сделаем таким образом: тетрадь, которая особенно важна, — организовать с помощью Л. Л.¹ ее перевод, нужно взять трех-четыре человек, знающих язык, на это понадобится десять дней, и А. Б. Дерман, может быть, извлечет ценный, концентрированный материал, указав, что этот материал взят из книги, которая подготавливается. Почему не выпустить такой важный материал?

Маргулис: Наиболее важные места я могу сделать к 23-му числу, я полагаю, что это совершенно точно. После этого т<оварищ> Дерман в неделю обработает.

¹ Неустановленное лицо.

Эренбург: В каком порядке материал из Львова?

Маргулис: Это Нахт — студент политехникума, потом материал Герца, материал Эрнштрейха — бухгалтера, есть материал — хроника преступлений — фактический материал, где точно описано по месяцам и дням¹. Я подвел итог и убедился, что наиболее хорошо представлен Львов.

Гольдберг²: Есть материал о Симферополе.

Эренбург: Мы его дадим Сейфуллиной, потому что она дает Крым.

Гольдберг: Потом есть материал из Черновиц.

Фефер: Есть интересный материал по Молдавии, Кишинев, Балта, материал этот будет готов на еврейском языке завтра.

Эренбург: Кто-нибудь из вас не может материал по Молдавии взять на себя? У нас есть еврейские песни, которые пелись, — это трагический фольклор, и кто-то из еврейских поэтов должен взять их обработать.

С места: Это может сделать Добрушин³.

Квитко: У меня есть материал о Крыме.

Эренбург: Это будет делать Сейфуллина. Что касается Керчи, Феодосии, Симферополя — это у нее представлено эпизодично.

¹ Имена собственные как в тексте. Вероятно, речь идет о свидетельствах Нафтали Нахта, Лили Герц и Артура Розенштрауха, которые легли в основу очерка «Истребление евреев в Львове». Его подготовили к печати Р. И. Фраерман и Р. А. Ковнатор (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 120–131).

² Гольдберг Лейб (1892–1955) — публицист, журналист, переводчик, редактор. Родился в Брест-Литовске в семье учителя иврита и писателя Аарона Ноаха Гольдберга и Фанни Борейшо, один из его братьев — поэт М. Борейшо. Литературную деятельность начал в Варшаве, где в 1914 г. опубликовал переводы Л. Н. Толстого и Э. Ожешко на идише. После революции работал в Наркомате по еврейским делам, с 1923 г. — секретарь, а затем заместитель главного редактора газеты «Дер Эмес», до войны заведовал одноименным издательством. Работал в ЕАК старшим редактором, публиковался в «Эйникайт».

³ Добрушин Иехезкиль (Иезекииль) Моисеевич (1883–1953) — советский еврейский драматург, театральный и литературный критик, поэт, переводчик, педагог и фольклорист. Родился на Украине. В 1902–1909 гг. жил в Париже, где возглавлял местную организацию сионистов-социалистов и учился на факультете права в Сорбонне. После тяжелой болезни вернулся в Россию, до 1920 г. преимущественно жил в Киеве, а затем в Москве. Читал лекции в ряде высших учебных заведений. Поставил несколько спектаклей в Московском государственном еврейском театре (ГОСЕТ). С 1942 г. — сотрудник исторической комиссии ЕАК и член редколлегии газеты «Эйникайт». Арестован в феврале 1949 г., умер в ссылке в августе 1953 г.

Квитко: У меня были встречи с некоторыми людьми, и эти рассказы записаны.

Эренбург: Это еврейские колхозники Крыма?

Фефер: Я бы предложил дать Молдавию Гольдбергу.

Квитко: Рассказы этих людей — это фактический материал, это не может повторить Сейфуллину.

Эренбург: У нас остались Черновицы¹.

Квитко: Нужно собрать все, что у нас есть, и выделить центральное, тогда необходимо все остальное отложить в сторону. Может быть, взять Крым, потому что по Крыму вообще небольшой материал. Необходимо в Киев срочно послать человека — это более важно, и послать человека в Ковель — это можно сделать, у нас есть разрешение послать людей. Пусть имеющийся материал готовят к печати, а пока можно собрать материал о Киеве и Ковно.

Эренбург: Не возражаю против посылки людей в Киев и Ковно, но я возражаю против центрального.] У нас есть потрясающие документы человеческие из очень небольших мест, которые способны воздействовать на камень, — это письма и рассказы отдельных людей. Дело не в том, чтобы это был большой центр, где погибли 16 000 человек, а письмо касается 600 человек, но этот документ рисует истину.

Я должен сказать, что есть документы, посвященные описанию больших центров, я не знаю, как они будут приведены писателями, в каком виде они будут преподнесены, но они меньше дают, чем те записки посмертные, которые сами по себе являются документами. Я проверял их воздействие на многих, есть документы из маленьких мест. Был документ, о котором говорили, что он должен быть назван «Еврейская душа», который относился к маленькому местечку. Те, которые читали Гроссмана, говорили, что слово «хлопчик» — это раздирающий момент². Эмоциональное воздействие человеческого документа граничит с искусством.

¹ Черновицы (с 1944 г. — Черновцы) — город на юго-западе Украины, в 40 километрах к северу от румынской границы. 5 июля 1941 г. город был занят румынскими оккупационными войсками, воевавшими на стороне Германии. В городе было создано одно из самых многочисленных гетто в румынской зоне оккупации, где находились около 20 000 узников. Оно служило местом концентрации перед депортацией в Транснистрию (Альтман, 2002: 81).

² Предположительно, речь об эпизоде из повести «Народ бессмертен» В. С. Гроссмана (Глава XVIII «Леня»): «Мальчик вскочил.

— Кто увел, куда увели? — спрашивал он всхлипывая.

— Кто ж увел, известно, — сказала хозяйка и начала ругать немца: — Чтоб у него очи повылазили, чтоб он не дождался своих детей увидеть, чтоб их всех холера передушила, чтоб у него руки и ноги поотсыхали.

Потом она сказала:

— Ты не плачь, хлопчик, мы тебя не выгоним, останешься у нас, будем тебя годувать» (Гроссман, 1946: 112).

[Наше задание не в том состоит, чтобы подменять историческую работу и Чрезвычайную следственную комиссию, мы не можем дать статистику, исчерпывающую картину всего. Если это будет продолжаться в других местах после войны, в других политически-моральных условиях, мы будем говорить языком истории и языком литературного восстановления. Теперь нужно брать по принципу: имеет документ воздействие или нет — это должно быть единственным критерием. Это по существу ответ на вопрос.

Против посылки в Киев, если есть подходящий человек и есть возможность — нужно послать, если это дело откладывается, то Киев войдет во второй том. Дело в том, что, если мы в первом томе даем крупные центры, а во втором дадим маленькие места, если мы решим самое важное в первом томе, то у нас будет состояние спада во втором томе — это неверный принцип. Нужно помещать все то, что дает эмоцию. Если документ неинтересный, он может быть отложен, а если документ сам по себе относится к маленькому местечку, но звучит, он должен быть использован.

Есть случай, за который я дрался: женщина врач-акушерка отправилась в избу старосты, чтобы принять ребенка. Ощущение долга настоящего величия заставили ее пойти туда, откуда ее отвели на расстрел. Что же, мы этот материал не поместим, потому что он из местечка Полтавской области, а не из центра?]

Нам необходимо дать ряд спасений и солидарности населения не еврейского. Единственный случай, где спасли 30 человек сразу, я другого случая не знаю. В одной маленькой деревне спасали два года 30 человек — это нужно записать в первом томе. [Вы сказали, что нужно откинуть все кроме крупных центров.

Квитко: Как вы относитесь к актам?

Эренбург: Никакие акты, даже акты Чрезвычайной следственной комиссии, на меня не действуют. Я проверил действие актов. Тов<арищ> Гольдберг читал один акт, где были приведены фамилии с указанием возраста.

Я прочитал о случае, что у человека убиты в одном месте 48 родных. Я написал, не может ли он для «Черной книги» прислать список его родных. Если человек напишет, кто убит, — мы это укажем в одном месте.]

Мы привлекаем товарищей — русских писателей для звучания книги, чтобы книга не была составлена только евреями. Для того чтобы это звучало дружбой и солидарностью, нужно привлечь три русских писателя, иначе Платонов окажется в странном положении «шабес-гой»¹.

¹ Шабес-гой — выражение на идише, в буквальном переводе «субботный гой» — нееврей, нанятый иудеями в субботу (шабат) для выполнения работ, запрещенных религиозным законом.

[Я бы просил назвать кандидатуры. Симонов приедет с богатым югославским материалом, и он не сможет написать о Майданеке. Соболев¹ участвовать в первом томе не согласился.

Квитко: Для дружбы не нужно участвовать в первом томе.

Эренбург: Я бы хотел, чтобы три русских писателя приложили свои руки. Назовите фамилии.

С мест: Фадеев, Федин², Новиков. Хорошо было бы украинского писателя.

Эренбург: Из украинских — только Тычин³, но он не напишет.

Эфрос: Можно поговорить с Трневым, Всеволодом Ивановым⁴.

Эренбург: Больше вопросов нет].

¹ Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971) — писатель и журналист. С 1938 г. жил в Москве, во время Советско-финской войны работал военным корреспондентом, в годы Великой Отечественной войны — в Совинформбюро, публиковался в газете «Правда».

² Из трех предложенных кандидатур русских писателей в состав литературной комиссии входил только Константин Александрович Федин, он должен был подготовить для «Черной книги» очерк о восстании в Собиборе, но не сделал этого.

³ Тычина Павел Григорьевич (1891–1967) — советский украинский поэт, государственный деятель. В 1943–1948 гг. — народный комиссар просвещения Украинской ССР. Директор Института литературы Академии наук УССР. Был другом И. Г. Эренбурга. Хотя его кандидатура рассматривалась при формировании литературной комиссии, он не был в нее включен и не принимал участие в подготовке «Черной книги».

⁴ Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — прозаик, драматург и журналист. В годы войны был в эвакуации в Ташкенте, с 1943 г. — военный корреспондент «Красной звезды» и «Известий». Вместе с наступающими войсками был в Варшаве, Щецине, Берлине. Был специальным корреспондентом газеты «Известия» на Нюрнбергском процессе. Подготовил для «Черной книги» очерк «Лиозно» (Гроссман, Эренбург (ред.), 2015: 252–253) об уничтожении евреев города Лиозно Витебской области Белоруссии.

**THE TRANSCRIPT OF THE MEETING OF THE JEWISH
ANTI-FASCIST COMMITTEE LITERARY COMMISSION
OCTOBER 13, 1944**

ИЗ КНИГИ
ПАВЕЛ ПОЛЯН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В АУШВИЦКОМ АДУ:
ЛЕТОПИСЦЫ ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ «ЗОНДЕРКОММАНДО»
И ИХ СВИТКИ.
М.: АСТ, 2018. С. 126–136

Павел Маркович Полян (Нерлер)

Доктор географических наук. Профессор факультета гуманитарных наук,
департамент общей и прикладной филологии НИУ ВШЭ. Директор
Мандельштамовского центра НИУ ВШЭ.

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1, каб. 208.

ORCID: 0000-0003-2520-7932

ResearcherID: B-8756-2016

Scopus AuthorID: 7801595047

E-mail: pavel.polian@gmail.com

В истории Второй мировой войны и Холокоста вопрос о «зондеркомmando» — один из самых болезненных: в лагерях смерти такие подразделения состояли из заключенных-евреев, которые должны были загонять обреченных единоплеменников в газовые камеры, а потом обрабатывать трупы. Выжившие свидетельствовали о нацистских зверствах, но и сами неоднократно обвинялись в добровольном пособничестве врагу. Автор приводит ряд документальных свидетельств, позволяющих шире взглянуть на само явление и избежать личных выпадов и пристрастных оценок.

Ключевые слова: «зондеркомmando», лагерь смерти, Холокост, нацизм, юденрат, Ханна Арендт, этноцид.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-256-267

ПРЕСТУПНИКИ ИЛИ ГЕРОИ?

Сатанинское искушение¹

Находя и опрашивая немногочисленных оставшихся в живых членов «зондеркомmando», Г. Грайф предпринял попытку «...понять границы морали тех, кто физически ближе всего находился к эпицентру убийства — месту, для которо-

¹ В настоящей публикации ссылки приводятся в соответствии с форматом изданий ВШЭ. Также добавлены дополнительные сноски, поясняющие ряд фактов, о которых речь идет в других главах книги П. М. Поляна, и учтена незначительная авторская правка. *Прим. ред.*

го немцы, казалось бы, исключали существование любых гуманитарных ценностей» (Greif, 1998: 1027). Саму же методологию и методику — принуждать одних жертв убивать других — он по праву называет дьявольской (Там же: 1023).

Сатанинской назвал ее в 1961 году и Г. Хаузнер, израильский обвинитель на процессе Эйхмана: «Мы найдем и евреев на службе у нацистов — в еврейской полиции гетто, в “советах старейшин” — “юденратах”. Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертв и убеждать их, что они идут мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана — заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота — и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо¹ смогло свести число своих людей в лагерях до минимума. Но, в конце концов, и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне с соплеменниками...» (Хаузнер, 1989: 31).

Да, существо деятельности членов «зондеркоммандо» было чудовищным. Причем настолько, что их как коллаборационистов высшей пробы — наравне с еврейскими полицаями в гетто — обвиняли в прямом пособничестве и чуть ли не в со-палачестве — в непосредственном соучастии в убийстве!² И отказать обвинителям в праве называть «зондеркоммандо» пособниками и коллаборационистами нельзя. В видах собственного, хотя бы и кратковременного, спасения разве не соучаствовали они в этноциде целого народа, своего народа?

Ханна Арендт на этом основании даже желала бы распространить и на них израильский закон 1950 года о наказании нацистских преступников — закон, по которому арестовали и судили Адольфа Эйхмана³.

Арендт, правда, писала не столько о «зондеркоммандо», сколько о юденратах в гетто и их роли в Катастрофе. Именно юденраты с кастнерами, генсами и румковскими во главе были в центре общественного дискурса в Израиле в первые десятилетия существования страны. Как ни парадоксально, но на каждого пережившего Холокост в Израиле смотрели тогда не столько с сочувствием, сколь-

¹ Здесь, несомненно, имеется в виду СС. *Здесь и далее примечания автора.*

² Например, Роберт Пендорф: «Несомненно, что без сотрудничества с жертвами едва ли было бы возможно для нескольких тысяч человек, большинство из которых, мало того, трудились в канцеляриях, ликвидировать сотни тысяч других людей... Эти евреи соучаствовали в процессе убийства с тем, чтобы спасти себя от угрозы немедленной смерти» (Pendorf, 1961: 111).

³ Ср.: «Хорошо известный факт, что как таковой труд палачей в центрах уничтожения обычно находился в руках еврейских команд, был четко и прямо сформулирован в показаниях свидетелей обвинения — как они работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы и срезали с тел волосы, как они закапывали ямы с телами жертв, а потом снова их раскапывали, чтобы уничтожить следы; как еврейские инженеры строили газовые камеры в Терезиенштадте, где была основана такая еврейская автономия, что даже палач был евреем. Но все это было только ужасно, это еще не было моральной проблемой. Селекция и классификация рабочих в лагере осуществлялась СС...» (Арендт, 2008: 147).

ко с подозрительностью и с готовым сорваться с уст вопросом: «А что ты делал во время Холокоста?»¹

Рудольфа Кастнера, главу венгерских евреев, обвиняли в сделке с дьяволом и в предательстве интересов венгерской еврейской общины ради шкурного спасения 1700 человек еврейской элиты (в том числе себя и своих близких) в так называемом «поезде Кастнера», проследовавшем из Будапешта в Швейцарию. Он стал объектом ненависти в Израиле, в его дочерей в школе кидали камнями. Сам же Кастнер, осужденный на первом своем процессе (1955), был оправдан на втором (1958), но не дожил до этого: в марте 1957 года он был застрелен мстителями-экстремистами.

Хайм Румковский — по существу, фюрер Лодзинского гетто, даже не постеснявшийся своего изображения на геттовских дензнаках, — правил своим народцем железной рукой и не боялся играть в шахматы с самим дьяволом. Ставкой были их жизни, и, не колеблясь, отдавая фигуры за качество, он посылал на заклятие все новые и новые тысячи еврейских душ. Но в конечном итоге проиграл, ибо от 150-тысячного гетто уцелело лишь несколько сот человек. Хайм Первый явно зарвался, думая, что знает или чувствует все правила, писанные и неписанные, — его соперник же менял правила и назначал ходы, как хотел, и одним щелчком сбил с него всю его спесь, отправил вместе со всеми офицерами и пешками в бжезинские газовни. А то, что последние погибшие лодзинские евреи замыкали собой в Аушвице панъевропейский еврейский мартиролог, — слишком слабое утешение!

Ту же игру — откупаться от палачей все новыми и новыми евреями — и с тем же результатом — вел в Вильне и Якоб Генс. Только виленский случай специфичен тем, что там особенно зрелой и явственной была и альтернатива — объединенное коммунистическое и сионистское подполье, готовое и к восстанию в гетто, и к уходу в партизанские леса. Эти подпольщики в глазах еврейского фюрера Генса — опасные сумасшедшие и провокаторы, играющие с огнем. Их бессмысленные героизм и жажда подвига вызывали у него отторжение и протест, ибо ставили под удар всю его мудрую политику полезности палачам и малых уступок и рокировок.

Генс как бы спрашивал у героических своих оппонентов: «Ну, и много ли евреев спаслось после Варшавского восстания?..» Но и «герои» — останься он и они в живых — могли бы чуть позже спросить: «А много ли спаслось в твоём Вильнюсском гетто?..»

В действительности этих крайностей не существует, они перемешаны друг с другом, а точнее, сосуществуют внутри каждого еврея, и решающим становится то, какую пластичность и какую пропорцию того и другого и в какое именно время

¹ Это отношение необычайно сродни советско-смершевскому: «И как это ты, Абрам, жив остался?!» (см.: Полян П. М. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР // Полян, Шнеер (сост.), 2006: 9–70).

он находит для себя допустимыми. Борясь с альтернативой — с Виттенбергом и Ковнером¹, Генс пытался с нею же и заигрывать, и пример Глазмана, его бывшего заместителя, наверняка заставлял и его задуматься об упущенной возможности сосредоточения всех еврейских рычагов — юденрата, полиции и партизанского штаба — в одних и, главное, куда более могущественных руках.

Но рокировки эти заходили далеко: это его, Генса, полицейские в Ошмянах не только выкуривали евреев из их малин², не только конвоировали их ко рвам, но и расстреливали!.. И каждая новая «акция» в гетто, каждая новая разрядка из гестапо — это, в сущности, такая же селекция, что и на рампе в Аушвице. Вместо Биркенау в Вильнюсе были Понары, вместо газа — пули, а общим знаменателем — еврейские трупы, присыпанные землей или горящие в крематориях или ямах-кострах.

И если кто и уцелел, то не в гетто, а в партизанских лесах или в рабочих командах, куда их депортировали и где не успели уничтожить. Впрочем, никто еще не посчитал распределение выживших евреев по способам их выживания — сколько в лесу и в укрытиях и сколько на пепелищах гетто и концлагерей. Но уже самый факт сопротивления возвращал всем и каждому достоинство и надежду, веселил и возвышал их истерзанные души.

Преступники или герои?

«Зондеркоммандо», так же как и юденраты, и еврейская полиция в гетто, как и еврейские «функциональные узники» в концлагерях (капо, форарбайтеры, штубендисты³), как и берлинские «грайферы», рыскавшие по городу по заданию гестапо в поисках соплеменников⁴, и даже весь лагерь-гетто для привилегированных в Терезине или вип-концлагерь в Берген-Бельзене, — все это лишь части того сложного и противоречивого целого, к которому в Израиле поначалу выработалось особое — и весьма негативное — отношение (Porat, 1991). Молодое еврейское государство испугалось своей предыстории и не захотело, а отчасти и не смогло разобраться в страшнейших страницах недавнего прошлого. Идеологически поощрялся лишь героизм, особенно тот, что исходил от убежденных сионистов.

¹ Виттенберг Ицик (1906–1943) и Ковнер Або (1918–1987) — командиры и герои Сопротивления в Вильнюсском гетто.

² Тайных, хорошо замаскированных пространств, рассчитанных на то, чтобы укрыться в них во время акций и облав.

³ Капо — аббревиатура от КаПо — *Kameradschaft-Polizei* (часто, но ошибочно возводится или к не существовавшему термину *Kazet-Polizei*, или к итальянскому *capo* — начальник). Форарбайтер — мастер, бригадир. Штубендист — узник, отвечавший за порядок в бараке.

⁴ В Берлине задокументировано шесть таких «грайферов», самые известные среди них — семейная пара Рольф Изаксон и Стэлла Гольдшлаг. Практиковалось ли что-нибудь подобное в других столицах — неизвестно (нам сообщено И. Рабин). В Ломжинском гетто, по рассказу А. Шмаиной-Великановой, был такой «Рыжий», который разыскивал еврейские «мелины» (укрытия) и, обещая помощь при побеге или смене убежища, выдавал немцам.

Но даже это не помогло «мертвому герою» восстания в Аушвице — убежденному сионисту Градовскому — получить в Эрец Исраэль более чем заслуженное признание. Принадлежность к «зондеркомmando» — как каинова печать, и именно этим объяснялось категорическое нежелание некоторых из уцелевших ее членов идти на контакт с историками и давать интервью¹. Этим же объясняется и зияющее отсутствие этой темы в большинстве музейных экспозиций по Шоа.

Спрашивается: а возможно ли вообще сохранить в лагере жертвенную «невинность»? Каждый из правого ряда на рампе виноват уже тем, что не оказался в левом, ибо только эти жертвы — чистейшие из чистейших. Все остальные, если дожили до освобождения, наверняка совершили какое-нибудь «грехопадение»². Выжил — значит пособничал, выжил — значит виноват.

На этом посыле и построено то уродство в общественной жизни Израиля, о котором сказано выше. В точности то же самое было и в СССР, для которого каждый репатриированный бывший остарбайтер и бывший военнопленный был чем-то в диапазоне между предателем и крайне подозрительной личностью³. «И как это ты, Абрам, жив остался?..» — спрашивали во время фильтрации следователи Смерша у выживших советских военнопленных-евреев.

В любом случае нацисты, увы, преуспели еще в одном: убив шесть миллионов, они вбросили в уцелевшее еврейство ядовитые кристаллы вечного раздора и разбирательства, не исторического исследования, а именно бытового противостояния и темпераментной вражды. Только этой общественной конъюнктурой можно объяснить такие, например, обвинения в адрес членов «зондеркомmando», как их якобы «прямой интерес» в прибытии все новых и новых транспортов, то есть в как можно более продолжительном и полном течении Холокоста. Ибо это, мол, страховало их жизни и сытость.

Так, Г. Лангбайн цитирует некоего Э. Альтмана, «вспоминающего» явно мифическое высказывание одного из «зондеров» (так называли членов «зондеркомmando» в лагере): «Ага, снова неплохой эшелончик прибыл! А то у меня уже жратва кончается». (Как мог член «зондеркомmando» заранее знать, что прибыло, и как мог Э. Альтман все это от него услышать: в пабе после работы?) Понимать связь явлений — это одно (и такое понимание всегда имело место), а паразитировать на смерти и молиться на нее — другое.

¹ А в имеющихся интервью бросается в глаза установка не столько на самооправдание, сколько на самооборону от возможных нападок.

² Тот же Примо Леви довольно убедительно показывает, кем были — или как минимум должны были быть — так называемые «функциональные узники» («суки», если по-гулаговски), составляющие явное большинство среди тех евреев, кто уцелели в Холокост (Леви, 2010: 28–40).

³ СССР был единственной страной в мире, требовавшей от своих военнослужащих ни в коем случае не сдаваться в плен врагу, а биться до предпоследнего патрона, последним же патроном — убить себя!

Признавая на суде свои «ошибки», но так ни разу не покаявшись, сам Хёсс¹ тем не менее нашел слова для ехидного осуждения евреев из «зондеркоммандо»: «Своеобразным было все поведение “зондеркоммандо”. Исполняя свои обязанности, они совершенно точно знали, что после окончания [Венгерской] “операции” их самих ожидает точно такая же участь, как и их соплеменников, для уничтожения которых они оказали столь ощутимую помощь. И все равно они работали со рвением, которое меня всегда поражало. Они не только никогда не рассказывали жертвам о том, что им предстоит, но и услужливо помогали при раздевании и даже применяли силу, если кто-нибудь ерепенился. <...> Все как само собой разумеющееся, как если бы они сами принадлежали к ликвидаторам» (Höss, 1958: 195).

Эти признания, возможно, послужили толчком (и уж во всяком случае — пищей) для теоретических построений итальянского философа Примо Леви, который и сам пережил Аушвиц.

До известной степени Примо Леви поддается на провокацию эсэсовцев, о которой сам же и предупреждал: «Те, кто перетаскивает еврейские трупы к муфелям печей, обязательно должны быть евреями, ибо это и доказывает, что евреи, эта низкоразвитая раса, недочеловеки, готовые на любые унижения и даже на то, чтобы друг друга взаимно убивать. <...> С помощью этого института [“зондеркоммандо”] делается попытка переложить вину на других, и самих по себе жертв, с тем чтобы — к собственному облегчению — их сознание уже никогда не стало бы безвинным» (Levi, 1995: 50, 52).

И все же по существу Примо Леви не слишком сгущает краски, когда называет случай «зондеркоммандо» экстремальным в коллаборационизме (Там же: 52f). Он обратил внимание и на такой феномен, как своеобразное «братание» эсэсовцев, работавших в крематориях, с членами «зондеркоммандо»: первые держали вторых как бы за «коллег», отчего — несмотря на арийские свои котурны — эсэсовцы не считали для себя зазорным даже играть с ними в футбол (Nyiszli, 1960: 68), поддерживать сообща черный рынок, а иногда и вместе выпивать².

Леви, к сожалению, слишком доверчив к своим «информантам». Ярчайший случай — рассказ о 400 греческих евреях, прибывших в июле 1944 года из Корфу и якобы дружно, все как один, пошедших на смерть, но не на работу в «зондеркоммандо» (Леви, 2010: 40–49). П. Леви, даже не будучи историком, мог бы и знать, что «Венгерская операция» в это время уже практически закончилась, и никаких таких предложений кому бы то ни было сделано быть просто не могло!³

¹ Хёсс Рудольф (1900–1947) — оберштурмбанфюрер СС, комендант концлагеря Аушвиц, повешенный в нем по приговору польского суда в 1947 году.

² Сюда же Леви относит и то, что эсэсовец Горгес передал зондеру Мюллеру хлеб в Маутхаузене — вместо того, чтобы выдать Мюллера местным палачам (Müller, 1979: 276–277). Учитывая время и место события, думаю все же, что это гораздо более сложный случай.

³ Как мог бы и знать, что никаких регулярных систематических ротаций и 12 «смен» «зондеркоммандо» в реальности не было (Леви, 2010: 41).

Также и все обвинения в *Kameradschaft* (сотовариществе) с СС и СД, кроме разве что черного рынка, критики не выдерживают. Свидетельство Нижли о футбольном матче не только не было никем подтверждено; наоборот, оно было решительно опровергнуто, в частности, Иешуа Розенблюмом (Kilian, 2004: 138). Представить себе бригаду «зондеркоммандо», направляющуюся в «Сауну» или устанавливающую экран или простынь у себя в казарме, решительно невозможно: ни один из тех, у кого Г. Грайф брал интервью, ничего подобного не сообщал.

Быть может, самым ярким — из не-фейковых — проявлением этого *Kameradschaft* являлись отношения Менгеле и Нижли. Врач-эсэсовец, член партии, приказал (а на самом деле — доверил!) презренному жиду Нижли (тоже, правда, врачу) сделать аутопсию застрелившегося эсэсовского полковника (Nyiszli, 1960: 79–83). Подумать только: врач-еврей, которому, согласно Нюрнбергским законам, и приближаться к немецкому пациенту запрещено, кромсает скальпелем драгоценную арийскую плоть!

И где? — в Аушвице!..

Спорадическое «братание» и условная «коллегиальность» между членами СС и «зондеркоммандо» — отнюдь не системный, а сугубо индивидуальный и исключительный феномен, возникающий на межличностном, а не на межкорпоративном уровне. Но утонченная интеллектуальная констатация Леви этого феномена вовсе не рассчитана на то, чтобы стать методологией. Уж больно она эксклюзивна и выведена из исторического контекста, в котором различие между теми и другими столь принципиально и огромно, что само это наблюдение и его эмпирическая подоснова едва-едва различимы.

Однако именно как методологию восприняла ее ученица Леви Регула Цюрхер из Берна: раз встав на эти рельсы, она и докатилась, пожалуй, дальше всех. Ничтоже сумняшеся, она просто соединила членов «зондеркоммандо» и эсэсовцев на крематориях в некое общее, по-будничному звучащее понятие — «персонал установок по массовому уничтожению в Аушвице» (Zürcher, 2004)¹. Конечно, разбирая по пунктам их «работу», их «быт», их «менталитет» и т. д., она рассматривает их отдельно, как подгруппы этой группы, но черта уже перейдена, и рельсы сами ведут куда надо. Вот критерий антисемитизма: ага, у СС — он есть, а у «зондеркоммандо» — нет. А вот критерии «жажды выжить», «стремления к обогащению»: эти критерии, видите ли, есть у обеих подгрупп этого «персонала»! И еще они отличаются по степени «развязанности рук» (Там же: 216–219). И так далее...

¹ Над ее рабочим столом была приколотая бумажка с цитатой из ментора, вынесенной ею в эпиграф к книге: «Это совсем не легко и не приятно прощупывать дно низости, но я тем не менее нахожу, что это необходимо делать...» (Zürcher, 2004: 11).

Вместе же взятые, единые в этом и различные в том, они все равно формируют пресловутый «персонал установок по массовому уничтожению». Так профанируется методология учителей!

Р. Цюрхер предлагает различать среди членов «зондеркоммандо» четыре подгруппы: а) потенциальные самоубийцы, б) борющиеся за жизнь любой ценой, но оправдывающие это тем, что им предстоит рассказать обо всем миру, в) организаторы подполья и повстанцы и г) «роботы», не сохранившие никаких человеческих чувств. Вместе с тем это никакие не типы, а разные состояния все одного и того же — состояния души членов «зондеркоммандо». Каждый из них, может быть, прошел через ту или другую комбинацию этих состояний, ставших для него своего рода этапами.

Результат же, к которому приходит добросовестная ученица Леви, увы, банален: наряду с «черной зоной» — местообитанием абсолютного зла, существует, видите ли, некая «серая зона», которую, со стороны СС, манифестируют, например, хороший эсэсовец Курт Герштейн¹, а со стороны «зондеркоммандо», надо полагать, участники Сопrotивления и подготовители восстания из числа коллаборационистов.

Итак, в глазах многих на членах «зондеркоммандо», как и на членах юденратов, лежит каинова печать предательства и соучастия в геноциде.

Именно эта установка на многие десятилетия была определяющей в отношении к «зондеркоммандо» со стороны широкого еврейского сообщества, а также со стороны историков. Развиваясь по законам черно-белого мифотворчества, это обстоятельство, безусловно, отразилось и на истории публикации их бесценных рукописей.

Но настоящей «серой зоной» была та общественная атмосфера, которая их обволакивала.

Разве перед селекцией на рампе и в бараке спрашивали у Градовского или Лангфуса, а не хотели бы они попробовать себя в такой новой для себя и столь аттрактивной профессии, как работа в «зондеркоммандо» (с приложением должностных инструкций)? Выбор, который им тогда оставался, — это даже не выбор между 100-граммовой и 500-граммовой пайкой: имейся у них такой выбор, они бы предпочли 100-граммовую, только не в «зондеркоммандо». Это был сатанинский выбор между жизнью и смертью, между принятием навязываемых условий и их неприятием — то есть пулей в лоб или прыжком в пылающую яму или гудящую печь!

¹ Случай с эсэсовцем Пестиком, полюбившим еврейку и бежавшим с нею, Р. Цюрхер, видимо, не был знаком.

Вот аргументация уцелевшего члена «зондеркоммандо» Ш. Венеция: «Иные полагали, что мы ответственны за то, что происходило на крематориях. Но это же абсолютно неверно. Только немцы убивали. Мы же были насильно принуждены к пособничеству, тогда как под коллаборантами понимаются добровольцы. Важно подчеркнуть, что у нас не было выбора. Каждый, кто отказался бы, тут же получил бы выстрел в затылок. А для немцев это не составило бы проблемы: убив десяток из нас, они тут же набрали бы 50 новых. Для нас весь вопрос был в том, чтобы выжить, и другого выхода у нас просто не было. Ни у кого из нас. Кроме того, и мозг наш уже не был нормальным, мы не были в состоянии много размышлять о том, что произошло... Мы стали автоматами» (Venezia, 2008: 151–152).

И я, признаться, не знаю, что бы сделали всеми уважаемые Примо Леви или Ханна Арендт, если бы оказались на месте этих проклятых предателей и со-палачей?

Та же Арендт, еврейка и непримиримый борец с антисемитизмом, как-то научилась закрывать глаза на вопиющее поведение своего мэтра и друга Хайдеггера, великого философа и банального, как добро и зло, антисемита. И как-то не верится, что она, Ханна Арендт, прыгнула бы в гудящую печь.

Обвинять членов «зондеркоммандо» — центральных свидетелей Холокоста — в неправомерности их свидетельств, как это делает Примо Леви, в высшей степени антиисторично и несправедливо. А называть их «вóронами крематория» и писать о них так — «Глядя на Медузу Горгону, легче увидеть на ее лице желание освободиться от внутренних терзаний, чем прочесть на нем правду» — это похабство и пошлость (Леви, 2010: 42).

Осмелюсь напомнить всем судящим и рядящим, что именно члены «зондеркоммандо» — они и только они! — долго вынашивали и в конечном счете осуществили единственное в истории Аушвица-Биркенау восстание, все участники которого геройски погибли!

После чего одним крематорием стало меньше! Тогда как все прогрессивное человечество проморгало, почти не заметив, недостачу шести миллионов своих членов, а доблестные союзники по антигитлеровской коалиции не нашли на складах ни бомб, ни керосина для того, чтобы раздраконить этот отлаженный завод по производству человеческого пепла и перемолотых костей!..

И что именно они, «зондеркоммандовцы», оставили — написали и спрятали — самые многочисленные и самые авторитетные свидетельства о том, что там происходило на самом деле и как. И не их вина, что до нас дошло лишь около десятка из них!

«Зондеркоммандо» — это не штабная, а штрафная рота, и ее члены рвутся в бой с надеждой на то, что кровью смоят с себя тот подлый позор, на который, не спрашивая, их обрекли враги. И еще на то, что весь мир признает и зачтет им не только их малодушие и преступления, но и их подвиги!

Литература

- Арендт Х. (2008) Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа.
- Леви П. (2010) Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е. Б. Дмитриевой. М.: Новое издательство.
- Полян П. М., Шнеер А. И. (сост.) (2006) Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы. М.: Новое издательство.
- Хаузнер Г. (1986) 6 000 000 обвиняют. Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана. [Иерусалим:] Библиотека Алия.
- Greif G. (1999) «Wir weinten tränenlos...» Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main.
- Höss R. (1958) Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß. / Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. Veröffentlichungen des Instituts für Zeitgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Bd. 5).
- Levi P. (1995) Die Untergegangenen und die Geretteten. München.
- Müller F. (1979) Sonderbehandlung: 3 Jahre in den Krematorien und Gaskammern von Auschwitz. München: Steinhausen.
- Nyiszli M. (1960) Auschwitz: a Doctor's Eyewitness Account / Transl.: T. Kremer, R. Seaver. New York: Frederick Fell.
- Pendorf R. (1961) Mörder und Ermordete. Eichmann und Judenpolitik des Dritten Reiches. Hamburg: Rütten & Loening.
- Porat D. (1991) Attitudes of the young State of Israel toward the Holocaust and its Survivors: a Debate over Identity and Values // *New Perspectives on Israeli History. The Early Years of the State*, ed. by L. J. Silberstein, New York, pp. 157–174.
- Venezia S. (im Zusammenarbeit mit B. Prasquier) (2008) Meine Arbeit im Sonderkommando Auschwitz. Das erste umfassender Zeugnis eines Überlebenden / Vorwort von Simone Veil. Nachwörter: Marcello Pezzetti und Umberto Gentiloni. Aus dem franz. von Dagmar Mallett. Karl München: Blessing Verlag.
- Zürcher R. (2004) «Wir machten die schwarze Arbeit des Holocaust»: das Personal der Massenvernichtungsanlagen von Auschwitz. Nordhausen: Bautz.

**FROM THE BOOK
PAVEL POLYAN. LIFE AND DEATH IN THE HELL OF AUSCHWITZ:
CHRONICLERS FROM THE JEWISH “SONDERKOMMANDO”
AND THEIR SCROLLS.
MOSCOW: AST, 2018. PP. 126–136**

Pavel M. Polian (Of Nerler)

Doctor of geography. Professor of the faculty of Humanities,
Department of General and applied Philology, National Research University
Higher School of Economics. Director of the Mandelstam center of the HSE.
105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4, p. 1, room 208.

ORCID: 0000-0003-2520-7932

ResearcherID: B-8756-2016

Scopus AuthorID: 7801595047

E-mail: pavel.polian@gmail.com

In the history of the World War II and the Holocaust, the question of the “sonderkomme” is one of the most painful: in death camps such units consisted of Jewish prisoners who had to drive doomed fellow consanguineous into gas chambers, and then handle the corpses. The survivors testified about the Nazi atrocities but has repeatedly been accused of voluntary collaboration with the enemy. The author provides a number of documentary evidence that allows us to take a broader look at the phenomenon itself and avoid personal attacks and biased assessments.

Keywords: the “Sonderkommando”, the death camp, Holocaust, Nazism, Judenrat, Hannah Arendt, ethnocide.

References

- Arendt H. (2008) Banal'nost' zla. Jekhman v Ierusalime [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem], Moscow: Evropa (In Russian).
- Levy P. (2010) Kanuvshie i spasennye [Sunken and saved], transl. by E. B. Dmitrieva, Moscow: Novoe izdatel'stvo (In Russian).
- Poljan P. M., Shneer A. I. (compl.) (2006) Obrechennye pogibnut'. Sud'ba sovetskih voennoplennyh-evreev vo Vtoroj mirovoj vojne. Vospominaniya i dokumenty [Doomed to die. The fate of Soviet Jewish prisoners of war in World War II. Memories and documents]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (In Russian).
- Hauzner G. (1986) 6 000 000 obvinjajut. Rech' izrail'skogo general'nogo prokurora na processe Jekhmana [6,000,000 are blamed. Speech of the Israeli Attorney General at the Eichmann trial], [Jerusalem:] Biblioteka Alija (In Russian).
- Greif G. (1999) «Wir weinten tränenlos...» Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main (In German).

- Höss R. (1958) Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß, *Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. Veröffentlichungen des Instituts für Zeitgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Bd. 5)* (In German).
- Levi P. (1995) Die Untergegangenen und die Geretteten. Münche (In German).
- Müller F. (1979) Sonderbehandlung: 3 Jahre in den Krematorien und Gaskammern von Auschwitz. München: Steinhausen (In German).
- Nyiszli M. (1960) Auschwitz: a Doctor's Eyewitness Account, transl.: T. Kremer, R. Seaver, N.Y.: Frederick Fell (In English).
- Pendorf R. (1961) Mörder und Ermordete. Eichmann und Judenpolitik des Dritten Reiches. Hamburg: Rütten & Loening (In German).
- Porat D. (1991) Attitudes of the young State of Israel toward the Holocaust and its Survivors: a Debate over Identity and Values // *New Perspectives on Israeli History. The Early Years of the State*, ed. by L. J. Silberstein, New York, pp. 157–174 (In English).
- Venezia S. (im Zusammenarbeit mit B. Prasquier) (2008) Meine Arbeit im Sonderkommando Auschwitz. Das erste umfassende Zeugnis eines Überlebenden, *Vorwort von Simone Veil. Nachwörter: Marcello Pezzetti und Umberto Gentiloni*. Karl München: Blessing Verlag (In German).
- Zürcher R. (2004) "Wir machten die schwarze Arbeit des Holocaust": das Personal der Massenvernichtungsanlagen von Auschwitz. Nordhausen: Bautz (In German).

ПЬЕР АБЕЛЯР
В ТРАКТОВКЕ ГЕОРГИЯ ФЕДОТОВА

Людмила Луцевич

Доктор филологических наук.

Профессор кафедры литературоведения
и культурологии факультета прикладной лингвистики,

Варшавский университет.

Адрес: Варшава, ул. Краковское Предместье, 26/28

E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

ORCID 0000-0002-6340-2598

В центре внимания автора статьи малоизученная книга Г. П. Федотова «Абеляр» (1924). Структурно она состоит из трех частей: «Судьба», «Человек», «Мыслитель», в названиях которых Федотов использовал три фундаментальные универсалии, над чьей сущью сам Абеляр размышлял всю жизнь. Средневековый ученый, как выявил Федотов, определял универсалии как особую форму познания действительности (на основе объединения сходных признаков вещей или общих концептов), существующую в человеческом разуме. Культурные универсалии соотносятся с основополагающими отношениями человека и мира, с опытом его осмысления «внешнего» и «внутреннего» содержания, с попытками определения сил, управляющих миропорядком в целом и человеческим поведением в частности. Русского медиевиста привлекла незаурядная личность французского автора, а в структуре личности такой культурно-психический феномен, как самосознание. В рамках изучения самосознания Абеляра Федотов сосредоточился преимущественно на концепции любви. При этом он рассматривал как доминантные процессы средневековой духовно-культурной истории, так и многообразные индивидуальные свойства конкретного индивидуума. Через кропотливое изучение процессов самоосмысления средневековой личности он стремится определить ее позитивные и негативные черты, дать ей моральную оценку. Наряду с аналитичностью ученого Федотов обладает развитой интуицией писателя, что позволяет ему выявлять как особенности психики своего протагониста, так и стилистическую изысканность его повествования.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, П. Абеляр, универсалии, человек, мыслитель, судьба, самосознание.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-268-282

Трагическая любовь Абеяра и Элоизы, оживленная Руссо в его «Новой Элоизе», до сих пор, особенно во Франции, является предметом настоящего культа. <...> Ему удалось приковать к себе страстную любовь и страстную ненависть. Его эксцентричность поражает в письмах, в автобиографии. Самосознание Абеяра должно привлечь внимание историка...

Георгий Федотов¹

Пьер Абеяра как личность привлек пристальное внимание молодого ученого-медиевиста Георгия Федотова (1886–1951) в начале 1920-х гг. Жизненный путь Федотова² в определенной степени отражает судьбы и настроения части русских интеллигентов начала XX в. Их юношеские увлечения — участие в социал-демократическом движении и захваченность марксизмом, последующие аресты и ссылки, революционный опыт — повлекли за собой постепенное осознание трагизма российских социальных катастроф, возвращение в православие, сосредоточение на религиозных проблемах, обращение к научной и публицистической деятельности. Далее для многих произошел уход в эмиграцию. Федотов, пережив, как и многие его современники, духовную эволюцию, принадлежал к новым людям русского культурного возрождения, однако при этом сохранял революционную мятежность юности. Ф. А. Степун вспоминал: «Среди наиболее крупных и значительных людей, перешедших от марксизма к Церкви, Федотов занимает, как мне кажется, совершенно особое место. Читая Бердяева, Булгакова, Франка или Струве, чувствуешь, что, придя к вере, они отошли от своего прошлого, претворили его в своем новом религиозно-философском утверждении веры и Церкви. Федотов единственный, который, придя в Церковь, не отказался от своего интеллигентски-революционного прошлого» (Степун, 1957).

Еще будучи студентом исторического факультета Санкт-Петербургского университета, Георгий Федотов под влиянием своего научного руководителя профессора И. М. Гревса погрузился в изучение культуры европейского Средневековья. За работу «Исповедь блаженного Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи» (1911) он получил золотую медаль и был оставлен при университете по кафедре средневековой истории. В рецензии на эту работу И. М. Гревс с удовлетворением отмечал: «Можно спорить против отдельных взглядов, найти немало частных пробелов, но основное воззрение вызывает согласие и радостное успокоение. Сквозь изложение ярко светятся симпатичные свойства, живущие в авторе, — высокая трудоспособность и интенсивное трудолюбие, задушевное увлечение вопросом, обладание материалом и самостоятельное отношение к проблеме. Правда, действует он и побеждает трудности

¹ Федотов, 1924: 9–10.

² Подробнее о жизненном пути ученого см.: Бычков, 1996: 5–50.

скорее чутким органом мягкой и тонкой поэтической интуиции, чем острым ножом суровой и мелочно точной критики. Но живая нота реконструирующего воображения не подавляет в нем вполне сознательного и определенно научного отношения к предмету и тщательной подготовки» (Федотов, 1996: 315). Действительно, «поэтическая интуиция» в сочетании с аналитикой и основательной подготовкой стали основой федотовского метода в исследовании истории. Медиевистика серьезно увлекла Федотова, он всячески старался расширить познания в этой области, занимался переводами, публиковал специальные статьи, среди которых «“Письма” Бл<аженного> Августина» (1911), «К истории средневековых культов», «Боги подземелья» (обе 1923).

В 1924 г. Федотов издал монографию «Абеляр». Эта работа свидетельствует, что ее автор в процессе изучения истории Средневековья в равной степени внимателен как к духовной, так и к светской культуре. С первых же страниц монографии совершенно очевидно, что автор буквально очарован «центральным» для всего Средневековья XII веком, на долю которого выпал «главный труд и подвиг» в создании «великолепной культуры», несущей «совершенно новое жизнеощущение и новую оценку любви» (Федотов, 1924: 5, 6). Вместе с тем ученый считает XII столетие необычайно сложным: резко обостряются религиозные противоречия и христианство разрушается «принципиальным дуализмом»; возникают новый мистицизм, гуманизм и евангелизм, которые нередко «сливаются в одном сознании» и с трудом примиряются с рационализмом (Там же: 5–7). Ученый убежден, что Абеляр стал жертвой непримиримых противоречий своей эпохи: всю жизнь он выступал как борец «за дело разума, терпел в этой борьбе жестокие поражения и, изменяя своей идее, все же погиб за нее. Это сделало его мучеником “просвещения”, одним из первых в христианском человечестве» (Там же: 8). Согласно Федотову, Абеляр сознавал границы разума, не способного постигнуть тайны божественной природы. Так формировалась его потребность в «откровении как озарении разума» (Там же: 133–134). Сближая разум и откровение в качестве двух источников познания, Абеляр, что неоднократно подчеркивает Федотов, отдает приоритет разуму как высшей способности человека, благодаря которой даруется «вдохновение свыше» (Там же: 134).

Фундаментальное соотношение двух способностей человеческой души — разума и веры — во все время развития истории общественной мысли является важнейшей философско-теологической проблемой. Многовековая борьба между рационализмом и верой, по мысли Федотова, с новой силой разгорается в начале XX в., и так становится актуальным наследие Абеляра. Однако русского ученого привлекает не столько «святочтение» (философско-теологическое учение) Абеляра, сколько его личность, которая «интереснее его “дела”»; а в структуре личности — культурно-психический феномен, который он называет «взры-

вом» человеческого «самосознания в самой глубине средневековья» (Там же: 10). В рамках изучения самосознания французского автора Федотов сосредоточивается на концепции любви, ведь Абельяр — «первый средневековый человек, рассказавший, не в лирической песне, о своей любви» (Там же: 9).

Структурно монография состоит из трех глав: «Судьба», «Человек», «Мыслитель». В названиях этих глав, как видно, Федотов использовал три фундаментальные *универсалии*, над сутью которых Абельяр размышлял всю жизнь. Он определял универсалии как особую форму познания действительности (на основе объединения сходных признаков вещей или общих концептов), существующую в человеческом уме. Названные культурные универсалии — *судьба, человек, мыслитель* — соотносятся с основополагающими отношениями человека и мира, с опытом его осмысления «внешнего» и «внутреннего» содержания, с попытками определения сил, управляющих миропорядком в целом и человеческим поведением в частности, и др. (подробнее о концепте *судьба*: Вежбицкая, 2011: 424–498). Размышления на эти и другие, так называемые стержневые, темы буквально рассыпаны на страницах книги.

В первой главе универсалия *судьба* с ее тотальностью, непознаваемостью, независимостью от человеческой воли лишь отчасти трактуется Федотовым как совокупность predetermined событий, обстоятельств, действий, влияющих на жизнь Абельяра. Хотя ученый несколько раз и воспользовался высказываниями типа «*судьба* развела противников», «*судьба* дает ему отсрочку приговора», «*судьба* не скупилась на унижения», в целом «судьбу Абельяра» он соотносит не столько с идеей predeterminedности или, как он пишет, «отражением роковой случайности», сколько с исторической обусловленностью: «развертыванием заложенного в нем (Абельяре. — Л. Л.) трагического противоречия, необходимой исторической жертвы» (Федотов, 1924: 89). Более того, Федотов пытается уяснить роль личного самосознания философа в его собственной судьбе, разделяя, видимо, позицию В. С. Соловьева, писавшего, что судьба, «хотя и независима от нас по существу, однако может действовать в нашей жизни только через нас, только под условием того или иного отношения к ней со стороны нашего сознания и воли» (Соловьев, 1990: 179). Сознание как высшая ступень интеллектуально-психического развития и воля как способность к саморегуляции, без сомнения, уникальные свойства человека.

Универсалия *человека*, проявляясь в культуре, литературе, как известно, выступает мерилем самосознания человека и личностного самосознания эпохи. Для времени Абельяра были актуальны две концепции, антагонистичные по существу: согласно христианской человек есть образ и подобие Божие, согласно античной он разумное животное. Входя наряду с другими составляющими в фундамент схоластики, обе модели создавали непреодолимое противоречие для мышления.

Федотова не особо интересуют сами эти концепции; во второй главе монографии «Человек» он сосредоточился преимущественно на анализе самосознания Абеляра в сюжете, с позиций эпохи воплощенном в автобиографической «Истории моих бедствий». Федотов поставил перед собой конкретную задачу: «нарисовать не столько характер, сколько самосознание Абеляра» (Федотов, 1924: 62). Как видно, он разделяет понятия «характер» («природный характер») и «самосознание». Характер мыслится как совокупность врожденных физических и психических отличительных свойств, присущих индивиду от природы и накладывающих отпечаток на его поведение. Самосознание трактуется как явление культуры, возникающее на определенном этапе ее развития.

Рассматривая автобиографическую личность так, как она выразилась в тексте, Федотов пытается постоянно соотносить культурно-историческое наследование с физиолого-биологическим. При этом он настойчиво повторяет: «мы должны исходить из “Истории моих бедствий”. Самая форма этого произведения дает ключ к автору» (Там же: 65). Предшественники Федотова соотносили «Историю...» с «Исповедью» Августина, но сам он заявлял, что сочинение Абеляра «не исповедь, не молитва, не диалог с богом»: его цель не религиозна, как у Августина. Религиозный взгляд не предполагает рационального осмысления, поскольку базируется на вере. Федотов допускает возможность превращения «Истории...» в исповедь, если бы автор положил в основу произведения «отчасти религиозную, отчасти философскую идею возмездия», возникающую в его тексте при описании роковой встречи с Элоизой. «Благополучие всегда делает глупцов надменными, а беззаботное мирное житие ослабляет силу духа и легко направляет его к плотским соблазнам» (Абеляр, 1992: 265). Однако в дальнейшем, как отмечает русский ученый, эта идея «не развивается совершенно» (Федотов, 1924: 73). Разделяя идею Федотова о возможности перерождения «Истории...» в исповедь, С. С. Неретина уточнила: «Исповедь кидает взгляд на свое существование из мгновения предполагаемого смертного часа, включая в себя <...> и покаяние, и мольбу. “История...” же, хотя формально и завершена, фактически обрывается на полуслове, а покаяние скорее похоже на самооправдание — в приверженности к естественному и нормальному человеческому существованию: женитьбе, любви, земным благам» (Неретина, 1995: 169).

Федотов не обнаружил в «Истории...» ни глубокого отражения внутреннего религиозного опыта автора, ни его истинно религиозных отношений к Богу, к миру, собратьям. Формально, считает исследователь, Абеляр преследует цель нравственную: «утешить друга в несчастье описанием своих бедствий», но содержание «Истории...» показывает, что «утешение» — «чистая фикция», своего рода литературный прием, призванный убедить читателя в искренности авторских интенций. Ученый убежден, что описание бедствий возникло из глубоко

личных потребностей Абеяра «говорить о своих страданиях». Именно «история» (повествование, повесть), как считает Федотов, с ее «наготой и неприкрашенностью», «подлинным патетическим лиризмом» и «горечью» позволила Абеяру «поднять голос, чтобы говорить о себе — не тоном кающегося грешника, но жалуясь и обвиняя» (Федотов, 1924: 65). Обращаясь к теме бедствий Абеяра, Федотов указывает на ее античные истоки: здесь представлены «превратности фортуны», «смена счастья беспримерным падением», жалобы на горестные обстоятельства и происки врагов. При этом протагонист «знает только одно счастье — славу, одну боль — унижение» (Там же).

Ученый стремится выявить человеческие черты, чувства, способы выражения эмоций, моральные позиции автора, характер его рефлексии, доминирующий принцип отражения самосознания (чувственный/рациональный). Федотов обращает внимание на то, что сам Абеяр концентрируется преимущественно на тех эпизодах, которые свидетельствовали бы, с одной стороны, о его славе (слово «слава» <...> все время бросается в глаза при чтении «Истории моих бедствий»), с другой — об «унижении»: он «всецело поглощен славой и унижением» и абсолютно «не останавливается на таких вещах, как истина или ложь» (Там же). Анализируя слова, поступки, действия, рефлексии своего протагониста, Федотов фиксирует в авторском самовосприятии акцентирование собственной прирожденной одаренности, талантливости, физических достоинств, высоких моральных качеств. Кроме того, ученый указывает на «повышенную чувствительность Абеяра к чужой оценке», на его гордость и эгоцентризм, честолюбие и тщеславие (Там же: 67, 77, 69): он «выше ценит в себе профессора, чем философа и писателя. В профессоре он подчеркивает не труд, не знания, не служение истине, а блеск изложения, остроумие, все растущую популярность. Обратной стороной этого самолюбия является обостренная способность ощущать стыд, унижение, как деградацию личности — и притом внешнюю» (Там же: 71). Вместе с тем Абеяр «большой ум», он откровенен, стыдлив, одинок, ироничен, не завистлив, очень неустойчив, противоречив: «Его жизнь — сплошное метание и бегство. Он принимает ответнейшие обеты (уходит в монастырь, становится аббатом) без серьезных оснований. Скоро наступает раскаяние и разочарование. В его жизни нет внутренней последовательности; он не строит ее сам, он всегда уступает обстоятельствам и настроениям» (Там же: 80).

Собственная жизнь, считает ученый, рисовалась Абеяру «лишенной цельности и устоев»; он сам «произнес над собой самый суровый приговор <...> говоря о бесполезной и жалкой жизни <...> применяя к себе слова притчи: “этот человек начал строить и не мог окончить”» (Там же: 83). Федотов стремится показать совокупность самых различных свойств и качеств своего героя, как положительных, так и отрицательных. Общая негативная оценка личности в конечном сче-

те определяется ее «моральной слабостью». Аргументируя свою оценку, ученый анализирует три основных фактора, влияющих на культурно-духовное состояние личности. Это «природная» индивидуальность, биография и сознание. Именно в сознании, убежден Федотов, где доминирующим оказался христианский рационализм, и произошел «глубокий раскол»¹: у Абеяра «нет голоса внутреннего откровения», его слабость обусловлена «рассудочностью его религии» (Федотов, 1924: 83). «Абеяра, — писал исследователь, — воплотил в своей мысли и жизни только одну идею своего богатого века: ее чаще всего называют рационализмом или “просвещением”» (Там же: 8). Православный Федотов, как видно, противится всепроникающей рассудочности, характерной для западного католического мыслителя. Философствование русского ученого скорее экзистенциально, ориентировано на проблемы существования, а не на рационалистические задачи; его более интересует личность в ее эмоциональных состояниях и чувствах, среди которых заметная роль отведена любви.

Федотов особо останавливается на абеяровском образе любви, создавшей философу посмертную славу (Неретина, 2018: 285–313). Парадоксальность ситуации, по мнению исследователя, заключается в том, что в истории культуры «Абеяра, схоластик по преимуществу, окружен ореолом романтизма». Схоластик сосредоточен на формально-логических проблемах и оперирует рационалистической методикой, романтик бунтует против рационалистических абстракций, ценит чувства и интуицию, утверждает самоценность духовно-творческой личности. В оценке Федотова Абеяра несомненный схоластик-рационалист, однако его заслуга в том, что он честно описал в автобиографии чувство любви так, как его разумел. Следовательно, без анализа отношений влюбленных «не может быть понимания и биографии Абеяра» (Федотов, 1924: 90).

В представлении Федотова любовь не только интимное чувство, но и большая культурно-историческая проблема, поэтому анализ взаимоотношений Элоизы и Абеяра он предваряет изящным эссе о миннезанге. В рыцарской куртуазной поэзии, по словам ученого, «на грани XII столетия любовь впервые обретает язык в христианском человечестве» (Там же). Федотов использует понятие «мин-

¹ Для сравнения: через десять лет, 5 июля 1935 г., в дневнике Федотов запишет: «Несомненно, раскол сознания мешает мне построить мою личность. Борьба с грехом была бы легка (или хотя бы возможна), если бы я твердо знал, чего от меня хочет Бог. Конечно, я твердо знаю, в чем грех, мой грех, которого Бог не хочет. Но чтобы бороться с тем, что все-таки сладко, хотя и тошно, мало отрицательного убеждения. Нужна цельность ума и воли. Только тогда сердце подчинится. И вот здесь оказывается роковой позиция вечного сопротивления — церкви. Подчиниться просто не могу: знаю, что в целом ряде конкретных фактов это значило бы отречься от Христа. Сделать выбор — раз навсегда? Для этого нужно иметь совершенно ясный образ Христа — или Его благодать. Но образ Его раздвоился, ибо я не в силах просто отбросить “Ярое Око”, мою детскую веру. Получается круг. Церковь не только предаёт Христа, но и искажает Его. Но вне ее я бессилён найти Его. Ибо Он, конечно, в ней живёт. Где выход из круга? В глубине сердца живёт неумирающее, глупое, оптимистическое сознание, что выход найдётся. Стоит лишь сделать маленькое усилие — борьбы с грехом» (Антощенко (публ.), 2018: 284).

незанг» для обозначения зародившейся в Провансе поэзии французских трубадуров, создавших лирику куртуазной любви, где женщина из существа низшего порядка преобразилась в идеал (Прекрасная Дама). В творческой деятельности трубадуров сложился литературный романский язык. Они работали в разной тематике (исследователям доступны произведения политического, военного, социального, философского характера), но для истории литературы и культуры это прежде всего авторы любовной лирики. Федотов замечает: «для явлений духовной культуры обретение языка есть, в сущности, рождение. В слове, или в языке форм, из хаоса смутных переживаний впервые возникает явление как факт самосознания. Таково рождение новой любви. Это событие огромного значения еще не вполне выяснено в своем происхождении» (Там же: 90). Ученый считает «почти чудесным» возникновение миннезанга в конце XI — начале XII в. в поэзии герцога Аквитанского Гильома IX как «вполне сложившегося, культурного и даже утонченно культурного явления»; указывает на его многообразные истоки (то взаимоотталкивающиеся, то взаимоперекрещивающиеся), среди которых народная лирика, рыцарский эпос, эротическая поэзия Овидия, культура Прованса, христианская углубленность чувства, мистицизм Бернарда Клервоского и др. У новой любви — и новое содержание, связанное с «возрождением Эроса — в платоновском смысле — в соединении с культом женщины <...> Эта чувственно-идеальная любовь облекается в формы “куртуазного” служения даме и отягчена острым, часто мучительным самоанализом. Любовь ощущают как высшую власть, но и как безумие. Она несет с собой нежное страдание и, ранив сердце, извлекает из него и жалобы, и славу “владычице”. Острая эротика и спиритуалистический символизм, формальная изощренность и глубокий лиризм — таковы полюсы поэтического выражения новой любви. <...> В эту эпоху, когда на юге Франции создавалась новая культура любви, в Париже Абельяр воспевал в стихах свою возлюбленную. Спустя годы, он — первый христианин — рассказал в прозе историю своей любви» (Там же: 91).

Возвращаясь к изучению взаимоотношений Элоизы и Абельяра, Федотов обратился к принципу двойной перспективы: в главе «Судьба» он предпринял попытку реконструкции «картины преступной любви учителя и ученицы подлинными словами Абельяра»; в главе «Человек» произвел «анализ его анализа» (Там же: 92). Самоанализ Абельяра вызвал его наибольший интерес. Рассматривая самосознание авторской личности, представленное в «Истории...», ученый выделил два момента, касающиеся оценки философом своих любовных чувств.

Во-первых, Федотов зафиксировал, что Абельяр осудил свои взаимоотношения с Элоизой. Абельяр сам не раз указывает, что задуманная им любовь-игра была основана на половом влечении и желании получить удовольствие. Федотов называет любовь учителя и ученицы «преступной»: «это сладострастие (*luxuria*), уступ-

ка чувственности (*libido*) в соединении с нечистыми путями достижения — даже гнусность (*turpitudō*)» (Там же: 92). Ученый усматривает в самоописании своего героя «только чувственную связь» и вследствие этого заключает, что «любовь» Абеяра «вполне антична» (Там же: 93), то есть определяется преимущественно языческими, дохристианскими представлениями. Федотов не проходит мимо самоосуждения философом плотской любви «как греха и падения», но, считая это осуждение чисто формальным морализаторством, ограничивается кратким ироническим комментарием: «Абеяра недолго останавливается на моральной оценке своего поведения» (Там же: 92).

Во-вторых, ученый заостряет внимание на попытке Абеяра «изобразить психологию своей любви с возможной объективностью» (Там же). Но что это за объективность? Федотова поражает, насколько его герой рассудочен. В описании любовных сцен речь не идет ни «о божественной, ни о демонической силе Эроса», ни о красоте возлюбленной, зато отмечены высокие научные познания Элоизы, позволяющие возлюбленным вести интеллектуальные беседы и переписку. Изучив авторские самоописания, Федотов представляет Абеяра человеком трезвым, рассудочным, «тщательно взвешивающим и обдумывающим свой любовный выбор» (Там же). Он упрекает Абеяра в том, что его мало интересуют любовные переживания Элоизы, зато он «считает вполне возможным — характерная социальная черта — добиться любви угрозами и побоями» (Там же: 93). Ученый приходит к заключению, что «Абеяру чуждо было куртуазное отношение к женщине», и замечает с заметной долей иронии: «По природе мужчина создан более совершенным существом: он один по образу Божию, жена по образу Адама» (Там же: 94). В эпоху Средневековья женщина, не созданная по образу и подобию Божию, трактовалась как существо низшее и несамостоятельное по сравнению с мужчиной. Ее подчиненность мужу земному рассматривалась как элемент подчинения мужу небесному, духовному. Федотов отмечает, что Абеяра не отрицает греховности своих помыслов и деяний; он испытывает стыд, пытается даже определить свою вину, обусловившую его падение, указывает на такие черты своего характера, как гордыня и сладострастие. Описав продуманное соблазнение Элоизы, он понимает неизбежность и закономерность наказания (в виде обрушившихся на него несчастий), но главную причину преследующих его бедствий Абеяра все же видит не в себе, а в зависти и ненависти окружающих. Пером Абеяра движет не смиренное христианское покаяние, а тщеславное желание оправдаться и даже прославиться, вот почему «самая огромность его бедствий исполняет его каким-то гордым удовлетворением» (Там же: 74). Будучи одновременно и автором, и героем «Истории...», Абеяра несомненно правдиво, согласно собственному разумению, рассказывает о бедах своей жизни, но не предпринимает ни одной попытки что-либо изменить в себе самом.

В третьей главе «Мыслитель» Федотов предпринял «попытку охарактеризовать основные тенденции Абельяра как философа, теолога и этика». Развитие научной философской мысли в эпоху Средневековья выдвинуло на первый план проблему оправдания откровения разумом: вера должна обязательно получить рассудочное обоснование. Разум начинает артикулировать свои, отличные от веры, позиции, пытаясь логически обосновать веру. Абельяр отчетливо продемонстрировал эту тенденцию в трактате «Да и Нет» («Sic et Non», 1121–1122), где свел воедино более 1800 противоречивых цитат из Библии и трудов христианских авторов на одну и ту же вероисповедную тему (всего представлено 148 догматов), например, единства и троичности Бога, согласования человеческой свободы и Божественного предопределения, соотношения двух природ Христа (божественной и человеческой), ответственности человека при Божественном всеведении. Он выдвигает аргументы *pro et contra* сформулированных тезисов, сосредоточиваясь более на диалектических способностях мышления, чем на попытках прийти к какому-либо общему заключению. Формально Абельяр все еще повторяет формулу Августина: «понимаю, чтобы верить, и верую, чтобы понимать», но тенденция философствования вне веры вполне очевидна. Федотов фиксирует этот факт: «Дух впервые сознает свою логическую мощь, и ставит себе целью все понять, не уступить вере ни одной из ее тайн. Ничего не отрицают, но чересчур много понимают. Отсюда трагические конфликты с наивной или мистической верой» (Там же: 8).

Три основных сочинения, над которыми Абельяр работал долгие годы, — это «Теология», «Диалектика» и «Этика», представляющие три сферы средневекового знания. Как теолог Абельяр обращал свою мысль к Богу; как философ опирался на диалектику, как этик учил «познанию самого себя» в аспектах морали и нравственности. Федотов пишет об эрудиции, «ясном и сильном уме» Абельяра, отмечает значительность его влияния на развитие философской и богословской мысли XII в. Ученый подробно рассмотрел эпохальный конфликт между «реализмом» и «номинализмом», где Абельяр занял промежуточную позицию; опыты критического исследования Святого Писания и отцов церкви; учение Абельяра о Троице, навлекшее на него обвинения в модализме и арианстве, абеляровскую трактовку искупления как морального влияния и другие проблемы. Однако и в здесь Федотов обнаружил только «следы отрывочности и расколотости» (Там же: 114), поэтому он предпочел говорить о философских и теологических «тенденциях» в наследии Абельяра, чем о его конкретных достижениях. Зато этику ученый назвал «жизненным нервом», «основной интуицией», «основным стержнем» размышлений Абельяра. «Его этика, — писал Федотов, — отрываясь от религии, живет абстрактной, “секуляризованной” жизнью, хотя иногда пускает отростки глубоко в религиозную жизнь» (Там же: 151).

Один из таких «отростков» — учение о покаянии. Абельяр ставил вопрос о моральной основе человеческих поступков. Размышляя о таких понятиях, как *порок* и *грех*, он поясняет, что порок — это склонность к постыдному поступку, грех — согласие на зло, а добро, в свою очередь, — намерение следовать воле Бога. Он различает намерение и результат поступка, но и предупреждает: хорошие намерения могут вести к дурным последствиям. По мнению философа, определяющую роль всегда играет именно намерение — сознательно избранная интенция, направленность души. Человек осознает добро и зло благодаря совести, в которой ясно выражена воля Бога. Муки совести есть показатель любви к Богу¹. Непременным условием прощения грешника, по Абельяру, является его покаяние, сопровождаемое «сокрушением сердца». Именно в «раскаянии, угрызениях совести, покаянии, исповеди, — отмечает Неретина, — фиксируются моменты самосознания и самодетерминации человека» (Неретина, 1995: 161, 168).

Множество философско-богословских и морально-этических проблем, затронутых Абельяром и соответственно так или иначе отразившихся в последней главе книги, создают ощущение некоей поспешности в стремлении Федотова обозначить как можно более полный круг идей, концептов, универсалий, значимых для мыслителя. Полученный результат ученый сам вполне справедливо называет «отрывочными замечаниями», и они «едва ли могут воссоздать отчетливый образ Абельяра-мыслителя». В трудах средневекового философа содержится нескончаемый поток «противоречий», что заставляет Федотова заключить: «противоречия его рождаются не из слабости мысли <...> в конечном счете из слабости личности. Это общее — хотя и Отрицательное — впечатление пусть свяжет воедино разнохарактерные главы этой книжечки» (Федотов, 1924: 153). При этом Федотов не отказывает в симпатии своему герою. Более того, в последних строках он вновь актуализирует наследие Абельяра, заявляя: «Поставленные им проблемы не перестают жечь и наше поколение, обязанное с уважением отнестись к тому, кто пал их первой жертвой» (Там же: 156).

Будучи исследователем, Федотов, принимая во внимание общие процессы духовно-культурной истории, стремится выявить многообразные черты, свойства и качества конкретного индивидуума через кропотливое изучение его самопознания, определить позитивные и негативные черты, сформулировать выводы,

¹ В. С. Библер описал состояние средневекового христианина следующим образом: «Моя совесть должна мучить меня, как бы я ни поступил, — мучить в душе, в бескомпромиссном предвосхищении (ведь в реальной жизни такие предельные ситуации обычно исключены) бескомпромиссного события — на грани последних вопросов бытия. Но поступить — не убить — не дать убивать — я обязан и свободен всегда, до тех пор, пока я нравствен, поступком своим вновь и вновь возрождая исходную безвыходную нравственную перипетию. И нравствен индивид лишь постольку, поскольку он осмысливает и внутренне переживает — как бы мгновенно это осмысление ни осуществлялось — всю безысходность этой перипетии, и поскольку он свободно (иного не дано!) совершает поступок, вновь создающий и вновь погружающий в глубь сознания, в разум, в сферу совести все эти непереносимые трудности жить и поступать по-человечески» (Библер, 1990: 14–15).

дать моральную оценку. Наряду с аналитичностью ученого Федотов обладает развитой интуицией писателя, что позволяет ему углубляться в тонкости психологии личности и стилистики текста. Ф. А. Степун признавался, что был захвачен писательским дарованием Федотова, «ускоренным пульсом его мысли, яркостью и крылатостью его языка» (Степун, 1957).

Книга Федотова в момент издания (1924) не успела привлечь к себе внимание читателя. Отъезд автора в 1925 г. за границу (сначала в Берлин, затем в Париж) и вовсе сделал ее недоступной (тираж не указан, отзывов не было; в библиотеках книга оказалась в спецхранах). От дальнейшего исследования истории европейского Средневековья ученый вынужденно отказался: в Париже был переизбыток своих медиевистов. Ради заработка он занялся журналистикой, став вскоре популярным публицистом. Приняв приглашение стать преподавателем в Свято-Сергиевском богословском институте, Федотов получил возможность возобновить научные занятия: сначала он читает лекции по истории западноевропейских вероисповеданий, а затем обращается к изучению древнерусской святости. Именно на поприще агиологии ученый и получил, как известно, наиболее значимые результаты (см.: «Святые Древней Руси», Париж, 1931).

Книга «Абеляр» (как и федотовское наследие в целом) долгое время не привлекала внимания исследователей, но в последние два десятилетия ситуация меняется, появляются специальные работы, где затрагиваются отдельные аспекты поставленных автором проблем¹.

Литература

- Абеляр П. (1992) История моих бедствий // Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий / Сост. и аналитич. статьи В. Л. Рабиновича. М.: Республика. С. 260–294.
- Антощенко А. В. (публ.) (2018) Неопубликованные страницы дневника Г. П. Федотова // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». № 1 (17). С. 283–289. DOI 10.25513/2312-1300.2018.1.283-289.
- Библер В. С. (1990) Нравственность. Культура. Современность (Философские размышления о жизненных проблемах). М.: Знание.
- Бычков С. С. (1996) Г. П. Федотов (биографический очерк) // Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 т. М.: Мартис, SAM & SAM. Т. 1. С. 5–50.
- Вежбицкая А. (2011) Судьба и предопределение. Пер с англ. Р. И. Розиной // Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки русской культуры.

¹ См., например, статьи: Гребешев И. В. Персоналистские мотивы в ранних трудах Г. Федотова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. № 1 (11). С. 230–234; Он же. Проблема личности в медиевистике Г. Федотова // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2008. Т. 2. № 11. С. 5–8; Он же: Личность и история в историософии и медиевистике Г. Федотова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» 2008. С. 165–172. Гумерова Ж. А. Культурно-исторические взгляды Г. П. Федотова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 72–75; Она же. «Человеческое измерение» в русской исторической мысли начала XX в. (на примере творчества Г. П. Федотова) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 386. С. 105–111.

- Гревс И. М. (1996) «Исповедь» бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры эпохи. Сочинение, написанное Г. П. Федотовым на тему, предложенную историко-филологическим факультетом, по средневековой истории. Рецензия // Федотов Г. П. Собр. соч. в 12 т. М.: Мартис, SAM & SAM. Т. 1. Приложение. С. 312–317.
- Неретина С. С. (2018) Концепт любви: Петр и Элоиза // *Философские эманации любви* / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. М.: Изд. Дом ЯСК. С. 285–313.
- Неретина С. С. (1995) Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис.
- Соловьев В. С. (1990) Судьба Пушкина // *Соловьев В. С. Литературная критика / коммент.* Н. И. Цимбаева. М.: Современник.
- Степун Ф. А. (1957) Георгий Федотов // *Новый журнал*. № 49. С. 222–242. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=2434&id=4201&view=print (дата обращения: 31.01.2020).
- Федотов Г. П. (1924) Абеяра. Петербург: Издательство Брокгауз — Ефрон.

PIERRE ABELARD
IN THE INTERPRETATION OF GEORGE FEDOTOV

Lyudmila Lutsevich

DSc in Philology, Professor, Department of Literary Studies and Culturology,
Faculty for Applied Linguistics University of Warsaw, ul. Krakowskie Przedmieście
26/28, 00-927, Warszawa, Polska
E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl
ORCID 0000-0002-6340-2598

The author of the article focuses on the insufficiently studied book of G. Fedotov “Abelard”. Structurally, it consists of three parts: “Fate”, “Man”, “The Thinker”, in the names of which Fedotov used three fundamental universals, the essence of which Abelard himself pondered over his whole life. The medieval scientist, as Fedotov revealed, defined universals as a special form of cognition of reality (based on the combination of similar signs of things or general concepts) that exists in the human mind. It is cultural universals that correlate with the fundamental relations of man and the world, with the experience of his understanding of the “external” and “internal” content, with attempts to determine the forces that control the world order in general and human behavior in particular. The Russian medievalist was attracted by the extraordinary personality of the French author, and in the structure of the personality there was such a cultural-psychological phenomenon as self-awareness. In the study of self-awareness, Abelard Fedotov focuses primarily on the concept of love. At the same time, he considers both the dominant processes of medieval spiritual and cultural history, and the diverse individual properties of a particular individual. Through painstaking study of the processes of self-understanding of the medieval personality, he seeks to determine its positive and negative traits, to give her a moral assessment. Along with the analyticity of the scientist, Fedotov possesses a developed intuition of the writer, which allows him to identify both the features of the psyche of his protagonist and the stylistic sophistication of his narration.

Keywords: G. P. Fedotov, Abelard, universals, man, thinker, fate, self-awareness

References

- Abeljar P. (1992) Istorija moih bedstvij [History of my disasters], *Avgustin Avrelij. Ispoved'. Petr Abeljar. Istorija moih bedstvij [Augustine Aurelius. Confession. Peter Abelard History of my Disasters]*, Coll. and Articles by V. Rabinovich, Moscow: Respublika, pp. 260–294 (In Russian).
- Antoshhenko A. V. (publ.) (2018) Neopublikovannye stranicy dnevnika G. P. Fedotova [Unpublished Pages of Georgy Fedotov's Diary], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. «Istoricheskie nauki» [Bulletin of Omsk University. Ser. "Historical Sciences"]*, no. 1 (17), pp. 283–289 (In Russian). DOI 10.25513/2312-1300.2018.1.283-289.
- Bibler V. S. (1990) Nravstvennost'. Kul'tura. Sovremennost' (Filosofskie razmyshlenija o zhiznennyh problemah) [Moral. The Culture. Modernity (Philosophical Reflections on Life Problems)], Moscow: Znanie (In Russian).
- Bychkov S. S. (1996) G. P. Fedotov (biograficheskij ocherk) [G.P. Fedotov (Biographical Sketch)], *Fedotov G.P. Collected works in 12 Vols*, Vol 1, Moscow: Martis, SAM & SAM, pp. 5–50 (In Russian).
- Fedotov G. P. (1924) Abeljar [Abelard]. Petersburg; Izdatel'stvo Brokgauz — Efron (In Russian).
- Grevs I. M. (1996) «Ispoved'» bl. Avgustina kak istochnik dlja ego biografii i dlja istorii kul'tury jepohi. Sochinenie, napisannoe G. P. Fedotovym na temu, predlozhennuju istoriko-filologicheskim fakul'tetom, po srednevekovoj istorii. Recenzija [“Confession” bl. Augustine as a Source for his Biography and for the History of the Culture of the Era. An Essay Written by G.P. Fedotov on a Topic Proposed by the Faculty of History and Philology, on Medieval History. Review], *Fedotov G. P. Collected works in 12 Vols*, Vol 1, Moscow: Martis, SAM & SAM, pp. 312–317 (In Russian).
- Neretina S. S. (2018) Koncept ljubvi: Petr i Jeloiza [The concept of love: Peter and Eloise], *Filosofskie jemanacii ljubvi [Philosophical Emanations of Love]*, Coll. and Edit. by Ju. V. Sineokaja. Moscow: Izd. Dom JaSK, pp. 285–313 (In Russian).
- Neretina S. S. (1995) Slovo i tekst v srednevekovoj kul'ture. Konceptualizm Abeljara [Word and Text in Medieval Culture. Abelard Conceptualism]. Moscow: Gnozis (In Russian).
- Solov'ev V. S. (1990) Sud'ba Pushkina [The fate of Pushkin], *Literaturnaja kritika [Literary Criticism]*, comm. by N. I. Tsymbaev, Moscow: Sovremennik (In Russian).
- Stepun F. A. (1957) Georgij Fedotov [Georgy Fedotov], *Novyj zhurnal [New Magazine]*, no. 49, pp. 222–242. URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=2434&id=4201&view=print (accessed: 31.01.2020) (In Russian).
- Wierzbicka A. (2011) Sud'ba i predopredelenie [Fate and Destiny] (transl. by R. I. Rozina), *Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty [Semantic Universals and Basic Concepts]*, Moscow: Jazyki russkoj kul'tury (In Russian).

«НАСТАЛО ВРЕМЯ ОСТАНОВИТЬСЯ»

(о книге: Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 г. М.: Модест Колеров, 2019)

Пятнадцатый том ежегодника «Исследования по истории русской мысли» решением его издателя оказался последним. Об этом можно только сожалеть: предыдущие выпуски были не только информационно насыщенными, но и тщательно подготовленными, научно выверенными, библиографически исчерпывающими. Качество подготовки текстов составитель М. А. Колеров почитает делом личной чести, и результат, как говорится, налицо.

Том, завершающий серию, состоит из нескольких разделов. В первом помещены материалы о В. С. Соловьеве, С. Л. Франке, Н. А. Бердяеве и И. А. Ильине, носящие как мемуарный (публикация воспоминаний Л. Е. Оболенского и предисловие к ней М. А. Колерова), так и аналитический характер (статьи Тимура Щукина, А. М. Хамидулина). Отмечаются нетривиальные источники рассуждений русских религиозных философов, их аргументации в полемике: например, в статье Щукина таким источником названа византийская и русская иконопись.

Во втором разделе мы находим богатый материал по творчеству С. Л. Франка, подготовленный Г. Е. Аляевым и Т. Н. Резвых. Речь идет о Франке как о социальном психологе: сам он писал, что «придумал» науку социальную психологию.

Четвертый раздел включает статьи, в которых философия показана в связи с литературой. Он открывается статьей Колерова, посвященной работе М. О. Гершензона над сборником «Вехи». Далее следуют статьи о поездках в Италию А. Белого и В. Ф. Эрна (О. В. Марченко), о «пожизненной связи» А. З. Штейнберга с А. А. Блоком (Нелли Портнова), о значимости В. В. Розанова для Г. В. Адамовича (Андрей Тесля), о взаимоотношениях С. Л. Франка и А. В. Тырковой-Вильямс (Тереза Оболевич). Также включены публикация писем Тырковой-Вильямс к Т. С. Франк, анализ стихотворения Франка (Оболевич) и инскрипты С. Н. Булгакова, А. Н. Потресова, Б. А. Кистяковского и М. И. Туган-Барановского (1897–1917), подготовленные Колеровым.

Советский и постсоветский периоды представлены публикацией переведенного на русский язык «отчета» грузинского советского историка Николая Александровича Бердзенишвили «В гостях у товарища Сталина в Сочи. 20 октября в 11 часов, 21 октября, 22 октября, 23 октября — 3 часа 45 года» (Колеров). Предметом исследований стало творчество Всеволода Вишневского (Александр Дмитриев), М. А. Зоценко (А. В. Мартынов), А. З. Штейнберга (Л. Кацис). В завершающих текстах намечен вопрос об актуальности наследия К. Н. Леонтьева (Юрий Пущаев) и И. А. Ильина (Виктор Милитарёв).

В конце тома находится блок рецензий и указатели: I. Серия «Исследования по истории русской мысли» (1996–2019); II. Ежегодники «Исследования по истории русской мысли».

Статьи, вошедшие в ежегодник, выявляют связи между различными направлениями и течениями русской мысли, обнажают смысловые узлы и расширяют проблемное поле, на котором еще долго предстоит работать добросовестным исследователям. Пока же остается еще раз выразить сожаление о прекращении столь интересного издания, каким был ежегодник М. А. Колерова.

От редакции

ПРЕДПОЧИТАЯ ДЖУНГЛИ

(о книге Владимира Кантора «Шум времени, или Быль и небыль. Философическая проза и эссе». М.; СПб.: ЦГУ Принт, 2020)

В аннотации к книге прозы Владимира Кантора «Шум времени, или Быль и небыль. Философическая проза и эссе» сказано, что автор «обращается к давней своей теме — силе женщины, женщины-спасительницы, будь она девочка или взрослая...». И все здесь проникнуто ею. Бабушка, мать, жена — они все здесь, каждая со своим характером, со своей жизненной историей, человеческим багажом, внутренним сюжетом.

Но, однако, том открывается стихотворением Пушкина... нет, не «Мадонна», как можно было бы ожидать, — «Дар напрасный, дар случайный...»

Метафора «женщина — жизнь»?..

Понять так — соблазнительно, но уж больно очевидно сопоставление. Скорее хочется представить себе иное: есть быль, есть небыль, а образ женщины располагается между, словно качельный столбик, а по сторонам его качаются сиденья-корзинки, которым все равно, взлетать или опускаться, главное — чтобы ось оставалась неподвижной.

Но женщина ли?.. Только ли она одна? В предисловии писатель рассказывает, почему занят этим странным делом, складыванием и записыванием слов.

«Человек, любой человек, с момента своего рождения приговорен к смерти. Люди стараются не думать об этом, иначе не было бы сил на жизнь. Но писатель обречен помнить это и думать об этом. Он, едва ли не единственный из всех людей, сознает, что живет под этим дамокловым мечом природы. Он человек, он не святой, который пытается преодолеть страх смерти верой. И его задача, по мере его сил, насколько это возможно сохранить образ окружающего мира со всеми противоречиями и ужасами, добром и злодейством, хаосом женских и мужских судеб, калейдоскопом общественных отношений, меняющимся от эпохи к эпохе. Это тоже способ преодоления смерти. Если писатель сумел хоть немного продвинуться в этом направлении, значит, он состоялся как писатель».

То есть две оси, а не одна. Женщина, дающая жизнь всем. И литература, тоже жизнедающее начало — тем, кто выбирает для себя судьбу читателя.

Любой автор, да и вообще любой художник, конечно же, эгоцентрик, и это норма: из чего еще творить мир, как не из себя самого? Больше средств нет, их не существует. Но об этом почему-то не принято говорить. Хорошим тоном по-прежнему считаются некие скромные рассуждения о судьбах всего мира или, по крайней мере, некоторой ограниченной людской общности. Однако

где же тут скромность, разве человек видит *всю картину*, чтобы отваживаться на такую... *объективность*, на самом деле оборачивающуюся мировоззренческим произволом? Вместе с тем моральные оценки или акценты тут вообще ни при чем; сам для себя прозаик всего-навсего материал, не более и не менее. Владимир Кантор со своим читателем честен, как с самим собой: «Я писал только для себя, понимая, что если я точен в своих словах, дошел до некоего дна, то там, как говорил Лев Толстой, находится нечто, что присуще всем думающим людям. И они рады это общее найти».

Так и получается, что написанное о себе оказывается рассказом о нас и нашей стране, хотя посыл нарочито, подчеркнута интимен. Эту особенность уловил Константин Баршт, чей анализ повести «Нежить» был опубликован в журнале «Знамя» (2018, № 4): «Реальное, практическое соединение своей жизни с судьбой своей страны — это удается очень немногим, чаще всего на уровне мифа после ухода человека из нашего мира и, к сожалению, очень редко — при жизни. В этом заключена главная мысль автора. Герой Кантора говорит: "...проект "Россия", пока в ней не исчез дух, должен продолжаться"».

Проект «Россия» включает в себя, увы, и такие *направления*, как «Смерть пенсионера» — рассказ, нашумевший в момент публикации («Звезда», 2008, № 10) и вызвавший шквал откликов. В этой книге его нет, но есть множество других произведений, явно автобиографических и, кажется, столь же очевидно вымышленных, но все равно выглядящих документальным повествованием, в котором «художество» незаметно на первый взгляд. Но первый взгляд не обязательно глубок. Творческий метод Кантора-прозаика проявляется в умении «сцеплять мысли», расставлять акценты, неназойливо выявлять в индивидуальном не только типическое, но и общечеловеческое. В новелле «Не пускайте зло в свой дом», например, два отдельных фрагмента сцеплены так:

«Мы с ним не очень беседовали, он был человек военный, и мои гуманитарные интересы он уважал, но мои штудии были далеки от него. Сыновьям он ставил меня почему-то в пример. Но помочь я им не мог. Я был другой. А сам он, как я понимал, как мне говорил папа, был настоящий герой. Как все герои у нас с неустроенной бытовой жизнью. Как ни дико это прозвучит, эта жизнь и довела его до смерти. Впрочем, всех она туда доводит. Жизнь и вправду это путь к смерти.

Иногда этот пролог к смерти бывает очень небольшим. Хотя даже столетний пролог тоже не велик. Это чувствуешь, подходя к этому рубежу. А тогда, в мои тридцать лет, столетняя жизнь была для меня сродни вечности. Но почему-то, думал я, одни семьи быстро сгорают, другие длятся очень долго. Где причина разрушения?»

Вопрос в том, что такое жизнь, смерть и бессмертие и как они на самом деле взаимодействуют. Об этом догадываются верующие; но есть еще один способ по-

нять, что в обреченности скрыта надежда, — это искусство. Создать его, стать автором, или пропустить через себя, прочитав, пройдя вместе с героем коллизии и перипетии, и остаться собой, но уже «собой-плюс», ибо хорошая книга всегда работает на прибавление нашей личности.

Человек возрастает внутри себя и исключительно там. Никакой социум, никакие внешние воздействия не могут обеспечить роста; ты или даешь экзистенциальное добро самому себе, или закрываешь эту возможность. Собственно, об этом вся книга, да и любое произведение Кантора. Сам он, философ, исследователь русской мысли, говорит, что проза для него первична, а наука, при всей ее важности, на втором месте. Однако вряд ли такое возможно: человеческое сознание едино, и писательский метод — сцепление сюжетов и мыслей, постоянное сопоставление — одновременно и исследовательский. И корень здесь один: ты сам, твой внутренний потенциал, открытый, задействованный — или отставленный, оставленный на потом, на когда-нибудь, на волшебное русское «завтра», которое, как известно, не наступает никогда.

Писатель рождается из чтения, и недаром где Кантор, там обязательно Пушкин и Чаадаев: он тащит их с собой в любой проект, в любую статью и книгу. Не их одних, но их — обязательно. Чтение же — как, возможно, и писательство — это процесс *детский*; ни читатель, ни писатель никогда не вырастают в том смысле, что всегда открыты миру настолько, насколько позволяют границы личности, и никогда не утрачивают доверия к миру в том смысле, в котором, даже разочарованный во всем, ты продолжаешь вбрасывать вовне смыслы, сотканные твоим воображением. Важно лишь помнить, что чтение — синоним свободы и что буквы на бумаге дают столько же, сколько облака на небе или древесный шум. Не общество, куда нас так рьяно загоняют, от которого с ранних лет мы вынуждены уходить не в целях самосохранения — но от желания сохранить себя (от перестановки слагаемых смысл меняется кардинально). Не способность передвигаться по миру. Момент ухода — оставления себя присутствует в «Задумчивом тигренке. Сказке Тиллю»:

«Так и случилось. Тилль по-прежнему ходил в школу, где он много занимался гимнастикой, математикой и чтением. Но любил он читать то, что сам выбрал. Он признался деду, что самое счастливое для него время, когда он может бродить по библиотеке, доставать книгу, листать ее, ставить на место и брать другую. “Значит, у тебя много миров, куда ты можешь уходить”, — сказал дед. Но Тилль все же предпочитал джунгли».

Кажется, Владимир Кантор и сам предпочитает если не джунгли — все-таки это очень русская проза, иной ландшафт, — то лес: человеческих судеб, идей, чувств, побуждений, мотивов, необъяснимых порывов.

Вера Калмыкова

ОБ АВТОРАХ

1. Баршт Константин Абрекович — д. филол. н., Институт русской литературы РАН.
2. Бершин Ефим Львович — поэт, член Союза писателей и член Исполкома Русского ПЕН-центра.
3. Блинникова Полина Александровна — студентка Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.
4. Волохова Юлия Альбертовна — аспирант Учебно-научного центра изучения религий РГГУ, секретарь образовательного проекта «Лаборатория ненужных вещей» при Независимом московском университете (НМУ).
5. Вяземцева Анна Геннадиевна — Ph. D. истории архитектуры, кандидат искусствоведения. Университет Рим-3, отделение гуманитарных наук, преподаватель. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, старший научный сотрудник.
6. Гиринский Александр Андреевич — аспирант Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ. Преподаватель и методист Лицея НИУ ВШЭ.
7. Доронина Анна Александровна — аспирантка Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.
8. Ильин Иван Юрьевич — аспирант Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.
9. Калмыкова Вера Владимировна — к. филол. н., член Союза писателей города Москвы, шеф-редактор журнала «Философические письма: Русско-европейский диалог».
10. Кантор Владимир Карлович — д. филос. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог», член Союза российских писателей, член Общественного совета Фонда Достоевского, Москва.
11. Киселева Мария Владимировна — к. филол. н., филолог-германист. Писатель. Публиковалась в журналах «Я и Все» (2001, роман «Разные миры»), «Зарубежные записки», «Литературная учеба», «Слово\Word». Автор книги рассказов «Улица без фонаря» (М.: Летний сад, 2009). Член Союза российских писателей. Учитель русского и немецкого языков в Гимназии им. Ж.-П. Сартра (Берлин).

12. Клепикова Юлия Валериевна — аспирантка Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.
13. Корсаков Сергей Николаевич — д. филос. н., ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
14. Луцевич Людмила — д. филол. н., профессор кафедры литературоведения и культурологии факультета прикладной лингвистики, Варшавский университет.
15. Мартемьянов Кирилл Алексеевич — студент Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.
16. Мелихов Александр Мотелевич — писатель, философ, литературный критик, публицист. Кандидат физико-математических наук. Заместитель главного редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, датский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Лауреат множества премий, номинант премии «Русский Букер». Участник ряда социальных российско-европейских программ. Разрабатывает концепцию «человека фантазирующего», рассматривая историю человечества как историю зарождения, борьбы и распада коллективных грез.
17. Морозов Даниил Антонович — студент Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.
18. Павлов Илья Ильич — аспирант Школы философии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.
19. Позднякова Ксения Алексеевна — переводчик с французского (окончила Литературный институт имени А. М. Горького, мастерскую художественного перевода с французского языка, мастер курса — А. М. Ревич). Журналист. С 2011 г. работала в газете «Культура», в 2017–2019 гг. занимала должность заместителя главного редактора. Сотрудничает с журналами «Дружба народов», «Музыкальная жизнь», порталом «Кино-Театр.ру», арт-блогом Score. Работает в Комитете по культуре Государственной Думы, помощник депутата.
20. Федоров Петр Рафаэлевич — журналист-международник, телеведущий, руководитель Русской службы «Euronews» в 2001–2009 гг. Глава Дирекции международных отношений ВГТРК.